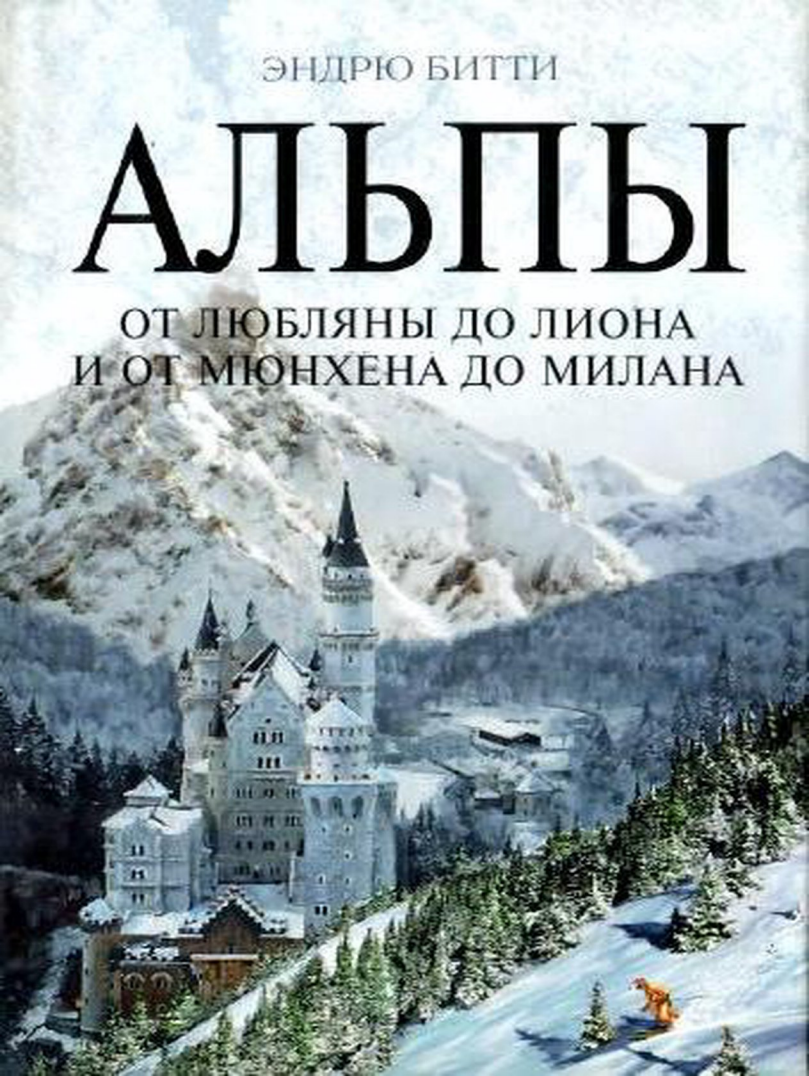
ЭНДРЮ БИТТИ

АЛЬПЫ

ОТ ЛЮБЛЯНЫ ДО ЛИОНА И ОТ МЮНХЕНА ДО МИЛАНА

Альпы. От Любляны до Лиона и от Мюнхена до Милана

Эндрю Битти

Аннотация
Эндрю Битти. Альпы. От Любляны до Лиона и от Мюнхена до Милана
Предисловие
Введение. Вид с горы Юнгфрау
Часть первая. Ландшафт
Часть вторая. История
Часть третья. Образы
Часть четвертая. Туристы
Библиография и книги для дальнейшего чтения

Аннотация

Альпы — уникальная горная система, которая протянулась через территорию шести европейских стран — Словении, Австрии, Германии, Швейцарии, Италии и Франции. Вершины Альп — Монблан, Айгер, Юнгфрау и другие — всегда притягивали к себе восходителей. Альпы также — не только тысячи пиков, долин и озер, но и многочисленные города, сыгравшие заметную историческую роль, например Гренобль, Люцерн и Инсбрук. На протяжении веков за эти горы сражались империи, их восхваляли поэты, исследовали ученые, ими любовались туристы. Альпы — намного больше, чем просто горы, в чем убедится каждый, прочитав эту книгу.

В книге предпринята попытка охватить географию, историю и культуру этого региона и взглянуть на него глазами геологов, ботаников, поэтов, прозаиков, композиторов, военных стратегов и тех, кто там живет.

Эндрю Битти
Альпы. От Любляны до Лиона и от Мюнхена до Милана

© Перевод. *Т. Велимеева*, 2008
© Фотографии. *Э.Битти, О. Королевой*, 2008

Предисловие

В 1922 году альпинист Фрэнсис Сидни Смайт совершил поездку через Францию к Альпам и был до глубины души потрясен, впервые увидев эти горы из окна железнодорожного вагона, с грохотом катившегося через Юру: «Когда поезд... начал свой стремительный спуск в швейцарские долины, я увидел Альпы... меня охватило глубочайшее волнение, то чувство изумления, какое снисходит на человеческое существо раз или два в жизни, — писал он позже. — Поистине счастливы те, кому повезло увидеть горы в раннем возрасте, и удивительны их приключения».

И в самом деле, для удивительных приключений Альпы открывают поразительные перспективы, и эта книга ставит своей целью помочь путешественникам, отправляющимся в горы, — кем бы они ни были: любителями пеших прогулок, горнолыжниками, альпинистами или просто выехавшими на экскурсию горожанами, — и дать им представление о том, что они увидят, в определенном историческом и культурном контексте. Книга, в которой предпринята попытка

охватить географию, историю и культуру этого региона, не говоря уже о том, какое впечатление произвел этот горный хребет на писателей и художников, черпавших вдохновение в его ландшафтах, ставит перед собой весьма амбициозную задачу: протянувшиеся широкой дугой через Европу, от Ниццы до Вены, Альпы — не только тысячи пиков, долин и озер, но и многочисленные города, сыгравшие заметную историческую роль, например Гренобль, Люцерн и Инсбрук. На протяжении веков за эти горы сражались империи, их восхваляли поэты, исследовали ученые, ими любовались туристы, — благодаря чему у автора книги, подобной этой, не будет недостатка в материалах для работы (скорее, налицо проблема их отбора); но, что бы в конечном счете ни вошло в подобное культурное исследование, над фактами истории, научными исследованиями и мемуарами всегда будет возвышаться одно — сам горный ландшафт, чья красота никогда не поблекнет, как бы ни были популярны другие горы: «Макалу оставляет не поддающиеся описанию впечатления, — писал альпинист Джордж Мэллори, — но в целом Гималаи разочаровывают, и по сравнению с Альпами они бесконечно менее красивы».

Итак, нижеследующее вовсе не претендует на то, чтобы быть традиционным путеводителем по горам; скорее, цель книги — проследить через века культурную историю этого ландшафта и взглянуть на него глазами геологов, ботаников, поэтов, прозаиков, композиторов, военных стратегов и тех, кто там живет. И чтобы приступить к этой труднейшей задаче — если вам угодно, дать общее представление, — лучше всего, вероятно, начать откуда-нибудь повыше.

Благодарности

Благодарю Элейн Гэллоуэй за то, что она затащила меня в ратушу Катфорда на «Звуки музыки сингалонга»; Бена Полларда и Питера Чешира, составивших мне компанию в Мюнхене и Нойшванштайне; Тима Пеппера и Лин Стоун — за Тичино; и мою семью, сопровождавшую меня в Вербье. Также спасибо Кийту Майлзу и его супруге Славе из Британско-словенского общества за то, что они поделились со мной своей увлеченностью, повестями о Кекече и Юлийскими Альпами.

Введение. Вид с горы Юнгфрау

Потребуется сорок минут, чтобы добраться сюда по туннелю: неспешное, тряское путешествие во мраке, по железнодорожной ветке, пронизывающей одну из самых известных гор в мире. Зубчатые колеса под вагонами стонут и скрежещут, медленно втаскивая состав вверх по крутому склону. На вершине пассажиры покидают станционные здания чуточку ошеломленными, вдыхая кристально-чистый воздух и щурясь от слепящего альпийского солнца; некоторые даже начинают испытывать первые симптомы горной болезни. Когда пассажиры приходят в себя, то осознают, что поезд высадил их в месте, являющемся чем-то вроде альпийского Диснейленда. Здесь сочатся влагой ледяные скульптуры, через густо усыпанные снегом просторы проложены лыжни, люди катаются на санях, запряженных слюнявыми ездовыми собаками, высокоскоростные лифты возносятся внутри утеса на смотровую башню с названием «Сфинкс», здесь есть индийский ресторан и даже почтовая контора; объявления на множестве

языков убедительно просят не ходить слишком быстро, чтобы не мучаться от одышки, а бригады предупредительных медиков внимательно смотрят по сторонам, чтобы помочь любому, кто испытывает неудобство от пребывания на высоте 3500 метров над уровнем моря. Место, куда прибыли пассажиры поезда, и есть Юнгфрауйох — обрывистый хребет, который проходит между двумя огромными горами, и именно здесь находится самая высокая в мире железнодорожная станция — «Макушка Европы», как она называется на рекламных плакатах.

Неудивительно, что панорама, предстающая с «Макушки», производит глубокое впечатление. С террасы над зданиями станции открывается вид на сверкающие снегом альпийские пустоши, чья белизна в солнечных лучах ослепляет, простирается вдаль, вплоть до Вогезов и Юры — низких, фиолетовых и подернутых дымкой у горизонта; рядом справа высятся потрясающие пики — Айгер (3970 м), Менх (4099 м) и Юнгфрау (4158 м), серо-зловещие и обычно затянутые густой пеленой находящихся в вечном кружении облаков и тумана. Туннель железнодорожной ветки Юнгфрауйох проложен в толще Айгера и проходит за его печально знаменитой предательской се-

верной стеной, восхождение на которую долгое время считалось одной из самых сложных задач среди альпинистов. Название горы в переводе означает «огр» — сказочный великан-людоед — и намекает на ту роль, какую чудовища, бесы и кобольды долгое время играли в фольклоре Альп. Ниже смотровых площадок Юнгфрауйох, вдоль широкой каменистой расщелины, которую он сам же и пропахал, протянулся к долине Роны Алечский ледник, самый длинный в Европе; в ледниковый период сотни ледников наподобие Алечского покрывали Альпы, прорезая глубокие долины и образуя вытянутые длинные озера, нередко поразительно красивые. С другой стороны тысячами метров ниже смотровых площадок, зеленеют луга долины Лаутербруннен, откуда отправляются поезда на Юнгфрауйох. Поля испещрены пятнышками домов, которые кажутся размером с булавочную головку; когда-то эти деревеньки входили в самые отдаленные сельскохозяйственные коммуны, но ныне населенные пункты у подножия Юнгфрау, такие как Венген и Гриндельвальд, получают доходы за счет туристов, толпы которых стекаются сюда вот уже более столетия.

Потрясающим видом на деревни и фермы, на

пики и ледники, на глубокие долины и далекие горы, видом, который открывается со смотровой площадки Юнгфрауйох, каждый год наслаждаются два миллиона человек; они приезжают сюда из Интерлакена, оздоровительного курорта меж двух озер, чтобы самим прочувствовать эту вечно ледяную пустыню. Даже в случае облачной погоды мало кто возвращается разочарованным; достаточно и испытанного чувства полнейшего восторга от того, что вознесен над окружающим миром на громадную высоту, где царят холод, снег и пронизывающие ветры, что оказался в месте столь опасном и столь отдаленном — и столь знаменитом.

Но значение Юнгфрауйох не ограничивается лишь великолепием ее расположения, а намного его превосходит. С террас снаружи станции можно наблюдать те многие силы, природные и человеческие, которые столько времени формировали ландшафт и культуру Альп: ледники, прорезавшие озера и долины и сточившие горные склоны до остроконечных пиков, таких как Айгер; крутые склоны и суровые погодные условия, превращающие восхождение на горы в трудновыполнимую задачу; отдаленные селения, чьи жители на протяжении веков жили в страхе

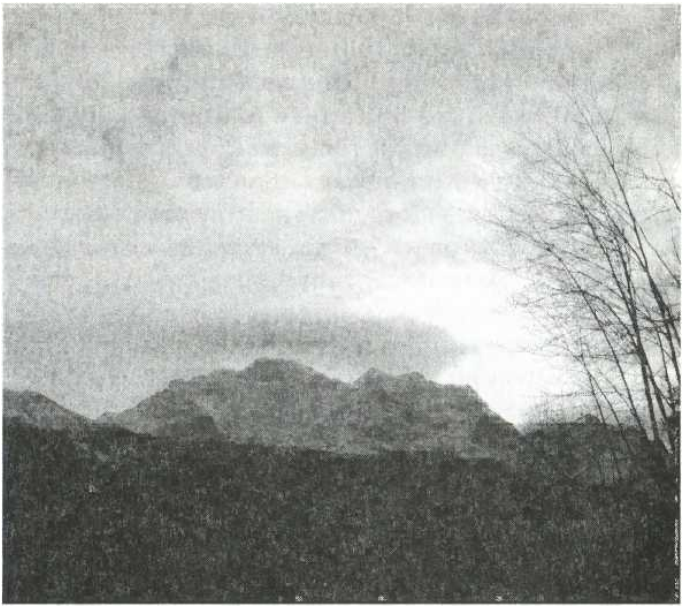
перед чудовищами и драконами, обитавшими среди пиков, а потом превратили горы в источник дохода, когда в этом районе появились первые туристы; горные кручи и обрывы, подтолкнувшие инженеров к столь оригинальным решениям при строительстве первых железных дорог; парк «Альпийская страна чудес» с собачьими нартами и ледяными пещерами, который подкрепляет репутацию Альп как одного из крупнейших в мире туристических центров; и в высшей степени великолепный пейзаж, который своей красотой привлекает полчища писателей, художников, кинематографистов и композиторов. Именно поездка в 1816 году поэтов Шелли и Байрона на Женевское озеро и в Шамони послужила тем снежком, который породил лавину альпийского туризма. «Безмерность [гор] поражает воображение, — писал после этого путешествия Шелли, — и до сих пор превосходит все, что возможно себе представить, поэтому требуется напрячь воображение, чтобы поверить, что они действительно являются частью Земли». После Шелли здесь побывали, в частности, такие писатели, как Чарльз Диккенс, Марк Твен, Роберт Луис Стивенсон, сэр Артур Конан Дойл, Поль Теру, Томас Манн, Жан-Жак Руссо, Генри Джеймс и Эрнест Хемингуэй.

Список деятелей культуры, связанных с горами, не ограничивается писателями: Вагнер и Малер приезжали сюда сочинять музыку, Тернер и Рескин — рисовать, Лени Рифеншталь и Дэвид Лин — снимать фильмы, а Фредди Меркьюри и «Дип пепл» — записывать диски. В действительности культурная история этих гор столь же богата и разнообразна, как и виды, открывающиеся со смотровых площадок Юнгфрауйох, и почти столь же непроста, как северный склон самого Айгера.

Сейчас вполне уместно задаться вопросом о точных границах региона, охватить который ставит своей целью эта книга. Хотя понятно, что Юнгфрауйох расположена в центре Альп, но периферия района в целом определена менее отчетливо; например, где Альпы превращаются в субальпийские предгорья? И заслуживают ли эти области того, чтобы включать их в книгу, претендующую на обзор местности, известной под названием «Альпы»? В некоторых местах отроги горных хребтов очевидны: над Кьяссо, самым южным городком в Швейцарии, возвышается на 1804 метра гора Дженероза, и если с вершины этого голого скалистого пика посмотреть в одну сторону, то взгляд устремляется в сердце Альп, а если в другую — то падает на плоские простран-

ства равнины реки По. Понятно, что Кьяссо — то место, где Альпы и начинаются и кончаются. В сотнях миль на северо-восток, в Баварии, замок Нойшванштайн стоит над грохочущей рекой, что стремительно вырывается из скалистого ущелья к невысоким и пологим, поросшим лесом холмам, обозначая одну из наиболее очевидных границ между горами и равниной. Но в других местах точно отделить горные хребты намного сложнее: к примеру, где пахнущие тимьяном известняковые холмы Прованса переходят в то, что большинство считает Альпами? Нельзя указать определенной разделительной границы: местность просто повышается, пока, если двигаться от Средиземного моря на север, не становится понятным, что область вокруг Бриансона или Гренобля соответствует понятию «альпийская», в то время как южнее — наоборот. С аналогичными проблемами мы сталкиваемся возле Женевского озера: его восточная часть, которую обступают пики высотой более двух тысяч метров, несомненно принадлежит альпийскому окружению, но если двигаться к западу, то прибрежный ландшафт сглаживается, и саму Женеву вообще-то уже нельзя рассматривать как альпийский город. К альпийским нельзя отнести и большое число

прочих городов, расположенных за пределами предгорий: Альпы хорошо видны из Мюнхена, Турина, Цюриха и Милана, но хотя горы высятся на кажущемся близким горизонте, на самом деле расстояние до них все же значительно. Другие города находятся в точности там, где кончаются горы: подобно Кьяссо или Нойшванштайну, Люцерн, Зальцбург, Бергамо и Лозанна одновременно обращены на соседние высокие горы и смотрят на местность более равнинную, едва-едва повышающуюся настолько, чтобы сформировать то, что заслуживает определения «предгорье».

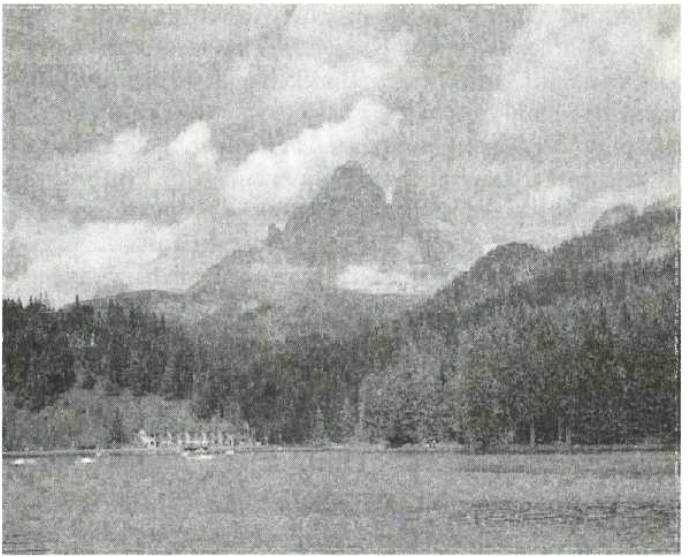

Вершина Юнгфрау. Вид со стороны Лаутербруннена.

Фото О. Королевой

Несмотря на подобные затруднения, предлагаемая книга ставит целью обозреть весь горный регион, который простирается от Гренобля и берегов Женевского озера на восток, вплоть до австрийских областей Каринтия и Штирия и

до Озерного края возле Зальцбурга. Доломиты входят в рассматриваемую зону, а возвышенности Прованса и холмы Нижней Австрии между Веной и Штирией — нет. Инсбрук, Гренобль, Люцерн и Лозанна относятся к числу альпийских городов, но Женева, Цюрих, Мюнхен и Турин, как выходящие за пределы этой зоны, таковыми не считаются. На северо-востоке отроги Альп протягиваются в южную Германию, а юго-восточную часть региона захватывает уголок Словении; но самые главные и наиболее значимые области Альп расположены на территории четырех стран — Швейцарии, Франции, Италии и Австрии. Самая высокая часть гор, массив Монблан и Бернский Оберланд, лежит на западе, и, если двигаться на восток вдоль горного хребта, то, минуя Маттерхорн, мы попадаем в австрийский Тироль, где вершины постепенно становятся ниже и производят менее яркое впечатление, хотя ландшафт и культура по-прежнему остаются неизменно «альпийскими». Но речь в книге идет и о местах, находящихся в стороне от самых высоких частей горной гряды, и их выбор неизбежно субъективен: каким-то иным образом невозможно прийти к определению того, что есть Альпийский регион.

Двуглавая вершина в Доломитовых Альпах.
Фото О. Королевой

Каковы бы ни были подлинные границы этой области, Альпы благодаря своему расположению в центре Европы притягивали к себе весьма разных людей: Наполеон, Карл Великий, Юлий Цезарь и Адольф Гитлер — все эти исторические персонажи стремились сюда, чтобы стать свидетелями осуществления своих имперских амбиций. Следы здесь оставили также первопро-

ходцы в сфере туризма, научных исследований, зимних видов спорта и альпинизма, наряду с христианскими миссионерами, богатыми купцами, горнопромышленниками, инженерами-путейцами, не говоря уже о крестьянах, которые поколения за поколениями возделывали тяжелую почву Альп и разводили овец, коров и коз на пустынных склонах, спускающихся к таким поселениям, как Венген и Гриндельвальд. В разное время образ этой горной страны как в народном воображении, так и в представлениях интеллектуалов менялся: она была то обиталищем бесов и драконов, то раем для туристов, то полигоном для испытания человеческих сил и выносливости, то романтическим уголком дикой природы. В действительности Альпы, вероятно, говорят бесчисленными голосами, какие можно услышать на страницах этой книги, формируя целый спектр мнений и представлений об одной части земного шара, которую больше всего описывали, которую больше всего посещали и за которую больше всего воевали. И свою культурную сеть Альпы раскинули настолько широко, что, наверное, было бы разумным начать рассмотрение исторического наследия этих гор с совершенно другого конца Европы.

Часть первая. Ландшафт

О утесник Дитчлинг-Бикон,
От солнца золотишься весь.

Эти строки английский поэт Альфред Норман написал в 1917 году. Он описывал крутые холмы, которые высятся севернее Брайтона. Если взглянуть с их вершин в одну сторону, то можно увидеть Английский канал, а с другой стороны открывается вид на пестрое лоскутное одеяло лесов и полей, по которому рассыпаны крошечные деревни с домами из серого камня. Далее Норман описывает «плавные склоны Даунленда» и прогулки «в компании с жаворонком, / С морским ветром в друзьях». Данное им описание, пусть, наверное, и витиеватое, в точности отражает «английскость» этого суссекского пейзажа: в превосходный воскресный весенний день, когда солнечные лучи пробиваются сквозь прорехи в бегущих по небу облаках, накидывая на окрестности постоянно меняющийся узор мягкого света, на склонах появляются десятки людей. Кто сидит на невысоких каменных оградах, подальше от ветра, подняв воротники теплых пальто и при-

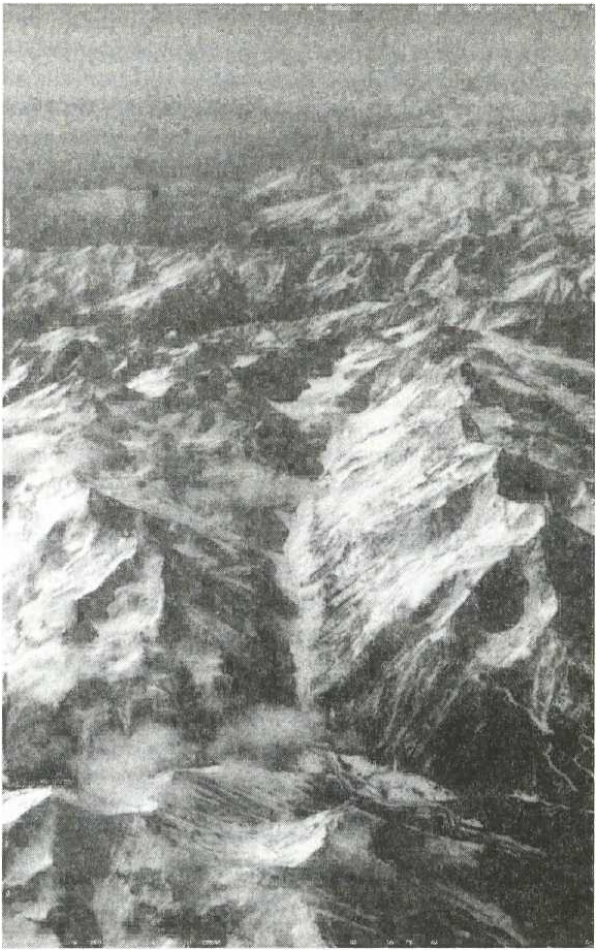
падая к термосам, извлеченным из багажников; кто, хрустя подошвами ботинок по известняку и песчанику, прогуливается по тропинкам, что протянулись вдоль гряды Южного Даунса, причем двухсотсорокавосьмиметровый холм Бикон — из числа самых высоких. Отсюда цепь холмов простирается на восток и на запад — голые травянистые вершины, на которых торчат редкие деревца, качающиеся и кланяющиеся под яростными порывами ветра, что порой обрушиваются на это незащищенное от стихии место.

Дитчлинг-Бикон принадлежит Национальному тресту[1]и был передан ему для использования в благотворительных целях в память о летчике-истребителе, сбитом неподалеку в годы Второй мировой войны в ходе «Битвы за Англию». (На одном из местных указателей можно прочитать: «Владельцы собак, благодарим вас за поведение ваших питомцев».) Однако, несмотря на всю английскость характерного пейзажа, существует его связь с Альпами, лежащими в пятистах милях южнее: несомненно, Альфред Норман

[1] Примечания: 1

Национальный трест — организация по охране исторических памятников, достопримечательностей и живописных мест Великобритании. Основана в 1895 г. и финансируется за счет частных пожертвований и небольших государственных ассигнований.

не знал об этом, как, по всей вероятности, не подозревают и многие из тех, кто по уикендам прохаживается меловыми тропинками холмов Даунса: Южный Даунс сформировали те же самые мощные тектонические процессы, которые вознесли альпийские хребты Центральной Европы около шестидесяти миллионов лет назад. Эти грандиозные силы породили геологическую рябь, распространившуюся на сотни миль, выгнувшую и смявшую земную твердь в гряды возвышенностей поскромнее, как, например, холмы южной Англии. Существование таких связей было установлено совсем недавно: когда над Южным Даунсом шла «Битва за Англию», любого геолога, рискнувшего предположить, что формирование этих холмов каким-то образом связано с образованием Альп, осмеяли бы коллеги по лаборатории.

«Головоломные скальные выверты»

Геолог Ричард Форти указывает, что Лохцайтен в долине Сернфа в центральной Швейцарии дает ключ к пониманию сил, создавших Альпы. «На этой части земной поверхности все перемешано и перевернуто вверх тормашками, — писал он в книге «Земля: сокровенная история». — Там громадные плиты скальной породы могут быть перекособочены, как смявшиеся при подбрасывании на сковороде блины, и там же высокие горы, чьи кручи бросают вызов самым опытным альпинистам, могут оказаться не более чем верхушкой, гребнем гигантской геологической складки. В этом месте природа не отказала себе в удовольствии перелопатить геологические пласты с таким размахом, что создала головоломные скальные выверты, ставшие сущим мучением для умов ученых». В этом месте, по утверждению Форти, находится «одно из святилищ геологической науки».

Эти «головоломные скальные выверты», настолько озадачившие ученых, представляют собой изгибы пластов земной поверхности столь мощные, что целые участки скал сминаются и складываются слоями. В Лохцайтене темная,

серого цвета сланцеватая порода, известная как флиш, — ее образуют слои отложений морского дна, которые с тех пор затвердели и уплотнились, — лежит под породой, известной под названием «веррукано». Та состоит из гальки, приобретшей вытянутую или удлиненную форму из-за воздействия на нее сильного давления и высокой температуры, а такие условия существуют только в глубинах земной коры. Когда-то флиш добывали неподалеку, возле Энги, отправляя затем на плотах вниз по Рейну до самого Роттердама. В XIX веке швейцарский палеонтолог Луи Агассис побывал в каменоломнях у Энги и обнаружил во флише окаменелости живых существ, которых он никогда раньше не встречал. Он решил, что открыл какие-то новые виды, неизвестные в то время науке. Но Агассис ошибался. Это были окаменелости хорошо знакомых видов морских рыб, только претерпевшие деформацию, искаженные почти до полной неузнаваемости последующим движением породы, в которой те оказались погребены.

Лохцайтен ставит две геологические загадки: во-первых, как порода, имеющая возраст более двухсот пятидесяти миллионов лет (веррукано), оказалась поверх породы (флиш), которая насчи-

тывает всего лишь двадцать восемь миллионов лет; и, во-вторых, почему окаменелые остатки морских животных обнаружены в породе так далеко от моря и вдобавок вознесены на столь большую высоту?

До XX столетия никто не осмеливался предполагать, что появление горных хребтов может быть результатом грандиозных, охватывающих целые континенты движений земной коры. До того существовало множество разнообразных идей о возникновении гор. (Древние греки считали, что их вознесли из земных глубин мифические титаны.) Одним из первых, кто задумался над этим вопросом и оказал влияние на дальнейшее его изучение, был англиканский священник и философ Томас Бернет. Оставив свой кембриджский колледж и отправившись в десятилетний отпуск, Бернет в качестве компаньона сопровождал молодых аристократов, предпринимавших путешествие в Италию для ознакомления со знаменитыми античными развалинами. В числе таких молодых людей был граф Уилтшир, с которым Бернет в августе 1672 года преодолел перевал Симплон. Как и все мыслители XVII века, Бернет хорошо знал общепринятое мнение об Альпах: считалось, что горы опасны и не могут вызывать

ничего иного, кроме отвращения, они являются препятствием при путешествии на юг и отдельного рассмотрения недостойны. Но в верхней точке Симплонского перевала Бернет отметил для себя нечто необычное: он обнаружил, что горы красивы. «Есть в них нечто величественное, что рождает благородные мысли и пробуждает в душе возвышенные чувства, — писал он позже. — Они наполняют разум и одолевают его своей чрезмерностью и ввергают в приятное состояние оцепенения, раскрывая воображение». Благодаря интересу, проявленному Бернетом к возможным причинам образования гор, появилась книга «Священная теория Земли», в которой было немало непривычных и волнующих своей новизной представлений; написанная на латыни, впервые она была опубликована в 1681 году в количестве всего двадцати пяти экземпляров.

Десять лет спустя «Священная теория Земли» появилась на английском и привлекла к себе широкое внимание. Сам Бернет считал, что он «чересчур любопытен к деяниям Бога», и утверждал, что многие суждения относительно геологии до сих пор были неверными. В то время верили, что мир существует шесть тысяч лет (в 1650 году Джеймс Асшер, архиепископ ирланд-

ской Армы, определил точный момент творения — 9 часов утра в понедельник, 26 октября 4004 года до Рождества Христова) и что созданная тогда Земля с тех пор не менялась; тем не менее Бернет определил два вытекающих из этого противоречия — во-первых, в библейском рассказе о творении отсутствует упоминание о горах, а во-вторых, Всемирный потоп никогда не смог бы покрыть самые высокие горы в мире, даже если бы дождь лил не переставая сорок дней. Так что «Священная теория Земли» предлагала радикальные ответы на эти вопросы: Земля, как постулировал Бернет, была сотворена ровной и гладкой, без всяких холмов или гор; «мировое яйцо», как он ее называл, «не имеющее ни царапины, ни трещинки на всей своей поверхности, никаких скал или гор, никаких пещер или пустот». Все реки текли от полюсов к тропикам, где испарялись; а Земля обращалась таким образом, чтобы в райском саду царила вечная весна. В центре Земли находилась вода, на которой плавала земная твердь. Как утверждал Бернет, со временем солнце высушило кору и та начала трескаться и разламываться, и в образовавшиеся трещины устремились воды Всемирного потопа. Это катастрофическое событие привело к тому,

что земная кора раскололась и изогнулась складками, и в конце концов вода отступила, оставив после себя хаос: «мир, лежащий в обломках... в диком беспорядке, с наваленными в огромные и бесформенные груды камнями... развалины разбитого мира».

Так что Альпы, через которые в 1672 году перебрался вместе со своим юным подопечным Бернет, были, как и все прочие горы, тем, что осталось после потопа: осколками суши, захваченными необъятными водоворотами и нагроможденными Всемирным потопом друг на друга. Именно поэтому о горах не упоминается в Книге Бытие. Горы не были частью замысла Господа. Они были частью Его кары.

Интеллектуалы той эпохи разошлись во мнениях относительно теорий Бернета. Его идеи очень хорошо приняли на страницах журнала «Спектейтор», и Сэмюэл Тейлор Кольридж подумывал переложить «Священную теорию Земли» белым стихом в эпическую поэму. Но другие пришли в ужас: Бернет лишился должности в кембриджском Крайст-колледже, и с его карьерой высокопоставленного священнослужителя было покончено. Тем не менее его книга стала, по меньшей мере, снежным комом, породившим сход

лавины: было высказано предположение, что горы имеют геологическое прошлое, отличное от прошлого остальной земной поверхности; короче говоря, Бернет впервые выдвинул представление о причине, по которой горы существуют там, где они есть.

Позже, отталкиваясь от идей, сформировавших суть книги Бернета, ученые начали строить и развивать новые теории. Французский естествоиспытатель Жорж Бюффон (1707— 1788) предположил в «Естественной истории», что каждый день творения на самом деле представлял собой целую эпоху; сложив их, он определил возраст Земли в 75 000 лет. В 1770-х годах швейцарский горовосходитель и ученый Орас-Бенедикт де Соссюр писал, что горы являются результатом своего рода подземного взрыва — еще один четко выраженный шаг в правильном направлении. В «Теории Земли», опубликованной между 1785 и 1799 годами, шотландский геолог Джеймс Геттон принял следующий постулат: тот ландшафт, какой мы видим, является лишь моментальным снимком в непрерывной череде циклов — прибегая к современной метафоре, это отдельно взятый кадр из рулона кинопленки. Горы не являются чем-то неизменным, утверждал Геттон; они

поднимаются под действием непонятых сил и истачиваются выветриванием; морские раковины, которые обнаруживают на горных вершинах в толще скальных пород, не принесены туда Всемирным потопом, они оказались там потому, что горные вершины некогда были морским дном. Высказанные Геттоном идеи в дальнейшем получили развитие у другого шотландского ученого, Чарльза Лайела, чей труд «Основы геологии» (1830-1833) был столь же революционен и знаменит, что и «Происхождение видов»; в действительности Дарвин, отплывая в 1831 году на «Бигле», взял с собой экземпляр книги Лайела, и эта работа, по сути, определяла развитие геологии как науки до самого конца XIX века.

Вскоре после публикации главного труда Лайела два швейцарских геолога, Арнольд Эшер и Альберт Гейм, приступили к подробному изучению горных пород в своей родной стране, стремясь найти геологический Святой Грааль, который пролил бы свет на образование Альп. «Никто этому не поверил бы... меня бы упрятали в психиатрическую лечебницу», — писал позже Эшер, подвергая сомнению свою радикальную идею о том, что здесь произошло некое грандиозное геологическое сжатие, породившее

складчатость и продольные изгибы, которые он (а до него такие исследователи, как Агассис) наблюдали в местах наподобие Лохцайтена. Ученик Эшера Альберт Гейм, автор трехтомного трактата «Геология Швейцарии», создавал макеты Альп, отличавшиеся поразительной детальностью — на макушке башенных часов даже сидели воробьи размером с булавочную головку. Гейм использовал макеты в качестве наглядных пособий для своих студентов, и они дожили до наших дней и хранятся на его старой университетской кафедре в Цюрихе. Гейм поддерживал идею Эшера о том, что своим возникновением Альпы обязаны колоссальным геологическим силам сжатия и складкообразования. Но, хотя со времен Бернета наука ушла далеко, а Гейм и Эшер были правы в своих утверждениях, что Альпы действительно представляют собой громадную геологическую складку, точное объяснение причин горообразования оставалось по-прежнему столь же зыбким, как и раньше.

«Скверно приготовленная лазанья, смятая при запекании»

Прорыв случился в 1915 году, и истоки его — самые невероятные. Немецкий метеоролог

Альфред Вегенер заинтересовался геологией и в своей книге «Происхождение континентов и океанов» предположил, что материки каким-то образом движутся и что это движение масс суши Земли ответственно за такие явления, как горы и океанские бассейны. На первых порах идеи Вегенера научное сообщество отвергло как вздорные, и Вегенер вернулся к изучению погоды и в конце концов погиб в 1930 году, замерзнув во время снежной бури в Гренландии. Однако по прошествии пятидесяти лет теорию дрейфа материков стали мало-помалу принимать, а в 1960-х годах она получила подтверждение — геологи открыли, что на океанском дне посреди Атлантики непрерывно происходит образование новой земной коры. Это послужило доказательством того, что тектонические плиты, на которые разделена земная кора, находятся в постоянном движении — как и предполагал Вегенер. В конце концов было признано, что Альпы сформировались в результате столкновения двух таких плит, Африканской и Евразийской; сойдясь вместе, эти две гигантские тектонические структуры заставили подняться горы, превратив Альпы в часть обширного горного хребта, протянувшегося от Марокко до Турции и включающего целые горные цепи,

такие как Пиренеи, Центральный Французский массив, Татры в Словакии и Атлас в Марокко.

Именно там Южный Даунс и прочие европейские возвышенности (например, Юра) выравниваются: они — следы тектонической «ряби», распространившейся от главного центра столкновения в Альпийском регионе. И эти процессы продолжаются до сих пор: формирование Альп началось 65 миллионов лет назад, и горы по-прежнему поднимаются; в геологическом смысле они еще младенцы, намного моложе, чем древние горы, такие как величественное шотландское Северное нагорье или Аппалачи, которые когда-то высотой не уступали Альпам, но подверглись эрозии и в настоящее время почти сошли на нет под воздействием ветров, дождей и льда — та же судьба ожидает со временем и Альпы.

Если обратиться к теории тектонических плит Вегенера, то сложная история формирования Альп начинает проясняться. Около шестисот миллионов лет назад климат этого района был жарким и влажным, холмистую местность покрывали обширные субтропические болота и буйные леса; деревья, некогда росшие на этих болотах, ныне образуют угольные пласты, которые разрабатываются в таких местах, как Ла-Мюр и

Бриансон во Французских Альпах (в Люцерне в XIX веке уголь добывали даже в шахте рядом с собором). Быстро пролетели триста пятьдесят миллионов лет, и район превратился в обширное мелководное море, на дно которого осаждались слои песка и глины, образуя песчаник и глинистые сланцы дня сегодняшнего. Известняк, образованный из скелетов крошечных тропических морских созданий, тоже отложился в ту эпоху. Эта горная порода формирует Доломиты в Северной Италии — свое название они получили в честь французского геолога Доломье, который впервые определил уникальный характер богатых магнием Доломитовых Альп; она же формирует обширные известняковые плато Французских Альп, в том числе Веркор и Шартрез возле Гренобля и плато области Верхний Прованс далее к югу. Эти плоскогорья рассекают обрывистые ущелья, наподобие Гран-Каньон-дю-Вердон в Верхнем Провансе, который пробила река Вердон, а под землей, под этими плато, на сотни километров протянулись извивы подземных пещер, таких как Грот-де-Шоранс в Веркоре, изобилующих впечатляющими наростами сталагмитов и сталактитов.

Затем, примерно тогда же, когда вымерли дино-

завры, столкнулись Евразийская и Африканская плиты и началось сжатие и складкообразование. Бывшее морское дно предшествующей эры поднялось, а затем сминалось и скручивалось, точно какие-то гигантские геологические «американские горки», забросив окаменелости морских животных и растений на некоторые из самых высоких пиков. Помимо Лохцайтена, где в такое замешательство привели Луи Агассиса увиденные им во флише окаменелости, последствия этих событий можно встретить во многих уголках Альп. Возле Тренто в Доломитах имеются любопытные скальные образования, известные под названием Пале-ди-Сан-Мартино: они сложены из особенной светлой горной породы, которая некогда была коралловым рифом тропического океана. Возле Диня, на самом юге Французских Альп, внимание привлекает ландшафт в виде веера, так называемый Велодром, который возник в результате сдавливания и изгибания слоев песчаника в совершенный полукруг; на отдельных участках в песчанике можно увидеть окаменевшие отпечатки лапок птиц, которые некогда гуляли по влажному песку бывшего тропического пляжа, а в расположенном неподалеку музее можно полюбоваться на ископаемого ихтиозавра

— похожую на рыбу рептилию почти пяти метров в длину. На вершине перевала Сан-Бернардино (2066 м) в Швейцарии, рядом с ведущей через перевал дорогой, выходит на поверхность обнажение серой слоистой породы, известной как гнейс, — в прошлом она была погребена на сотни километров в глубины земной коры. В деревне Пьянаццо, расположенной в глубокой долине над Беллинцоной в швейцарском кантоне Тичино, у южных отрогов горного хребта, на дне скалистой расщелины протекает маленькая речка, отмечающая точное место, где встречаются Евразийская и Африканская плиты.

Согласно Ричарду Форти, линия геологического сдвига, вдоль которой протекает река, указывает на «щель, что разделяет эти завалы тектонических спагетти, которые протянулись на север на сотни километров». От центра Пьянаццо, который состоит всего из нескольких домов, вытянувшихся вдоль дороги, крутая тропа спускается через лесной массив, наполненный стрекотанием цикад и обильным запахом конских каштанов, к однопролетному пешеходному мосту, что пересекает речку Моббио и, таким образом, в некотором смысле соединяет Европу и Африку. Волнистые скалы, про-

тянувшиеся отсюда на север на сотни миль и формирующие сердце Альп, являются, по словам Форти, «не более чем отчаянной попыткой земли вскарабкаться подальше от места вторжения неотвратимо надвигающегося гиганта [Африканского континента]... Вся Карпатская гряда выгибается в сторону от притеснителя». (Одна из наиболее известных гор Альп, Маттерхорн, представляет собой впечатляющий результат этого процесса: верхний сегмент на самом деле часть «Африки», которую вытолкнуло целиком поверх «Европы».) Далее Форти продолжает уподоблять процесс формирования Альп тому, как на скатерти образуются складки: «Если положить ладонь на скатерть и двинуть руку по столу вперед, то ткань начнет сминаться, возникают складки... Продолжайте двигать руку, и складки будут заваливаться, а самая задняя постепенно будет наползать на предыдущие, образуя напластование складок... Альпийские горы можно рассматривать как скверно приготовленную лазанью, с плохо уложенными слоями и смятую при запекании».

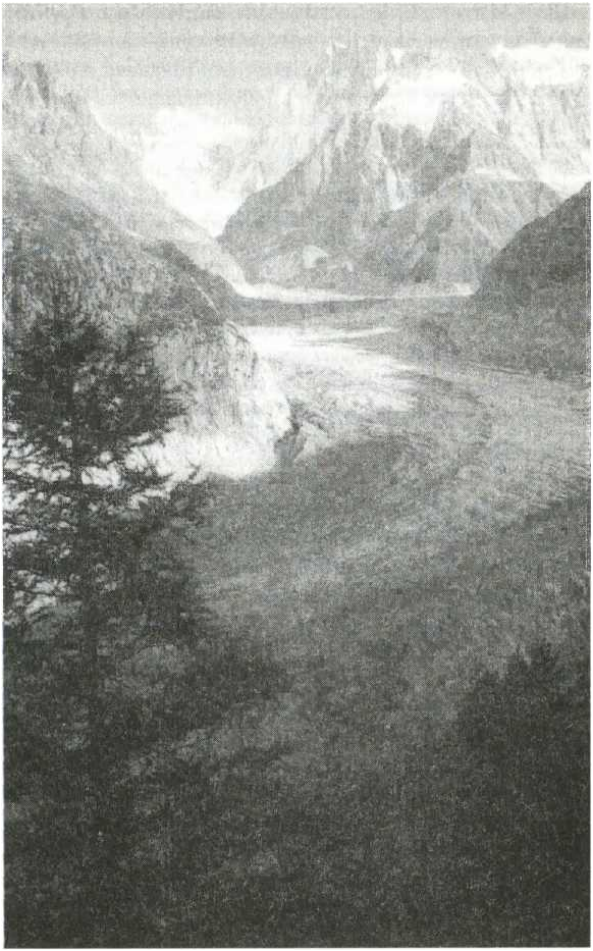
«Жуткий шум, который перепугал всю округу»

По мере того как Альпы поднимались, они подвергались выветриванию, стачивались под действием воды, ветра и — в особенности — движущегося льда. В прошлом в Альпах существовали громадные ледники, в десятки километров длиной, которые продолбили широкие, прямые, с крутыми склонами долины, как, например, долины Роны и Инна, и оставили после себя вытянутые, напоминающие палец озера, такие как Комо, Лаго Маджоре, Лугано, Женевское и Фирвальдштетское. Сейчас ледники отступили в более высокие части гор, но и уцелевшие по-прежнему огромны; наибольшее впечатление производит Алечский ледник, его начало можно видеть ниже Юнгфрауйох, а массивный ледяной поток извивается на двадцать три километра на юг в направлении долины Роны, где его можно видеть у Беттмеральпа возле Брига. В числе прочих ледников, издавна пользующихся популярностью как у туристов, так и у ученых, — Пастерце, чей исток расположен ниже Гроссглокнера, самой высокой горы Австрии; Ронский ледник, талые воды которого питают реку Рону; и череда каскадов ледяных потоков возле Шамони,

в сердце Французских Альп, включая ледник Аржантье и Мер-де-Глас.

В прошлом для ученых оставалось загадкой и то, как действовали ледники, и то, чем они по сути являются, и из-за окружающей их тайны эти ледяные потоки казались столь же притягательными и зловещими, как и высокие пики, в тени которых они рождались. Около трех столетий среди туристов и ученых был популярен ледник Мер-де-Глас, знаменитый благодаря своему эффектному волнообразному изгибу, образованному при спуске с массива Монблана в лесистую долину Арва, сразу к северу от Шамони. В 1741 году два англичанина, Уильям Уиндэм и Ричард Покок, совершавшие в том районе восхождение, побывали на леднике и рассказали об огромных расщелинах на ледяной поверхности, которые способны без труда поглотить искателей горного хрусталя и могут прекрасно сохранять их тела в ледяной гробнице на протяжении десятилетий. (Для Альп эти два путешественника были весьма эксцентричными особами: Покок только что вернулся из поездки по Египту и Палестине и однажды, отправляясь в горы, облачился в тюрбан, восточный халат и сандалии: неудивительно, что подобный наряд вызвал необычайный ин-

терес у местных пастухов.) Двадцать лет спустя де Соссюр так описывал словно бы покрытую рябью поверхность того же самого ледника: «море, неожиданно замерзшее, но не во время бури, а в тот миг, когда ветер стих, когда волны, хотя и высокие, успокоились и округлились». (Страстный любитель Альп Альберт Смит, который в 1850-х годах по всему Лондону показывал театрализованное представление о своем восхождении на Монблан, позволил себе не согласиться с Соссюром, когда в 1838 году посетил ледник. «Рассказ, что Мер-де-Глас напоминает неожиданно замерзшее море во время шторма, — полная ерунда, — писал Смит. — С Монтанвера он походит скорее на увеличенное в размерах вспаханное поле».) К 1785 году в Шамони было три гостиницы, которые принимали пятнадцать сотен туристов ежегодно; в числе сувениров в городке на продажу предлагали горшочки с местным медом и кристаллы, найденные местными крестьянами высоко в горах.

В 1779 году городок посетил немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте, который намеревался «ходить по самому льду и рассматривать эти глыбы вблизи». Взбираясь на Монтанвер, скалистое обнажение породы, которое господствует над Мер-де-Глас, он набрел на уединенный деревянный домик, известный как Шато-де-Фоли. Этот домик поставил англичанин по имени Блэр, устроив в ней личный винный погреб и бар для своих друзей. Всего через тридцать лет сюда приехал поэт Перси Шелли; вместе с женой Мэри он предпринял осторожную прогулку по ледяным пещерам, пробитым в толще ледника, а затем им рассказали, как два голландских туриста выстрелили в одной из пещер из пистолета и на них свалилась ледяная глыба. В том же веке, но позже, здесь побывал еще один писатель — Марк Твен в очерках «Пешком по Европе» писал, что стены туннеля «испускали густой мягкий голубой свет, производивший очень приятное впечатление», и что от ледяных стен исходило «нежное голубое сияние»[2].

По ту сторону границы, в Швейцарии, многие ледники производят впечатление не менее

[2] Примечания: 2

Здесь и далее цитаты из «Пешком по Европе: Книга путевых очерков» в переводе Е. Нелидовой, Е. Игнатьева.

сильное, чем Мер-де-Глас, — хотя ни один из них не обладает подобной известностью и к ним не так-то легко подобраться. В 1673 году некий англичанин по имени Мюральт опубликовал в «Философских трудах» Королевского общества письмо о леднике Гриндельвальд; приведенное им описание ледника, расположенного под Айгером, сопровождалось наброском, иллюстрирующим то, что он увидел. Он описывал, как ледник рос, «увеличиваясь в размерах, отчего происходил громкий треск. Там были большие впадины и пещеры… когда светило солнце, видны были различные цвета, словно бы через призму». Он также сообщал о «жутком шуме, который перепугал всю округу», когда в летнюю жару лед стал трескаться и коробиться, и продолжал далее описывать поверхность ледника, которая «не ровная и гладкая, но имеет глубокие провалы, пригорки и вздутия, а иногда выглядит как волнующееся море, чьи бурные валы замерзли в одно мгновение в своем самом яростном движении». Он упоминал огромные расселины, узкие глубокие щели и трещины в поверхности ледника (каковые являются результатом того, что лед в буквальном смысле раскалывается и разрывается при движении), уподобив их «ледяным клыкам

смерти». В своей книге «Швейцария», вышедшей в 1950 году, Джон Расселл писал о Ронском леднике, однако, описывая его вид, предпочел не прибегать к аналогии штормового моря; вместо этого Расселл отметил, что лед «имел текстуру языка (складчатый, скользкий и чешуйчатый) какого-то доисторического чудовища». В книге «Пешком по Европе» Марк Твен дает ироническое описание отчета о посещении другого швейцарского ледника, Горнеровского, расположенного над Церматтом. Будучи достаточно осведомлен о ледниках, чтобы понимать, что они движутся, он ступил на лед, «закрыл книгу и выбрал получше место, чтобы любоваться видами». Обнаружив, что окружающий вид нисколько не меняется, а сам он никуда не движется, Твен открыл свой путеводитель, чтобы найти расписание движения ледников (такового не оказалось — но Твен клялся, что оно должно было быть, и если не у Бедекера, то у Брэдшо — в хорошо известном в то время справочнике расписания движения общественного транспорта).

Разумеется, Горнеровский ледник движется — но очень медленно. (Можно сказать, что в действительности он движется леденяще медленным шагом.) Хотя первые ученые, иссле-

довавшие ледники, и понимали, что те движутся, точный механизм этого движения оставался тайной на протяжении многих веков. Де Соссюр полагал, что жар земных недр вызывает таяние самой нижней части ледника, и тот скользит по слою талой воды. В 1837 году Агассис, которого поставила в тупик обнаруженная им в Лохцайтене окаменелость рыбы, имеющая странно вытянутый вид, выступил с радикальным предположением, что некогда всю Европу, от полюса до Альп, покрывал лед и что внешний вид гор в значительной мере обусловлен результатом движения ледников в прошлом. На первых порах научным сообществом XIX века идеи Агассиса были с насмешками отвергнуты. Преподобный Адам Седжвик из Британской ассоциации, услышав доклад ученого в Дублине, в таких словах отозвался о теории Агассиса: «Пространное и бестолковое гипотетическое рассуждение, источник которого — в глубинах невежества». Сэр Родерик Мурчисон, президент Лондонского Королевского географического общества, писал, что если бы кто-то согласился с «предположением Агассиса о том, будто самые глубокие долины Швейцарии когда-то заполняли снег и лед, то с такими людьми говорить совершенно не о чем».

Но Агассис был уверен в собственной правоте и продолжал упорно отстаивать выдвинутую теорию: для своих исследованиий на леднике Унтераар в Бернском Оберланде он выстроил крошечную хижину, которую окрестил «Отель де Невшателуа» (в честь родного города). На полу хижины лежали плоские каменные плиты, вход закрывала занавеска, а кухней служили высеченные во льду ниши. Из этого великолепно расположенного логова Агассис мог вблизи изучать протекающие на леднике процессы. В какой-то момент он оказался непосредственным свидетелем образования расщелины на леднике. «Я услышал... звук, подобный дружному ружейному залпу... ледник буквально содрогнулся... у меня между ногами возникла трещина и быстро побежала по прямой через ледник», — записал он позже. В конце концов собранные данные Агассис опубликовал в книге, озаглавленной «Опыты о ледниках» (1841), которая, по слухам, была написана за одну ночь. На следующий год ученый побывал в Великобритании, где выступал с лекциями, предложив для обсуждения свою теорию ледниковых периодов и поразив скептически настроенную аудиторию заявлением, что всего четырнадцать тысяч лет назад огромные

площади Европы покрывал лед.

Относительно ледниковых периодов Агассис был прав, но в вопросе о движении ледников ошибался. Ученый полагал, что источником движения ледников является процесс расширения, когда замерзающая вода заполняет трещины и тем самым как-то толкает всю структуру. Тем не менее ледники в действительности движутся на тонкой пленке талой воды, образующейся благодаря трению между скальной породой и движущимся льдом, которое согревает породу и плавит лед, образуя смазку. Кроме того, и даже в большей степени, течет сам лед; благодаря свойству пластичности лед способен сжиматься и растягиваться, так что расщелины могут закрываться и целиком поглощать любые упавшие в них обломки породы. Эти представления были развиты в 1840-х годах еще одним эксцентричным гляциологом, угрюмым шотландцем Джеймсом Форбсом, который считал ледники имеющими едва ли не духовную сущность. Проводя свои исследования, Форбс исходил сотни миль по Французским Альпам, погрузившись в отшельническое общение с природой и сторонясь всякого замеченного им туриста. В книге «Путешествия по Савойским Альпам» Форбс

писал: «Ледник — это отражение потока времени, бесконечный свиток, на чьей безупречной основе запечатлена последовательность событий, даты которых далеко выходят за пределы памяти человечества». Форбс, венцом карьеры которого стал пост ректора университета Святого Андрея в Шотландии, оказал огромное влияние на Джона Тиндалла, инженера, работавшего на строительстве железных дорог и позже ставшего естествоиспытателем, который в 1860 году написал одну из классических работ по гляциологии — «Ледники Альп».

К концу XIX века знания о ледниках накапливались, понимать их стали лучше, чему немало способствовали такие исследователи, как Агассис, Тиндалл и Форбс. Но по-прежнему в исследованиях оставались определенные «серые зоны». В Люцерне, в Ледниковом саду, экспонируется сложная машина, так называемая «Ледниковая мельница». Она была создана в 1896 году с целью продемонстрировать, как происходит образование рытвин под ледником; вода каскадами стекает по поверхности скалы и переворачивает огромный камень, чье постоянное движение, как предполагалось, прокладывает в почве борозду. Хотя модель до сих пор работа-

ет, сама теория устарела. В действительности котловины образуются не одним большим валуном, а тысячами мелких камешков, которые без конца перемешиваются в теснинах подо льдом. Глубокое впечатление производит котловина в Ледниковом саду — она находится в нескольких шагах от машины, имеет девять метров в глубину и образована водой, двигавшейся со скоростью более двухсот километров в час под ледником Ройсс, который покрывал этот район в прошлый ледниковый период.

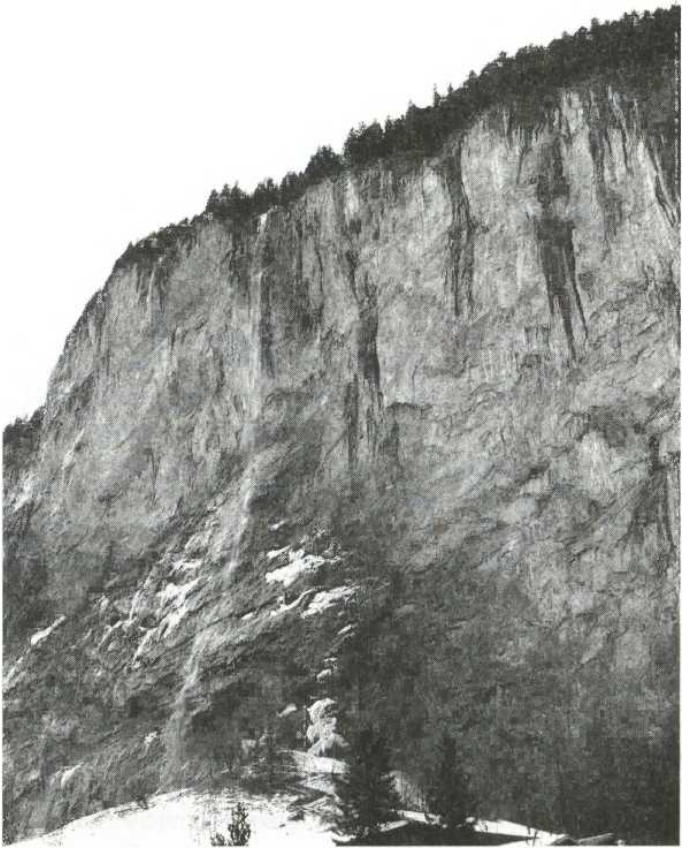
Хотя создатели Ледяной мельницы исходили из неверной теории формирования котловин, к концу XIX века другие явления, связанные с ледниками, уже понимали верно. Считалось, что эти тяжелые громоздкие массы льда настолько мощны, что за несколько последовательных ледниковых периодов они прорезали глубокие долины, такие как красивейшая долина Лаутербруннен в центральной Швейцарии, где семьдесят два водопада низвергаются с высоты тысячи метров по крутым вертикальным склонам на дно цветущей холмистой долины. Среди других так называемых U-образных долин — долина Роны, по обширному плоскому дну которой разбросаны городки наподобие Мартиньи и Сьона, а по

крутым склонам извиваются дороги, ведущие к горнолыжным курортам, таким как Кран-Монтана. Скальные обнажения на дне долин, к примеру возле Сьона, превратились в опорные пункты обороны с замками, а по центру долины катит свои серо-зеленые воды Рона, вытекая из того, что в настоящее время осталось от ледника, находящегося милями выше в долине у Глетча (1759 м). (Ронский ледник, как и остальные, сократился с окончанием последнего ледникового периода, и его фронт таяния отступил из долины, которую он для себя проборозди́л; вдобавок в последние десятилетия площади большинства альпийских ледников еще больше уменьшились, поскольку из-за глобального потепления повысилась среднемировая температура.) В самых высоких районах гор движущийся лед срезал горы под различными углами, сформировав удивительные пики в виде пирамид, такие как Маттерхорн (4478 м), чей характерный профиль высится над курортным Церматтом. Этот монарх «слишком выделяется своим оригинальным видом и необыкновенной крутизной. Подобно колоссальному клину врезается он в небо... — так писал Марк Твен о знаменитом пике. — А Маттерхорн один возвышается среди них черный, голый,

неприветливый, только слегка припущенный снегом, белеющим на нем пятнами в некоторых местах. Его склоны слишком круты, так что снег не может зацепиться за них. Его странная форма, одинокое величие и выделяющая его обособленность делают его как бы Наполеоном горного мира. “Великий, мрачный, одинокий” — вот эпитеты, подходящие к нему так же, как и к знаменитому полководцу».

В низинных районах, где ледник двигался с гор на плоские равнины, например в долину реки По в Северной Италии (которая в ледниковый период была закована в ледяной панцирь в сотни метров толщиной), выдолбленные перемещающимся льдом впадины позже заполнила вода, и они превратились в характерные для предгорий Альп озера — узкие, вытянутые и изогнутые. Самое крупное из них — Женевское озеро, имеющее очертания рогалика, его объем — восемьдесят девять триллионов литров; по расчетам, воде требуется семнадцать лет, чтобы пройти путь от Вильнева на одном конце озера до Женевы на другом, откуда она дальше течет по руслу Роны через Францию в Средиземное море. Более сотни семей по-прежнему добывают себе пропитание ловлей рыбы — в озере водятся окунь, форель, щука,

но в прочих отношениях озеро отдано на откуп туризму: каждый день десятки лодок и катеров пересекают его в разных направлениях, курсируя между различными курортами — Лозанной, Веве, Монтре, Эвианом и самой Женевой. Озеро Блед, расположенное на краю Юлийских Альп, на другой оконечности горного района, является одним из самых популярных в Словении туристических уголков — благодаря безмятежному сказочному виду с островом и замком и очаровательному пейзажу с очертаниями увенчанных снежными шапками гор.

Лаутербруннен — долина водопадов. Водопад Штауббах.

Фото О. Королевой

Тем не менее больше мы наслышаны о тех альпийских озерах, что расположены на южных отрогах гор, таких как Лаго Маджоре, Комо, Лугано и Гарда, они образуют область, известную как «итальянский Озерный край». В XIX веке эта местность приобрела громадную популярность у туристов из Северной Европы, и «Туристический справочник» Мюррея тех лет описывал ее природу как «мягкую и приятную; благословенные южным климатом, тут произрастают рощи апельсиновых, оливковых, миртовых и гранатовых деревьев; а местные жилища — виллы и дворцы».

Ледники, торившие свой путь по Альпам, также породили целый ряд менее масштабных достопримечательностей и характерных особенностей ландшафта. Некоторые отличаются весьма причудливым обликом, как, например, Пирамиды д'Озэнь возле Сьона; местные скальные образования представляют собой голые и иззубренные, остроконечные скалы, на макушках которых будто бы балансируют закругленные валуны; в действительности эти валуны — куски покрывающей породы, устоявшей перед выветриванием, тверже лежащих под ними

скал. Схожи с ними Пирамиды Эрозионе возле Чизлано, восточнее озера Изео в Итальянских Альпах, и, подобно образованиям у Сьона, они пользуются значительной популярностью среди туристов. В люцернском Ледниковом саду есть скала, чья поверхность изобилует царапинами и щербинами, свидетельствующими, что по ней некогда прошелся ледник. Марк Твен писал в очерках «Пешком по Европе», что эти борозды и царапины — «протертый и промытый след, сделанный древним ледником при своем медленном и продолжительном передвижении». (На самом деле гляциологам эти особенности известны под терминами «бороздчатость» или «полосы скольжения»; их оставляют вмерзшие в толщу льда заостренные обломки породы, процарапывая поверхность скалы, поверх которой движется ледник.) Ледники также занесли в самые необычные места громадные валуны, носящие название эрратических; один из них — Папский камень, глыба весом 8500 тонн, находится рядом с деревней Джинезе, что возле озера Лаго Маджоре. Скопление эрратических валунов есть во Французских Альпах — это Пьер-Грос на подъезде к Коль-Аньель. Некогда считалось, что подобные особенности ландшафта возникли

после библейского Всемирного потопа, который каким-то образом переместил громадные валуны на сотни миль; однако в действительности их оставили после себя тающие ледники, и эти валуны являются еще одним примером того, что движение ледников в минувшие эпохи едва ли не всецело определило сегодняшний альпийский ландшафт.

«Дымная синева Плутонова царства»

Когда десять тысяч лет назад ледники отступили из долин и низин, то постоянно покрытыми снегом остались только самые высокие области гор. Растительная жизнь вновь восстановила свои позиции ниже снеговой границы и уцелевших глетчеров, а вскоре там появились и животные, находившие себе корм среди деревьев и цветов, сумевших закрепиться на скалистых склонах.

Многие из характерных для Альп цветов можно обнаружить только в высокогорных районах. Луга возле Флимерштайна в долине Лаутербруннен покрыты генцианами — они относятся к виду лилий и их лепестки славятся таким насыщенным синим цветом, который только можно вообразить. В стихотворении «Баварские

генцианы» Д. Г. Лоуренс так описывал здешние генцианы: «Большие и темные, сугубо темные, темнящие день, подобные факелам дымной синевы Плутонова царства»[3]. На большой высоте замечательно себя

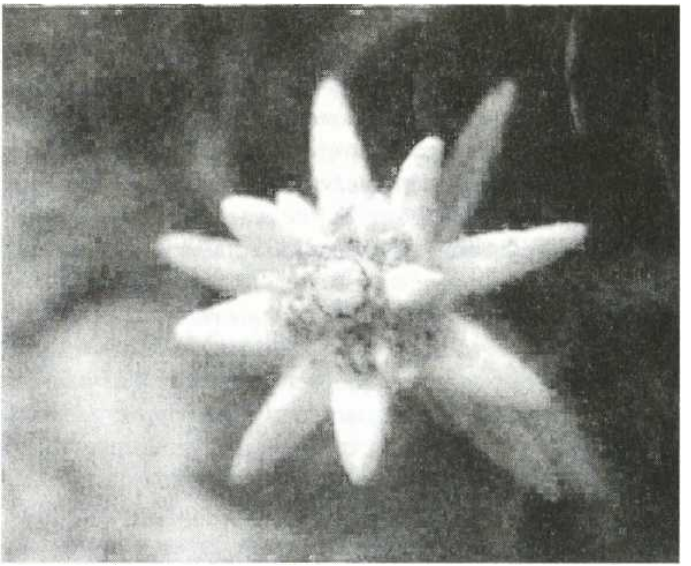
чувствует и другое растение — альпийская роза, кустарник, ветки которого, каждое лето усыпанные розовыми и красными цветками, оживляют верхние части горных склонов яркими красками. Однако из всех альпийских цветов наибольшей известностью пользуется эдельвейс, особенно ему нравятся известняковые участки выше отметки 3400 м; он высоко ценится благодаря своей редкости, и чаще всего его можно обнаружить произрастающим на незащищенных травянистых обрывах над долинами, где лежит ледник. Культ «уродливого швейцарского любимца» Твен воспел в отчасти насмешливом, отчасти трогательном плане в своей сатирической книге «Пешком по Европе», в которой рассказывал о путешествии по Альпам: «Название цветка указывает на то, что это благородный цветок и что он белого цвета. Может быть, он и благороден, но не красив и не бел. Это мохнатое, сероватое, как

[3] Примечания: 3
Перевод В. Британишского.

пепел плохой сигары, кажется, сделанное из дешевого плюша растение. У него исключительно благородная манера забираться на самые высокие места, но это, вероятно, вследствие того, что он осознает свое безобразие... Каждый альпиец считает своим долгом носить цветок эдельвейса на своей шляпе. В таком же почете эдельвейс и у туристов». Отыскать эдельвейс можно даже и на высоте 1700 м, в районах, для которых характерными являются обширные травянистые луга (именно их и понимали под словом «Alps», что значило «горные пастбища», — постепенно это слово превратилось в общепринятое название самих гор).

Ниже зоны лугов тепла достаточно для того, чтобы там произрастали густые леса. В большинстве своем они хвойные: в центральной части Альп господствуют ели и пихты, в наиболее теплых районах, дальше к югу, — сосны, последние постепенно уступают каменным дубам и алеппским соснам, а также фисташковым деревьям и оливковым рощам, где летом слышно хорошо знакомое для всего Средиземноморья гудение цикад. В южных Французских Альпах также нередко встречается *garrigue* — гаррига, обширные пространства каменистого известняка,

поросшие низкими кустарниками, в основном вереском, где господствуют чертополох, утесник, лаванда, тимьян и розмарин, перемежающиеся короткой сухой травой.

За последние лет сто или около того в Альпах были во множестве разбиты искусственные сады, где нередко разводили растения, не свойственные этому региону. Хорошо известное озеро Лаго Маджоре славится своим исключительно мягким

климатом, и в 1930-х годах отставной офицер-шотландец, капитан Нил Макичерн создал на его берегах один из знаменитых субальпийских тропических садов — «Вилла Таранто» в Вербании. Здесь вокруг фонтанов и тропинок высажено двадцать тысяч видов разнообразных растений, в том числе амазонские лилии, цветки лотоса, японский клен и священное дерево из Индии. Другие похожие сады — Ботанические сады Хруска в Гардоне на озере Гарда, «Жарден де л'Эуроп» («Европейские сады») возле озера Анси и «Альпинум Юлиана» в Словении, в долине Трента, причем у последнего гораздо больше общего с альпийской флорой, чем с тропической.

Из животных, обитающих в высокогорьях Альп, наиболее характерными являются олень благородный; уступающая ему размерами и более робкая косуля; сурок — грызун, которого Р. Л. Дж. Ирвинг так описал в своей книге «Альпы»: «общительный малыш в густой меховой шкурке, размером с кролика». Сурки роют глубокие норы и на шесть месяцев в году впадают в спячку; заметив опасность, они издают на высокой ноте пронзительный тревожный свист: одиночный звук при появлении беркута или хищной птицы или целую серию, если угроза —

какое-то млекопитающее, например лиса. Другое широко распространенное в Альпах животное — альпийский горный козел; во время сезона спаривания самец этого приземистого дикого козла для завоевания доминирующего положения мастерски пользуется своими рогами. Серна меньше антилопы и не похожа на нее; охотник на серн из пьесы Шиллера «Вильгельм Телль» сетует на то, как непросто ему дается добыча: «Есть у животных разум. / То видим мы, за сернами охотясь: / Везде, где им пастись ни доведется, / Одна всегда у них настороже; / Чуть подошел — уж подняла тревогу»[4]. На высокогорных альпийских пастбищах также водится заяц-беляк, меняющий окрас меха в зависимости от времени года (белый — зимой и серый — летом); рысь, этот представитель дикой кошки, охотится на оленей и сурков, предпочитая выслеживать свою добычу на горных склонах. Царем альпийских птиц всех видов является беркут, свои гнезда он строит на недоступных скальных уступах высоко в горах и питается куропатками, зайцами, сурками и павшими горными козлами.

Некоторых из этих животных можно увидеть

---

[4] Примечания: 4
Перевод В. Британишского.

в специализированных зоопарках, таких как «Альпензоо» в Инсбруке. Парк находится на солнечном плато над городом, откуда открывается превосходный вид на Тирольские Альпы; в клетках туда-сюда расхаживают рыси и горные козлы, шумно передвигаются сердитого вида медведи, а проворные куницы, с легкостью лазающие по деревьям, составляют целую колонию. Вдалеке от этого и прочих зоопарков, в окружении дикой природы раскинулись многочисленные заповедники: например, в Швейцарском национальном парке, расположенном на дальнем востоке этой страны, в изолированном районе Альп, где туристов можно пересчитать по пальцам, живут в относительном мире и спокойствии бородачи-ягнятники, пустельги, вороны, дятлы, куропатки, олени, сурки и серны, в придачу к эдельвейсам, генцианам и прочим цветам.

В прошлом в Альпах обитали многочисленные животные, с тех пор пополнившие список вымерших и исчезнувших видов, среди них — пещерные львы, пантеры и волки. На этих и многих других животных когда-то охотились — их добывали для пропитания или убивали ради забавы. В Тироле была известна охота под названием *Gamsstechen*, когда серну требовалось пронзить

копьем до пяти метров в длину, в конце XV века ее большим приверженцем был император Максимилиан I из династии Габсбургов. Охоте в Альпах с увлечением отдавался король Италии Виктор-Эммануил, который перестроил средневековый замок возле Аосты, Кастелло-ди-Сарре, в охотничий домик, и сейчас королевскими коллекциями рогов горных козлов и черепов серн любуются приезжающие сюда экскурсанты. В 1920-х годах, когда сохранению природы стали уделять все большее внимание, прежние охотничьи угодья Виктора-Эммануила объявили Национальным парком «Гран-Парадизо», где ныне в изобилии водятся беркуты, серны и каменные козлы. Животных также целенаправленно разводят во многих альпийских областях: так, в 1993 году завезли бородачей-ягнятников, после того как в XIX веке их популяция была почти повсеместно уничтожена, однако они уцелели в отдельных местах Корсики и в Пиренеях, откуда и происходит нынешние обитатели; эти громадные птицы питаются падалью и трупами овец, пикируя к земле, они хватают кости, а потом сбрасывают их на камни, раскалывая на куски поменьше. Еще одной удачной попыткой интродукции стал муфлон, дикая овца, переселенная в 1973 году из

Корсики в Кейра, заповедный район Французских Альп. В Словении, в национальном парке «Триглав», который занимает самую высокую часть Юлийских Альп, также вновь появились бурые медведи и беркуты. Отрадно видеть, что спустя столетия как сознательного, так и неумышленного уничтожения человеком окружающей среды в Альпах в столь многих уголках предпринимаются подобные позитивные шаги по сохранению живой природы. Но этих мер крайне недостаточно, тем более что они запоздали, поскольку ясно, что разрушение среды обитания началось, вероятно, десять тысяч лет назад. Именно тогда, после отступления ледников, люди постепенно стали заселять горы и, обживая новое место, охотиться на обитающих тут животных, рубить деревья на дрова и для строительства жилья и собирать съедобные растения.

Часть вторая. История

В начале: «ледовый человек» Этци

Он хранится в большом ящике, стенки которого почти целиком состоят из кусков льда. Ящик освещают всего лишь две голые лампы, вмонтированные в потолок и испускающие приглушенный сине-фиолетовый свет. Человек внутри ящика имеет рост немногим больше четырех футов, и он совершенно обнажен. Однако, принимая во внимание, что ему более пяти с половиной тысяч лет, выглядит он на удивление хорошо.

«Ледовый человек» Этци — самое реальное звено, которое связывает нас с Альпами доисторических времен. Тело этого человека эпохи неолита обнаружили в сентябре 1991 года два немецких альпиниста, Эрика и Хельмут Симон, когда шли по Симилаунскому леднику в отдаленной, высокогорной части Альп, на самой итальянско-австрийской границе. Заметив в толще льда очертания явно человеческой фигуры, они сочли, что наткнулись на результат несчастного случая при попытке восхождения, и сообщили о своей

находке в полицию, и сотрудникам горноспасательной службы пришлось немало потрудиться, высвобождая тело из ледяной могилы. Когда местный тирольский альпинист Рейнхольд Месснер побывал на месте происшествия и заявил, что тело пролежало во льду больше трех тысяч лет, представители средств массовой информации вдруг сообразили, что тут происходит нечто интересное. Впоследствии весь мир наблюдал по телевидению за тем, как при помощи вертолета тело было вывезено с горного склона по воздуху.

Археологи из университета Инсбрука, проводившие последующие исследования найденного тела, подтвердили то, о чем многие уже подозревали: это антропологическая находка огромного значения. Радиоуглеродный метод показал, что тело датируется примерно 3500 годом до н. э.; естественное захоронение в ледяной гробни-

це предотвратило начало разложения, и было ясно, что погибший темноволос, голубоглаз, тело его украшено множеством нанесенных углем татуировок, обследование же содержимого желудка свидетельствовало, что незадолго до смерти он перекусил мясом горного козла. Человек носил хорошо сшитую обувь, а на голове у него была шапка из медвежьего меха. Обнаруженные в одежде остатки пшеницы наводят на предположение, что он происходил из сельскохозяйственной общины, а так как его одежда была сшита из козлиной шкуры, то у этих крестьян, должно быть, имелись прирученные животные. Найденные при нем артефакты также вызвали значительный интерес: в их числе был примитивный походный мешок, изготовленный из шкур животных и с деревянной рамой, и он вообще-то не слишком-то отличается от рюкзаков, с какими ходят толпы туристов, каждое лето по железной дороге перебирающиеся через перевал Бреннер, неподалеку от которого совершал переход через горы Этци.

Кто он такой? При нем был найден уголь для разведения огня. Судя по всему, человек планировал провести в горах не один день. Возможно, он был торговцем, странствовавшим по Альпам с це-

лью продажи своих изделий, а через высокогорье он направился, обходя враждебную территорию; или, может, он был пастухом, отгонявшим стадо на летние пастбища (обнаруженная в желудке цветочная пыльца позволяет прийти к выводу, что свое последнее путешествие он совершал весной). Но в 2001 году было сделано еще одно важное открытие: в лопаточной кости «ледового человека» нашли застрявший наконечник стрелы, а на одежде обнаружили кровь — причем не его, а чужую. Неужели Этци подвергся какому-то ритуальному наказанию, как нарушитель границ? Или рану он получил во время каких-то беспорядков в племени, когда, должно быть, воцарились беззаконие и насилие? Доподлинно мы этого никогда не узнаем. Но одежда Этци и его вещи в огромной степени помогли ученым понять жизнь первобытных людей в Альпах.

Само имя Этци происходит от названия Этцальской долины, в горах над которой и был обнаружено тело человека эпохи неолита. В настоящее время Этци находится в музее в Больцано, маленьком городе в Северной Италии, что на южной стороне от Бреннерского перевала. Само по себе это немного странно, потому что с горного склона его забирали австрийцы; однако

тщательное картографирование места эксгумации показало, что ледовая могила находилась на территории Италии, в десяти метрах от границы, поэтому, после того как были завершены предварительные научные исследования, Этци передали итальянцам. На все это ушло несколько лет, как и на ожесточенные споры на международном уровне о будущем Этци; но в конце концов в 1998 году «ледовый человек» был помещен в контейнер для перевозки замороженных продуктов и перевезен из Инсбрука через Бреннер в сопровождении полицейского эскорта (одна австрийская националистическая группировка — хотя точно не известно, какая, — угрожала уничтожить тело, если Этци когда-либо покинет австрийскую землю). Ныне тело покоится в холодильнике в перманентно замороженном состоянии, ведь в противном случае оно начнет разлагаться; посетители Археологического музея Больцано могут посмотреть на Этци сквозь стеклянное окошко немногим больше экрана телевизора. Впрочем, не сказать чтобы Этци мог привлечь к себе много внимания. Одна его рука сжата в кулак, а вторая неловко закинута за голову; туловище почти совсем усохло, но все пальцы рук и ног, колени и зубы отчетливо различимы. Более поразительно

то, что голова запрокинута; это придает Этци вид отчужденно-замкнутый, словно бы он твердо намерен хранить свои тайны.

Помимо того что Больцано способствовал прояснению многих аспектов жизни доисторического человека в Альпах, город хранит символы более близких нам по времени событий альпийской истории. Расположенный на слиянии рек Адидже и Риенца, Больцано занимает узкую равнину, зажатую между скалистых, поросших лесом хребтов, которые выше превращаются в пики, чьи макушки даже летом засыпаны снегом. По склонам долины едва ли не на каждом смотрящем на равнину обрывистом утесе стоят приземистые средневековые замки. Кажется, куда ни кинь взор — всюду неприступные с виду квадратные башни из серого камня, окруженные зубчатыми стенами и валами; стоит вам разглядеть один замок, как вы замечаете еще два, на той стороне долины, а дальше, на склоне холма, — еще несколько, какие-то выше, какие-то ниже. Количество замков вокруг Больцано свидетельствует о политической неустойчивости этого края на протяжении Средних веков — и даже в более раннюю эпоху, так как многие замки были возведены на остатках фундаментов древне-

римских укреплений, занимавших те же самые стратегические пункты с обнажениями скальной породы. В то же время сам Больцано живет двойной шизофренической жизнью: все улицы носят названия на немецком и итальянском языках, в самом городе явственно ощущается немецкий дух — это ведь Южный Тироль, долгое время остававшийся объектом напряженного политического соперничества между Австрией и Италией. Нигде больше в Альпах борьба не приобретала столь ожесточенный характер, — а южнее Больцано находится Роверето, где в годы Первой мировой войны произошли некоторые кровопролитные схватки. Но все это — и средневековые замки, и следы траншей Первой мировой, что пересекают склоны на итальянской стороне, — составляет лишь последние главы в повествовании, которое на протяжении веков оставалось жестоким и кровавым. История Альп по большей части складывалась из беспрестанных войн и столкновений между различными этническими, языковыми, религиозными и национальными группами, населявшими горы на протяжении тысячелетий; под властью одного правителя объединить весь регион смогли только два человека: Август и Карл Великий (хотя Наполеон тоже был близок к

этому), и тысячи лет уделом Альп оставались раздробленность, вторжения, восстания и войны.

Докельтские времена

К тому времени, как Этци отправился в свое последнее путешествие через горы, поселения людей процветали в Альпах уже тысячи лет. Когда тающий ледник десять тысяч лет тому назад освободил альпийские долины, оставив вечные снеговые шапки только на горных вершинах, в этом районе по берегам крупных озер начали возникать палеолитические поселения, другие сообщества тогда же стали обживать пещеры. Возле Гренобля, в Грот-де-Шоранс в Веркоре, найдены очень важные подтверждения тому, что в пещерах обитали доисторические люди, а в австрийском озерном крае, в районе Мондзее, археологи XIX века открыли прибрежное поселение, возведенное на сваях, чтобы его не заливало водой (так называемая «мондзейская культура»). Следы доисторических поселений есть и во многих других местах, среди них — Виль-Вьей возле Кейра во Французских Альпах, где имеется семиметровый стоячий камень (ныне обломанный) под названием Пьер-Фише. На северо-западе Италии, в Аосте, было вскрыто большое древнее

захоронение, датируемое примерно 2700 годом до н. э.; в результате религиозных церемоний оно «усеяно» человеческими зубами, принесенными в жертву как часть земледельческого ритуала. Но как материальный памятник, свидетельствующий о доисторической альпийской эпохе, все это бледнеет рядом с выдающимися образцами наскальных рисунков в итальянской долине Валь-Камоника — за тысячи лет до эпохи кельтов и римлян их вырезали в камне представители ранних обществ.

Расположенная к северо-западу от озера Гарда, Валь-Камоника типична для Доломитовых Альп: глубоко прорезанная долина, с вовсе не плоским дном и с многочисленными живописными деревеньками, где реликтами прошедшей эпохи кажутся дома, сложенные из камня и дерева, с характерными красночерепичными крышами, составляющими причудливый узор всевозможных углов и пересечений. Склоны долины, в стороне от деревень, покрывают многочисленные виноградники и густые леса; выше верхней границы лесов трава вскоре уступает место почти вертикальным иззубренным скалам, бледным и кажущимся при солнечном свете странно уютными. В летний полдень от них нередко веет зноем;

далекие горы в конце долины выглядят темными тенями, дрожащими в тускло-голубой дымке, а в деревнях с их узкими мощеными улочками, что вьются мимо церквей из тяжелого камня и древних амбаров с толстыми стенами, все затихает на время дневной сиесты, которую здесь блюдут строго, как и в любой другой области Италии. От деревни Надро, одной из многих в долине Валь-Камоника, отходит тропа, и через густой лес она выводит к череде плоских темных скал, на которых можно увидеть некоторые из знаменитых петроглифов долины; в действительности значение здешних археологических памятников настолько велико, что они занесены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Скалы — гладкие, черные, голые интрузии, и без того уже рассеченные геологическими расселинами и трещинами, — испещрены изображениями людей, шалашей, предметами вооружения, животных и деревьев. Рисунки не окрашены (они высечены в камне, а не нанесены краской) и представляют собой неглубоко вырезанные на поверхности скалы линии. Но их все равно можно различить даже спустя тысячи лет, несмотря на воздействие жары, дождя, снега и горных ветров. По своей простоте рисунки напоминают карика-

туры или комиксы: один изображает бегущего человека со щитом в одной руке и с воздетым копьем в другой; второй — две сражающиеся фигуры восьми дюймов высотой. Но остальные петроглифы ставят в тупик. (Какие-то из них могут быть древними формами письменности, с использованием похожих на буквы символов.) А ведь такие скалы с рисунками, как здесь, возле Фоппе-ди-Надро, не единственные в своем роде: по всей Валь-Камонике насчитывается свыше двухсот тысяч отдельных петроглифов, большинство из них вое-ходят к эпохе племени камунов, живших здесь с 5000 года до н. э. и вплоть до римского завоевания. (Отдельные изображения относят даже к еще более ранним временам, до камунов, а некоторые из рисунков сделаны в Средние века.) На одной из скал в Накуане, что между Надро и Капо-ди-Понте, главным городом Валь-Камоники, изображена религиозная церемония, которую проводят жрецы, а также похороны, причем покойник показан в окружении различного оружия и инструментов; и среди рисунков на поверхности скалы часто встречается изображение кузнеца за работой: верный признак того, что эти петроглифы были созданы в железном веке.

Кельты и появление римлян

В Альпы кельтские народы начали проникать примерно с 1000 года до н. э., постепенно вытесняя племена, в том числе и камунов, создателей рисунков долины Валь-Камоника. Самыми могущественными из обосновавшихся в Альпах кельтских племен были гельветы и реты (или ретийцы), жившие на территории современной Швейцарии; другое племя, аллоброги, поселилось между Роной и Изером, в сегодняшней Франции. При господстве кельтов в экономической и культурной жизни Альп произошли решающие перемены. Многие географические названия в этом районе происходят от кельтских, потому что пришельцами были основаны города и деревни; Люцерн, вероятно, был кельтским городом, его название восходит к кельтскому *lozzeria*, что значит «поселение на топком месте». Но о кельтской эпохе в Альпах помнят сегодня не только по географическим названиям, но и благодаря кое-чему еще.

Главным экономическим нововведением кельтов в Альпах стало горное дело, в особенности добыча соли, и многие из соляных шахт, разработка которых началась тогда, до сих пор остаются

действующими, как, например, копи у Зальцкаммергута возле Зальцбурга. На процветающих соляных копях кельтских времен выросли два города в этом регионе — Халлейн и Хальштатт. В XIX веке руководитель работ на солевых шахтах Халыптатта Иоганн Георг Рамзауэр, бывший также археологом-любителем, сделал важнейшую находку, относящуюся к кельтской эпохе: он обнаружил более тысячи погребений, в некоторых из них нашли ювелирные изделия, мечи и кинжалы. Эти открытия позволили прийти к выводу, что крупное кельтское поселение, разбогатевшее и ставшее могущественным и влиятельным благодаря контролю над добычей и торговлей солью, процветало здесь с 800 года до н. э. Подобное поселение существовало и возле соседнего Халлейна, сейчас там в городском музее хранится ценный экспонат — *Schnabelkanne*, кувшин с носиком, обнаруженный в богатом погребении рядом с городской соляной шахтой; он украшен изображением похожего на льва зверя, который, вероятно, олицетворяет кельтское божество — Тараниса.

Пока кельты устраивались на большей территории Альп, южнее, на Апеннинском полуострове, нарастала мощь Рима — причем в такой степени,

что в экспансионистских устремлениях римлян многие правители Европы и всего Средиземноморья усматривали угрозу для себя. В частности, опасным считали Рим правящие круги Карфагена, и в 218 году до н. э. карфагенский полководец Ганнибал совершил вошедший в историю переход через Альпы с войском в сорок тысяч человек (и множеством слонов), чтобы дать бой возвышающейся империи. (На следующий год он разгромил римлян в сражении у Тразименского озера в Перузии, ставшим завершением Второй Пунической войны.) Предполагается, что армия Ганнибала воспользовалась перевалом Большой Сен-Бернар, хотя этому и нет доказательств, за исключением того, что здесь в то время проходил наиболее известный маршрут трансальпийской торговли (в 390 году до н. э. галльская армия совершенно точно прошла именно этим путем, позже разгромив римлян в северо-западной Италии и основав провинцию Цизальпинская Галлия). На другом перевале, поменьше, под названием Коль-Аньель, к скале прикреплена мемориальная доска, которая утверждает, что Ганнибал перешел через Альпы именно через этот перевал, а Р. Л. Дж. Ирвинг заявляет, что не менее пяти различных перевалов оспаривают

честь называться тем самым перевалом, через который Ганнибал двигался в Италию.

Но, каким бы перевалом не прошел Ганнибал, его подвиг, вне всяких сомнений, был выдающимся достижением, триумфом военного гения — о таких приключениях мальчишки слагают легенды. Не удивительно, что история о наступлении Ганнибала через Альпы привлекала к себе многих античных писателей. Один из них, греческий историк Полибий, пересказал ее в живописных и кровавых подробностях, он писал, что после нескольких дней пути по горам карфагеняне «подошли к узкому месту, по которому не могли пройти ни слоны, ни вьючные животные — ибо обрыв, крутой и до того, всего стадии в полторы протяжения, стал еще круче после новой лавины, — войско снова упало духом и трепетало от страха... Ганнибал потерял всякую надежду добраться до цели таким путем и расположил свой лагерь у самого гребня горы, приказав расчистить лежавший там снег; затем руками солдат, расставленных по сторонам, он с великим трудом проложил себе дорогу через обрыв...»[5]. Собрав все свои войска в одном месте,

---

[5] Примечания: 5
Перевод Ф. Мищенко.

в том числе и «слонов, которые сильно страдали от голода», Ганнибал совершил трехдневный марш вниз по перевалу, добравшись до равнин Северной Италии. Согласно Полибию, весь переход от Нового Карфагена (современная Картахена в Испании) занял пять месяцев, а на пересечение Альп ушло в общей сложности пятнадцать дней. Другой литератор, поэт Силий Италик, сочинил о Второй Пунической войне фантастическую эпическую поэму, описав в ней ужасы, которыми сопровождался переход через горы: солдаты, писал он, страдали от страшных лавин и яростного ветра, который «вырывал людей из укрытий и катал по земле, и кружащиеся вихри уносили их к облакам». Если верить Силию, то обморожения были такими тяжелыми, что многим солдатам приходилось бросать в снегу свои отмороженные руки и ноги.

Однако время шло, и даже армиям со слонами не удалось остановить экспансию Римской империи, и в конце концов Альпы превратились в часть Pax Romana. В 121 году до н. э. кельтское племя аллоброгов признало римское господство, а в 58 году до н. э. у Бибракта во Франции римские легионы под командованием Гая Юлия Цезаря нанесли поражение войску гельветов; в следу-

ющие сто лет было также завоевано и покорено племя ретов в восточной Швейцарии. В 158 году до н. э. римляне обратили свое внимание на земли теперешней Австрии и заняли территорию южнее Дуная, подчинив себе бригантов и назвав в их честь новый город — Бригантий (современный Брегенц на Констанцском, или Боденском, озере). После завоевания Римом этих и других областей постепенно сложилась римско-кельтская традиция, с новыми богами, обычаями и направлениями в архитектуре, унаследовавшими черты обеих культур.

Получившийся результат можно наблюдать в разных местах, и один из самых лучших примеров — Каринтия, расположенная на крайнем востоке Альп; ныне в этом районе пролегает граница между Австрией и Словенией. На травянистых склонах горы Магдаленсберг (1058 м) возле Клагенфурта разбросаны руины кельтского города, позже захваченного римлянами. Кельты пришли сюда в I веке до н. э., и их поселение процветало благодаря золоту, янтарю и добыче железной руды; но в следующем столетии город был занят римлянами, и вскоре здесь появились знакомые атрибуты римского города, такие как форум и бани. Находящийся рядом прежний кельтский

город Норик аналогичным образом был включен в состав Римской империи и возродился около 10 года до н. э. как Вирун. Здесь была раскопана превосходно сохранившаяся мозаика, теперь выставленная в местном музее Клагенфурта, на ней изображен Дионис в окружении почти обнаженных сатиров; в углу картины помещена Медуза — чтобы отпугнуть обремененных грехами духов, так как мозаика, по всей вероятности, украшала пиршественный зал, предназначенный для увеселений, чревоугодия и обильных возлияний. Со всей очевидностью можно сказать, что римляне пришли в Альпы со свойственным им пристрастием к величественной архитектуре, гедонизму и баням.

Следы римского влияния

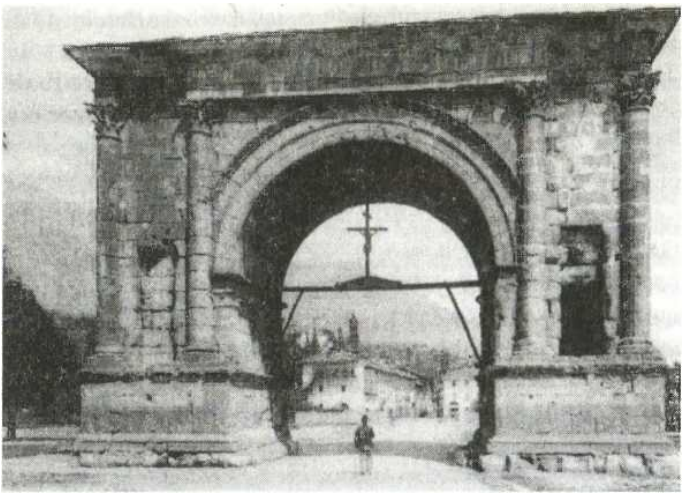
Следы пребывания римлян встречаются по всем Альпам, но бесспорно, что больше всего материальных памятников римской эпохи сохранилось в Аосте, городе на северо-западе Италии. Сегодня этот элегантный городок на зеленом горном склоне знают как ворота, ведущие в область итальянских Альп, широко известную своими живописными пейзажами и красотами природы: шикарные горнолыжные курорты Кур-

майера примостились немного выше по долине, под увенчанными снежными шапками горами, которые отчетливо видны из центра Аосты. Располагаясь на южных подступах к Большому Сен-Бернарскому перевалу, Аоста традиционно контролировала основные торговые маршруты через самые высокие части Альп, и традиция эта уходит в прошлое на тысячи лет и стала только крепче, когда в 1965 году открылся автомобильный туннель под Монбланом, восточный вход в который находится непосредственно за Курмайером. Ясно понимая важное стратегическое положение города, римляне в 25 году до н. э. захватили его, отобрав у кельтского племени салассиев, и вскоре одарили своими памятниками. В честь императора Августа была возведена очень красивая триумфальная арка — Арко ди Аугусто (в настоящее время пребывающая в некоторой заброшенности в центре кольцевой дорожной развязки); также в честь императора город переименовали, дав ему название Августа Претория, откуда и идет современное итальянское название. На первых порах Аоста представляла собой укрепленный воинский лагерь, и взгляд то и дело натыкается на древнеримские стены, оборонительные укрепления и ворота; например, в

старину в город попадали через Порта Претория, череду параллельных трехарочных ворот, в настоящее время частично погребенных под слоем накопившейся за столетия земли. (Тем не менее компоновка ворот по-прежнему легко угадывается: через большую центральную арку проезжали повозки, а пешие путники должны были пользоваться арками поменьше, по бокам от главной.) Рядом с Порта Претория расположены развалины театра — его величественный фасад, прорезанный арочными окнами, по-прежнему невредим, но сцена утрачена, как и амфитеатр, который в прошлом вмещал двадцать тысяч зрителей, но теперь от него остались фрагменты внешних стен, ныне образующих часть сооружений женского монастыря.

Однако самый известный реликт римской эпохи в Аосте намного менее масштабен, чем любой из упомянутых выше памятников: это изысканно-изящный однопролетный горбатый мост через реку Бютье, он был возведен настолько основательно, что пешеходы пользуются им каждый день даже спустя две тысячи лет. За столетия мост лишился только одного — воды: за века река изменила русло и теперь протекает не под мостом, а рядом с ним. И в наши дни мост вы-

гибается над участком, заросшим дикой травой.

На северных подходах к перевалу Большой Сен-Бернар находится город-«близнец» Аосты Мартиньи, — весьма светский швейцарский городок, чьи жилые кварталы и комплексы предприятий легкой промышленности разбросаны по плоскому дну долины Роны. Здесь, что и неудивительно, еще больше сохранившихся памятников древнеримской эпохи. На тихой пригородной улице восточной окраины города, у основания крутых лесистых склонов находится маленький

заброшенный амфитеатр, в настоящее время на этой арене проводится праздник «Сражение королев»: сюда ежегодно в октябре съезжаются местные фермеры, чтобы выбрать «королеву стада» — за этот титул сражаются специально обученные коровы, сцепившись друг с другом рогами. Здешний

амфитеатр построен позже, чем амфитеатр в Аосте, он датируется II—IV веками н. э.; поблизости был храм, посвященный Меркурию, и на его уцелевшем фундаменте, всего по колено высотой, возведен центральный элемент стильного современного здания, где размещается Фонд Пьера Джанадды, модный музей и художественная галерея. Один из музейных экспонатов — удивительная бронзовая голова быка, относящаяся ко II веку, а снаружи, вокруг открытого кафе при музее и парка со скульптурами, разбросаны развалины римских терм.

Многие древнеримские путешественники, совершавшие дальний путь через Европу, должны были миновать и Мартиньи, и Аосту; на самой вершине Большого Сан-Бернарского перевала сохранились отчетливые следы древнеримской дороги (проходившей выше современного шоссе и зданий таможенного поста), и в Бур-Сен-Пьер,

откуда на швейцарской стороне ведет дорога на перевал, сохранился римский пограничный столб, датируемый примерно 310 годом н. э. (Здесь, на вершине перевала, во времена Римской империи стоял храм Юпитера, и дорога через горы была известна под латинским названием *Summa Poenina* — из уважения к кельтскому божеству Поэнну, которому поклонялись в районе Мартиньи.)

Древняя римская дорога из Франции в сторону Мартиньи и перевала Сен-Бернар, проходила вдоль северного берега Женевского озера и через город Лозанну. Во времена Рима это поселение раскинулось по берегу озера (а не поднималось над озером в виде террас, как сейчас), но до наших дней от древнеримской Лузонны (*Losonna*) дошли лишь остатки стен, высотой по колено, да пара унылого вида сломанных колонн в парке, причем все заросло травой. На табличках указано, где прежде находились форум и базилика, но значение этого места воспринять трудно, поскольку ныне оно отдано на откуп жонглерам и собачникам, выгуливающим своих четвероногих друзей, — этакий заброшенный уголок приозерного города, вдали от яхт и фешенебельных отелей.

После Мартиньи, если римляне двигались даль-

ше вдоль долины Роны и не переходили через Альпы в Италию, они должны были бы пройти через Седун, что означает «Место замков»: это нынешний Сьон, где по-прежнему находятся две чрезвычайно впечатляющего облика крепости; одна из них, замок Валер (Шато-Валер), возведена на массивных фундаментных стенах, относящихся к эпохе Древнего Рима, и, возможно, стоит на месте древнеримского храма. Сразу за Сьоном — Сирр Амоэн, что переводится как «Сиерре милый», — явное указание, что это самый сухой и солнечный город в Швейцарии, хорошо известный в наши дни красными винами «пино нуар», продуктом винодельческой традиции, которая, вероятно, уходит корнями во времена Древнего Рима.

Повсеместно в Альпах географические названия несут хорошо сохранившийся отпечаток, унаследованный от римского владычества. Гарнизонный городок Курия Реторий, контролировавший перевалы Жюлье и Шплюген, в настоящее время называется Кур (от древнеримского храма на вершине перевала Жюлье уцелело несколько обломанных колонн); Партан в Баварских Альпах ныне превратился в Партенкирхен; Тренто в Доломитах некогда был Тридентием, а

Роворето на юге звался Руборет; город Сесто-Календе на южной оконечности Лаго Маджоре свое название получил от того, что на шестой день после календ здесь действовал римский рынок, а в честь древнеримского полководца по имени Тит Лабений, проведшего военную экспедицию против галлов из города на противоположном конце того же озера, этот город позже стал называться Лавено. Город Гренобль во Французских Альпах был назван в честь императора Грациана, а название города Анси (Аннеси) происходит от названия древнеримской виллы — Вилла Анисиака и так далее — десятки всевозможных примеров.

Окончание древнеримского владычества в Альпах случилось не в один момент; имперские войска постепенно выводились из различных областей этого горного края, под непрерывным и яростным натиском агрессивных и упорных северных племен. После ухода римлян западную часть Альп заняли племена бургундов (говоривших на латыни), пришедшие сюда с территории современной Франции, а племена алеманнов из Германии продвигались в восточные Альпы, разграбив в 277 году Авентий — древнеримский город в низменной части Швейцарии, откуда осу-

ществлялось управление римской провинцией Гельвеция.

Эти миграции обусловили главное языковое разделение Альп, которое столь очевидно сегодня: области, занятые племенами бургундов, со временем стали франкофонными, а местность, где расселились алеманны, примерно коррелирует с немецкоговорящими районами Швейцарии и Австрии. В конце концов в первые десятилетия V века римляне вообще покинули Альпы, что способствовало еще большей миграции с севера. Но римляне оставили после себя нечто более значимое и важное, чем просто географические названия и целый ряд замечательных, но медленно разрушающихся архитектурных памятников: наиболее значительному наследию Римской империи, христианству, суждено было определять историю Альп и всей Европы на протяжении большей части последующих двух тысячелетий.

Начало христианства

В 287 году, в правление императора Максимиана, римский солдат по имени Маврикий получил приказ отправиться с императорской армией в Галлию, где ему пришлось бы сражаться с мятежниками-христианами. Но Маврикий

сам был христианином и отказался подчиняться армейскому командованию; охваченный гневом Максимиан приказал в наказание перебить весь гарнизон, в котором служил солдат. В последующие годы могила Маврикия под крутым утесом в неприветливом и поросшем лесом уголке долины Роны между Мартиньи и Женевским озером превратилась в место паломничества его собратьев по вере. Вначале могилу мученика посещали тайно, так как первым последователям христианского учения, если открывалось, что они исповедуют эту веру, грозила смерть; но после 313 года, когда Миланским эдиктом христианам было разрешено беспрепятственно молиться на всей территории Римской империи, могила превратилась в настоящую святыню. Около 390 года епископ Теодор из Мартиньи возвел на этом месте первую церковь, а в 515 году король бургундов Сигизмунд основал рядом монастырь. К тому времени могила святого Маврикия уже была знаменитым центром паломничества, не в последнюю очередь потому, что находилась на оживленном пути, ведущем к перевалу Большой Сан-Бернар, благодаря чему поток пилигримов сюда не ослабевал.

На протяжении последующих столетий в этом

месте строили новые церкви, расширяли их, и многие из них были разрушены камнепадами — с громадной плиты серого утеса, возвышавшегося над местом гробницы, постоянно обрушивались валуны. Существующее в настоящее время аббатство и примыкающий к нему монастырь словно стиснуты неприступным обрывом и проходящим по дну долины шоссе; в комплекс сооружений входят здания, датируемые различными эпохами, начиная с IV века нашей эры и кончая 1940-ми годами. В само аббатство ведет на удивление современный портал, где перечислены имена десятков христианских мучеников из различных стран, причем каждое — на соответствующем языке; в сокровищнице аббатства хранятся дары, которые паломники жертвовали на протяжении многих веков, среди них и те, что подарил Юшер, епископ Лиона в V веке, а также изящные золотые кувшины, инкрустированные драгоценными камнями, которые, как считается, были преподнесены Карлом Великим в 800 году. Со временем культ святого Маврикия распространился по всему миру; ему посвящены тысячи церквей, а две страны, Мавритания и Маврикий, названы в его честь. И легенда о святом жива и по сей день: раз в году, 22 сентября, по улицам Санкт-Морица

проходит торжественная процессия монахов, шествующих с мощами святого в старинном гробу с островерхой крышкой; и на протяжении всего года в церковь аббатства, как и шестнадцать сотен лет тому назад, идут и идут паломники.

История святого Маврикия и того, как его могила превратилась в священное место поклонения, представляет собой великолепный синопсис первой тысячи лет распространения в Альпах христианства, начинавшегося в древнеримскую эпоху как тайное течение вне закона и достигшего расцвета в великих альпийских монастырях, основанных в конце Средних веков. Наряду с Маврикием из римских легионов, расквартированных Альпах, вышли и другие мученики: одна история рассказывает о Феликсе и Регуле, дезертировавших из стоявшего в Вале легиона, которых мученическая смерть постигла в Цюрихе и которые были захоронены под городской церковью Фраумюнстер. Потом был обнародован Константиновский эдикт, и с ним последовали публичные демонстрации обращения в христианство: во Французских Альпах, в Дефи-ле-де-Пьер-Экрит, глубоком ущелье возле Систерона (римского Сегустерона), в скале высечена надпись на латинском языке, которая

свидетельствует о крещении Дардана, префекта Галлии, случившемся в V веке, и о последующем строительстве через ущелье первой дороги.

Среди простого народа и горожан, которые оставались верны своим языческим верованиям, обращения в христианство были распространены куда менее. Примерно тогда же, когда произошло обращение Дардана, в Альпах начали появляться христианские миссионеры, такие как братья Джулио и Джулиано, посланные из Рима проповедовать Писание людям в дикой местности вокруг озера Орта в итальянском Озерном краю. Джулиано основал церковь в Гоццано, к югу от озера, а Джулио жил отшельником на острове посреди того же озера, хотя местные жители утверждали, что тот населен драконами и змеями. (На месте скита Джулио в настоящее время стоит базилика в романском стиле, возведенная в IX веке; в церкви хранится кость, принадлежавшая одному из чудовищ, убитых Джулио, когда отшельник впервые ступил на остров; прах же святого хранится в урне в крипте.) Джулио и Джулиано были первыми миссионерами, а к последним десятилетиям римского господства в Альпах процесс обращения шел уже полным ходом. По всему региону возникали многочислен-

ные христианские церкви: пол средневековой церкви Санта-Мария дель Тильо, что в Граведоне на озере Комо, украшает мозаичное покрытие, которое прежде было полом церкви, заложенной на этом месте в V веке. В другом районе Альп, в Куре, в результате раскопок под великолепным романским кафедральным собором были обнаружены остатки более древней церкви, относящейся ко времени Асинио, ставшего первым епископом города в 451 году. Но к тому времени, как мы уже видели, римская эпоха в истории Альп близилась к концу. Этому региону предстояло пережить долгий период политической нестабильности, еще более заметной на фоне постоянно растущей активности христианства.

Священная Римская империя: замки, герцоги и князья

В 600 году алеманны и бургунды, которые заполнили вакуум, оставшийся в Центральной Европе после ухода Римской империи, были завоеваны новой доминирующей политической силой — франками. Эта могущественная группа германских племен, возвысившихся и занявших ведущее положение как деятельные и сильные противники римлян, доминировала в полити-

ческой жизни Европы на протяжении веков: в зените своего могущества франки владели большей частью того, что в настоящее время является Германией, Францией, Северной Италией, а также исторических Нидерландов (современных Нидерландов, Бельгии и Люксембурга), в том числе и Альпами, и правили своим государством из столицы в Ахене в северной Германии. В 507 году Хлодвиг, король франков, принял христианство и, таким образом, создал наиболее могущественное христианское королевство раннесредневековой Европы, предшественника Священной Римской империи.

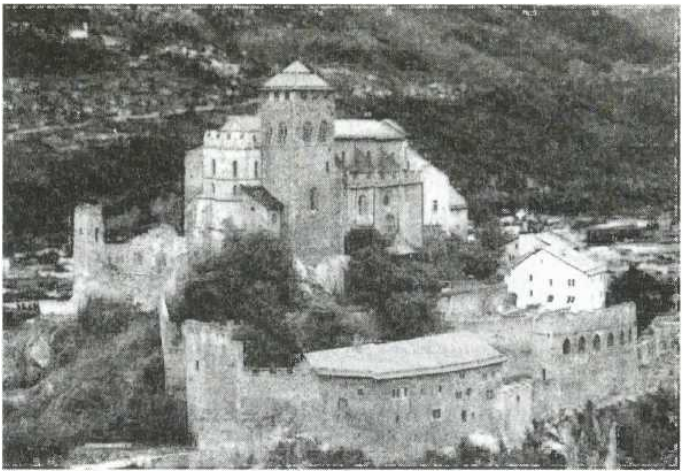
В первые века франкской экспансии сложился альянс с другим германским племенем, баварцами, которые заняли восточные районы Альп, в то время как франки взяли под свой контроль их западную часть. Подобно франкам, баварцы в завоеванных землях установили феодальный строй и приняли христианство. В VIII веке они основали в Австрии множество монастырей, в том числе монастырь на Мондзее возле Зальцбурга, церкви которого больше тысячи лет спустя были использованы в сцене свадьбы в фильме «Звуки музыки». Еще позже баварцы вытеснили славян из герцогства Карантания (Каринтия), которое

те основали в том районе, где сейчас проходит австрийско-словенская граница.

Необычный экспонат из «Ландесмузеума» в каринтийском городе Клагенфурте датируется именно этим временем. Верхушке древнеримской колонны придана форма табурета с гладким широким сиденьем, памятник известен под названием *Furstenstein*», или «Княжеская скамья». Этот камень играл заметную роль в государственных церемониях, подтверждавших власть немецкоязычных правителей над говорившими по-славянски крестьянами, которые остались здесь после наступления баварцев. Подобное использование колонны указывает на то, что римляне, прославленные поборники закона и порядка, почитались по-прежнему; вожди франкских и баварских племен, должно быть, остро осознавали политическую тень, которую на Европу еще долгое время отбрасывало римское владычество, даже тогда, когда они приступали к установлению нового, послеримского, политического устройства.

В то время как баварцы в восточной части Альп преодолевали сопротивление славян, франки столкнулись на западе с совершенно иным врагом. Сарацины, мореплаватели из Северной

Африки, предпочитали промышлять в открытом море пиратством, но также воевали и на суше, совершая частые набеги и вторгаясь в Италию и южную Францию. После поражения сарацин в битве при Пуатье в 732 году часть их осталась в Европе, и в соответствии с традицией некоторые из говорящих по-арабски пришельцев поселились в альпийских долинах, занявшись сельским хозяйством. (Они получили также и политический плацдарм: в начале X века король Италии Гуг Прованский после военных успехов сарацин был вынужден передать под их опеку целый ряд альпийских перевалов.) Если верить легенде, одной из областей, где в те века поселились сарацины, была отдаленная долина Валь-д'Эранс возле Сьона, в самом сердце Валейских Альп. В этой долине и сегодня звучит гортанная речь, напоминающая арабский язык, а люди, что живут в тени крутых скалистых склонов, имеют смуглую кожу и темные глаза, что наводит на мысли о возможном их средиземноморском происхождении. Во всем Вале жители Изерабля известны как беджуи — как предполагают некоторые, это название происходит от слова «бедуин», — а пик Аллалинхорн у Саас-Фе своим названием может быть обязан слову «Аллах».

Рассказы о сарацинах широко распространены и в других районах западных Альп: рядом с Систероном в Альпах Верхнего Прованса есть группа скал, носящих название Пенитен-де-Ме. Их возникновение местные легенды связывают с такой историей: однажды несколько монахов влюбились в красавиц-арабок — девушек местный правитель привез из своего похода против сарацин. Святой Донат покарал монахов за греховную похоть, превратив их в камни, когда они шагали друг за другом по берегу реки Дюране. Все это, разумеется, сказки и вымысел, но легенды,

по крайней мере, способны пролить некоторый свет на прихотливость и запутанность событий в столетия после ухода римлян; не зря же эта эпоха в европейской истории известна как «Темные века».

Постепенно, однако, мрак рассеялся, наступил период политической стабильности, и Альпы (и большая часть остальной Европы) превратились в мозаику из герцогств и княжеств, большинство которых, по меньшей мере номинально, находилось под контролем Священной Римской империи. Первым обладателем императорского титула, хотя и неопределенного, был легендарный Карл Великий (Шарлемань), который, будучи королем франков, в Рождество 800 года был коронован папой в качестве *Patricius Romanorum* — «Защитника Рима» в благодарность за спасение шестью годами ранее папского государства от ломбардцев. Коронация проходила в соборе Святого Петра, и, чтобы добраться до Рима из Падерборна в Северной Германии, Карлу Великому вместе с пышной свитой пришлось преодолеть Альпы; на средневековых фресках в церкви Санто-Стефано в деревне Каризоло возле Тренто в Доломитах увековечена часть кортежа будущего императора, когда он проходил

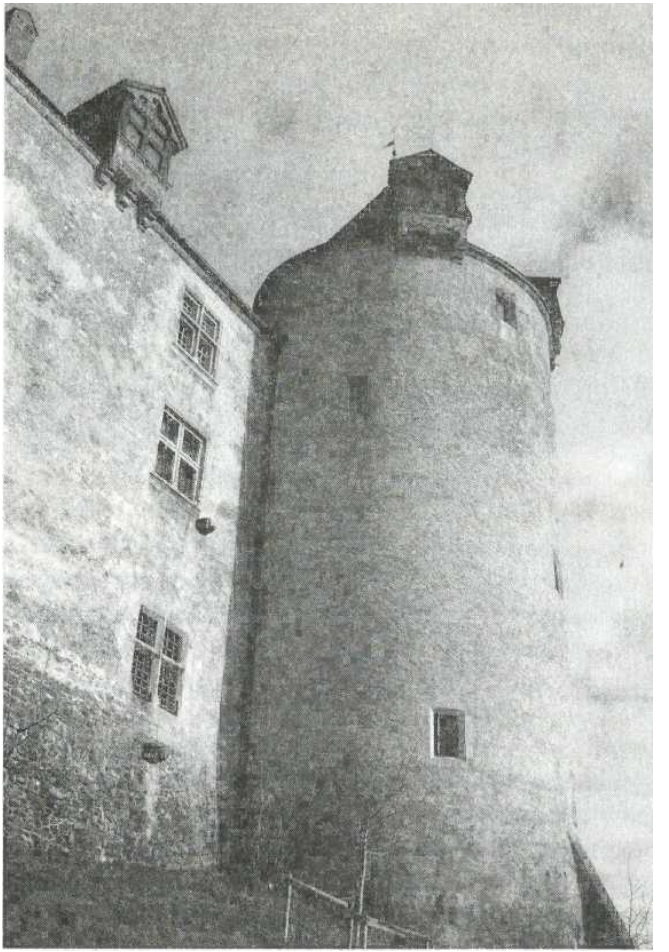
долиной Кампильо. (В Германию через Альпы он возвратился другой дорогой, через перевал Большой Сен-Бернар.) В последующие столетия императоры Священной Римской империи превратились в самую главную, пусть и номинально, политическую фигуру в Европе (уступая только папе). Но, принимая во внимание затрудненность сообщения между различными частями империи, непрекращающееся соперничество местных правителей и их растущее эго, неудивительно, что аристократические семейства стали могущественными владыками повсюду в Альпах: теоретически обязанные повиноваться императору, они обращали мало внимания на его повеления: в действительности их намного больше интересовало то, как бы поставить в горах побольше замков.

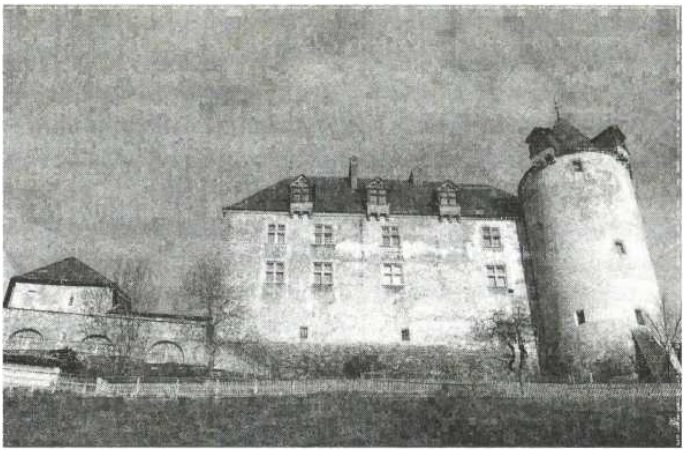
Главная улица городка Грюйер.
Фото О. Королевой

Одним из превосходных образчиков средневековой альпийской крепости, относящейся к тому времени, является замок Грюйер, расположенный в дикой и отдаленной местности к северу от Лозанны, на отрогах Бернского Оберланда. Между 1080 и 1554 годами здешним замком последовательно владели девятнадцать графов Грюйер. Суровые зубчатые стены и неровный ряд приземистых башен живописно обрамлены отвесными пиками, высящимися позади замка; вокруг — только крутые, густо поросшие лесом

склоны, которые возвышаются от заросших сочной травой лугов, где пасутся коровы, дающие знаменитый сыр «грюйер». В 1493 году замок был уничтожен пожаром и отстроен заново в вычурном стиле, скорее как роскошный дворец, а не укрепленная крепость — подобная судьба постигла многие альпийские замки, по мере того как на смену политическим потрясением Средневековья приходили более спокойные времена. Благодаря перестройке замок сохранился, и в настоящее время крошечную деревеньку Грюйер, которая гнездится под стенами замка, переполняют туристы — свыше миллиона человек в год, отчего привлекательная, мощеная булыжником главная улица превратилась в скопление сувенирных лавок (где продают главным образом обычный швейцарский китч в виде коровьих колокольцев и часов с кукушкой, хотя на продажу в изобилии выставлены и причудливые сувенирные доски для нарезки сыра).

Виды замка Грюйер.
Фото О. Королевой

Виды замка Грюйер.
Фото О. Королевой

У других замков во франкоязычной Швейцарии история чуточку иная: один, у Эгля, относящийся к XIII веку, до 1972 года служил тюрьмой, а теперь стал музеем вина, а суровый замок Валер, один из двух замков, которые зловеще высятся над Сьоном на естественных скальных обнажениях в центре широкой долины Роны, славится самым старым в мире действующим органом

(датируемым 1390 годом); сам замок возведен на месте древнеримских укреплений. За перевалом Большой Сен-Бернар, в Италии, своей кровавой историей и множеством возведенных замков славится другая область: в Средние века вдоль долины Доры, восточнее и западнее Аосты, семейством Шаллан были построены десятки замков. Один из замков, у Берреса, стал самой первой в Альпах крепостью, где был оборудован туалет, а пышная дворцовая резиденция Шалланов в Иссонье может гордиться внутренним двориком с аркадой, украшенным живописными фресками, на которых изображена оживленная главная улица средневекового города. В той же долине семья Фенис, боковая ветвь Шалланов, построила возле Нуса замок Кастелло-де-Фенис — скопление сказочного вида башенок и башен, он знаменит также превосходными готическими фресками, в том числе и той, на которой святой Георгий спасает попавшую в беду девицу, поражая дракона, а на них взирают с благочестивым видом святые, которые держат в руках свитки с начертанными на них письменами. Но ни один из замков не идет ни в какое сравнение с замками вокруг Больцано, того североитальянского города, где в своей ледяной резиденции пребы-

вает Этци. С верхушки зубчатой стены замка Шлосс-Хохэппан, расположившегося на холмах возле города, можно разглядеть свыше тридцати замков и крепостей, что высятся на обрывах и утесах, господствующих над широкими долинами, которые сходятся воедино у Больцано и идут дальше к Бреннерскому перевалу. Большинство замков лежат в развалинах или же превращены в модные и экстравагантные рестораны, но само их присутствие среди виноградников и бледных известняковых скал служит напоминанием о тех столетиях, когда эта область была ареной кровопролитной вражды между двумя могущественными аристократическими кланами — графами Эппанскими и Тирольскими.

В политический коктейль средневековой Европы — и без того уже непростой — добавился еще один важный ингредиент: князья-епископы. Эти правители нового типа пользовались покровительством императора Священной Римской империи и в то же время обладали как светской, так и духовной властью, что делало их исключительно могущественными в пределах своих территориальных владений. Одним из первых княжеств-епископств был Зальцбург, основанный франкским монахом святым Рупертом в

700 году. Вскоре епископы Зальцбурга взяли под свой контроль территорию, простиравшуюся на юге до Каринтии и включавшую в себя многие языческие до той поры долины восточных Альп, жители которых, как считалось, вполне готовы для обращения в христианскую веру. Богатство и власть средневекового Зальцбурга зиждились на соляных шахтах Халлейна, и постепенно князья-епископы Зальцбурга превратились в самых влиятельных в регионе. В XI веке на скалистом холме у Верфена в южной части своих владений князь-епископ Гебхард фон Фельзенштейн возвел крепость — как бастион против посягательств баварцев; крепость Хоэнверфен расположена в одном из самых живописных мест Альп: из окон поездов, курсирующих по главной линии на юг из Зальцбурга в центр Австрии, открывается потрясающий вид. Другими могущественными князьями-епископами в этом регионе были правители Бриксена, которые в 1004 году завладели землями вокруг города Блед в Юлийских Альпах; в часовне Бледского замка есть фреска, относящаяся к тому времени и изображающая императора Генриха II, дарующего Блед в собственность первому из князей-епископов Бриксена, Альбуину.

В Альпах кантона Вале в очертания местности

возле средневекового города Сьона, над которым уже доминировал Валерский замок, в 1294 году внес изменения могущественный князь-епископ Бонифаций де Шаллан: на холме, примыкающем к тому, что занимала прежняя крепость, он построил собственный замок Турбийон. В настоящее время замок лежит в развалинах после случившегося в XVIII веке пожара, и эти руины, прелестная мешанина остатков каменной кладки и столиков для пикников, обрушившихся зубчатых стен и каменистых тропинок, пользуется популярностью у местных жителей и приезжающих сюда на выходные туристов как уголок семейного отдыха. Город Тренто в Северной Италии также находился под властью могущественной династии князей-епископов; самым известным был Георг фон Лихтенштейн, который правил между 1391 и 1407 годами и который сделал Тренто замечательный подарок — такого наследия не оставил больше никто из альпийских князей-епископов: интерьер одной из дозорных башен в замке Кастелло-дель-Буонконсильо украшают фрески, в тщательно прописанных деталях которых изображена обычная жизнь крестьян и знати в каждый месяц года, с игрой в снежки в январе и сенокосом в мае. Эта

настенная роспись относится к самым значительным образчикам готического искусства Европы.

Лихтенштейн: последнее княжество

С упоминанием семейства Лихтенштейн рассказ приводит нас к крошечному горному государству с тем же названием, расположенному на восточном берегу Рейна, в сердце Альп. Зажатое между Австрией и Швейцарией, княжество Лихтенштейн — единственный уцелевший остаток того сложного лоскутного одеяла из герцогств и княжеств, что некогда составляли Священную Римскую империю. Фон Лихтенштейны были влиятельной, знатной средневековой семьей, чьим родовым поместьем был Медлинг возле Вены. В XII веке один из Лихтенштейнов, Гуго, унаследовал эту альпийскую территорию, однако на протяжении веков контроль над нею переходил от одной семьи к другой, пока в 1699 году Иоганн Адам Андреас фон Лихтенштейн не купил владение Шелленберг, чтобы получить место в совете имперских князей в Германском имперском сейме. Шелленберг был северной равнинной частью того, что впоследствии стало княжеством; в 1712 году тот же самый граф приобрел владение Вадуц, теперешнюю столицу, и

так родилось княжество Лихтенштейн. Независимость Лихтенштейна от двух появившихся в Европе XIX века сверхдержав (Германии и Австрии) была признана в 1866 году, и нынешним главой государства является князь Ханс Адам II фон унд цу Лихтенштейн, прямой наследник Гуго XII века и Иоганна Адама Андреаса XVII века.

Размером с остров Манхэттен, страна стоит на четвертом месте в списке самых маленьких государств мира и живет за счет сельского хозяйства, банковского дела, выпуска почтовых марок, а еще — благодаря туристам, которые, сами вообще-то не зная почему, приезжают сюда на автобусах. С 1923 года между Лихтенштейном и Швейцарией заключен договор об «открытой границе», местной национальной валютой является швейцарский франк, однако княжество совершенно независимо в своей политике: в Организацию Объединенных Наций оно вступило только в 1990 году и (подобно западному соседу) не выказывает никакого желания связывать свою судьбу с Европейским Союзом. Местопребыванием правительства является средневековый замок, который мрачно взирает на Вадуц с крутого склона холма, его башни и башенки отчетливо вырисовываются на поразительном горном фоне (наивысшая

точка княжества — пик Наафкопф высотой 2570 метров). Страной с населением в 32 000 человек управляет последний в Европе наследственный монарх, который обладает действительно реальной властью (хотя принимаемые им решения должны быть ратифицированы избираемым голосованием парламентом). Живут лихтенштейнцы главным образом в Вадуце — его кварталы многоквартирных домов протянулись от замка к берегам Рейна, — а также в маленьких деревнях и селениях, разбросанных по Унтерланду, унылой области густых лесов и холмов в сужающейся к северу части страны. Однако, по правде говоря, ничего особенного в Лихтенштейне нет, не считая разве что определенной новизны; горы хорошо подходят для занятий лыжным спортом и пеших прогулок, впечатления от вида замка — яркие и запоминающиеся, а магазины модных дизайнеров в Вадуце кому-то, возможно, и понравятся, но вообще-то он ничем не отличается от любого средних размеров городка на другом берегу Рейна, в Швейцарии. Значение Лихтенштейна определяется лишь его атавизмом, тем, что он сохранил черты старинного и забытого политического устройства: нынешний правитель — последний оставшийся до нашего времени

наследник всех тех князей, князей-епископов, князей-архиепископов, герцогов и королей, которые в Средневековье властвовали в мозаичных протогосударствах, что некогда занимали весь альпийский регион.

Савойя и Дофине

В состав Священной Римской империи входило сильное королевство Савойя — политическое образование, восходящее к древнему франкскому королевству Бургундия; во времена могущественного феодального владыки Юмбера (Гумберта) I Белорукого, правившего Савойей в XI веке, она занимала район западных Альп между Женевским озером и рекой Изер. Юмбер основал сильную династию, чье состояние то убывало, то прибывало; в начале XIV века для савояров наступили тяжелые времена, территория Савойи была разделена, и ее южную часть продали королю Франции. Эта область получила известность под названием Дофине, от французского слова *Dauphm*, которое само происходит от прозвища «Дельфин»: так мать графа Гига III, родом англичанка, называла своего младшего сына Юмбера, при чьем содействии была осуществлена продажа (с того времени наследников французского

престола также величали титулом «дофин»). В 1339 году в Гренобле, ставшем столицей Дофине, Юмбер основал университет; один из старейших университетов Европы, в настоящее время он стал знаменитым центром изучения географии и геологии Альп, а также прославился исследованиями в области ядерной физики.

Тем временем на севере савояры выступали как стражи многочисленных альпийских перевалов, торговля через которые становилась все более оживленной, взимаемые же с торговцев налоги изрядно обогатили правящее семейство. К концу Средних веков наследники могущественных и харизматических правителей прошлого держали двор в столице Савойи Шамбери и сумели восстановить престиж династии, пошатнувшийся после утраты Дофине: Амадей VI (1343-1383) прославился как Зеленый Граф, потому что для участия в турнирах облачался в одежды таких цветов; Амадей VII (1383-1391) был известен как Красный Граф, по цвету крови, что он пролил в многочисленных сражениях, а Амадей VIII (1391-1440) носил титул герцога Савойского, пожалованный ему императором Священной Римской империи, и подчинил Савойе город Женеву и Пьемонт, область на севере Италии.

Территория Савойи расширялась все дальше и дальше на восток, и в 1563 году столицу из Шамбери в центре Французских Альп перенесли в Турин, на североитальянскую равнину; пятнадцать лет спустя знаменитая плащаница, саван распятого Христа, которая до той поры находилась в савойских руках и хранилась в церкви Сен-Шапель в Шамбери, была перевезена в кафедральный собор Турина, где находится и поныне. В последующие столетия Савойю многократно захватывали французские войска (особенно часто это случалось в XVII веке, а потом и позже, уже при Наполеоне), но окончательно частью Франции она стала только в 1860 году. Савойей по-прежнему правила та династия, которую основал в 1034 году Юмбер I, и фактически Савойский дом оставался старейшим в Европе правящим родом, закат его наступил только в 1946 году, когда последний король Италии, савояр Умберто II, был вынужден отречься от престола. В 1983 году Умберто скончался, и его похоронили в Королевском аббатстве де Откомб, бывшем монастыре на берегу озера Бурже, который еще со Средневековья служил усыпальницей многих членов Савойского дома; прежде здесь упокоились Бонифаций, член семьи правителей Савойи,

ставший в XIII веке архиепископом Кентерберийским, и Беатриса Савойская, чьи четыре дочери стали королевами Англии, Франции, Сицилии и германской императрицей. Отреставрированная церковь, что оседлала скалистый мыс, вдающийся в озеро, является памятником и наглядным свидетельством могущества Савойского клана; в наши дни она стала прибежищем христианской группировки под названием «Шемен неф» («Новый путь»); церковь и монастырь, после того как в 1992 году их покинули последние монахи-бенедиктинцы, были захвачены ее последователями, и большую часть времени они сопровождают туристов, толпы которых приплывают сюда на катерах с популярного курорта Экс-ле-Бен на другой стороне озера.

В отличие от Савойи история Дофине не может похвастать столь же яркими и захватывающими страницами, хотя на ее земле и родились два выдающихся военных деятеля.

Первый из них — Пьер Террай, который появился на свет в 1476 году в замке Баярд (Баяр) возле Поншарра, что к северу от Гренобля. Пьер родился в семье рыцарей и воинов и еще мальчиком прославился своим бесстрашием и мастерством в верховой езде. В возрасте тринадцати лет он уехал

из Дофине и стал пажом при герцоге Савойском Карле I; вскоре юноша оказался при дворе короля Франции Карла VIII и в шестнадцать лет впервые принял участие в настоящем турнире, победив в поединке одного из лучших турнирных бойцов королевства. Вершиной его блестящей карьеры воина и политического деятеля стало назначение в 1515 году наместником Дофине; в 1524 году он погиб на поле битвы, разделив судьбу своих предков по мужской линии. К тому времени Баярд превратился в почти легендарную личность, став последним и, вероятно, самым знаменитым образцом рыцарского поведения, воплощением лучших героических качеств и воинской чести, которые составляли кодекс средневекового рыцарства: многие столетия после гибели Баярда его превозносили как *cheavaliersanspeuret sans reproche* («рыцаря без страха и упрека»). Его старинный замок у Поншарра частично сохранился, там в настоящее время действует музей, посвященный жизни Баярда.

Вторая историческая фигура, связанная с Дофине, — Себастьян Ле Претр де Вобан (1633-1707), выдающийся военный стратег и инженер, который руководил пятьюдесятью тремя осадами, а построенные им мосты, здания, каналы, га-

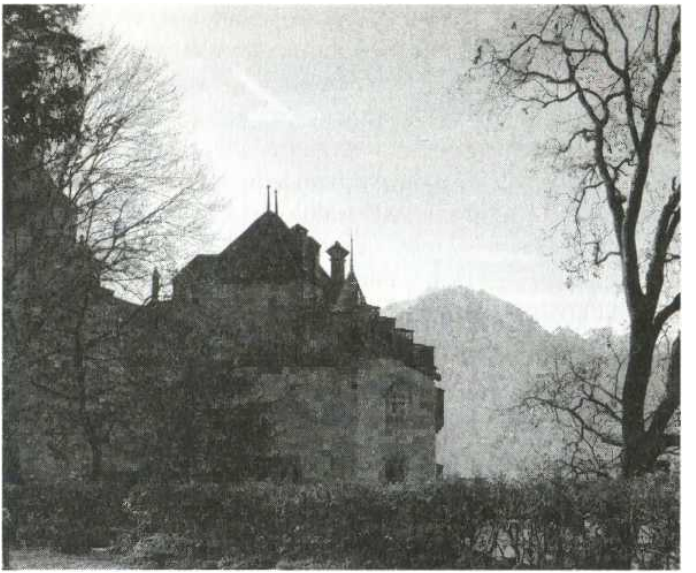
вани и крепости разбросаны среди гор южных Французских Альп. В XVII веке по распоряжению Людовика XIV, желавшего защитить французскую территорию Дофине от нападений савояров, Вобан возвел между Антибом и Бриансоном двенадцать грозных замков. Одно из самых знаменитых творений Вобана — гигантская крепость в Бриансоне (который расположен выше всех прочих городов Европы, на высоте 1321 м); ее башни возвышаются над Дюрансом на скале, на которой в прошлом стояли укрепления римлян и кельтов. (В 1904 году здесь разместили военную лыжную школу, крепость по-прежнему используется в военных целях.) Другой примечательный замок был возведен в Кольмаре, который в 1690 году был осажден савоярами; Вобан построил крепость в свойственной ему и узнаваемой манере: сверху она имела вид многолучевой звезды, благодаря чему солдаты, оборонявшие каждый луч, имели возможность защищать также и два соседних луча. На горе Дофин возле Бриансона Вобан создал одно из самых своих значительных сооружений: укрепленный военный лагерь, удерживающий подходы к Коль-де-Вар; в руках армии он оставался до 1980 года, а потом был преобразован в центр искусств и ремесел с ма-

стерскими. Кроме того, Вобан строил замки во многих пограничных областях Франции, в том числе в Эльзасе, во Фландрии и в Пиренеях, и его творения отражают рост военной мощи Франции на протяжении столетия, кульминацией которого стало правление Наполеона.

Шильонский замок

Тем не менее ни одно из грандиозных и неприступных сооружений Вобана никак не может сравниться по известности и красоте с самым знаменитым замком во франкоговорящей части Альп. Шильонский замок, возведенный на северном берегу Женевского озера, на узком мысу, входит в число лучше всего сохранившихся средневековых замков Европы. В своем романе «Отель “У озера”» Анита Брукнер описывает замок так: «...отталкивающий своей мрачностью и суровостью, уравновешивающий силуэтом ослепительный блеск воды», — однако вдобавок это еще и романтический уголок, словно бы плывущий над озером, с мерцающими в тумане башенками, обрамленными высокими пиками Савойских Альп, что высятся на южном берегу озера. Здесь обнаружены следы поселения бронзового века, но первая возведенная тут крепость

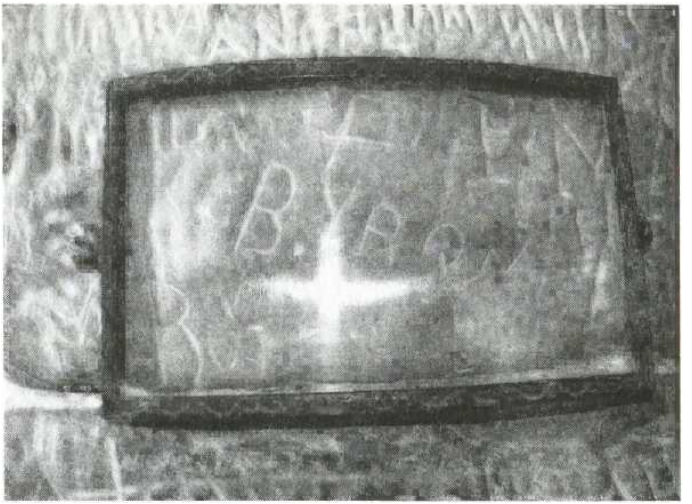
была римской постройки, она предназначалась для взимания пошлин с торговцев, двигавшихся по дороге вдоль северного берега озера к перевалу Большой Сен-Бернар. В начале Средневековья эти земли находились в руках богатых и могущественных епископов Сьона, которые в 1150 году передали замок правителям Савойи. В XIII веке Петр (Пьетро) II Савойский превратил его в пышную прибрежную резиденцию, где родовитая знать Савойи пировала, предавалась расточительным развлечениям и кутежам. И все равно замок продолжал играть оборонительную роль, и эта двойственность его функций очевидна и сегодня: сумрачные и сырые темницы и мощные толстые стены сохранились в прежнем виде, хотя прочие помещения замка отличаются изысканным декором, из окон комнат открываются чудесные виды на озеро, внутренние дворики вымощены неправильной формы брусчаткой, а стены обегают крытые деревянные переходы-галереи. Хотя многие роскошные дворцовые покои были обновлены в XVI веке, в кухнях уцелели прежние первоначальные потолок и опоры, относящиеся к 1260 году, когда Петр перестроил крепость, а в маленькой темной сводчатой часовне сохранились остатки фрески той же эпохи.

Шильонский замок и Женевское озеро.
Фото О. Королевой

В начале XVI столетия, когда Савойскому дому приходилось считаться с постоянно растущей мощью Габсбургов, замок служил тюрьмой, здесь же находился гарнизон. Самым известным заключенным замковой тюрьмы стал ученый Франсуа Бонивар, который вызвал гнев савояров тем, что призывал народ Женевы войти в союз со

Швейцарской конфедерацией против Савойи. На самом деле его узилище было просторной галерей, сумрачной из-за высоких узких окон и сырой из-за близости плещущих у стен волн; сводчатый потолок поддерживает ряд из семи прочных колонн (Бонивар был прикован к пятой из них). В 1536 году армия Берна захватила крепость, изгнав из нее савояров, и освободила Бонивара, который к тому времени томился там шесть лет; впоследствии бернцы использовали здания замка в качестве склада и арсенала, здесь находилась резиденция бернских бальи, а в 1798 году замок был передан кантону Во. Рубеж XIX века ознаменовался началом великой эпохи альпийского туризма, и тогда замок посетили два известных английских поэта, Байрон и Шелли, которые в 1816 году специально приехали сюда и которым историю о Бониваре поведал местный гид; по возвращении в гостиницу Байрон пересказал услышанную историю в своей знаменитой поэме «Шильонский узник». О самой темнице Шелли написал, что никогда не видел «более ужасного памятника холоду и бесчеловечной тирании», а Байрон, как хорошо известно, вырезал на одной колонне свое имя.

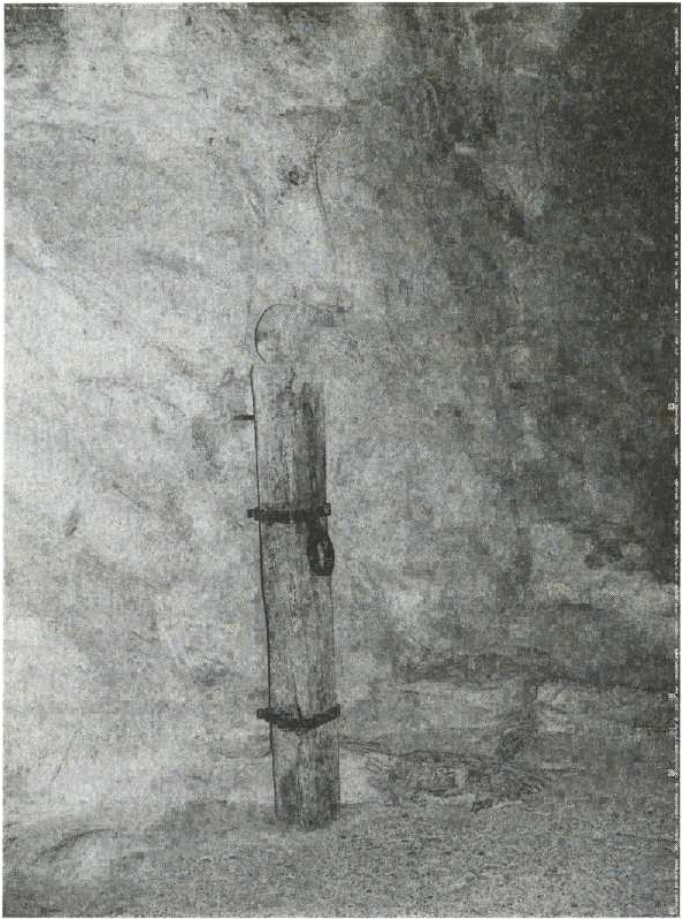

Автограф Байрона на колонне Шильонского замка.

Фото О. Королевой

Поэма прославила Байрона — и Шильонский замок — на всю Европу и Америку. В 1880 году в Шильонском замке побывал Марк Твен и в характерной для него насмешливо-иронической манере отнесся к пересказанной Байроном истории Бонивара. «Его темницей была прекрасная прохладная комната, и я положительно не понимаю, почему он был так недоволен ею,

— сардонически отметил Твен. — Но в своей хорошенькой поэтичной темнице он, право, мог недурно проводить время. В ней есть причудливые оконные отверстия, пропускающие широкие полосы яркого света, и величественные колонны, как будто вырезанные из цельной скалы.

Столб для узников в Шильонском замке; к такому столбу попросил приковать себя Байрон, чтобы на собственном опыте познать ощущения заключенного.
Фото О. Королевой

И главное, эти колонны покрыты тысячами вырезанных и написанных имен, между которыми можно встретить имена таких знаменитостей, как Байрон и Виктор Гюго. Вообще, мне кажется, страдания Бонивара очень преувеличены». Твен также язвительно отозвался о «пропасти туристов и курьеров», толпящихся там изо дня в день («так что вряд ли ему приходилось скучать в одиночестве»). Замок и по сей день — один из самых посещаемых туристических объектов в западных Альпах, традиционно привлекающий гостей; в сумрачной темнице и в великолепных чертогах эхом отдаются слова на множестве иностранных языков (информация аудиогида доступна на двадцати языках, в том числе на каталанском и литовском, хотя для большинства туристов родным, по-видимому, будет или английский, или японский). Особенно приятна пешая прогулка в замок из Веве — вдоль берега озера, по променаду, под тенистой сенью зеленой тропической листвы. Однако вблизи замок

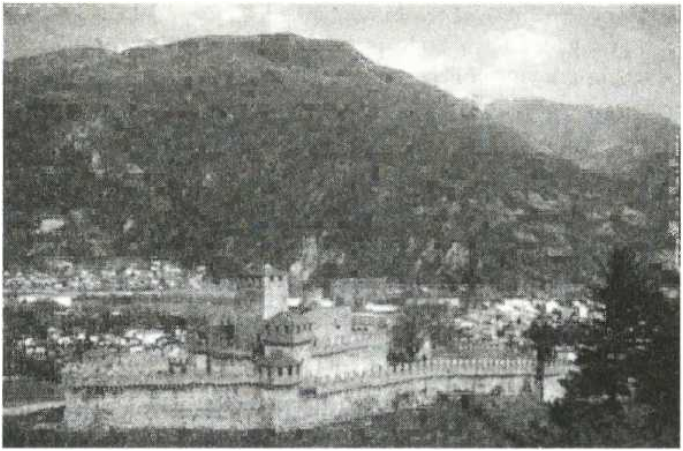
разочаровывает, так как кажется, что его чуть ли не сталкивают в озеро железная дорога и шоссе, которые теснятся на узкой полоске земли между крепостными стенами и горным склоном, — этот вид в корне отличен от того, что изображен Дж. М. У. Тернером на картине начала XIX века: тогда на берегу был виден один только замок, и больше никаких сооружений, а вокруг озера раскинулись леса и поля.

Висконти и венецианцы

Область восточнее итальянской территории, контролируемой Савойским домом, постепенно переходила в руки не менее могущественной средневековой династии — Висконти из Милана. Начало их господства относится к XI веку, когда семейство получило наследственный титул виконтов Милана; в 1262 году Оттон Висконти был назначен архиепископом Милана, и к первой половине XV века большая часть Северной Италии (за исключением области вокруг Турина) оказалась под контролем Висконти. Замки, относящиеся к этому времени, разбросаны по всей Северной Италии, и немалое число их находится в южной, говорящей на итальянском языке части Альп. Город, больше всего наделенный замками

Висконти, — это Беллинцона, расположенная в живописной долине реки Тичино, в том месте, где та устремляется вниз, на итальянскую равнину, от своего истока у перевала Сен-Готард; над окружающей местностью господствуют ни много ни мало три средневековых крепости, все они были выстроены или контролировались кланом Висконти. Под власть этого семейства Беллинцона подпала в 1242 году, и к этому же времени относится первая из крепостей, Кастельгранде. Она возвышается в центре города на скале, известной как Монте-Сан-Микеле (грозная Белая башня — единственная уцелевшая часть первоначального замка). Другая богатая итальянская семья, Рускони из Комо, в начале XV века возвела второй из трех замков Беллинцоны — Кастелло-ди-Монтебелло, две крепости связали линией укреплений, перегородив фортификациями долину. В 1479 году Сфорца, близкие родственники и наследники Висконти, заново укрепили оба замка, а на высоком склоне холма, обращенном к городу, построили третий, Кастелло-ди-Сассо-Корбаро; они пытались остановить вторжение сторонников Швейцарской конфедерации, которые несколько ранее нанесли поражение миланским войскам в битве при Джорнико. Но

все оказалось бесполезным: в отличие от представителей Савойской династии, Висконти не удалось сохранить свои владения, и к 1500 году время их династии окончилось; Тичино перешел под контроль Швейцарии, и Северная Италия превратилась в арену новой череды династических свар. Три замка в Беллинцоне, с их любовно ухоженными лужайками и подстриженными газонами, с отреставрированными зубчатыми стенами, теперь являются памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО, а их помещения отведены под музейные залы, художественные галереи и рестораны. (Еще один примечательный замок, принадлежавший Висконти, находится в Локарно — это Кастелло Висконтео, он сильно пострадал во время нападения швейцарцев в 1513 году; в настоящее время в нем располагается городской археологический музей.)

В вечной ссоре с семейством Висконти находилась Венецианская республика, щупальца которой ко второй половине XV века дотянулись и до Альп. Однажды, в 1439 году, чтобы сразиться с миланским флотом, венецианцы даже доволокли свои корабли до Торболе на северном побережье озера Гарда, где и спустили их на воду; галеры перекатывали на бревнах, причем и через невысокий перевал Сан-Джования (320 м). Среди других городов во владении венецианцев был Бергамо неподалеку от Милана, его необычайно красивый Старый город построен на последних отрогах южных Альп, там, где горы изящно пе-

реходят в плоские равнины долины реки По. Одним из главных памятников того времени является красивая капелла Коллеони — часовня в городской церкви Санта-Мария, построенная в 1470-х годах по заказу Бартоломео Коллеони, наемника из Бергамо, который дважды возглавлял венецианские войска, действовавшие против миланцев. Капелла и внутри и снаружи украшена пышно и экстравагантно: ее убранство составляют миниатюрные сводчатые галереи, балюстрады и спиральные колонны, изваянные из мрамора пастельных оттенков. Активность венецианцы проявляли и глубже в горах: за контроль над Тренто они сражались с тирольцами, захватив в 1487 году этот город в Доломитах. В этом городе можно увидеть золотого льва святого Марка, эмблему Венецианской республики, как и в Бергамо, и в старинном городе Роверето южнее Тренто, которому пять столетий спустя суждено было сыграть ключевую роль на Альпийском театре Первой мировой войны.

Возвышение Габсбургов

В то время как Висконти вели борьбу за господство в италоязычной части Альп, а власть Савойи и Франции распространялась во франкоговоря-

щих регионах, в тех областях этой горной страны, где основным языком был немецкий, о себе заявила еще более внушительная политическая сила. На протяжении почти семи столетий в политике Центральной Европы доминировали Габсбурги — начиная от возвышения династии в XIII веке и до ее крушения после Первой мировой войны. В поздний период габсбургской эпохи альпийские области империи считались едва ли чем-то большим, чем отдаленная тихая заводь, уголок, далекий от изощренного коварства и имперского блеска Вены. Но в Средневековье дела обстояли отнюдь не так, поскольку в конце XV века Максимилиан I, один из самых известных императоров из династии Габсбургов, в качестве своей имперской столицы выбрал Инсбрук, расположенный в самом сердце Альп, — благодаря ему тот может похвастаться наиболее впечатляющим собранием памятников среди всех альпийских городов.

Начало владычества Габсбургов было положено в 1273 году, когда германские выборщики провозгласили малоизвестного графа по имени Рудольф Габсбургский императором Священной Римской империи; вскоре это решение было утверждено папой римским, и в конце концов новость об обретении императорского достоин-

ства добралась и до Рудольфа, занятого осадой Базеля. (В то время титул и положение императора Священной Римской империи с точки зрения реальной власти перестали что-либо значить; однако император наделялся неким квазилегендарным властным статусом, и этому титулу суждено было оставаться в руках Габсбургов, пока в 1806 году его не упразднил Наполеон.) Наследственным владением Рудольфа был замок Хабихтсбург, расположенный у слияния рек Ааре и Рейна, — в этом месте ныне проходит граница между Германией и Швейцарией. В течение десятилетий после избрания Рудольфа его семья взяла под свой контроль большую часть того, что в настоящее время образует низменную часть Австрии; затем, в 1363 году, герцог Рудольф IV получил Тироль в наследство от своей сестры Маргариты, и впервые часть Альп попала в руки Габсбургов. В 1380-х годах герцог Леопольд III держал двор в Инсбруке, но именно его внук, Максимилиан I, решил превратить Инсбрук в пышную имперскую столицу, которая дала городу богатое архитектурное наследие (и табуны туристов), благодаря чему город известен сегодня во всем мире.

Инсбрук — один из великолепнейших городов

Альп. Он занимает плоскую равнину, по которой колоссальным шабером прошелся ледник; с северного края его окаймляет громадная скалистая стена Нордкетте, чей неровный угловатый серый фас зловеще вырисовывается над городом. Десять минут неспешной прогулки из древнего центра Инсбрука — и вы на нижней станции канатной дороги, кабины которой пересекают Инн по изящному консольному мосту, а затем, скрежеща и трясясь, одолевают крутой подъем вдоль нижнего склона Нордкетте — это первый этап путешествия из трех частей, которое завершается на станции фуникулера на Хефелькаре (2334 м), откуда — что неудивительно — открывается потрясающий вид на город и окружающие горы. На юге нижние отроги Патшеркофеля (2246 м) возвышаются над серебристым шрамом трамплина, построенного к зимним Олимпийским играм 1976 года. Говорят, Инсбрук — единственный в Альпах город, где офисные служащие во время обеденного перерыва могут кататься на лыжах. Но, разумеется, ничем подобным Габсбурги не интересовались, как не заботило их и чудесное природное окружение столицы. Для них интерес представляло не то, как горы выглядели, а то, что находилось под горами, а именно — обширные

месторождения серебряных руд возле Шваца, которые должны были стать источником богатства для быстро растущей империи.

В 1493 году, в тридцать четыре года, Максимилиан I стал императором. По картинам, написанным с него в молодом возрасте, известно, что он обладал совершенной юношеской фигурой, и на протяжении всей своей жизни славился рыцарственным поведением и изысканными манерами. Будучи совершенно уверен в собственных достоинствах, Максимилиан даже сочинил автобиографию «Белый король», в качестве образчика для будущих принцев, проиллюстрировав ее ксилографиями, которые демонстрировали его доблесть и мужество, приверженность культуре, стремление к знаниям и физическому совершенству. С учетом этого неудивительно, что он был также знаменит своим невероятным эгоизмом: как считается, он разгласил то, о чем тайно грезила его дочь Маргарита, — что придет день, когда он станет одновременно и императором Священной Римской империи, и папой римским, объединив таким образом христианский мир под главенством одного повелителя.

Наиболее известным наследием Максимилиана в Инсбруке является «Гольденес дахль»

— лоджия «Золотая крыша». Ее покатый скат накрывает узкий балкон в центре города, откуда члены императорского двора могли взирать на устраиваемые на площади увеселения. Созданный в 1490-х годах балкон украшают рельефы — мавританские танцоры выступают перед Максимилианом и его второй женой Бьянкой-Марией Сфорца. Она изображена с яблоком в руках, которое в знак высокой оценки искусства танцоров должна им бросить; первая жена Максимилиана, обожаемая им Мария Бургундская, умерла, упав с лошади во время соколиной охоты возле Брюгге, и она изображена стоящей позади императора и его супруги подобно ангелу-хранителю. (Рельефы — точные копии; оригиналы хранятся в инсбрукском музее.) В наши дни эта площадь, мощенная булыжником неправильной формы, представляет собой центр городской культуры: кафе, место, где собираются торговцы фруктами, актеры-мимы и туристы (наверняка эта крыша — одна из самых фотографируемых крыш в мире); но не составит труда вообразить себе вонь и гам средневековой толпы пять столетий тому назад и ту какофонию, в которую сливались звуки музыки, танцев и шум представлений. Люди в толпе, зажатой на узком пятачке меж высоких

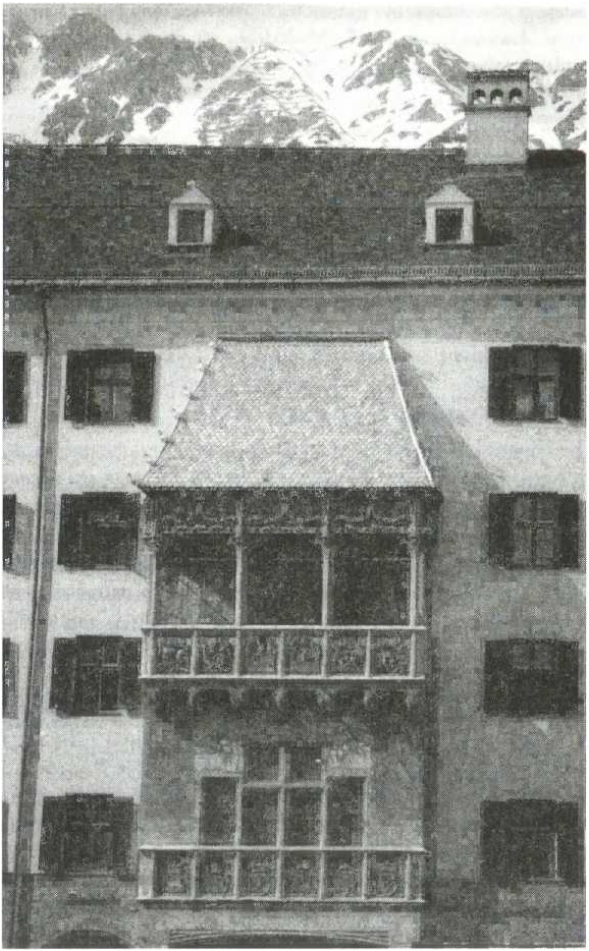
зданий, должно быть, с любопытством взирали снизу вверх на своих правителей, хотя и на самой площади наверняка было на что посмотреть: организуемые тут представления со всей очевидностью имели развлекательный характер, судя по одной из рельефных картин на балконе: на ней один из танцоров запечатлен перегнувшимся назад — выдающееся проявление балетной гибкости.

Изрядно натоптанная туристская тропа Инсбрука ведет к Хофкирхе, церкви в двух шагах от «Золотой крыши», где Максимилиан возвел для себя кенотаф, отличающийся типичной рисовкой. Огромный черный саркофаг окружен взирающими на него двадцатью восемью статуями правителей Европы прошлого, изготовленными в натуральную величину; отец Максимилиана, Фридрих III, считал себя (по крайней мере, был в этом глубоко убежден) прямым потомком царя Трои Приама, и все статуи в Хофкирхе изображают предполагаемых духовных — или действительных — прародителей членов Габсбургской династии. В собранную здесь разношерстную группу оказались включены король Артур, полулегендарный король бриттов; Хлодвиг, франкский король V века; и

Теодорих, король остготов VI века. Эта пустая похвальба представляется еще более показной и фальшивой, когда понимаешь, что на самом деле Максимилиан здесь даже и не погребен; в 1519 году городские жители отказались впустить его тело в Инсбрук — горожане подумали, что солдаты не станут оплачивать счета, и в конце концов правитель упокоился около Вены.

Экспансионистскую политику Габсбурги не переставали проводить на протяжении трех веков после вступления Максимилиана на императорский престол. Сам Максимилиан в 1504 году присоединил к семейным владениям баварский город Куфштейн, находящийся выше по течению реки Инн, заставив его покориться после бомбардировки из пушки, прозванной «*Weckauf*» (буквально «Просыпайся»), которую он установил на речном берегу. Баварцы вернули себе город в 1703 году, тогда они на год захватили прежнюю крепость Максимилиана, пробравшись внутрь через окна по приставленным к ним лестницам. (В наше время Куфштейн находится в точности на границе между Германией и Австрией.) В тот же год в западном Тироле в сражении при Ландеке тирольцы нанесли поражение баварцам, что укрепило их репутацию бесстрашных бойцов и

умелых воинов; в честь победы в Инсбруке установлен памятник «Аннасэлер» — тонкая колонна, увенчанная статуей Девы Марии. (Тирольцы всегда гордились своей военной мощью и уже в 1511 году подписали соглашение с Габсбургами, обязуясь защищать границы своей земли, а взамен приняв обязательство не служить в войсках в других частях империи, — договоренность действовала вплоть до 1918 года. Наиболее ярким проявлением воинского мастерства тирольцев является знаменитое стрелковое общество «Шютцен»; хотя в настоящее время оно распущено, но до сих пор имеет преданных последователей, и часто в свадебных торжествах или в шествия в сельских районах Тироля принимают участие мужчины с военными регалиями, тем самым народ воздает должное тому, что равнозначно «национальной» тирольской идентичности.)

Хотя имперская столица в конце XVII века переехала в Вену, Инсбруку суждено было оставаться на виду и во время славного расцвета династии Габсбургов. В середине следующего столетия там, где в Средние века Леопольд III впервые собрал императорский двор, императрица Мария-Терезия возвела большой дворец в стиле рококо, Хофбург, — сохранившееся до наших дней обилие роскошных апартаментов и монументальной стенной росписи с картинами славных страниц истории Габсбургов. (В наши дни бело-желтый, цветов Габсбургов, внутренний двор превращается в превосходное место для проведения летних концертов на открытом воздухе; туристы зачастую добираются сюда через Инсбрук под цокот копыт, в запряженном лошадью экипаже.) Но в то же время Габсбурги сталкивались с яростным сопротивлением их захватнической политике. Наибольшая угроза исходила от турок: Османская империя, неустанно расширяясь в Восточном Средиземноморье, запустила свои щупальца также и через Балканы, угрожая Вене в 1529 году, а потом и в 1683 году. В прошлом немалое число замков было построено в юго-восточных (теперь Словенских) Альпах для отражения османской угрозы; один из наиболее

поразительных примеров — впечатляющая крепость Клуже, возведенная в 1613 году на крутом скалистом утесе, что высится над шестидесятиметровым обрывистым ущельем Коритница, в тени горы Ромбон (2208 м). В конце концов турки-османы были отброшены, потерпев целый ряд сокрушительных поражений в крупных битвах второй половины XVII века, главной из которых стало сражение при Сен-Готарде (1664). Но успех, какого Габсбургам удалось добиться в борьбе с турками, не всегда им сопутствовал; самое крупное поражение случилось за четыре столетия до триумфа у Сен-Готарда, когда Габсбурги столкнулись с куда более скромным на вид противником, — и результатом стало появление в самом сердце Альп совершенно новой страны.

Мужчина, мальчик, яблоко и стрела

Место действия — засыпанная гравием городская площадь в Швейцарии. Высокий, крепкого телосложения мужчина, с густой бородой и глубоко посаженными глазами, в одежде из толстых звериных шкур, с внушительным арбалетом в руках, стоит перед фалангой вымуштрованных стражников и копейщиков. Нет сомнений, их гораздо больше, но он стоит с решительным видом;

кажется, что облаченная в черные одежды фигура, восседающая на великолепном скакуне, сбруя которого украшена золотыми кистями, не производит на бородача никакого впечатления. Затем из толпы поселян, собравшейся позади солдат, выходит мальчик лет двенадцати, на нем — лишь сандалии, темные штаны и просторная белая рубаха, перехваченная на поясе грубой бечевой. Он становится рядом с мужчиной, который выше на целую голову, а то и больше, и сразу понятно, что тот — отец мальчика. Светловолосый, с голубыми глазами, паренек по-тевтонски красив, отцовская рука успокаивающим жестом ложится мальчику на плечо, и оба замирают в преисполненных спокойной и непреклонной решимости позах, на лицах — вызывающее выражение.

Сцена очень напряженная: ни одна из сторон не желает потерять лица. Потом звучит приказ грозного, как Гектор, всадника. Мальчика отводят к дереву возле обветшавшего крестьянского дома; солдаты ставят мальчика к дереву и кладут ему на голову яблоко. Толпа стихает, мальчик стоит неподвижно. Бородач поднимает арбалет, целится в яблоко и выпускает стрелу: та пробивает яблоко насквозь, вонзившись в самую серединку; толпа селян ахает, подается вперед.

Яблоко приносят человеку, восседающему на коне с кисточками; кажется, будто усы всадника и его украшенная черными перьями шляпа трясутся от гнева и разочарования. Он представляет здесь империю Габсбургов и понимает, что над имперской австрийской мощью только что посмеялись меткий стрелок и всецело доверяющий ему сын. Эта мятежная парочка теперь вызывающе обнимается, а бурно выражающая радость толпа уже начала их окружать, хотя и тревожась о том, что произойдет дальше.

Точно такое же проявление героизма и отчаянной храбрости случится и назавтра, так как это — инсценировка пьесы Фридриха Шиллера «Вильгельм Телль», и эта постановка каждый летний вечер идет в специально построенном театре под открытым небом на окраине Интерлакена. В спектакле занят многочисленный состав исполнителей — свыше двух сотен человек, все они — актеры-любители из окрестных деревень; их родным городом может быть Интерлакен, или Тун, или Гриндельвальд, или Лаутербруннен, и он указан в программке в перечне актеров сразу после имен. И привычные мантры драматического театра (никогда не работать на сцене с детьми и животными) постановщики игнорируют с го-

товностью и не ведая сомнений; в списке ролей числятся десятки детей, некоторые из них едва научились ходить, в то время как через равные промежутки времени через сцену галопом проносятся упряжки лошадей в красивой сбруе, взметая облака пыли и мелкого гравия, а в премьерном спектакле участвовали даже отдельные представители настоящего альпийского рогатого скота — коров тогда гнали на высокогорные пастбища, и на их шеях, позвякивая, болтались колокольчики. В действительности употребление слов «спектакль» и «сцена» в этом контексте кажется проявлением некоторой придирчивости: это целое представление, а не рядовая театральная постановка, и открытая небу сцена объем-лет и лесные поляны, и средневековые дома, и кривые улицы, ведущие к церкви, и недостроенную крепость в строительных лесах. Публика — или, можно сказать, зрители — сидит в закрытой части «партера», и, хотя дождит, ей тепло и сухо под взятыми напрокат одеялами, в то время как актеры и животные промокают до нитки.

В подобной манере шиллеровская часть фольклорной мелодрамы исполняется каждый год, начиная с 1912 года; кое-кто из актеров постарше, должно быть, участвовал в десятках представ-

лений. Хотя пьеса идет на немецком языке, в раздаваемых зрителям брошюрах подробно изложен сюжет — во всяком случае, следить за ним труда не составляет: презренный австриец появляется в альпийском городке и требует, чтобы его жители выказали почтение своим новым сюзеренам — Габсбургам. Один местный житель, крестьянин и охотник Вильгельм Телль, не желает унижаться и раболепствовать, выражая покорность. Вызов брошен. Телль побеждает и спасается; подлые империалисты изгнаны, и рождается новая страна под названием Швейцария.

Памятник Вильгельму Теллю в Шаффхаузене. *Фото О. Королевой*

Легенда о Вильгельме Телле, о его решимости отстаивать права своего народа перед лицом агрессии алчного и могущественного соседа, по-видимому, является воплощением «швейцарскости». Неважно, что Телля, скорее всего, никогда не было, или, если он существовал в действительности, легенды о нем, по всей вероятности, вряд ли больше чем просто легенды.

Тысячи швейцарцев по-прежнему приезжают на берег Фирвальдштетского (Люцернского) озера, в места, которые связаны с именем народного героя Телля и с историей основания их страны. Одно из таких мест — луг Рютли, узкая полоса альпийского пастбища, выходящая на озеро, где был рожден и подписан документ, оформивший швейцарскую государственность; другое — крошечный городок Альтдорф, находящийся неподалеку, на другой стороне озера, там Вильгельм Телль, выразитель духа нации, самым решительным образом защитил стремление народа к завоеванной на Рютли независимости, благодаря чему и вошел в легенды.

Создание Швейцарии

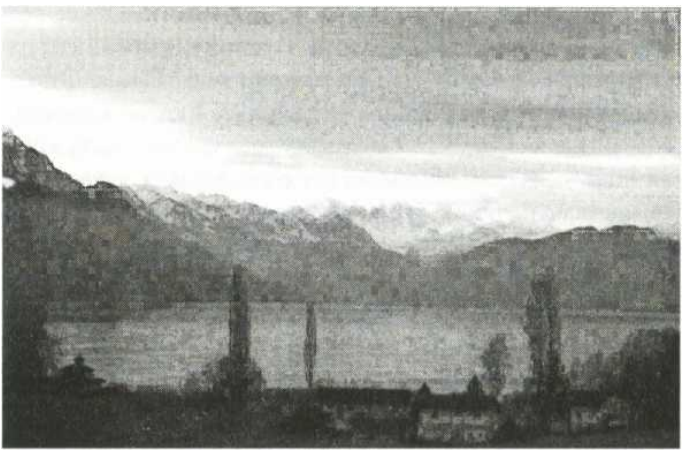
Альтдорф и Рютли составляют часть исторического и духовного центра Швейцарии, которая лежит на южных берегах Фирвальдштетского озера, что в буквальном переводе означает «озеро четырех лесных кантонов», но говорящим на английском языке это озеро лучше известно под названием Люцернское. У этого озера весьма курьезные очертания: на карте его многочисленные ответвления и изгибы напоминают огромную расплывшуюся чернильную кляксу

или раздавленное насекомое. Часть озера, наиболее удаленная от Люцерна, кажется, настолько далека от курортной суеты и западной оконечности озера, что обрела собственное название - Урнерзее. Это одно из самых живописных озер Швейцарии: обрывистые, поросшие лесом берега часто утопают в клубящихся завитках тумана, а на его береговую линию, в оспинах скалистых полуостровков и крошечных заливчиков, нередко с яростью накидываются волны, когда над водным пространством разыгрываются настоящие бури. Вокруг Урнерзее нет разросшихся сельхозугодий, которые характерны для более ровных берегов озера возле Люцерна; здесь темнее и тише, и царящую тишину нарушает чаще всего лишь громыхание поездов на оживленной железной дороге, что проложена вдоль восточного берега и связывает Цюрих с находящимися южнее Андерматтом и перевалом Сен-Готард. Главный населенный пункт на Урнерзее — Флюэлен. До этого ничем не примечательного городка добраться можно из Люцерна, потратив на путешествие больше трех часов, если воспользоваться одним из бесчисленных пассажирских суденышек, курсирующих через озеро в летний сезон (хотя поездка туда по железной дороге займет всего час). Однако мало

кто из туристов, садящихся на катер в Люцерне, собирается плыть до самого Флюэлена; большинство интересуют более популярные остановки на берегу озера — Бруннен, Веггис или Витцнау, где предостаточно прибрежных ресторанов и гостиниц. У тех же, кто отправляется в поездку через все озеро, вполне хватит времени, чтобы как следует усвоить историю основания Швейцарии, при этом не отказав себе в удовольствии хорошенько перекусить на борту.

Четыре кантона — Ури, Швиц, Нидвальден и Обвальден — дали озеру свое немецкое название. Они считают себя первыми четырьмя кантонами — основателями Швейцарии. Большая часть их территории — дикая и горная, особенно в кантоне Ури, в чьих глубоких лесистых долинах разбросаны крохотные крестьянские общины. Но в 1220 году эти отдаленные поселения и общины вдруг обнаружили, что сидят на потенциальной золотой жиле. Богатство таилось не в недрах земли, а предстало в виде денежных поступлений от налогов: оказалось, пошлинами можно облагать товары и людей, пересекающих Сен-Готардский перевал, который открылся для регулярного движения, когда ущелье Шолленен возле самой вершины инженеры в конце концов перекры-

ли мостом. Для тех, кто воспользовался новым маршрутом, дорога естественным образом начиналась в Люцерне; отсюда путники отправлялись на лодках во Флюэлен (дорогу вдоль Урнерзее, известную как Аксенштрассе, проложили только в 1865 году), а оттуда — по тропе в Андерматт, последний населенный пункт перед решительным броском через перевал, через его пустынную скалистую вершину. После открытия моста Сен-Готард быстро превратился в один из самых оживленных альпийских перевалов, популярный среди торгового люда, путешествовавшего между Италией и Германией.

Озеро Четырех кантонов (Урнерзее).
Фото О. Королевой

Неудивительно, что Габсбурги с «алчно горящими империалистическими глазами» взирали на эту потенциальную золотую жилу. В 1291 году Рудольф Габсбург купил у аббатства Мурбах город Люцерн с намерением перенаправить идущий через торговый перекресток поток золота в имперские сундуки. Но в том же году, 15 июля, Рудольф внезапно скончался, и главы городов четырех кантонов, озабоченные ненадежной и переменчивой политической ситуацией, решили подписать пакт о взаимных гарантиях и содействии друг другу перед лицом очевидной угрозы со стороны Габсбургов. 1 августа на Рютли лидеры кантонов поставили свои имена под документом, который в настоящее время считается провозвестником рождения швейцарской нации. В действительности те, кто подписал документ Рютли, называли себя <<Eidgenossen>>, что означает нечто вроде «сотоварищи, связанные клятвой для совместных действий», и это слово и поныне используется как синоним гражданина Швейцарской Конфедерации.

Взаимные гарантии совместных действий и обсуждений, подчеркнутые в хартии Рютли, и

по сей день в широком смысле осознаются как главные для Швейцарии, как решимость не поддаваться захватчикам и внешним влияниям, которая первым делом и привела глав кантонов на поле Рютли. В народном представлении клятва Рютли зафиксировала на бумаге самую сущность «швейцарского духа». Реальность, однако, рисует скорее иную картину. Договор Рютли вовсе не провозглашает основание нового государства, он является обыкновенным соглашением о взаимной военной помощи, в котором дается понять, если использовать терминологию в стиле НАТО, что нападение на один кантон будет рассматриваться как нападение на все четыре:

> Да будет известно всем, что люди долины Ури, коммуны Швица, а также люди гор Унтервальда, дабы в эти недобрые времена наилучшим образом защитить себя и свое добро и охранить старое право, дали клятву верности и обещали оказывать друг другу всяческую помощь, как внутри, так и вне своих земель. Таков наш старинный уговор.

Все это звучит сухо и бесстрастно, и нет ничего удивительного, что в своей пьесе «Вильгельм

Телль» в сцене, действие которой происходит на лугу Рютли, Шиллер больше подчеркнул исторический резонанс подписания документа: «Так да сплотятся крепко воедино — и для отпора, и для обороны, на жизнь и смерть! — и наши три страны, — заявляет Вернер Штауффахер, один из жителей Швица, его перо вот-вот поставит свой росчерк на историческом пергаменте. — Да, сердце в нас одно и кровь одна!.. Один народ, и воля в нас едина... Мы, потомки истинные Швица, свою свободу сберегли. Князьям вовек не подчинялись»[6].

В своей пьесе Шиллер в немалой степени воспользовался дарованной драматургу вольностью обращения с историей. В ворохе легенд и гипербол, которыми обросли эти события, нет никаких доказательств, что в конце XIII века четыре кантона питали неприкрытую враждебность к Габсбургам, не говоря уже о том, что предводители кантонов желали заложить основы нового государства. В действительности целый ряд историков вообще сомневается, что на сыром, нередко заливаемом дождями пятачке травянистого склона над Урнерзее вообще хоть что-то про-

[6] Примечания: 6
Здесь и далее перевод Н. Славятинского.

исходило. С какой стати, вопрошают скептики, такой, вне всяких сомнений, важный документ нужно подписывать посреди луга? Другие историки умаляют значимость документа, будто бы подписанного на поле Рютли, утверждая, что вышедший на первое место договор был одним из многих подобных соглашений, заключаемых в то время между кантонами; удивительно, говорят они, что в хартии, которая была подписана в 1315 году на другой стороне озера, в Бруннене, и которая имела явную военно-политическую направленность, ни словом не упоминается об этом более раннем документе — так что, вероятно, значение Рютли сильно преувеличено, и Швейцарская Конфедерация выросла органично, а не родилась в результате одного-единственного события, для которого возможно столь точно указать дату и место.

Тем не менее поколениями швейцарцев священная для них хартия Рютли хранилась благоговейно и бережно. В настоящее время документ выставлен на всеобщее обозрение в специально выстроенном музее в Швице, городе к северу от Люцернского (Фирвальдштетского) озера, который дал свое имя народу этого района, а со временем и всей стране. (Кантон к тому

же подарил Швейцарии и национальный флаг: знакомый всем симметричный жирный крест в 1240 году был гербом кантона Швиц, а в качестве флага Швейцарской Конфедерации его приняли в 1848 году.) Подлинник документа — хранящийся в специальном футляре за пуленепробиваемым стеклом пергамент — на вид меньше и скромнее, чем можно было бы ожидать: размером с лист бумаги формата А4, он опален по краям, судя по многочисленным следам сгибов, его неоднократно складывали. Однако написанный убористым почерком текст прекрасно читается, порыжевшие и выцветшие чернила отчетливо видны на матово-кремовом пергаменте. К нижнему краю на ленточках прикреплены три круглых потертых печати; четвертая печать, Швица, в какой-то оставшийся неизвестным момент долгой и почитаемой жизни документа канула в историческое забвение.

В то же время сам луг Рютли приобрел статус национальной святыни, став объектом паломничества. До него можно добраться по крутой тропе, которая уходит вверх от плавучей пристани на Люцернском озере, а можно избрать альтернативный путь — по извилистой дороге из ближайшей деревни Зеелисберг. Хотя здесь

бывает весьма многолюдно 1 августа, когда отмечается Национальный день Швейцарии и поле Рютли оказывается в центре празднеств, в остальное время года оно по большей части вновь возвращается к прежнему бытию, становясь полосой открытого луга, каким и было за семь столетий до того, когда на нем встретились представители кантонов. На лугу установлен флагшток, а сквозь деревья внизу виднеется окутанное туманами озеро, но больше ничего нет. Когда я приехал сюда, то здесь кроме меня никого не было, и слышалось лишь хлопанье на ветру слегка потрепанного флага, да еще пели птицы и стучали по деревьям тяжелые дождевые капли (район вокруг Люцерна славится едва ли не беспрестанно идущими дождями). Озера не видно за пеленой низких серых облаков, и время от времени доносится гудок невидимых за ними катеров на озере или гудки и громыхание поезда, который на дальней стороне озера с лязгом преодолевает подъем к Сен-Готарду. Один финальный штрих: всего в нескольких шагах от флагштока находится действующая ферма, и картину довершает соответствующая пейзажу аккуратно сложенная поленница, а коровы в загонах украшены позвякивающими колокольцами.

Чтобы привлечь внимание швейцарской нации к историческому лугу, а заодно подчеркнуть единство конфедерации, был осуществлен весьма оригинальный проект: у Рютли начинается длинная пешеходная тропа, *Wegder Schweiz*. Ее открыли в 1991 году в честь семисотлетней годовщины основания страны, и проходит она вокруг Урнерзее к Бруннену. Тропа разделена на участки, представляющие двадцать шесть кантонов, — в том порядке, в каком те присоединялись к конфедерации (от первых четырех, в 1291 году, до кантона Юра, вступившего в союз в 1979 году). Каждому кантону соответствует отрезок тропы, длина которого пропорциональна его населению (что составляет по пять миллиметров тропы на каждого гражданина Швейцарии); самым коротким участком, всего в семьдесят один метр, представлен Аппенцель Иннерроден. На то, чтобы пройти по всей тропе, потребуется пара дней (или один, но очень длинный день); тропа идет то вверх, то вниз, одни ее участки тянутся вдоль самого берега озера, другие — высоко над водой, и вскоре прогулка по ней становится утомительной и неинтересной для всех, за исключением самого преданного любителя пешей ходьбы.

Вильгельм Телль

В образе Вильгельма Телля, бородатого охотника из Альтдорфа, воплощено национальное самосознание Швейцарии; ни в одной другой стране нет похожего на него фольклорного героя. Действие легенды о Телле, бросившем смелый вызов посягательствам Габсбургов, разворачивается в разных местах вокруг Урнерзее, в том числе и в самом Альтдорфе, городе на южной стороне озера, возле Флюэлена, и на природе, среди отдаленных скал, на берегу, у кромки воды. Как и в любом хорошем приключенческом повествовании, в истории о Вильгельме Телле (по крайней мере, в переложении Шиллера) помимо героя есть и злодей — персонаж, которого зрители встречают шиканьем и неодобрительным свистом. Это австриец Герман Геслер, отправленный сюда Габсбургами, дабы приструнить местных жителей и заставить их повиноваться имперской политике. В пьесе Шиллера Геслер говорит о швейцарцах: «Языки дерзки у этих горцев непокорных... О, я сломлю их дерзкое упорство, я подавлю кичливый дух свободы!», а австрийский надсмотрщик на строительстве новой крепости Геслера в немногих словах выражает отноше-

ние Габсбургов к швейцарцам: «Бессовестный народ!.. Коров доить вам только да лениво всю жизнь таскаться по своим горам!» Телль ненавидит австрийцев, и, глядя на строящуюся новую крепость, он указывает на горы и обращается к ним: «Твердыни гор — вот вольности оплот!.. Природным горцам горы не страшны».

Начинается история с события, которое наверняка только лишь усугубляет и без того напряженную политическую обстановку в Альтдорфе. В центре городской площади Геслер приказывает установить шест, надев на него свою шляпу. За этим провокационным шагом стоит не просто прихоть диктатора, но и определенное намерение — каждый, кто проходит мимо шеста, должен склониться перед шляпой, тем самым выказав почтение Геслеру и грозным Габсбургам. Городской глашатай Альтдорфа у Шиллера такими словами сообщает жителям города о новой гражданской повинности:

Народ кантона Ури! Эту шляпу
На шест высокий в Альторфе наденут
И выставят на видном месте там.
И вот ландфохта Геслера приказ:
Пусть шляпе та же воздается по-

честь,
Что и ему. Пусть каждый перед нею,
Смирясь, без шапки станет на колени,
Чтоб император знал ему покорных.
Лишится тот именья и свободы,
Кто вздумает приказом пренебречь.

Реакция горожан на этот приказ вполне предсказуема. «Еще одна ландфохтова затея! Фохт поклоняться шляпе нам велит. Да было ль что подобное на свете?.. В ком честь жива, не стерпит поруганья!» — возмущаются они. И, разумеется, в следующей сцене Телль выказывает свой протест: он осмеливается пройти мимо шеста, не отдав почтения шляпе. И в наказание за дерзость Геслер выносит Теллю один из самых знаменитых в истории приговоров.

Если Телль сумеет попасть стрелой в яблоко на голове своего сына, то его оставят в живых и отпустят. В случае неудачи и Телль, и его сын будут казнены. Одну стрелу из колчана Телль вкладывает в самострел, а вторую прячет за пазуху. Разумеется, выпущенная им стрела пронзает яблоко, а дрожащий мальчик, на чьей голове оно лежало, остается невредим. Геслер спрашивает Телля, зачем ему понадобилась вторая стрела

из колчана; Телль отвечает, что если бы первая стрела попала в мальчика, то вторая досталась бы Геслеру. За такую дерзость Телля приговаривают к заключению в принадлежащем Геслеру замке Кюснахт возле Люцерна. Но когда лодка с пленником плывет туда, на озеро обрушивается ужасная буря, и гребцы уговаривают Геслера освободить Телля от пут, чтобы мятежный крестьянин взял руль и направил лодку в безопасное место. Понятно, что Телль правит к берегу, а потом выпрыгивает на плоский камень, а лодку отталкивает обратно в штормящее озеро. Позже Телль появляется в Кюснахте и убивает Геслера, который направлялся в свой замок по суше.

1307
WILHELM TELL

Принимая во внимание эпический размах пьесы и то, что местом ее действия являются горы, не приходится удивляться, что для постановщика сочинение Шиллера создает немало трудностей. Пространный список исполнителей включает в себя сорок восемь персонажей (мужчины, женщины и дети), наряду с разнообразными мастеровыми и монахами, и перечень «Действующие лица» оканчивается устрашающими словами «Рейтары... Поселяне и поселянки из лесных кантонов». (Ничего удивительного, что представление под открытым небом в Интерлакене поставлено с таким размахом.) Помимо проблем с распределением ролей сценическое воплощение пьесы связано и с проблемами чисто практическими. Начинается пьеса с того, что мальчик гребет в рыбачьем челноке через Урнерзее, и на «другой стороне озера видны ярко освещенные солнцем лужайки, деревни и одинокие усадьбы Швица», — что звучит вызовом для театральных художников, отвечающих за декорации и задник. В различные моменты действия сценические ремарки в пьесе Шиллера требуют звучания коровьих альпийских колокольчиков и охотничьих рогов, а в другой сцене художнику по свету необходимо как-то воплотить в жизнь

такую ремарку: «Глубокая ночь. Только озеро и белые ледники блестят, освещенные луной». Через сцену должны нестись тени облаков, зрителям необходимо показать строящуюся крепость, действие одной сцены происходит на фоне «луга, окруженного высокими скалами и лесом», а в звуковом оформлении других сцен обязаны участвовать говорливые ручейки; вдобавок в одном случае над озером должна появиться разноцветная радуга, которая отражается в сверкающей водной глади.

Если история Вильгельма Телля выглядит чересчур складно, то, вероятно, причина в том, что на самом деле она никогда не случалась. Легенда уходит своими корнями в похожие древнеисландские саги, перенесенные на альпийскую почву и в альпийское окружение из-за желания воплотить стремление швейцарцев к свободе в одной-единственной героической фигуре. Патриотические подвиги Вильгельма Телля впервые обрели литературное воплощение только в 1477 году, в виде эпической песни об основании Швейцарии; позже сюжет был популяризирован французскими революционерами, которые также ненавидели Габсбургов. Свою пьесу Шиллер сочинил в 1804 году, после того как историю Виль-

гельма Телля поведал ему Гёте, совершивший путешествие по Швейцарии. Именно благодаря пьесе Шиллера и в меньшей степени опере Россини, впервые исполненной в Париже в 1829 году, легенда завоевала популярность, и ей суждена была долгая жизнь. Но, достоверна она или нет, легенда по-прежнему затрагивает патриотические струнки в душах многих швейцарцев. На протяжении Второй мировой войны Телль оставался действенным символом независимости, которую швейцарцы стремились сохранить, несмотря на соседство с нацистской Германией, да и позже, в XX веке, за решениями не вступать в Организацию Объединенных Наций и не присоединяться к Европейскому Союзу явственно вырисовывается тень Телля.

До наших дней к Альтдорфу, как и к другим местам, связанным с историей Вильгельма Телля, народ Швейцарии относится со сдержанной, но искренней почтительностью. Рядом с лугом Рютли находится один из наиболее поразительных памятников, имеющих отношение к легенде, но увидеть его можно, только если плыть на лодке по озеру: это двадцатипятиметровый обелиск, известный как Шиллер-штейн, «камень Шиллера», который возносится из густой купы деревьев на

берегу. Относящаяся к 1859 году надпись сделана золотыми буквами и гласит: «Фридриху Шиллеру, летописцу Телля». На противоположном берегу озера — еще одно настоящее место паломничества, Телльсплатте, плоская скала, куда, как считается, во время бури спрыгнул Телль, убегая от Геслера; поблизости, в живописном окружении, вдалеке от наезженных дорог, на укромной лесной поляне, с одной стороны совершенно открытой плещущим волнам озера, стоит Телльскапелле. Эту небольшую часовню построили в 1880 году, и на ее фресках изображены различные сцены из жизни Телля: на одной картине высокий, мускулистый и бородатый Телль противостоит Геслеру (тщедушная, самого жалкого облика фигурка), а сын Телля, мальчик с белокурыми волнистыми волосами и смелыми голубыми глазами, держит пробитое стрелой яблоко; на другой фреске запечатлен драматический момент, когда кораблекрушение кажется неминуемым: Телль выбирается на берег, его спутников в крошечной лодке уносит буря, а озеро вздымает и обрушивает на них огромные волны.

В самом Альтдорфе в честь национального героя в 1895 году был открыт памятник — Телль-

денкмаль; он поставлен возле высокой, украшенной фресками башни, на Ратушной площади — центральной городской площади, где, как считается, и случилась вся история со стрельбой в яблоко. Памятник изображает Телля, поднявшего взгляд к небу и положившего руку сыну на плечо, а мальчик доверчиво смотрит на отца, не сомневаясь, что тот его защитит. Отец с сыном словно бы шагают вместе по наклонно лежащему куску скалы. Но, вообще-то, отношение к своему герою в Альтдорфе очень сдержанное; туристам здесь не предлагают всякой китчевой всячины, связанной с именем Телля, не продают произведенных в Китае фигурок или сувенирных стрел. В действительности вы не увидите тут ничего подобного, разве что несколько ресторанов носят имя охотника, а выше на холме, в Бюрглене, стоит крошечная часовня, построенная в 1582 году на месте рождения Телля, и рядом с ней расположен маленький музей.

Наверно, удивительно, но здесь бывает мало иностранцев; большинство приходящих сюда — швейцарцы, отдающие дань почтения своему историческому наследию, и царящая тут сдержанно-приглушенная атмосфера означает, что это не аттракцион для туристов, что принизило

бы символическую значимость всех мест, связанных с легендой о Телле. Перед тем как покинуть Бюрглен, многие напоследок задерживаются на террасе возле церкви, окидывая взглядом открывающуюся оттуда панораму. Это типичный швейцарский пейзаж: на переднем плане раскинулся прелестный городок Альтдорф, за ним видна сужающаяся долина реки Рейс, по которой проложены шоссе и железная дорога, ведущие дальше и вверх, к перевалу Готард. В 1845 году этим маршрутом, из Италии через перевал Сен-Готард, прошел Чарльз Диккенс, который написал, что окрестности «городка Вильгельма Телля... с точки зрения швейцарского пейзажа являют собой наивысшее воплощение возвышенного из всех, какие можно себе представить. О Боже! Что это за прекрасная страна!». Вероятно, есть определенное соответствие между самыми ранними в стране политическими выступлениями и тем, в каком природном окружении они проявлялись — в столь типичном для Швейцарии и настолько совпадающим с современным представлением о том, какой должна быть Швейцария.

Швейцария после Вильгельма Телля

Охотнику-одиночке, пусть его стрелы и били в цель с несравненной меткостью, не удалось бы положить конец посягательствам Габсбургов на то, что впоследствии станет Швейцарией, для этого потребовалось нечто большее. И в самом деле, в 1315 году произошла крупномасштабная битва при Моргартене возле курорта Бруннен на озере Урнерзее, и победу в ней одержали швейцарские конфедераты. Моргартен стал закономерной и естественной кульминацией событий, у истоков которых лежали клятва на луге Рютли и другие соглашения между кантонами, подписанные в конце XIII века, а этой битвой началась череда сражений XIV века, в которых за свою независимость боролось нарождающееся швейцарское государство. Искрой, из которой в конце концов вспыхнуло сражение у Моргартена, стал пограничный спор между городом Швиц и влиятельным монастырем Айн-зидельн; Габсбурги выступили в защиту монастыря, тогда как король Баварии принял сторону кантонов. (В строчках своей поэмы монах из Айнзидельна по имени Рудольф фон Радегг оставил знаменитое свидетельство о нападении войск Швица на

монастырь.) Потерпев поражение в битве при Моргартене, Людвиг Габсбург признал за кантонами значительные привилегии, и казалось, что будущему конфедерации как независимой политической организации ничего не угрожает.

Но в 1332 году к конфедерации присоединился сильный город Люцерн, что нарушило хрупкое политическое равновесие и заставило Габсбургов опять занервничать. До тех пор конфедерация представляла собой по существу аморфное объединение отдаленных сельскохозяйственных общин. Теперь же на мятежный шаг решился один из ведущих торговых городов региона. Опасаясь неприятностей, которые способна доставить ставшая сильнее и набравшаяся смелости конфедерация, Габсбурги через своих сторонников начали предпринимать попытки изнутри подорвать новый политический союз.

К этому периоду относится необычная легенда, связанная с прогабсбургским заговором в Люцерне. Рассказ гласит, что юный мальчик подслушал разговор группы заговорщиков, встретившихся однажды на рынке Люцерна, известном как Унтер дер Эгг. Заговорщики поймали мальчика, но не убили, а заставили дать обещание ни единой живой душе не говорить

о раскрытом им заговоре. А мальчик потом побежал в ратушу, где, как он знал, собираются конфедераты. Не обращая внимания на политиков, он повернулся к печи в углу зала заседаний и, обращаясь к ней, рассказал обо всем, что ему стало известно. Разумеется — а мальчику того и нужно было, — конфедераты услышали его и сумели сорвать планы заговорщиков. Но свое слово мальчик сдержал: говорил-то он печке, а не людям, которые — совершенно случайно, по его убеждению, — оказались в той же комнате в то же время. Упомянутую старинную печь, с изогнутой и почерневшей тяжелой железной дверцей, в настоящее время можно увидеть в углу вполне заурядного ресторана-пиццерии на Вайнмаркте, вымощенной брусчаткой центральной площади Люцерна. Сам Унтер дер Эгг, где мальчик подслушал предполагаемых заговорщиков, находится всего в нескольких шагах от возвышающегося огромного здания ратуши, которое относится к XVII веку. Торговые традиции дожили до сегодняшних дней, и каждые вторник и субботу по утрам здесь продают рыбу, цветы и свежие продукты с прилавков, выстроившихся вдоль глубоких замощенных аркад ратуши — они защищают от солнца и непогоды сам рынок,

который смотрит на реку Рейс.

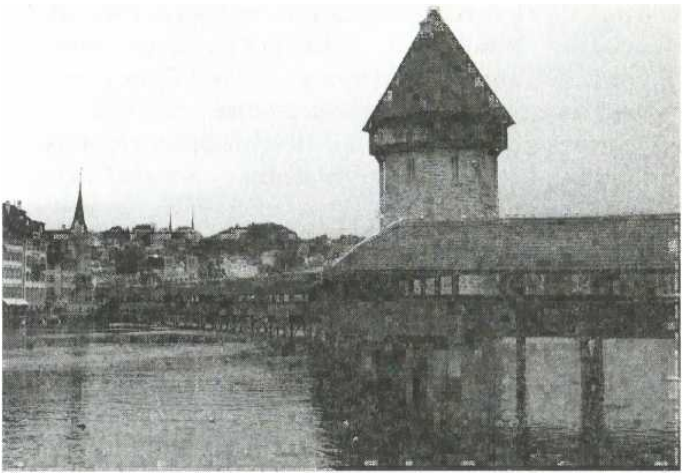
Люцерн стал первым городом, который можно назвать швейцарским. Контролируя подходы к перевалу Сен-Готард, он всегда был процветающим торговым центром. Теперь же, осознав его новую политическую роль, отцы города решили возвести новые фортификационные сооружения, и вдоль многих из них сегодня можно пройти пешком. Начало крепостных стен Мюзегг отмечает Ноллитурм — укрепленные ворота на речном берегу; через равные промежутки стены прорезаны воротами и укреплены башнями, а сами валы взбираются на невысокий холм, стоящий над городом. Мощь и прочность этих защитных сооружений в полной мере отражали богатство Люцерна и его значимую роль в Средневековье, как, например, Часовенный мост (Капельбрюкке): его строительство относится к 1333 году — за год до того город связал свою судьбу с конфедерацией. Во многих отношениях мост является символом Люцерна: этот изящный крытый переход целиком построен из деревянных балок, уложенных на каменные опоры, и соединяет берега и восьмиугольную каменную башню Вассертурм в середине реки Рейс. В различные времена Водяная башня служила

маяком, тюрьмой и помещением для собраний. В августе 1993 года случилась трагедия: загорелась пришвартованная неподалеку от башни лодка, и распространившийся на мост огонь уничтожил постройку. Гибель в пламени средневекового моста стала главной новостью в заголовках газет всего мира, так как мост считался одним из наиболее значимых памятников европейского Средневековья. Сегодня мост, который в обе стороны переходят тысячи туристов, является точной реконструкцией средневекового оригинала; участок моста, где стыкуются старые и новые конструкции, можно определить по изменившемуся цвету дерева. О пожаре 1993 года напоминает мемориальная доска, установленная вблизи места, где была причалена лодка, с которой и перекинулся огонь. Те, кто идет через мост, как и прежде, проходят под знаменитыми треугольными панно, которые смонтированы под крышей моста по всей его длине, через неправильные интервалы. Живописные работы были созданы в период между 1599 и 1611 годами, на них представлены картины истории Люцерна, и, в числе прочего, показан город, каким он был во время создания панно: мы ясно видим мост, а на заднем плане, возле озера, в окружении домов,

изображена двухбашенная Хофкирхе. На других панелях запечатлены Вильгельм Телль, святой Георгий с драконом и (вот ирония!) последствия огромного пожара, опустошившего Люцерн в 1340 году. Однако — что неудивительно — многие из оригинальных панно погибли от огня в 1993 году, а те, что занимают их места сейчас, являются современными копиями.

После Моргартена произошло еще два сражения, у Земпаха в 1386 году и у Нефельса в 1388 году, и лишь тогда Габсбурги в конце концов отказались от своих притязаний на земли конфедерации. В дальнейшем новые территории для своей империи Габсбурги завоевывали в северной Германии, где в военном противостоянии с местными им сопутствовала большая удача, а конфедерация в то же время постепенно росла: в нее вошли новые кантоны — Цюрих в 1351 году и Берн двумя годами позже. Уже тогда конфедерация стала приобретать политический облик современной Швейцарии: альпийские горные кантоны встали плечом к плечу с теми, которые занимают не горы, а долины и низины (сегодня около трети швейцарской территории составляют низины, где расположены крупные города, такие как Берн, Базель, Цюрих, Санкт-Галлен и

Шаффхаузен, и они находятся довольно-таки далеко от гор, служивших стране столь надежной защитой от чужеземцев).

Мост Капельбрюкке в Люцерне.
Фото О. Королевой

В 1476 году, когда франкоговорящий городок Эгль (ныне он относится к кантону Во) проголосовал за присоединение к кантону Берн, Швейцария стала многоязычной. Менее чем через тридцать лет в результате роста территории в стране прибавилась третья языковая группа:

конфедерация продвигалась на юг, стремясь взять под свой контроль южные подходы к перевалу Сен-Готард, проходящие по италоязычному Тичино, который вошел в конфедерацию в 1503 году после Аронского договора. В конце концов после победы, одержанной над Максимилианом I при Дорнахе в 1499 году, Швейцария обрела полную независимость от Священной Римской империи. Во время этого периода экспансии политические и социальные права даровались и работающим на земле крестьянам, и живущим в городах ремесленникам и рабочим, причем настолько широко, что к началу XV века в стране уже зарождалась демократия, — в то время, когда большей частью Европы по-прежнему правили деспотичные короли, князья и епископы.

В 1516 году конфедерация в своей экспансии потерпела неудачу — при Мариньяно швейцарским войскам нанесли поражение объединенные армии французов и венецианцев. После этого на протяжении последующих почти трехсот лет к конфедерации новые кантоны не присоединялись. Тем не менее между швейцарскими кантонами и соседними государствами и городами создавались различные союзы, например, в XVI веке был заключен пакт между городом Же-

нева и кантонами Берн и Фрибур (раньше Женева была частью Савойи, и в 1602 году герцоги Савойские попытались вернуть ее себе, но безуспешно). Вскоре после поражения при Мариньяно конфедерация заявила о своем нейтралитете. Впервые политика нейтралитета подверглась испытанию во время Тридцати летней войны (1618-1648), раздиравшей Европу на части, но Швейцария осталась не затронутой сражениями. Окончание этого длительного кровопролитного конфликта ознаменовалось заключением в 1648 году Вестфальского мира, который впервые официально признал швейцарский нейтралитет. Тем временем луг Рютли превратился в важный политический центр страны, где кантоны проводили официальные встречи и заключали соглашения, ив 1780 году французский философ аббат Томас Франсуа де Рейналь предложил кантону Ури украсить знаменательное место десятиметровым обелиском — впрочем, его предложение не приняли.

Шаффхаузен: дом с расписанным фасадом.
Фото О. Королевой

Хотя к тому времени швейцарское государство прочно встало на ноги, превратившись в устойчивый политический организм, оно не обладало достаточными силами, чтобы оказать сопротивление единственному полномасштабному вторжению, какое только испытывала страна. В 1798 году в Швейцарию вторгся Наполеон и про-

возгласил создание Гельветической республики, находившейся под политическим покровительством Франции. После наполеоновских войн страна вновь провозгласила нейтралитет, и в июле 1940 года, когда нацистское вторжение казалось неминуемым, швейцарский главнокомандующий генерал Гюсан собрал на лугу Рютли весь швейцарский офицерский корпус, чтобы на торжественной церемонии вновь заявить о верности страны взятым на себя обязательствам. Но происходило и кое-что другое. В период между сражением при Мариньяно и вторжением Наполеона страна прошла через череду ожесточенных, глубоко расколовших общество гражданских войн, вызванных теми же самыми разрушительными конфликтами, что разрывали всю Европу в ту эпоху: главным предметов споров и столкновений были религиозные разногласия, и в самой гуще событий оказалась Швейцария: в Женеве и Цюрихе активно действовали протестантские реформаторы, а жившее в деревнях крестьянство оставалось в большинстве своем католическим.

Миссионеры и монастыри

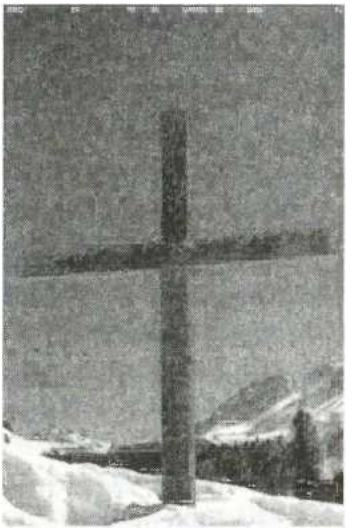
Как уже отмечалось, христианство в Альпы пришло с римлянами, и свои позиции эта религия укрепила в ту эпоху, когда после ухода Римской империи шло возвышение великой империи франков. Но в самом начале Средневековья обращение в христианство простого народа, придерживающегося языческих верований, попрежнему оставалось для церкви приоритетной задачей, и начиная примерно с 600 года нашей эры в Альпы отправлялись сотни миссионеров; некоторые из них основали монашеские общины, которые продолжают существовать и в наши дни.

Может, это и удивительно, но немалое число миссионеров приходило в Альпы с Британских островов. Одним из первых стал ирландский монах по имени Колумбан, появившийся в 610 году в городе Брегенце на Боденском (Констанцском) озере. На месте основанного им монастыря ныне стоит готическая церковь, где покоятся останки другого ирландского монаха, Галла, вместе с которым странствовал Колумбан. (Там же, где Галл устроил свой отшельнический скит, примерно в тридцати километрах западнее Брегенца, в

настоящее время вырос крупный равнинный швейцарский город Санкт-Галлен.) В VIII веке еще один ирландский монах по имени Вергилий наследовал святому Руперту на посту епископа Зальцбурга. Под руководством Вергилия епископство расширилось, включив в себя многие альпийские долины к югу от города; самую южную окраину епископства, где в настоящее время пролегает австрийско-словенская граница, населяли племена, говорившие на языках славянской группы, и Вергилий с целью христианизировать (и онемечить) их решил направить туда монаха по имени Модест. Свои усилия Модест сосредоточил на обращении тех, кто жил возле Клагенфурта, и на холмах севернее этого города он заложил церковь для паломников, Вальфартскирхе; она высится на невысоком пике над деревней Мария-Зааль. Значительная часть того церковного здания, что мы видим ныне, относится к XV веку, но храм частично выстроен из древнеримских могильных плит — их брали в Вируне, этот город античной эпохи находился поблизости, и на камнях вокруг главного входа в церковь можно видеть надгробные надписи. Церковь до сих пор, спустя двенадцать веков после своего основания, остается популярным центром

паломничества, и внутри нее взгляд сразу притягивает к себе главный алтарь, украшенный статуями Мадонны с младенцем.

Некоторые из английских монахов, которые во времена епископа Вергилия появлялись в Альпах, распространили культ поклонения святому Освальду, королю Нортумбрии, канонизированному за то, что он поощрял христианство на севере Англии. Ему посвящено немало церквей, одна из них — приходская церковь святого Освальда на горнолыжном курорте Зеефельд в Тироле: на многих фресках на стенах церкви изображена гибель Освальда (он пал на поле боя, сражаясь за Уэльс). После первой волны строительства новых церквей миновало пять веков, и только тогда в Альпах была заложена еще одна церковь, имеющая связь с Англией. Это необычное сооружение находится в Авре, на дороге, ведущей к перевалу Мон-Сени в Савойе; две английские семьи, связанные родственными узами с архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом, вскоре после его убийства в 1170 году основали и освятили там в его честь церковь. Диптих в храме, датируемый 1626 годом, живописно рассказывает о жизни и смерти святого.

Шли годы, и в долинах Альп возникало все больше и больше монастырей. В скором времени у этих религиозных обителей появилась традиция давать пристанище путникам, где последним не угрожали разбойники, драконы и прочие опасности, которых, как всем известно, немало среди пиков и ущелий. К 1500 году в регионе было представлено большинство возникших монашеских орденов. Монастырь возле Люцерна основали в середине VIII века монахи-бенедиктинцы из аббатства Мурбах в Эльзасе; в настоящее вре-

мя на месте этого монастыря стоит большая городская церковь Хофкирхе, основанная в XII столетии и посвященная французскому епископу — святому Лежеру, который был ослеплен своим политическим противником — святому выкололи глаза буравом. В 1330 году поблизости от Обераммергау в Баварских Альпах возник еще один бенедиктинский монастырь, Этталь, — его основал Людвиг Баварский в благодарность за то, что живым вернулся из паломничества в Рим. До сих пор обитель привлекает к себе десятки тысяч паломников ежегодно, они приходят сюда, чтобы почтить мраморную Мадонну, привезенную Людвигом из Италии. (На тимпане над готическим порталом аббатства изображена сцена распятия, и на Христа смотрят Людвиг и его супруга.) В Эттале до сих пор живут около шестидесяти монахов, они, помимо прочего, руководят работой школы-интерната, издательства, гостиницы и винодельни.

Цистерцианцами были основаны монастыри у Штамса в Тироле и у Мерерау возле Брегенца на берегу Боденского озера, последний знаменит своим поразительным крылатым алтарем в церкви аббатства. Не остался в стороне и орден августинцев, который заложил монастыри у Ин-

терлакена и в горах Савойи, у деревни Абонданс; и хотя оба ныне прекратили свое существование, церкви аббатств сохранились. Обширный травянистый участок с отдельными деревьями в центре Интерлакена, так называемый Хоэнматте, в прошлом был лугом, где монахи некогда пасли скот, а городской *Schloss* (замок), история которого отсчитывается с 1747 года, поглотил ряд древних монастырских построек, в том числе и прежнюю главную церковь аббатства. Гордостью же церкви аббатства Абонданс, отстоящего от южного берега Женевского озера примерно на двадцать километров, являются две крытые галереи, датируемые XIV веком; еще этот храм славится картиной XV века «Свадьба в Кане Галилейской», на которой в деталях показана повседневная жизнь в Савойе в самом конце Средневековья.

Немалое число храмов добилось богатства и влияния. Монахи-бенедиктинцы из монастыря в Энгельберге в Швейцарских Альпах, основанного в 1120 году, в политическом отношении господствовали над всей долиной, которая оставалась независимой от Швейцарской конфедерации вплоть до 1803 года, когда область наконец-то была включена в кантон Нидвальден. (Монастырь

остается необычайно влиятельным: в настоящее время у него есть отделения в Орегоне и в Миссури — очень далеко от Швейцарии.) Как и в случае многих монастырей, здания в Энгельберге относятся скорее к XVIII веку, чем к Средневековью, причем первое из построенных тогда было уничтожено пожаром. Это также верно в отношении другого монастыря того же религиозного ордена — в Бенедиктбойерне в Баварских Альпах. Один из самых старых монастырей в регионе, он был основан в 739 году, но все здания, дошедшие до сегодняшних дней, датируются более чем тысячелетием позже. Церковь аббатства, собор святого Бенедикта, представляет собой примечательный образчик раннего итальянского барокко, где богатая изящная лепнина взбирается к самому потолку, украшенному красочной и характерно барочно-экспрессивной росписью. Монастырь за стенами аббатства формируют обширные элегантные внутренние дворики, окруженные зелеными и кремовыми аркадами. В одном из зданий монастыря в 1803 году был обнаружен удивительный манускрипт, содержащий серию юмористических и эротических стихотворений XIII века, созданных, вероятно, голиардами — лишенными духовного сана мо-

нахами, менестрелями и бродягами. Позднее этот стихотворный цикл положил на музыку немецкий композитор Карл Орф (1895-1982), который назвал свое сочинение «Carmina Вигапа». Со времени мировой премьеры, состоявшейся во Франкфурте в 1937 году, эта нецерковная кантата стала в высшей степени популярной. В частности, исполнением «Carmina Вигапа» прославились английские хоровые коллективы, участники которых, возможно, пребывают в счастливом неведении, что стихи, написанные на смеси латыни и средневекового немецкого языка, с большой яркостью живописуют разгульную жизнь со всеми ее соблазнами, такими как секс, чревоугодие, пьянство и азартные игры.

Несмотря на свою древность, в архитектурном отношении Бенедиктбойерн не представляет ничего выдающего; однако несколько швейцарских монастырей производят глубокое впечатление, и совершенно справедливо — в качестве наилучшего примера можно указать монастырь в Айнзидельне, угнездившийся среди зеленых горных пастбищ и густых лесов восточнее Люцерна. На протяжении сотен лет он был крупным центром паломничества (согласно историческим документам, самые первые пилигримы

появились здесь в 1337 году, когда получили грамоту о безопасном проходе от Тумба фон Нойбурга, рыцаря Форарльберга.) Это место до сих пор привлекает к себе ежегодно четверть миллиона благочестивых верующих. Вначале перед паломниками открывается поразительный вид — на другом конце обширного внутреннего двора, обрамленного по кругу рядами сводчатых колоннад, высится гигантский четырехэтажный комплекс в стиле барокко; неудивительно, что в своей книге «Швейцария», вышедшей в 1950 году, Джон Расселл назвал его «самым радостным и волнующим зданием в стране».

Своим возникновением здешний монастырь обязан святому Мейнраду, отшельнику, который в 828 году удалился от мира в дикие леса этой части Альп; в спокойном уединении он прожил тут вплоть до 861 года, когда его убили два разбойника, позже казненные в Цюрихе. Через семьдесят лет после смерти Мейнрада настоятель кафедрального собора Страсбурга позволил бенедиктинской общине построить обитель на месте его скита (существующее в настоящее время здание — шестое по счету, которое стоит на месте алтаря Мейнрада). Известен рассказ о том, что епископ Констанцский, который был приглашен

освящать церковь аббатства, 14 сентября 948 года услышал раздавшийся под сводами храма голос, что сам Христос уже освятил его; папа провозгласил случившееся чудом и издал буллу с благословлением, провозгласив эту церковь местом паломничества.

Главный объект для паломников в Айнзидельне — Черная мадонна, деревянная статуя XIV века, изображающая Деву Марию, которая хранится в часовне Пресвятой Девы в центре нефа; покровы статуи меняют в соответствии с церковным календарем, всего их насчитывается более пятидесяти. Что касается остальной церкви, то большая ее часть — розовая пышная безвкусица рококо с серебряными органными трубами, украшенными золотыми херувимами, а алтарь имеет вид черно-золотого саркофага, где покоятся мощи святого Мейнрада. Снаружи комплекса зданий находится источник Девы Марии с ключевой водой, а его четырнадцать струй питает тот же самый ручей, который изначально отвел сюда сам Мейнрад.

Наряду с паломниками монастырь сотни лет привлекал к себе и любопытствующих. В 1776 году тут появился Уильям Кокс, автор «Очерков о естественной, гражданской и политической

истории Швейцарии» , который и засвидетельствовал, что «на мощеной площади постоянно лежат распростертые грешники, погруженные в благоговение и счастливые оттого, что добрались до цели своего паломничества». Несколькими годами ранее историк Эдуард Гиббон был потрясен

> чрезмерным, будто напоказ, роскошеством в беднейшем уголке Европы; кажется, будто дворец возведен посреди варварского пейзажа диких лесов и гор какой-то магической силой; и он возведен могущественной магией веры... Мое негодование усугублялось тем, что для этого воспользовались именем и почитанием Девы Марии.

Возможно, Гиббону следовало попытаться поискать вдохновения в ландшафте, окружающем монастырь; и обитель, и сама деревня Айнзидельн расположены на дне громадной зеленой чаши, окруженной лесистыми склонами, что уходят вверх к изобилующим утесами горам. Монастырская братия всегда трудилась на прилегающих к аббатству землях, и поскольку здесь, среди голых скалистых склонов, невозможно вести пахотное сельское хозяйство, монахам

пришлось заняться скотоводством, и они стали известными коннозаводчиками.

Однако есть один альпийский монастырь, пусть и не превратившийся в столь же популярный центр паломничества, но ставший «отчим домом» для целого монашеского ордена. Куван де ла Гранд Шартрез, самая первая монашеская обитель ордена картезианцев, расположен возле Гренобля, в отдаленной глубокой долине среди поросших лесом гор. Он был основан в 1084 году, когда, как гласит легенда, Бруно, епископу Гренобля, было видение, предупредившее, что скоро к нему придут семеро странников, имеющих намерение оставить мир. В должное время путники появились на пороге у Бруно, и он отвел их в уединенную область, известную как Пустынь Шартрез, основав таким образом одновременно и монастырь, и картезианский орден (получивший свое название от названия местности). В XII веке один из преемников Бруно составил орденский устав, который с тех пор не претерпел изменений, и к эпохе Возрождения здесь насчитывалось уже свыше двухсот религиозных обителей; в настоящее время их количество во всем мире сократилось до семнадцати мужских монастырей и пяти женских обителей. Ведя жизнь молчали-

вую и уединенную, картезианцы друг с другом встречаются лишь за воскресной трапезой и три раза в день в церкви. Монахов из Шартреза часто можно увидеть в окрестностях монастыря работающими в поле, но также они содержат винокурню, где производят различные ликеры, причем используют формулу, секрет которой свято сохраняется с 1605 года (самый крепкий из ликеров имеет крепость 71 градус).

В наши дни, подобно Айнзидельну, обитель Шартреза привлекает к себе постоянный поток посетителей. Современные туристы идут по стопам поэта Томаса Грея и писателя Хораса Уолпола, двух английских литераторов XVIII века, которые побывали в монастыре в 1739 году и оказались в числе первых путников, отыскавших это удаленное, но красивое место (в отличие от сегодняшних туристов, их допустили внутрь монастырских зданий). Как писал Грей, чтобы добраться до монастыря, им пришлось пройти по узкой дороге, что проходила над «чудовищным обрывом, почти отвесным, на дне которого бурлил яростный поток», а сам монастырь «создает один из наиболее уединенных, наиболее романтичных и наиболее поразительных пейзажей», ему какие мне когда-либо доводилось видеть». Он писал, что это

место было «удивительно благопристойным», и отмечал, что братии, насчитывающей одну сотню монахов, прислуживало триста слуг! В те дни двум братьям позволили отступить от данных ими обетов молчания, чтобы они могли принять путников в обители, и Грей вспоминал, что путешественникам подали сыр, масло, виноград, яйца и рыбу; далее он признавался, что монастырь мог бы «обратить атеиста к вере» и что, родись он в Средние века, его могла бы привлечь такая монашеская жизнь (хотя они с Уолполом вежливо отказались от предложения монахов провести ночь в одной из келий). Схожее чувство почтения и благоговения испытал и другой английский поэт, Уильям Вордсворт, побывавший тут в 1790 году и в своей поэме «Прелюдия» описавший «величественное одиночество» монастыря; его сестра Дороти позже писала: «Не думаю, что какое-либо место произвело на него столь же сильное впечатление... в дни своей юности он не раз и много говорил мне об этом».

Монастырь на вершине перевала Большой Сен-Бернар

В Альпах есть и другие монастыри, более древние или крупные, или производящие бо-

лее сильное впечатление, чем тот, что стоит на вершине перевала Большой Сен-Бернар; но мало какие из них столь же знамениты. Религиозный орден, который облюбовал для своей обители унылую скалистую вершину на одном из самых оживленных торговых путей через Альпы, был учрежден около тысячи лет тому назад королем Дании Кнутом и королем Рудольфом III Бургундским, встревоженными угрозой для панъевропейской торговли со стороны сарацин — те нападали на всех, кто пользовался перевалом. Сарацины были отброшены, и архидиакона Аосты Бернара (923-1080), пригласили заложить на вершине перевала монастырь, призванный служить защитой и убежищем для будущих путешественников. Бернар, родом из Ментона, что на берегу озера Анси, до того уже основал один странноприимный дом на вершине перевала Малый Сен-Бернар, где, как считается, лично низверг и разрушил древнеримскую статую Юпитера; теперь же у него появилась возможность основать второй монастырь, и в знак признания заслуг священника второй перевал, Большой Сен-Бернар, был назван в его честь. (После основания двух монастырей остаток жизни Бернар провел, совершая богослужения в горах, и в 1923 году папа

Пий IX назвал его святым покровителем Альп.)

За годы, минувшие со времени основания, монастырь разбогател благодаря дарам, которые путники, преодолевшие опасный перевал, преподносили обители в благодарность за безопасное пристанище. Дорога через вершину, все более и более оживленная, стала частью знаменитого Виа Франчиджена (Пути франков), протяженного торгового маршрута, связывающего Северную Европу с Римом, причем она пролегала по дорогам, проложенным еще древними римлянами. Считается, что этим торговым путем пользовались примерно с VII века. В частности, именно этой дорогой пилигримы шли от Кентербери к Священному городу: от Ла-Манша их маршрут пролегал через Аррас, Реймс и Безансон, а затем пересекал Вогезы, выходя к Женевскому озеру и Лозанне; затем путники проходили через центр паломничества Санкт-Мориц и только потом направлялись в Мартиньи и через перевал в Аосту, а оттуда — в сам Рим, и последний этап их путешествия проходил через Пьяченцу и Сиену. (В 900 году Сигерик, архиепископ Кентерберийский, проделал этот путь, дабы получить полагающийся его званию палий из рук папы Иоанна XV; возвращаясь обратно, он вел дневник, в котором

описал свое путешествие на муле через перевал Сен-Бернар и гостеприимство местных монахов.) К 1177 году монастырь владел землями по всей Европе (в том числе и собственностью в Хончерче в Эссексе); примерно тогда же монахи начали разводить и обучать собак, которые помогали им спасать путников, попавших в беду. Своей широкой известностью эти животные обязаны бочонкам с придающим силы пивом, которые они носили на шее. Первые письменные упоминания об этих собаках появились в 1708 году; к тому времени была выведена особая порода, полученная благодаря скрещиванию мастифов и датских догов. (Ив наши дни монахи, как и раньше, содержат собак, хотя никакой практической цели в этом нет, не считая того, что местные сенбернары — повод для туристов поахать и поиграть с животными.)

Во времена, о которых имеются документальные свидетельства, здешняя религиозная община состояла всего из четырех братьев, однако монастырь оставался постоянно действующим, располагаясь в двух зданиях, относящихся к периоду от 1560 до 1898 года; зимой монахи отважно противостояли гигантским снежным заносам, когда на протяжении нескольких месяцев темпе-

ратура опускается ниже нуля. Хотя в последнее время перевал оказался в тени автомобильного туннеля, проходящего в толще горы под ним, а также других активно использующихся трасс, таких как Симплонский железнодорожный туннель и автомобильный туннель под Монбланом, на протяжении сотен или даже тысяч лет через Сен-Бернар проходил самый оживленный маршрут через Альпы. В наши дни дорогу зимой от снега не расчищают (и в августе на вершине перевала встречаются отдельные заснеженные участки), но летом здесь кишмя кишат велосипедисты и приехавшие на выходной день туристы — они торгуются у прилавков и ларьков (где рядами выстроились сувениры в виде симпатичных сенбернаров), разглядывают собачий питомник и суетятся вокруг монастырской церкви, а потом возвращаются домой, спускаясь с перевала обратно в Швейцарию или Италию.

На протяжении двухсот лет туристы направлялись к монастырю кратчайшим путем. Путеводитель по Альпам, опубликованный в XIX веке Джоном Мюрреем, указывал, что в монастыре есть гостиная, где нежданные гости могут переночевать и которая «увешана множеством рисунков и гравюр, уставлена подарками, при-

сланными путниками в знак признательности за внимание и заботу, которую проявила к ним братия... одним из подобных даров было фортепьяно, присланное одной леди». Та же книга не удержалась от шпильки, заметив, что богослужения в часовне продемонстрировали «помпезно-безвкусные декорации католического ритуала и культа, [что] ослабляет выразительный образ официальной церкви и ее приверженцев». Тем не менее путеводители вообще-то восторженно рассказывали о красотах перевала, хотя отдельные путешественники со всей очевидностью не разделяли их восторга: альпинист Эдвард Уимпер, который в 1865 году возглавлял первое успешное восхождение на Маттерхорн, писал о своем путешествии к перевалу: «У меня не было настолько скучного и лишенного каких бы то ни было событий дня, кроме как тогда, когда я шел по столь неинтересной дороге»; о пейзаже он отзывался как о «банальном». На художника Уильяма Брокдона, побывавшего здесь в 1825 году, это место также не произвело впечатления, но по иным причинам. Он писал, что пришел в ужас при виде открывшегося его взору морга, пристроенного к странноприимному дому, куда

помещали тела несчастных людей, погибших в этих горах, на них оставлена одежда, по которой их смогут опознать друзья, найдись таковые… мертвецы предстают глазам в тех же позах, в каких их застигла смерть. Здесь они высохли… некоторые тела представляли собой отвратительное зрелище; кости черепа отчасти обнажились и побелели… несколько тел стоймя прислонены к стене, поверх накопившихся груд своих жалких предшественников, являя собой ужасную картину.

Из побывавших в монастыре писателей самым известным был Чарльз Диккенс, который совершил многочисленные путешествия во Францию, Италию и Швейцарию, а сюда он приехал в 1846 году, отправившись в путь из Лозанны. В письме, адресованном своему другу Джону Форстеру (позже ставшему его биографом), Диккенс оставил незабываемое описание здешних скал. «Как бы мне хотелось, чтобы Вы побывали здесь!» — писал он о верхней точке перевала:

Огромная круглая долина на вершине страшной горной цепи, окруженная от-

> весными скалами всех цветов и форм, а посредине — черное озеро, над которым непрерывно плывут призрачные облака. Взор со всех сторон встречает вершины, утесы и пелену вечного льда и снега, отгораживающую долину от всего внешнего мира; озеро ничего не отражает; и кругом не видно ни одной живой души. Воздух так разрежен, что все время ощущаешь одышку, а холод неописуемо суров и пронизывает насквозь, не видно никаких признаков жизни, ничего красочного, интересного — только угрюмые стены монастыря, никакой растительности. Нигде ничто не шелохнется, все заковано в железо и лед.

О самом монастыре Диккенс писал так: «Удивительное место, настоящий лабиринт сводчатых коридоров... В нем множество удивительных крошечных спален, где окна так малы (из-за холодов и снега), что в них с трудом можно просунуть голову». Что же касается монахов, то Диккенс побеседовал с одним из них, который немного говорил по-английски и только что получил «Записки Пиквикского клуба», но о братьях в целом

писатель отозвался так: «Эти монахи удивительные лентяи... Они богаты, и дела их процветают — ведь монастырь представляет собой обыкновенную харчевню». Как и Брокдон, писатель также открыл для себя местный морг, сочтя, что некоторые мертвецы «до ужаса напоминают живых людей, на лицах ясно можно различить выражение», в то время как другие «уже рассыпались, превратившись в кучку костей и праха».

Святые и паломники

В Альпах множество центров паломничества; рядом с некоторыми, например возле Айнзидельна, возникли монастыри, но это верно отнюдь не для всех. Многие святые места находятся в отдаленных уголках, которые, судя по всему, особенно привлекали к себе средневековых отшельников. Среди них наибольшей известностью пользуется Монте Верна неподалеку от Варалло в Итальянских Альпах — в 1224 году эту глухомань выбрал святой Франциск Ассизский, решив провести на горе в молитвах сорокадневный пост. Здесь имеются впечатляющие скальные образования, а век спустя после того, как тут молился святой Франциск, в сборнике рассказов под названием «Цветочки святого Франциска» говорилось:

«Открылось ему, что эти расселины [в скалах]... разверзлись чудесным образом в час Страстей Христовых, когда, согласно Писанию, раскололись скалы». Двести лет спустя, в 1486 году, Бернардино Каими, местный монах, основал в окрестных холмах сорок пять часовен, где создал трехмерные картины: раскрашенные статуи и фрески показывают жизнь Христа в ярких и ужасающих деталях. Попытка обратиться к натуралистичности и зрелищности была обусловлена неграмотностью людей в эпоху, когда в этих отдаленных долинах широко распространилась ересь: в картине избиения младенцев пол завален мертвыми детьми, а в других часовнях зрителю предстают обезумевшие бичеватели и реалистически окровавленный Христос. В те далекие дни сюда шли и шли целые семьи, ветераны, монахини — впрочем, популярны были и прочие *sacri monti* в Итальянских Альпах: Варесе, Домодоссоле и Арона, а еще больше — в Испании, Португалии и Франции.

Что касается других отшельников, чьи отдаленные горные прибежища превратились в места паломничества, то одним из самых популярных стал Гемма из Гурка — в XI веке он основал целый ряд церквей и аббатств в Каринтии и был похо-

ронен в одном из них, в церкви бенедектинской обители в Гурке. За столетие до того Вольфганг, епископ Регенсбурга, удалился в пустынь на берегу озера в Австрийских Альпах; ныне это озеро носит его имя — Вольфгангзее. Приходская церковь в Санкт-Вольфганге возведена на месте его скита, а известен храм своим многошпильным готическим главным алтарем, который создан Михаэлем Пахером в 1470-х годах. Тогда же, когда творил Пахер, монах-францисканец по имени Бартоломео основал отшельническую обитель на склоне холма над Локарно — на том месте, где ему явилась в видении Дева Мария; церковь Мадонны дель Сассо превратилась в популярный центр паломничества и является одним из привлекательных для туристов объектов в Локарно (в настоящее время до нее можно добраться по канатной дороге: фуникулер провезет вас над горным склоном из центра курортного города на берегу озера).

Явлению Девы Марии обязаны своим возникновением и другие места паломничества, такие как базилика Нотр-Дам де ла Салет, расположенная на высоте 1770 метров в окружении поразительно красивых гор неподалеку от Гренобля, где каждый год сотни тысяч пилигримов приходят

на то место, где в 1846 году Дева Мария явилась двум местным детям. Между тем у подножия Баварских Альп в Штейнгадене в Вискирхе находится статуя бичуемого Спасителя: вырезанная из дерева фигура Христа, которая в июне 1738 года во время вечернего богослужения будто бы стала мироточить; ныне статуя является частью главного алтаря и привлекает к себе миллион посетителей в год. (Широкая известность центров паломничества не всегда радует местных жителей. В Пюимуассоне, на самом юге Французских Альп, там, где горный хребет сворачивает в сторону Прованса, есть церковь, которой некогда владели рыцари-госпитальеры, члены ордена святого Иоанна Иерусалимского. В XVI веке в церкви обнаружили останки двух святых, и сюда потянулись паломники, но нескончаемый поток надоел местным жителям, их терпение лопнуло, и они в конце концов тайно перезахоронили мощи — место погребения и по сей день держится в секрете.)

Религиозные раздоры

Реформация, импульсом к которой послужили революционные доктрины таких деятелей, как Мартин Лютер и Жан Кальвин, всю Европу обрек-

ла на несколько веков религиозных раздоров. Тем не менее радикальные идеи, связанные с новым религиозным учением, и вызванные им политические перемены исходили главным образом из городов; отдаленные и обособленные районы континента, наподобие Альп, не испытывали такого давления, как равнинные области с их многочисленным населением, сосредоточенным в крупных населенных центрах; последнее и обусловило возможности быстрого распространения новых идей и сопротивления существующему порядку.

Хотя Альпы по большей части оставались во время Реформации католическими (и в наши дни этот регион в значительной степени по-прежнему католический), два города на окраине гор, Цюрих и Женева, прославились как основные центры протестантской идеологии в начале XVI столетия. В Цюрихе священник Ульрих Цвингли (1484-1531) выступил против целибата духовенства и власти папы; его идеи получили распространение в Берне и Базеле, но нашли слабый отклик в сельских швейцарских кантонах (сам Цвингли был убит в сражении при Каппеле, в ходе недолгой войны, разгоревшейся на почве религиозных разногласий). После гибели

Цвингли звание ведущего религиозного диссидента перешло к Жану Кальвину — изгнанный из Сорбонны, он перебрался в 1533 году в свой родной город Женеву, который превратил в «протестантский Рим». На протяжении десяти лет новое религиозное течение неспешно продвигалось вдоль северного берега Женевского озера к Лозанне: в этом городе в 1540 году был основан новый университет, вскоре снискавший славу центра радикального протестантизма, и тогда же великолепный кафедральный собор Лозанны лишился своего скульптурного убранства, икон и витражей — что ознаменовало начало эры, когда множество церквей по всей только что принявшей протестантизм Европе утратили пышный католический антураж.

К середине XVI века новая вера получила широкое распространение среди представителей деловых и политических групп многих альпийских городов, особенно на территории Швейцарии и Австрии. Открыто исповедовать протестантизм в городах равнинных районов Швейцарии, таких как Базель, Шаффхаузен или Берн, новообращенным никто особенно не препятствовал, но во многих других городах правящие власти отнюдь не приветствовали

инакомыслие, и с протестантами расправлялись быстро и жестоко. В Тироле рудокопы, трудившиеся на серебряных рудниках Шваца, на недолгое время приняли протестантское учение, и в 1525 году религиозные разногласия, подкрепленные также политическим недовольством владычеством Габсбургов, вылились в восстание. Для подавления мятежников эрцгерцог Фердинанд I был вынужден обратиться за помощью к наемникам; лидер восстания Михаэль Гайсмайр бежал в Венецию, и Фердинанд быстро очистил Тироль от протестантов. В настоящее время этот регион известен в Австрии как один из самых прокатолически настроенных.

Швац тем не менее стал исключением, и большинство горных районов оставались главным образом католическими, а в коммунах отдаленных поселений испытывали естественную подозрительность ко всем новым веяниям. И все же альпийские долины оказались идеальным убежищем для инакомыслящих, желающих укрыться от длинных рук католического закона. Возле Бадгаштайна в Альпийских Альпах местные протестанты некогда собирались для тайных собраний в пещере Натурэле; зал, где они молились, был известен как Флидермаусдом, что

переводится как «Мышиный собор». Похожие тайные убежища можно отыскать во многих альпийских долинах. Но в высокогорной части Альп нет места, в большей степени связанного с религиозным расколом, чем окрестности Ла-Валлюи, удаленной долины возле Безансона. В XII веке в этой малонаселенной и изолированной области нашли прибежище вальденсы (или водуазы), приверженцы религиозного течения, отколовшегося от официальной церкви. Его основатель, торговец по имени Пьер Вальдо (или Во), считал, что спасения можно достичь отказом от мирского имущества, отречением от собственности. Католические власти неодобрительно восприняли идеологию группы, ив 1184 году Пьер Вальдо был заклеймен как еретик и отлучен от церкви. Но его последователи продолжали жить в своем отдаленном убежище вплоть до обрушившихся на них в 1488 году репрессий: во главе развязанной кампании стояли католики Гренобля, и в результате община вальденсов была уничтожена. Особенному опустошению подверглась долина Жиронды, получившая название Валь Пют, или Проклятая долина. Позже весь район стал называться Валюиз (Валь Луи) — в честь французского короля Людовика XI, который положил конец

гонениям, хотя в XVII веке район вновь проявил себя центром инакомыслия, став убежищем для французских гугенотов. (К тому времени существовала тайная сеть протестантских общин, обосновавшихся в отдаленных уголках по всем Альпам. Группа итальянских протестантов, укрывшихся в отдаленной долине Валь Пел-лис возле Турина, даже сумела наладить контакты с Оливером Кромвелем, который прислал общине денег на возведение плотины для защиты от наводнений.)

Как ни старались сильные мира сего, правившие сугубо католическими областями, такими как Бавария и Тироль, сколь бы ревностно ни искореняли они протестантизм, тот глубоко проник в европейскую религиозную жизнь, а так как из-под печатных станков Женевы выходили все более и более радикальные тексты (среди них — и выпущенная в 1560 году первая методически упорядоченная английская Библия), то католическая церковь решила нанести ответный удар. Начало Контрреформации было положено чередой собраний в период между 1545 и 1563 годами в красивом, возведенном в романском стиле кафедральном соборе города Тренто в Доломитовых Альпах. Дискуссии на так называемом

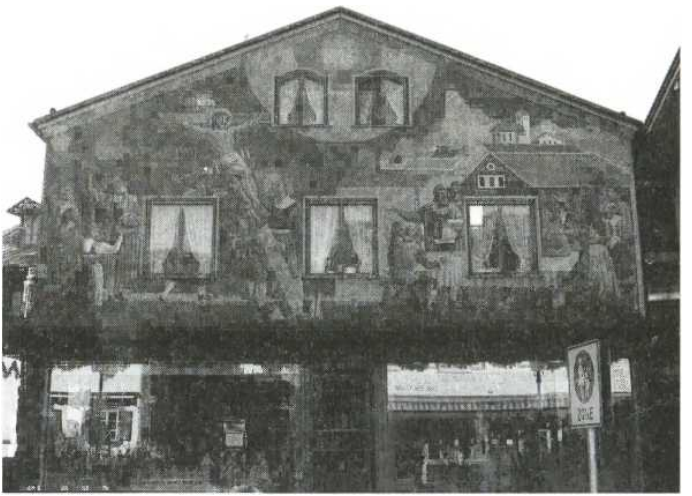
Тридентском соборе подтолкнули к действиям европейских правителей, и многие, как, например, герцоги Баварские Альбрехт V (1550-1579) и Вильгельм Благочестивый (1579— 1597), сыграли ведущую роль в подавлении новой веры во второй половине XVI века. Но Контрреформации требовался авангард, и в роли передовых бойцов выступили иезуиты — члены религиозного ордена, основанного святым Игнатием Лойолой в 1530-х годах специально для миссионерской деятельности и обучения. Иезуитов благосклонно принимали правители во многих частях Альп, в том числе в Савойе и габсбургской Австрии, где они укореняли католичество среди простого народа, внедряя развивающие духовные упражнения и насаждая католические религиозные обряды. Традиционной стала, в частности, привитая миссионерами-иезуитами практика изготовления богато украшенных рождественских ясель и сложных композиций, представляющих библейские сцены рождения Христа; картину довершали пейзаж и разрисованный задник, который был придуман в Тироле. Как считалось, подобная смесь театральности и яркой красочности придаст привлекательности в противовес аскетичной суровости и мрачно-

сти протестантизма. (Обычай получил широкое распространение, и ремесло изготовления картин-яслей дожило в деревнях до наших дней, например, им славится Таур под Инсбруком.) Иезуиты также оказали существенное влияние и на моду на церковную архитектуру и убранство храмов. Домкирхе (городской собор) в столице Каринтии Клагенфурте внешне представляет собой сурового вида сооружение, лишенное всяких украшений, что не удивительно, так как заложена церковь была в начале XVI века, когда большинство правителей города были протестантами; но внутри собор радует взор богатым многоцветным барочным убранством — иезуиты XVII столетия прибегали к нему как к способу и средству укрепления традиций старой веры. В 1612 году в рамках рекатолицизации император Фердинанд II передал иезуитам относящееся к XI веку бенедиктинское аббатство, расположенное в том же регионе, у Милыптатта; здешняя церковь обильно украшена в стиле барокко — вдохновителем такого убранства интерьера был религиозный орден.

Католическая церковь прибегала и к другим способам вдохнуть новую жизнь в прежние религиозные обряды и вновь привлечь к себе

народы Европы после Реформации, в частности поощряла различные инсценировки крестных мук Христа и связанных с этим событий — так называемые страсти Господни. Самой известной среди подобных театрально-религиозных представлений является постановка страстей Господних в Обераммергау в Баварских Альпах — ее показывают (приблизительно) каждые десять лет начиная с 1634 года, когда в ознаменование избавления города от Черной смерти состоялось первое представление. Драматическое представление рассказывает о страстях Христовых, и в эпической постановке участвуют свыше двухсот пятидесяти исполнителей, взрослых и детей, а идет она весь день. С течением веков пьеса претерпевала изменения: сцены, где евреев изображали рогатыми чертями, выкинули, не поднимая особой шумихи; в 1990 году женщинам впервые дозволили исполнять роли в спектакле (до того в образе Девы Марии выступал мужчина). До 2000 года в представлении участвовали исключительно немцы и католики, поскольку все прочие были изгнаны из деревни Обераммергау. В настоящее время инсценировки страстей Господних осуществляют на сцене огромного современного театра, частично находящегося под

открытым небом. (Если не считать того времени, когда идут представления страстей, то Обераммергау — тихий городок, где стены магазинчиков для туристов и жилых домов разукрашены сценками из сказок, например, на одной фреске Гензель и Гретель погружаются в безмятежный альпийский сон.)

Стенная роспись в Обераммергау на сюжет страстей Господних.

Фото О. Королевой

По крайней мере еще в двух городах в Альпах

осуществляют постановку схожих инсценировок: каждые пять лет в Айнзидельне в центральной Швейцарии шестьсот местных жителей под руководством монахов из городского монастыря, участвуют в представлении религиозной мистерии под названием «Великий театр мира», которая была написана испанским драматургом Педро Кальдероном де ла Баркой и премьера которой состоялась в Мадриде в 1685 году. А в городке Шкофья-Лока в Словенских Альпах каждые два года в Великую пятницу исполняется «Мистерия по-шкофьелокски», сочиненная местным монахом в 1721 году. В пьесе показаны ад, распятие, Тайная вечеря и Судный день; ее представления были возобновлены в 1999 году, а до того пьесу в последний раз играли более двух с половиной столетий назад, однако в действительности по своему характеру это скорее церковный праздник или религиозная процессия, а не постановочная пьеса.

К концу XVII века протестантизм превратился в мощную политическую силу, и двести лет Европу раздирали кровавые конфликты на религиозной почве. Во Франции во время религиозных войн ожесточенные сражения происходили во Французских Альпах, были осады городов, например

Систерона и Кастелана. В 1598 году Нантский эдикт гарантировал свободу вероисповедания французским протестантам, но, как известно, этот эдикт был отменен в 1685 году, и тогда восемь тысяч французских солдат отправили в район Валлюи, чтобы изгнать протестантских сектантов, скрывавшихся там, где четырьмя столетиями ранее нашли прибежище последователи Пьера Вальдо. Католические кантоны Швейцарии заключали союзы с Испанией и Францией, а протестантские выступали на стороне близких им по духу немецких княжеств и заодно с протестантскими Нидерландами. Гражданская война между католическими и протестантскими кантонами затянулась, захватив конец XVII века, и окончилась победой протестантов — после ожесточенных сражений у Вильмергена, в 1656 году и затем в 1712 году.

Стенная роспись в Обераммергау по сюжету сказки о Коте в сапогах.

Фото О. Королевой

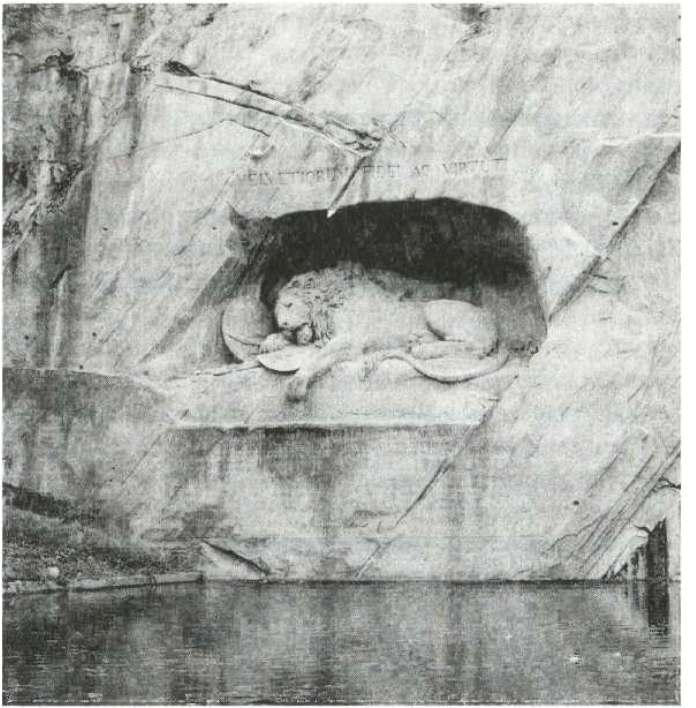
В середине XIX века в Швейцарии вновь разразилась гражданская война: ультракатолический Люцерн, чье правительство в 1841 году пригласило иезуитов вести преподавание в городских школах, стал ядром Зондербунда, союза мятежных (и

в большинстве своем альпийских) католических кантонов, куда входили Швиц, Ури, Валлис и Унтервальден. Война союзных кантонов против равнинных городов Конфедерации в ноябре 1847 года завершилась поражением Зондербунда. Новая конституция, принятая в следующем году, обеспечила равновесие власти между протестантскими и католическими кантонами, и сложившийся тогда порядок по-прежнему образует один из краеугольных камней швейцарского федерализма наших дней.

Наполеон и Французская революция

Французская революция, этот великий поворотный пункт европейской истории, некоторыми своими корнями уходит в Альпийскую Францию. 7 июня 1788 года король Франции Людовик XVI в «приступе абсолютизма» распустил региональную ассамблею в Гренобле. Жителям Гренобля подобный диктат Парижа пришелся совершенно не по вкусу, и, когда появились войска, чтобы силой разогнать *parlement*, горожане взобрались на крыши зданий и принялись забрасывать солдат черепицей. Тем временем мятежные члены парламента Гренобля собрались в близлежащем городке Визиль. Настроенные по-боевому, они

призвали местные ассамблеи по всей Франции прислать своих представителей для обсуждения политического будущего нации. Созванное в окрестностях маленького альпийского городка, собрание в замке Визиль рассматривается в настоящее время как один из первых проблесков Великой французской революции; неудивительно, что ныне в замке располагается музей, экспозиция которого документально свидетельствует о значении и важности той роли, какую замок сыграл в эпохальных исторических событиях еще до того, как революционные выступления захлестнули Париж.

«Умирающий лев» в Люцерне.
Фото О. Королевой

Существует и другая связь между Французской революцией и Альпами — и весьма удивительная. Отвергнув саму идею о военных действиях

на собственной территории, швейцарские солдаты снискали славу благодаря тому, что взяли на себя роли защитников и стражей за пределами своей страны (пример тому — воинское подразделение так называемых швейцарских гвардейцев, которое до сих пор охраняет папу римского). В 1792 году в Париже погибли семьсот швейцарских солдат, защищавших французскую королевскую семью от революционной толпы, и их память увековечили в Люцерне уникальной скульптурой, известной как *Lowendenkmal*, или «Умирающий лев». Эта выразительная скульптура датируется 1821 годом и изображает пронзенного копьем льва, взирающего со щита; она вырублена в вертикальной скальной стене, обращенной на зеленый участок (и на маленький пруд с утками) немного севернее центра города; автор памятника — датский скульптор Бертель Торвальдсен (1770— 1844), а в действительности вырезал фигуру льва каменщик из Констанца по имени Лукас Ахорн. В книге «Пешком по Европе» Марк Твен примечательно называет льва «самым трагическим и трогательным каменным изваянием в свете... [Его] поза в высшей степени благородна. Голова его наклонена, обломок копья торчит в плече, вытянутая лапа покоится на

лилиях Франции».

После Французской революции большинство войн в Европе выглядело ожесточенными спорами между строителями различных империй, а никак не борьбой за религиозное верховенство. В 1790-х годах французские войска устремились на восток из своей революционной отчизны, распространяя и насаждая не веру, как иезуиты и протестанты двумя столетиями ранее, а новые радикальные политические убеждения. Савойя, в то время входившая в состав королевства Сардиния и по-прежнему находившаяся под властью Савойской династии, была захвачена в 1792 году. Затем пришла очередь Северной Италии, что ввергло Францию в конфликт с некогда могущественной Венецианской республикой. В 1796 году французские войска приступом взяли древнюю венецианскую крепость Бергамо на южных отрогах Альп, и местные революционеры провозгласили Бергамо независимым городом-государством под покровительством Франции. По ходу праздничных торжеств городская пьяцца Веккья, которую Стендаль назвал «самым красивым местом на земле», была превращена в танцевальный зал под открытым небом, и бал в подлинно революционном духе открыла

аристократка в паре с мясником. Должно быть, каменные львы вокруг фонтана, эти горделивые символы древней Венецианской республики, рычали от отчаяния, глядя на эту картину.

В 1799 году молодой корсиканец по имени Наполеон Бонапарт, генерал французской армии, организовал увенчавшийся успехом государственный переворот и захватил политическую власть в Париже. Он оказался достаточно проницателен, решив распространить революционные идеи куда дальше Савойи и Италии; в особенности он желал посчитаться с двумя заклятыми врагами Франции — Англией и габсбургской Австрией. В кампании против первой в восточном Средиземноморье, а позже у мыса Трафальгар был задействован французский военно-морской флот; а Швейцария тем временем стала естественным плацдармом для наступления на Вену. В Цюрихе происходили революционные выступления, и в 1798 году страна испытала французское вторжение. Как в случае с Бергамо и с другими областями Северной Италии, была провозглашена новая республика, формально считавшаяся независимой, но в действительности находившаяся под контролем революционной Франции. Через два года сорокатысячная армия во главе

с Наполеоном совершила переход через перевал Большой Сен-Бернар, из Гельветической республики в Цизальпинскую — такое звучное название было дано находящейся под властью французов северо-западной Италии. Во время похода из одной «республики» в другую войска поистине с имперским презрением отнеслись к местным жителям и к обитателям монастырей, оказавшихся у них на пути. Армейские архивы свидетельствуют, что солдатами было выпито 21 724 бутылки вина, съедено полторы тонны сыра и 800 кг мяса, причем большая часть съестного была украдена в местных деревнях; более того, армия не заплатила по счетам из монастырских гостиниц сумму в 40 000 франков. (В 1850 году монахи наконец-то получили часть денег, которые им задолжали, а в 1984 году президент Миттеран сделал символический жест, выплатив монахам и жителям пострадавших областей столь долго задерживаемую компенсацию и признав причиненный ущерб.) Наполеон преодолел перевал верхом на муле, но о красотах окружающего пейзажа никак не отозвался; с другой стороны, его супруга Жозефина была настолько очарована горами, что позже пригласила во Францию одного швейцарского крестьянина и его жену,

поселив их в своем псевдоальпийском шале в предместье Парижа и перевезя туда же и семь их коров вместе с быком.

В 1803 году швейцарские кантоны восстали против про-французского марионеточного режима, установленного в Берне, и Гельветическая республика рухнула. Заключив так называемое «Соглашение о посредничестве», Наполеон позволил Швейцарии вернуть кантональное правительство, хотя страна и оставалась под номинальным контролем Франции; но наполеоновские войска оставили стране наследие куда более полезное, чем неоплаченный счет монастырю святого Бернара — между 1800 и 1808 годами через Симплонский перевал была проложена новая, замечательная с инженерной точки зрения дорога, открывшая совершенно новый маршрут для трансальпийской торговли.

А французские войска упорно продвигались на восток, оттесняя Габсбургов все дальше. Тогда Наполеон провел одну из наиболее успешных своих военных кампаний, в 1805 году нанеся австрийцам сокрушительное поражение под Аустерлицем в Моравии. Король Баварии выказал себя решительным и последовательным союзником Наполеона и в награду за верность

получил Тироль. Но в 1809 году Тироль восстал против правления баварцев. В лидеры восстания выдвинулся Андреас Хофер — владелец местной гостиницы, торговец вином и скотом, родившийся в крохотной горной деревушке Пфандлераль — ныне она находится на территории итальянского южного Тироля. Под командованием Хофера инсургенты разгромили баварцев на горе Бергизель, что рядом с Инсбруком, и даже сумели организовать временное правительство в городском дворце Хофбург, но потом вынуждены были отступить под натиском превосходящих немецких и французских войск. Хофер, позже казненный в Мантуе по приказу французов, по-прежнему остается национальным героем в Тироле (который всегда позиционировал себя отдельно от остальной Австрии). На могиле Хофера в инсбрукской Хофкирхе стоит аскетичная белая статуя, изображающая бородатого героя, а у его ног лежит красно-белый венок с надписью «Das Land Tyrol» («Земля Тироль»): надгробие куда более простое и намного менее помпезное, чем гробница императора Максимилиана, находящаяся в той же самой церкви (если припомнить, она совершенно пуста).

В Инсбруке многое напоминает о легендарной

битве при Бергизеле. В частности, в здании под названием Рундгемэльде, стоящем возле бурной реки Инн, размещается громадная круговая панорама, изображающая кровавую битву — хаос боя, кругом знамена и дым сражения, а из динамиков громко звучат энергичная маршевая музыка и напыщенный комментарий. Панорама открылась в 1896 году, когда вся Европа была помешана на подобных самоуверенных и бесстыдных демонстрациях патриотизма. Что же касается восстания, во главе которого стоял Хофер, то оно было подавлено после того, как Наполеон в 1809 году захватил Вену; французский полководец заставил австрийского императора Франца I уступить Тироль Франции, хотя позже Австрия и возвратила себе власть над этой территорией после поражения французов под Лейпцигом.

Альпийская Франция также может похвастаться памятниками краткого, но драматического и яркого господства Наполеона в европейской политике. Вернувшись на родину из своей первой ссылки на остров Эльба, Наполеон высадился в материковой Франции в бухте Жуан и триумфально прошел через Французские Альпы к Гапу, откуда устремился на север через Дофине. У Лаффрэ, возле самого Гренобля, он наткнулся

на роялистских солдат — его поджидали в месте, ныне известном как Прэри де ля Ранконтр. Наполеон увидел, что гарнизон, сохраняющий верность недавно реставрированной монархии Бурбонов, значительно превышает по численности его собственный отряд, — но он бесстрашно вышел вперед и обратился к противнику с речью: «Солдаты, вы узнаете меня? Кто из вас хочет стрелять в своего императора? Стреляйте!» Несмотря на то, что молоденький офицер приказал открыть огонь, солдаты отказались стрелять и присоединились к Наполеону, восклицая: «Да здравствует император!» Затем Наполеон торжественно вступил в Лаффрэ и двинулся к Гренобль, заявив: «Мои орлы полетят с колокольни на колокольню и усядутся на соборе Нотр-Дам». В настоящее время поход, который Наполеон совершил от средиземноморского побережья до Гренобля, увековечен 325-километровой «Дорогой Наполеона», и ее эмблемой является летящий орел (этот маршрут получил такое название в 1913 году, а для автомобильного движения был открыт в 1932 году).

Не считая этой знаменитой дороги, по приказу Наполеона через альпийские перевалы была также проложена целая сеть новых дорог — так он

решил отблагодарить народ этой части Франции за оказанный ему радушный прием после возвращения с Эльбы. Первой из таких дорог стала Коль де Мане; Наполеон также распорядился проложить дорогу через перевал Мон-Сени, которой пользуются и поныне. И последний, но совершенно иной по характеру памятник наполеоновской эпохи представляет собой курортный городок Экс-ле-Бен, находящийся у подножия Французских Альп и известный своими минеральными источниками: за то недолгое время, которое император пробыл в Египте (успев сразиться с англичанами в битве на Ниле), Наполеон стал большим любителем паровых ванн и массажа душем, и по его желанию приспособления для них были установлены в Эксе, а вскоре эти новшества стали основным видом лечения, которое предлагали пациентам.

После поражения Наполеона при Ватерлоо и ссылки низложенного императора на английский остров Святой Елены французское влияние в Европе начало быстро уменьшаться. В 1815 году был созван Венский конгресс, целью которого было навязать посленаполеоновской Европе определенный порядок. Что касается альпийского региона, то вновь был подтвержден

нейтральный статус Швейцарии, Савойя вернулась в состав Сардинского королевства, а чтобы французское вторжение не повторилось, были возведены мощные фортификации (именно к тем временам относятся впечатляющие укрепления Эсейон — неприступные цитадели, защищающие дорогу, что ведет к перевалу Мон-Сени). Хотя швейцарские границы до наших дней остаются теми же, какие были установлены на конгрессе, заключенным в Вене соглашениям, которые определяли будущее Савойи, не суждена была долгая судьба: основанное в XI веке королевство Юмбера Белорукого распалось в 1860 году, когда народный плебисцит разделил его территорию между Францией и Италией (вот почему на столь обширной территории вокруг Аосты по-прежнему живет франкоязычное меньшинство). Но это происходило уже совсем в другую эпоху, а Венский конгресс на десятилетия установил мир в Европе и, не считая гражданских войн в Швейцарии в 1840-х годах, Альпы целый век оставались более или менее тихим уголком — пока вновь не проснулась Габсбургская империя, а в горах эхом не зазвучала винтовочная стрельба: началась столь кровопролитная война, какой до того не знал мир.

Первая мировая война

Благодаря объявленному Швейцарией нейтралитету кровавые сражения Первой (а позже и Второй) мировой войны обошли сердце Альп стороной. Главным альпийским театром военных действий в конфликте 1914-1918 годов стал юго-восток этого района, где Италия, желавшая добиться поддержки Великобритании и Франции, а заодно поквитаться с Австрией за старые обиды, была полна решимости сразиться с Габсбургской империей, хотя итальянская армия была скверно обучена и недостаточно вооружена. На начало войны немалая часть того региона, что ныне является Альпийской Италией, в том числе города Тренто и Больцано, северные берега озера Гарда, горный курорт Кортина-д'Ампеццо и район южного Тироля были частью Австро-Венгрии (как и вся Словения). Италия вступила в войну в 1915 году, заключив секретный договор (Лондонское соглашение) с союзниками, который определял, что в случае победы указанные районы, наряду с портом Триест и многочисленными островами в Адриатическом море, будут переданы Италии. (Годом позже, в 1916 году, Чезаре Баттиста и Фабио Фильци, двое итальянцев — подданных

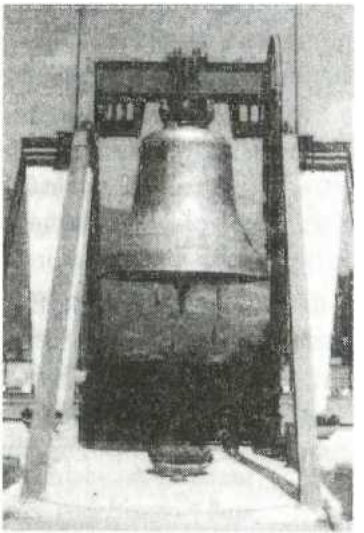
Австрии, выступили против австрийского владычества в Тренто, причем издаваемая Баттисти газета «Иль Пополо» служила трибуной для антиправительственных заявлений; в том же году оба были расстреляны как изменники у стен замка Кастелло дель Буонконсильо, бывшего дворца князя-епископа Тренто.)

На первых порах военные действия развивались для Италии удачно, но в мае 1916 года австрийцы предприняли широкомасштабное контрнаступление на так называемом Трентинском фронте. Несмотря на отчаянное сопротивление, итальянские войска были сброшены с горных пиков, захваченных ими в предшествующий год; после паузы, вызванной сильными снегопадами, австрийцы завладели стратегически важным опорным пунктом, горой Монте-Пасубио, и к концу месяца в австрийском плену оказались 30 000 итальянских солдат. Следующий месяц прошел в еще более ожесточенных боях, причем австрийцы обстреляли итальянцев газовыми снарядами, начиненными гидроцианидом, но добились лишь того, что ветер отогнал газ на их собственные позиции. В мае итальянцы перешли в наступление и захватили территорию большую, чем прежде австрийцы, а в октябре, по-

сле новой атаки, стали контролировать склоны Монте-Пасубио. В июне 1917 года на этом участке фронта опять вспыхнули бои, и тогда итальянцы захватили гору Ортигаро, но лишь затем, чтобы две недели спустя она вновь оказалась в руках австрийцев; в конце трехнедельной бойни обе стороны оставались практически на тех же самых позициях, но погибли и были ранены 23 000 итальянцев и 9000 австрийцев.

В этот период на Трентинском фронте противостоящие друг другу войска действовали поистине в жутких условиях: только под снежными лавинами погибли десять тысяч солдат, и это несмотря на то, что крепости вдоль линии фронта были глубоко врыты в горные склоны. Будущий историк Дж. М. Тревельян в те годы возглавлял подразделение госпиталя Британского Красного Креста на Монте-Пасубио и оставил множество свидетельств о происходившем там сражении. Согласно его описанию, одна буквально высеченная в скале крепость состояла из «четырех этажей галерей, одна над другой, и каждая щетинилась пушками и пулеметами. Здесь также стояли средневекового облика машины, чтобы засыпать градом камней врага, реши он предпринять попытку взобраться по водостокам». В крепость

можно было попасть по подвесным канатным дорогам, по ним же «больных и раненых спускали в клетках, с высоты сотен футов», чтобы те могли встретиться с медиками из команды Тревельяна.

Сражение на Монте-Пасубио, ставшее одним из самых ожесточенных во всей Первой мировой войне, отмечено в наши дни памятником в близлежащем городке Роверето, который находится в главной долине реки Адидже, между Тренто и Вероной. На склоне долины над городом вы-

сится Кампана деи Кадути — огромный колокол, отлитый из переплавленных орудий, который звонит каждый вечер в память о погибших с обеих сторон, и меланхоличный погребальный звон плывет над долиной. Колокол формирует центральную часть музейно-образовательного комплекса, посвященного укреплению мира между народами в современном мире. В том же городе огромный мемориал Сакарио-Милитаре ди Кастель-Данте посвящен памяти итальянских солдат, погибших на фронте в страшные 1916 и 1917 годы.

Другой фронт проходил по юго-восточным Альпам, по долине реки Изонцо (или Соча), и протянулся на девяносто километров от Адриатического побережья к высокогорью, окружающему Черногорию, примерно следуя линии сегодняшней границы между Италией и Словенией. Возле горы Крин, у словенского города Кобарид, в октябре 1917 года произошло яростное сражение: тогда итальянцы были наголову разгромлены общими усилиями Австрии и Германии; это так называемое «двенадцатое наступление», обернувшееся одним из самых эффективных одиночных прорывов противника в ходе всей войны. Длительная кровавая бойня в конце концов унесла свыше

миллиона жизней по обе стороны линии фронта. Около семи тысяч итальянских солдат похоронены в церкви святого Антония в Кобариде, где открыт также превосходный музей, посвященный событиям 1917 года (однако сегодня город Кобарид больше известен как крупный город в красивой долине реки Соча, знаменитой своим рафтингом по бурной воде). В этой части Словении немало и других военных памятников, таких как, например, маленькая часовня на перевале Вршич, она возведена в память о трехстах русских военнопленных, погибших под лавиной во время строительства дороги через перевал, или церковь в Толмине, юго-восточнее Кобарида, где на памятных досках перечислены имена трех тысяч австро-венгерских солдат, погибших тут во время войны.

Победа великих держав в 1918 году перекроила границы в восточном районе Альп. Южный Тироль, в том числе южные подступы к перевалу Бреннер, а также города Больцано, Тренто и Мерано вошли в состав Италии и остаются итальянскими вплоть до сегодняшнего дня. В 1920-е годы фашисты предпринимали рьяные усилия, чтобы итальянизировать этот район, переименовали его в Альто-Адидже, людей заставляли

принимать итальянские имена, городам давали итальянские названия, а немецкий язык изгонялся из школ. Личный архитектор Муссолини Марчелло Пьячентини выстроил в Больцано итальянский квартал, а на городской площади Пьяцца делла Виттория установил в 1928 году триумфальную арку — чтобы тем самым продемонстрировать, что итальянцы пришли всерьез и надолго. Но со временем в этом районе воцарилось спокойствие — как и на остальной территории Европы.

В 1925 году в швейцарском курортном городке Локарно на берегу озера Лаго Маджоре собрались представители великих держав для подписания договора, призванного установить хотя бы подобие порядка на потрепанном войною континенте; примерно тогда же в тех районах, где в предыдущее десятилетие кипели сражения, были сооружены мемориалы, посвященные Великой войне. Сегодня памятники можно увидеть не только в Роверето и Кобариде, но также и в маленьком городке Куфштайн на германо-австрийской границе, где в 1931 году завершилось создание громадного органа под открытым небом, построенного в память о погибших в войне; 4307 органных труб занимают одну из башен город-

ской средневековой крепости, и до сих пор на уникальном инструменте ежедневно даются концерты. Но именно в то время, когда торжественно открывали куфштайнский орган и подписывали Локарнские соглашения, в веймарской Германии проявились первые ростки нацизма, а вскоре Гитлер пришел к власти и в 1939 году развязал в Европе войну — во второй раз.

Вторая мировая война

По сравнению с Первой во Вторую мировую войну сражений в Альпах было заметно меньше. В большинстве боевых столкновений участвовали партизанские отряды, активно действовавшие в горных районах Альпийской Франции и Словении, откуда они совершали нападения на расквартированные там немецкие оккупационные войска.

В июне 1940 года Италия вторглась на территорию Франции, ее войска прошли через перевалы Коль-де-ля-Сэнь и Коль-д'Анклав и столкнулись с размещенными в горах французскими гарнизонами. Тогда, на начальном этапе войны, бои велись во многих районах Французских Альп. Тем не менее в последующие годы большая часть боевых действий, имевших место во Французских

Альпах, представляла собой стычки между отрядами французского движения Сопротивления и немецкими или итальянскими оккупантами. Одно особенно жестокое сражение произошло на высокогорных пастбищах Плато-де-Глиер, к северу от Анси, где в феврале 1944 года лагерь Сопротивления безуспешно атаковали поддерживаемые немцами французские части режима Виши; вторая попытка также окончилась безрезультатно, и впоследствии немцы отправили против 465 осажденных партизан двенадцатитысячный корпус. Подавляющее превосходство противника вынудило бойцов Сопротивления отступить и рассеяться. События тех дней увековечены мемориальной часовней и кладбищем на вершине Коль-де-Глиер — перевала на высоте 1440 метров, который пересекает плато.

Еще одним районом, который защищали отряды Сопротивления, был Веркор — густо поросший лесом и малонаселенный известняковый массив, возвышающийся над Греноблем. К 1944 году в Веркоре проходили военную подготовку четыре тысячи добровольцев, а 15 июня того же года (через две недели после высадки союзников в Нормандии) немцы напали на деревню Сен-Низье, но их атака была отбита. Лидеры Со-

противления были достаточно уверены в своих силах и 3 июля провозгласили республику Веркор, независимую от оккупированной нацистами Франции, но в этот район были направлены пятнадцать тысяч немецких солдат. Высадившись на планерах на аэродроме в Васье-ан-Веркор, они вынудили отряды Сопротивления отступить. В память о тех событиях в наши дни в Васье установлен монумент, а на мемориальную доску на городской ратуше занесены имена семидесяти четырех погибших горожан; многие похоронены на расположенном возле города Национальном кладбище Веркора.

В августе 1944 года положение отрядов Сопротивления начало улучшаться. В том месяце союзники высадились на южном побережье Франции, и департамент Верхняя Савойя стал первой областью Франции, целиком перешедшей в руки Сопротивления. После того как в этот район был высажен хорошо снаряженный англо-американский парашютный десант, немецкий гарнизон в Шамони обнаружил, что окружен, и вскоре капитулировал. Война в Альпах приблизилась к завершению, но эпилогом ее стал весьма необычный эпизод: в феврале 1945 года отряд австро-немецких горных стрелков, занимавший

перевал Коль-дю-Жеан на склоне Монблана и базировавшийся в горном приюте «Турин», предпринял отчаянную контратаку на войска освобожденной Франции, обстреляв Шамони со своих позиций у станции канатной дороги в Коль-дю-Миди. Немцы, атаковавшие на рассвете, натолкнулись на яростное сопротивление французов и позже отступили, потеряв девять убитых. Этот бой произошел на высоте около 3500 метров и примечателен тем, что стал самым высокогорным боестолкновением во всей войне; это короткое сражение было актом крайнего военного безрассудства, и большая часть вины за него лежит на командире-австрийце, капитане Зингеле, который оказался в числе девяти погибших.

Словения, по другую сторону Альпийского хребта, была оккупирована нацистами с 1941 по 1945 год. Страшными зверствами тех лет печально известен замок Катценштейн в Бегунье, неподалеку от Радовльицы, у отрогов Юлийских Альп; здесь была устроена гестаповская тюрьма, где содержались тысячи узников и происходили казни. До сих пор на стенах некоторых камер можно увидеть выцарапанные на них прощальные послания, а на кладбище снаружи замка погребены многие из казненных. Если углубить-

ся дальше в Юлийские Альпы, то возле города Краньска Гора, являющегося ныне главным горным курортом страны, сооружен мемориал в честь партизан, сражавшихся в этом регионе во время войны; памятнику придан вид карабина и альпинистского крюка-питона — они входят в состав используемого альпинистами снаряжения. Сам же мемориал стоит в красивой долине Врата в тени горы Триглав (2864 м), самого высокого пика Юлийских Альп.

На альпийских районах Австрии и Италии война сказалась по-разному. В городке Эбензее на берегу озера Траунзее, к востоку от Зальцбурга, был концентрационный лагерь, в котором между 1943 и 1945 годами погибли восемь тысяч заключенных. В этом филиале печально известного австрийского концлагеря Маутхаузен, возле Линца, заключенных заставляли трудиться на взрывных работах: в 1143-метровой горе Зееберг они пробивали туннели, где должен был разместиться секретный ракетный испытательный центр — полигон в Пенемюнде на побережье Балтийского моря находился под постоянной угрозой воздушных налетов союзников. От концлагеря мало что уцелело; строительство испытательного центра так и не было завершено,

и туннели в конце концов приспособили под склады. Ворота концлагеря до сих пор можно видеть в Финкерлейтене, районе Эбензее, там же находятся братские могилы и памятники. В Итальянских же Альпах разворачивалась одна из самых странных глав истории Второй мировой войны: в ее последние месяцы на берегах озера Гарда Муссолини провозгласил независимую республику Сало. Это была отчаянная попытка Муссолини создать новое фашистское государство — просуществовало оно всего несколько месяцев; в апреле 1945 года Муссолини был захвачен. Немецкую автоколонну, с которой он ехал вдоль восточного берега озера Комо, остановили у Донго итальянские партизаны; при обыске грузовиков они нашли многих свергнутых лидеров итальянских фашистов, в том числе и Муссолини и его любовницу Клару Петаччи. Вскоре после этого бывший диктатор был повешен в Милане.

«Совершенно равнодушные к судьбам империй»: жизнь обывателей

В этом описании истории Альп мало упоминалось как о людях, которые на протяжении веков селились в горах, так и о том, какую они вели жизнь в этой красивой, но зачастую него-

степриимной, малолюдной и изолированной от большого мира горной стране.

До начала XX века, когда на экономике Альп начало заметно сказываться развитие туризма, большинство альпийских жителей вели непростое существование и добывали себе хлеб насущный сельским хозяйством, охотой и горным делом. Многие из тех, кто побывал здесь тогда, были потрясены жалкими условиями жизни местных, и путеводители предупреждали, что путешественникам нередко придется быть свидетелями прискорбных сцен. Путеводитель Бедекера по Савойским Альпам, выпущенный в XIX веке, подробно рассказывает, что в долине Аосты «крестьяне выглядят убогим и отвратительным племенем [и являются] в подавляющем своем большинстве низкорослыми и болезненными». Другой путеводитель той эпохи, на сей раз «Справочник по Швейцарии и Савойским Альпам» Мюррея, высказывается так: «Примечателен тот факт, что посреди самых величественных пейзажей земного шара... появляется человек, будто Богом наказанный некоей таинственной болезнью, в самом своем жалком и униженном состоянии. И в великолепнейшей и красивейшей долине Альп широко распространены такие неду-

ги, как зоб и кретинизм». Зоб — болезнь, главным симптомом которой является увеличение щитовидной железы, — была распространена по всей Европе, но кажется, в Альпах преобладала в особенности: поэт Шелли писал об «обезображенных и зобастых детях», которых он видел в Нернье во время совместного путешествия с лордом Байроном вокруг Женевского озера в 1816 году; позже, в письме Томасу Лаву Пикоку, Шелли описывал «вырождение рода человеческого» в окрестностях Шамони: народ «в этих районах наполовину изуродован или идиотичен, и все они лишены чего бы то ни было, что способно вызывать интерес или пробудить воображение».

Но дело было не только в болезнях; всей горной стране также была свойственна нищета. В 1865 году английский путешественник Томас Джордж Бонни так отозвался об увиденных им условиях жизни в Дофине: «Вряд ли возможно постичь ту жуткую нищету, в которой живут люди; их темные и убогие лачуги кишат мухами, блохами и прочими паразитами... кости и остатки еды бросают на пол, где их глодают собаки». Похоже, даже после Второй мировой войны ситуация улучшилась ненамного. Р. Л. Дж. Ирвинг был в шоке от увиденного в Бернских Альпах и о жизни

в Швейцарии писал в «Альпах» (1947) так: «В подобных местах... миграция населения должна быть весьма незначительной, и получающийся в результате инбридинг, вероятно, является причиной особой распространенности кретинизма... кретин — это просто ужасно, это идиотическое и непристойное существо, навряд ли человек».

В былые времена большинство горцев трудились на земле, и тяжелые условия, в которых им приходилось жить, обусловливали крайнюю нищету Альп. В наши дни занятие сельским хозяйством в высокогорных районах Альп все еще остается очень трудным делом, и все же многие фермеры по-прежнему следуют вековым традициям. Одна из них — практика сезонного выпаса скота на разных пастбищах, когда животных весной перегоняют на высокогорные пастбища, а осенью сгоняют обратно вниз. Район перевала Нидерйох, который соединяет Тироль с Италией, известен благодаря этой многовековой традиции; по обычаю, восходящему еще к XIII веку, пастухи из Шнальталя на итальянской стороне границы каждое лето перегоняют тысячи овец через этот перевал в поисках свежей пастбищной земли. Впрочем, сегодня повсеместно в Альпах животных туда и обратно перевозят больше в

грузовиках, а не гонят стада через деревни и по склонам холмов живописной процессией.

Хотя приверженцев обычая перегона скота постепенно становится все меньше, поскольку все больше живущих на холмах фермеров отказываются от традиционных способов хозяйствования в пользу более современных, перегоны животных по-прежнему занимают центральное место в сельскохозяйственном календаре, а во многих областях с ними связаны традиционные празднества: один из таких праздников — фестиваль Альмабтриб, который проводится в тирольском округе Циллерталь в выходные первой октябрьской недели. Возвращение коров с альпийских пастбищ отмечают красочным шествием и шумным весельем, и алкоголь льется рекой, а празднику Гаудерфест, который также связан со старинным обычаем и проводится в первый уикенд мая, по-прежнему присущи элементы народных обрядов, какими некогда отмечали начало летнего цикла сельскохозяйственного года. В Ди в западных Французских Альпах начало перегона скота празднуют несколько иначе — жители отдают должное местному сладкому игристому вину под названием «Кларет де Ди». Многие деревни в прочих частях Французских

Альп, например в Сен-Бонне в Национальном парке Экрен, возвращение овец с горных пастбищ осенью отмечают проведением шумных местных ярмарок.

До сих пор производство сыра остается в Альпах важной отраслью сельского хозяйства. Многие сыроварни открыты для всеобщего обозрения, такие как, например, в Грюйере в Швейцарии, известные своими громадными металлическими мешалками и комбинацией традиционных и высокотехнологичных методов сыроварения. Сыроварение — одно из направлений альпийского сельского хозяйства, которое обусловлено местом изготовления продукта; в некоторых районах чуть ли не каждая отдельная долина с гордостью производит уникальный сорт сыра — взять, к примеру, Вале де Тон в Савойе, где острый жирный сыр «Реблошон» фермеры изготавливают с XIII века, и он по-прежнему продается на рынке в местных городках. Многие способы сыроварения отличаются сложностью: другой савойский сыр, «Бофор», производимый близ Альбервиля из молока коров пород абонданс и тарен, знаменит тем, что проходит десять различных этапов производства; кульминацией всего является процесс вызревания, который длится шесть месяцев: кру-

ги сыра требуется хранить во влажных погребах при постоянной температуре в десять градусов тепла и дважды в неделю переворачивать и натирать солью.

Но хотя одни традиционные методы бережно сохраняются, другие обычаи и традиции давно умерли; в наше время очень немногие фермеры изготавливают собственные сыры, и большинство входит в кооперативы, чьи фабрики сбивают продукт, используя молоко, поставляемое всеми членами кооператива. В XIX веке геолог Джеймс Форбс, известный тем, что, занимаясь научными исследованиями на ледниках, исходил пешком многие мили высокогорных Альп на французской территории, стал свидетелем намного более древней формы сыроварения в действии. Побывав в горах Дофине, он подробно описал сложенные из грубо отесанного камня лачуги, где неделями в конце лета живут пастухи, и каждый готовит сыр по-своему, используя немногочисленные орудия и простейшее оборудование. У пастухов есть две хижины: в дневной готовится сыр, а ночь они проводят в ночной, куда приходится вползать на четвереньках через дверь в три фута высотой; ни в той ни в другой хижинах не зажигают огня, обе — без окон, и ночью согреться можно, только

зарываясь в сено. «Свое богатство они считают сыром», — писал Форбс об этих выносливых фермерах-индивидуалистах. Они «живут в ладу со своими бессловесными стадами и настолько привычны к лишениям, что даже не мечтают ни о какой роскоши, совершенно равнодушные к судьбам империй или сменам династий».

В двух-трех районах Альп крестьяне традиционно занимаются пчеловодством. В сосновых лесах северо-западной Словении довольно тепло, и пчелы хорошо чувствуют себя в летний период, так что пчеловодство приносит доход, и пчелами в этом регионе занимаются по крайней мере четыре столетия; к XIX веку пчеловоды Словении даже поставляли свой мед и воск за границу. Со словенским пчеловодством связан уникальный вид народного искусства, а именно — обычай изображать на передних стенках ульев библейские или исторические сценки или картины из деревенской жизни; один из наиболее популярных персонажей этих картин — святой Иов, покровитель пасечников. Рисуют на ульях также юмористические картины, среди сюжетов — охотники, за которыми гонятся медведи с ружьями. (В этих картинах имеется и определенный практический смысл: считается, что яркие

цвета привлекательны для пчел.) Разрисованные ульи по-прежнему встречаются во многих частях альпийской Словении, и в Радовльице есть даже музей, где выставлены подобные панно. Другой район, имеющий долгую историю пчеловодства, — Валансоль на самом юге Французских Альп; каждое лето воздух здесь наполняется гудением миллионов пчел, когда пасечники, арендующие землю у местных фермеров, выставляют на плато тысячи пчелиных ульев.

В многочисленных деревнях по всем Альпам традиционные жилые дома на фермах сохраняют как музеи, чтобы дать представление о жизни в прошлые времена. Дом Лизньека в Краньской Горе — один из подобных музеев, великолепно сохранившийся альпийский крестьянский двор, который в конце XVIII века был собственностью зажиточного фермера. У сложенного из толстых камней дома маленькие оконца, отчего в нем всегда сумрачно (хотя и прохладно жарким летним днем); полы, крыша и лестницы сделаны из темного скрипучего дерева. На просторном чердаке, как и прежде, хранятся инструменты и крестьянский инвентарь, а стены на кухне за многие годы почернели от копоти. Вместительный сарай напротив дома был построен в

1796 году, в нем хранили съестные припасы и держали домашний скот. Еще один подобный старинный деревенский дом можно найти в Сен-Веране, в деревне высоко в Альпах Савойи. Он датируется 1641 годом и точно так же превращен в музей. Дом выстроен со внешним двором, предназначенным для свиней, а крупный рогатый скот держали во внутреннем дворе; имеется также жилая пристройка для пастуха и сезонных рабочих (которые обычно были мигрантами из Пьемонта). Люди и домашняя скотина зимовали в доме вместе, под одной крышей, причем и не так уж давно — вплоть до 1976 года.

Горное дело и промышленность

Помимо сельского хозяйства, другой опорой альпийской экономики было горное дело. Еще в первом тысячелетии до н. э. в Австрийских Альпах процветала торговля солью, большая часть которой концентрировалась вокруг горняцких поселений, таких как Халлейн, где разработку соляных залежей вели до самого недавнего времени — до 1989 года. Первоначально горняки-соледобытчики рубили чистую соль со стен штолен; позже методы добычи были усовершенствованы: соль растворяли в воде, полученный

рассол откачивали в озера на уровне долины, где вода вскоре испарялась, и в соляных ямах оставалась соль. Габсбурги к торговле солью относились в высшей степени серьезно, освобождая рудокопов от воинской повинности, и в таких городах, как Халлейн, до сих пор сохранилось множество бюргерских домов XVII века, в которых жили торговцы, изрядно разбогатевшие на торговле солью. В настоящее время соляные копи в Бад-Дюррнберге над Халлейном служат исключительно экскурсионным объектом, каждый день их посещают сотни людей: они бродят по подземным галереям, проносятся по туннелям в вагонетках — изначально рельсы были проложены для ускорения перевозки соли и шахтеров. («Гвоздем» программы для многих, кто посещает шахты, является спуск по *Arschleder* — крутому деревянному желобу, посредством которого соледобытчики добирались до самых глубоких штолен.)

Среди других городков, выросших у соляных шахт, можно назвать Эбензее, где до сих пор по высокой канатной дороге, протянутой поперек главной дороги, перетаскивают громадные промышленные чаны со свежедобытой солью, и Альтаузее, где нацисты приспособили старые

горные выработки для хранения разнообразных произведений искусства, награбленных ими по всей Европе во время войны. Хотя большинство альпийских соляных разработок находится в окрестностях города Зальцбурга (название которого по-немецки и значит «соляной город»), шахты, где добывали соль, есть и в других частях региона, например в Вале, у городка Бекс; здешние залежи соли обнаружил в XV веке пастух, он подметил, что его стадо предпочитает ходить на водопой к одному ручью, вода в котором, как позже выяснилось, была соленой.

Альпы имеют также долгую историю рудного дела и добычи металлов. Еще в бронзовом веке железную руду добывали возле озера Комо, в Валь-Варроне, а могущественное кельтское царство Норик разбогатело благодаря железной руде холмов Каринтии; позже месторождения разрабатывали римляне, использовавшие получаемый металл при изготовлении дротиков. Шахты в этой части Австрии и возникшие рядом с ними доменные печи прекратили работать в 1978 году. Добычу железной руды вели возле Железняков в Словенских Альпах, где в XVII веке действовало две доменных печи, и у Кропы, рядом с Радовльицей, где до сих пор сохрани-

лось несколько кузниц, занятых производством традиционных кованых изделий декоративно-прикладного характера. Свинец добывали в Каринтии, в Бад-Бляйберге возле Феллаха, вплоть до 1993 года, золотые рудники разрабатывали в Бек-штейне южнее Зальцбурга, серебряные — в Шваце, неподалеку от Инсбрука, что дало Габсбургам возможность пополнять свои сундуки в правление Максимилиана I. (Возведенную в Шваце церковь специально построили с двумя раздельными нефами, в одном молились горнорабочие, а второй был отведен исключительно для городских торговцев и бюргеров.) Серебро и свинец также добывали во Французских Альпах в Сирк-де-ла-Гюра, где Наполеон лично основал горную академию. Однако другой металл, медь, поступал из богатых месторождений Китцбюэля еще до того, как городок стал одним из самых фешенебельных австрийских лыжных курортов.

Недра и склоны Альп богаты и другими ценными природными ресурсами. Лес здесь рубили ради древесины и на дрова с незапамятных времен. Сланец добывали в области Л'Уазан в департаменте Изер, а уголь рубили в Ла-Мюре в той же области. Железная дорога в Ла-Мюре — одна из первых проложенных в горах железнодорожных

трасс — была сооружена в 1888 году для вывоза угля из шахт в Ла-Мюре в Сен-Жорж-де-Комье к югу от Гренобля. Перепад высот на этой железной дороге в Альпах достигает 560 метров, на ней построено двенадцать изгибающихся виадуков и пробито одиннадцать туннелей, и на начало XX века она была первой в мире железной дорогой, работающей на постоянном электрическом токе высокого напряжения. Угольные шахты в Ла-Мюре закрылись в 1956 году, и железная дорога — как и шахты — в настоящее время превратилась в туристический аттракцион. И последней статьей экспорта Альп — обстоятельство скорее любопытное, хотя, в конце концов, навряд ли удивительное — был лед; в 1886 году на ледниках Гриндельвальда скалывался лед на сотни тысяч франков: переложив соломой, его отправляли в Париж и даже дальше; к 1900 году выше Гриндельвальда был сооружен каменный желоб, облегчивший транспортировку этого ценного товара.

С постепенным ростом объемов горных разработок, развитием лесного и сельского хозяйства сюда пришли промышленность и торговля. Бумажные фабрики и мастерские резьбы по дереву появились в лесистом департаменте Дофине. В

небольших городках Швейцарских Альп начали выпускать текстиль и шоколад. В 1860-х годах владелец фабрики в Грезиводане, что севернее Гренобля, узнал способ обуздать *houille blanche* — «белый уголь», или гидроэнергию, — источником которого были стремительно текущие реки; ныне гидроэлектростанции разбросаны по всем Альпам, и в некоторых горных районах может показаться, будто нет ни одной долины, где бы не было сооружено плотины с озером и турбинным комплексом. К этим районам, в свою очередь, тянутся и нуждающиеся в электроэнергии предприятия, например заводы по выплавке алюминия или производства по выпуску металлических сплавов. (Когда в 1955 году на реке Дюране была построена плотина Барраж-де-Сер-Понсон, образовавшееся озеро, одно из крупнейших в Европе, затопило целую деревню, Савен-ле-Лак, которая остается под водой и в наши дни.)

Другие регионы Альп унаследовали иные, не столь привычные промышленные традиции: часы собирают в Клюзе возле Шамони, а изготовлением перчаток и производством цемента издавна традиционно занимаются в Гренобле; в Хергисвиле на Фирвальдштетском озере про-

должают традиции стеклоделия, а швейцарские армейские ножи выпускают в Ибахе возле Швица еще с той поры, как местный предприниматель по имени Карл Эльзенер основал там в 1884 году свою фабрику. Самоэн в Верхней Савойе славится своими каменотесами, а прекрасную обувь шьют в словенских городах Жири и Тржич, причем эти занятия были привычны там еще в Средние века. И разумеется, как только товары изготовлены, их необходимо продать и обменять на другие, чем и занимались готовые рискнуть предприниматели — кому улыбнулась удача, тот сумел разбогатеть на торговле. Значительную долю населения многих швейцарских и австрийских городов составляют многочисленные и влиятельные торговцы, а город Бриг в Вале, расположенный у подножия Симплонского перевала, может похвастаться грандиозным дворцом Шлосс Штокальпер, который какое-то время был самой большой частной резиденцией в Швейцарии. Строительство дворца было завершено в 1678 году, и в нем поселился купец Каспар Йодок фон Штокальпер, под чьим контролем находилась торговля шелком и прочими товарами через Симплонский перевал. Огромный дворец с тихим, нарядно украшенным двориком, куда смотрят

изящные башенки, увенчанные куполами-луковками, наглядно свидетельствует о том, какие богатства, подобно многим альпийским купцам, сумел нажить Штокальпер благодаря умелому управлению трансальпийской торговлей.

Культуры национальных меньшинств

Хотя на протяжении тысяч лет существовала охватывающая горы сеть торговых маршрутов, многие уголки Альп оставались оторванными от мира чуть ли не до самого XX века. Такая изолированность означала, что в отдельных районах сохранились и процветали уникальные языки и культуры, особенно те, которые не слишком сильно затронуло внешнее влияние. Одним из подобных примеров являются центральные Доломиты, где ретороманский язык, на котором некогда говорили в обширном регионе, раскинувшемся от Австрии до долины реки По, до сих пор в ходу в отдельных районах, особенно в окрестностях города Корвара возле Тренто (общее число говорящих на этом языке оценивается примерно в сорок тысяч человек). Сами ретороманцы всегда горячо отстаивали свою независимость; в эпоху раннего Средневековья почти не прекращалось их противоборство с германскими племенами,

а позже князь-епископ Бриссона вынужден был возвести замок возле Сан-Мартино ди Бадиа, чтобы сохранить хоть какое-то подобие своей власти над долиной Валь-Бадиа, где преобладали ретороманцы. Со временем ретороманцы приняли христианство, но сумели трансформировать своих языческих (и исключительно женских) божеств в христианских святых: до наших дней на росписях наружных стен многих домов в Корваре и его окрестностях встречается изображение святой Юлианы, которую нередко изображают с мечом.

Тем не менее самым известным национальным меньшинством в Альпах являются романши; как считается, около семидесяти тысяч из них живут в горном кантоне Граубюнден в юго-восточной Швейцарии (тем, кто говорит на языке романшей, этот район известен как Гришун). Ретороманский диалект представляет собой гибрид итальянского языка, латыни и швейцарского наречия немецкого языка, и во многих городках и деревнях отдаленных уголков Граубюндена можно слышать, как их жители приветствуют друг друга словом allegro («привет») или bun di («доброе утро»), или buna saira («добрый день»). Ретороманский оказался под серьезной угрозой в

XIX веке, когда Граубюнден открылся остальной Швейцарии и говорящие на этом языке обнаружили, что их родной язык является препятствием при получении работы; но различные культурные группы поддерживали ретороманский язык, и принятая в 1938 году поправка к швейцарской конституции провозгласила ретороманский государственным языком. (Тот факт, что существует целый ряд диалектов, на которых говорят различные общины роман-шей, отнюдь не способствует его сохранению.) В настоящее время на ретороманском языке вещают две радиостанции, не считая немалое число выходящих на нем газет.

Центром культуры ретороманцев является долина Нижняя Энгадина (на ретороманском — Engidina Bassa), которая занимает самую восточную окраину территории Швейцарии и через которую частично проходит верхнее течение реки Инн (на ретороманском — Еп). Многие народные праздники и обычаи ретороманцы сохранили наряду с языком: каждый год 2 января дети высыпают на улицы деревушки Рамош, волоча за собой санки, они собирают корзинки сластей, а потом все жители садятся за праздничное угощение, где подают бисквиты со взбитыми сливками. А в Скуоле в первую субботу февраля

перед зданием городского суда сжигают куклу Ом д'Стром, «соломенного человека»; этот древний ритуал символизирует изгнание зимы из долины еще на один год.

Ни одно исследование населяющих Альпы народов не может обойтись без упоминания о дженишах — эта странствующая община цыганского происхождения поселилась в кантоне Граубюнден в XVII-XVIII веках. Здесь они жили неприметно, хотя и обособленно от прочих, несколько столетий, пока швейцарское правительство начиная с 1920-х годов не выступило в поддержку позорной попытки уничтожить их культуру. Политика «*Kinder der Landstrasse*» («Дети дороги») была сформулирована в 1926 году Альфредом Зигфридом, который не стесняясь заявлял о своем желании уничтожить группу «бродяг» через воспрепятствование их воспроизводству. Реализуя на практике эту политику, полиция отнимала детей у дженишей и отправляла их в сиротские приюты или передавала приемным родителям — оставляя в неведении об их биологических родителях. (Часто мальчиков отсылали жить на отдаленные фермы, а девочек помещали в монастырские школы; некоторых детей также направляли в психиатрические

учреждения, такие как печально известная клиника «Вальдхауз» в Куре.) Браки между дженишами были объявлены вне закона, а целый ряд членов общины позднее признавался, что «изучавшие» их ученые грубо с ними обращались. В 1972 году, когда швейцарская газета сделала достоянием гласности эту постыдную политику, поднялась волна справедливого гнева; в 1988 году правительство Швейцарии принесло извинения народу дженишей за случившееся и приняло на себя всю ответственность за происшедшее. Жестокое обращение с дженишами, имевшее явный и неприятный нацистский душок, остается темным пятном на некогда восхитительном образе Швейцарии (на репутации страны отрицательно сказалось и другое обстоятельство: швейцарские банки изобличили в том, что в 1930-е и 1940-е годы они прятали в своих сейфах нацистское золото). В настоящее время в Швейцарии проживают тридцать пять тысяч дженишей, большинство из них — в городах, но пять тысяч по-прежнему ведут бродячую жизнь, каждый год, как и их предки, отправляясь скитаться по дорогам.

Часть третья. Образы

Это совершенно непохоже на картину из реальной жизни. Наоборот, это почти иллюстрация, взятая с кремово-белых страниц детской книги сказок и перенесенная в реальный мир.

На высоком утесе, окруженный густым лесом, стоит сказочный замок. Путь в замок лежит через арку ворот, которые могли — в минувшие времена — закрываться опускающейся решеткой. Ворота прорезаны в высокой стене из красного кирпича, увенчанной правильной линией зубцов. По бокам от ворот высятся белые круглые башни, с узкими оконными проемами в стенах и с коническими крышами, окаймленными поверху амбразурами. (И вы почти не удивились бы, увидев, как к воротам верхом на коне подъезжает рыцарь, ветер развевает его плащ и играет длинными волосами, а в одной из башен томится в заточении юная дева; она высовывается из бойницы, чтобы бросить первый взгляд на своего спасителя, — и в тот же миг влюбляется в него.) За величественным порталом над крышами с крутыми скатами выступают узкие балкончики,

а над затененными внутренними двориками высятся округлые башенки, завершаясь еще более острыми коническими шпицами. Замок удивительно красиво смотрится на фоне заснеженных гор и лесистых долин. Весь вид неправдоподобно живописен: аляповатый, вычурный, словно выдуманный замок, который кажется скорее нарисованным, чем действительно построенным, или же сделанным из марципана и разноцветной сахарной глазури, а не из кирпича и камней.

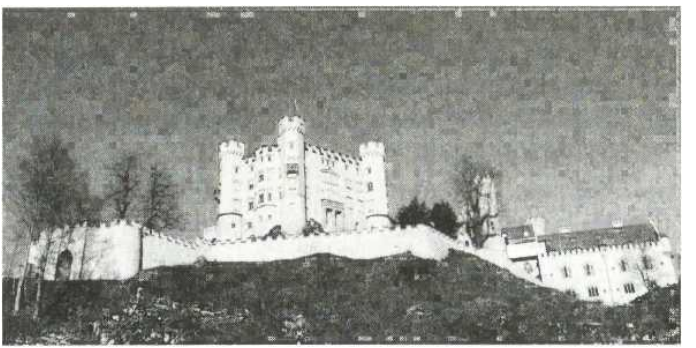
Совершенно сказочный замок

Думаю, даже те, кто здесь не бывал, едва ли не мгновенно узнают замок Нойшванштайн в Баварских Альпах. Знакомый лес высоких башенок и башен, нередко окутанных клубами горных туманов, словно перенесен сюда прямиком из туристской брошюры, рассказывающей о какой-нибудь небывалой, придуманной стране. Эта дивная фантастическая крепость в окружении красивейшего ландшафта служит прототипом для всех «сказочных» замков, когда-либо появлявшихся в фильмах студии Уолта Диснея. Замок был возведен в 1870-х годах «безумным» королем Людвигом II Баварским, правителем, прославившимся строительством множества помпезных

дворцов, этаких архитектурных прихотей, которыми он щедро одаривал горные области своего королевства, давно оставшегося в прошлом.

Людвиг — один из наиболее эксцентричных и необычных людей, чьи имена связаны с Альпами, и его история достойна рассказа. Он вырос в замке, известном как Хоэншвангау, который построил его отец, Максимилиан II. На эту крепость, тогда лежавшую в развалинах, Максимилиан наткнулся случайно во время охоты; он выяснил, что ее изначально построили рыцари Швангау, еще в XIII столетии. Руины занимали лесистый обрыв, выходящий на озеро, похожее на сверкающий бриллиант, возле того места, где последние альпийские кручи резко обрываются, сменяясь невысоким всхолмьем и лугами, характерными для большей части Южной Баварии. Вскоре Максимилиан понял, что история разрушенной твердыни как нельзя лучше соответствует романтическому расположению замка: рыцари Швангау служили в войске у Штауфенов — могущественной династии, последний представитель которой, мальчик-принц Конрадин с трагической судьбой, был обезглавлен в Неаполе в 1268 году. Конрадин вырос в замке, под опекой рыцарей, и когда он погиб, ему было всего шестнадцать лет.

Позднее здесь, после осуждения на Аугсбургском сейме, укрывался Мартин Лютер, а разрушили крепость противоборствующие армии Франции и Австрии во время наполеоновских войн. Обнаружив развалины замка, Максимилиан повелел заново отстроить его в качестве своего охотничьего домика и загородной резиденции: при подъезде над деревьями медленно вырастает череда округлых башен, проявляются их желто-охряные стены, дополненные глубокой зеленью окружающего леса. И вот она, восстановленная крепость Хоэншвангау, в которой будущий король Людвиг провел свои детские годы.

Замок Хоэншвангау сегодня.
Фото О. Королевой

Должно быть, Максимилиан надеялся, что его сына ждет лучшая судьба, чем та, какую история уготовила несчастному Конрадину — мальчику-принцу, который вырос здесь до Людвига. Но, в отличие от Конрадина, который жил и воспитывался в атмосфере почитания и лести, как и прочие средневековые принцы, Людвиг был мечтателем, чувствовавшим себя везде чужаком, и этот смышленый, но скрытный и замкнутый ребенок детские годы провел, разглядывая в окна замка окрестные леса и горы. Особенно его привлекал один романтичный вид — крутой скалистый утес над долиной нависал над глубоким ущельем, где стремительно неслась река Пеллат, стиснутая между высокими скалистыми берегами; и мальчик грезил, как однажды он построит там собственный замок: прекрасное и величественное сооружение, возвышающееся над лесом, скалами и грохочущим водопадом. И он решил, что его замок не будет походить ни на что, когда-либо построенное в Альпах — и вообще где бы то ни было, коли на то пошло.

Когда в 1864 году, в возрасте восемнадцати лет, Людвиг взошел на баварский трон, многолетняя мечта о Нойшванштайне уже приобрела законченные черты в его воображении. Но потребовалось определенное время, прежде чем грезы нашли свое воплощение в камне и кирпиче. В начале своего правления Людвиг выступал сторонником реформ, внедряя общественное попечение о бедных и поощряя свободную торговлю. В 1866 году, вопреки собственному желанию, под давлением кабинета министров, он был втянут в войну между Австрией и Пруссией. Три недели спустя войска австрийской коалиции, к которой присоединилась Бавария, потерпели поражение

в битве при Кенигсгреце в Богемии. После этого власть короля крайне ослабла, а политическая ситуация в этой части Европы заметно изменилась, и он уже не мог на нее влиять, как прежде, и Людвиг поддался господствовавшим в обществе настроениям и выразил поддержку королю Пруссии в его стремлении стать кайзером только что объединенной Германии. Это решение, по сути, превращало Людвига в бессильную марионетку, не обладающую ничем, кроме громкого, но лишенного содержания титула. Но Людвиг родился не в ту эпоху. Он всеми силами стремился быть самостоятельным и независимым правителем. Поскольку его королевская власть была подорвана и практически сведена на нет возникшим новым государством, которое нам ныне известно как Германия, он, испытывая глубокое разочарование, возвратился в Баварские Альпы, где принялся возводить замки и особняки, которые дали бы ему возможность жить в собственных фантазиях.

Замок Нойшванштайн. Вид с подъездной дороги.

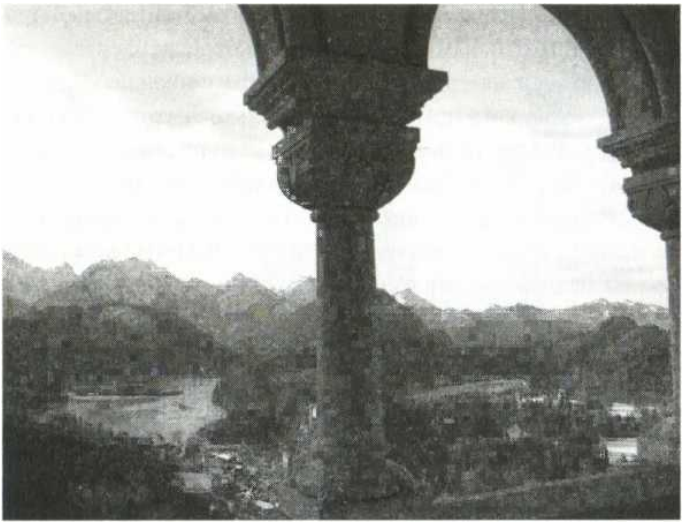
Фото О. Королевой

Одна из навязчивых идей Людвига была связана с предреволюционной Францией, политическая культура которой, по его мнению, порождала настоящих правителей (если оставить в стороне то, что всех их в конце концов постиг кровавый

финал от рук операторов Madame Guillotine). Многие из резиденций Людвига свидетельствуют о его преклонении перед Людовиком XIV и абсолютной монархией, а более всего — изящный дворец в стиле рококо Линдерхоф, расположенный в отдаленном горном уголке, неподалеку от городка Оберраммергау, где традиционно устраивали представления страстей Христовых. В действительности этот курьезный Schloss кажется едва ли не святыней, напоминая некий храм, построенный как в честь Короля-Солнца, так и в память о собственных несбывшихся мечтах Людвига. Замок окружен французскими садами с фонтанами и прудами, скульптурами и причудливо декорированными беседками — этакий Версаль в миниатюре, несообразно втиснутый в глубокую и узкую лесистую долину, которой столь явно недостает простора и свободного пространства изумительного оригинала. Внутри на потолке вестибюля красуется громадное солнце с лучами, и два херувима поддерживают геральдическую ленту с фамильным девизом Бурбонов; солнечные лучи расходятся в стороны точно над бронзовой статуей, изображающей Людвига верхом на коне. Через передние комнаты вы попадаете в дворцовые залы, помпезные

и перегруженные убранством; залы уставлены зеркалами, увешаны картинами, а всяких украшений столько, что все это едва не скатывается за грань безвкусицы. А на склоне холма над дворцом — финальный аккорд бездумной рисовки и показного проявления чувств: проделанная между невысоких утесов расщелина указывает на вход в грот Венеры — искусственную пещеру со множеством сталактитов и сталагмитов и с подземными озерцами, полными воды. Все это создано искусственно и производит впечатление пустоты и бессмысленности, и — нельзя отделаться от искушения сравнить, — такой же, какой была жизнь самого короля.

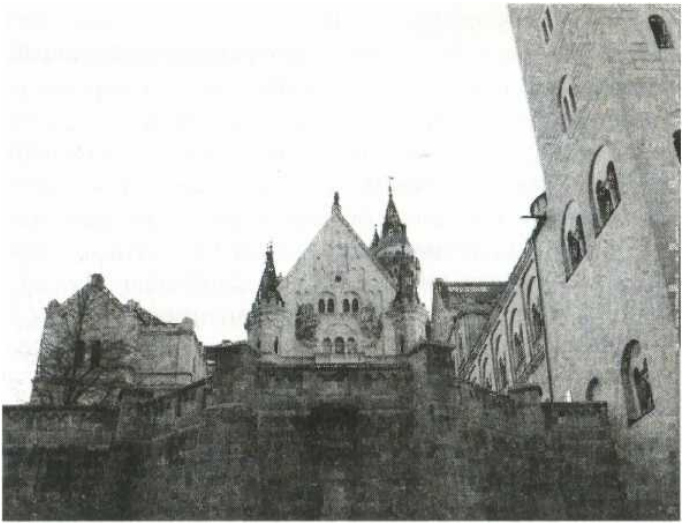
Вид с галереи замка Нойшванштайн на озера Лебединое (справа) и Альпзее.
Фото О. Королевой

Ибо жил Людвиг в фантастическом мире принцев и замков, отважных рыцарей, сражающихся с мифическими зверями и спасающими очаровательных дев. Он жаждал власти и богатств, стремился к героическим свершениям; и в своих дворцах он убегал от окружающей реальности, скрывался там от мира, находя в них радость и утешение. Он был другом и покровителем

Рихарда Вагнера (на самом деле грот Венеры в Линдерхофе должен был стать сценой для постановки оперы Вагнера «Тангейзер»); сюжеты картин и гобеленов во всех дворцах раскрывают его одержимость теми же самыми прагерманскими мифами и легендами, которые вдохновляли выдающегося немецкого композитора на создание своих опер. Но Людвига привлекали не только тевтонские легенды: несомненно, на нем сказалось и влияние экзотики Востока. Другой замок Людвига, охотничий домик Шлахен, расположенный среди гор высоко над Гармиш-Партенкирхеном, снаружи похож на швейцарское шале, а его интерьеры наводят на мысли об арабских сказках «Тысячи и одной ночи». Здесь королю было бы уместно приказать слугам носить тюрбаны и воскурять фимиам, а самому дымить кальяном и погружаться в возвышенные грезы. И именно так и он поступал, уходя от тревог окружающего его мира. Ничто во всех его замках не отражает столь емко и столь печально душевное состояние Людвига, как одно удивительное техническое приспособление в Линдерхофе: через люк в полу столовой поднимался богато украшенный стол, с уже расставленными на нем блюдами, так что король мог спокойно обедать и ему не надо было

вступать в какой бы то ни было контакт со слугами, которые готовили и сервировали еду.

Вне всяких сомнений, Людвиг определенно стремился к одиночеству, но он никак не мог решить, какое убежище предпочесть — в горах или возле озер. Замок Шлахен давал ему уединенное пристанище в Альпах, а другой дворец, Херренхимзее, с Большим зеркальным залом, соперничающим с таким же залом в Версале, был возведен возле Мюнхена, на острове посреди озера. С именем Людвига неразрывно связано еще одно альпийское озеро. Широко известно, как в 1865 году король, под аккомпанемент оркестров, покидал на лодке курортный городок Бруннен на озере Урнерзее (часть Фирвальдштетского озера). Музыканты исполняли для него серенады на альпийских пастушьих рожках, лодка покачивалась на полночной воде, а Людвиг смотрел вверх, на звезды.

Внутренний двор замка Нойшванштайн.
Фото О. Королевой

Но главным наследием Людвига остается Нойшванштайн, совершенно сказочный замок, о возведении которого он мечтал еще маленьким мальчиком. В какой-то степени образцом для подражания послужил средневековый рыцарский замок Вартбург, расположенный в лесах Тюрингии в Центральной Германии, но спроектирован Нойшванштайн не архитектором, а скорее театральным художником. В коро-

левской опочивальне кровать увенчана лесом деревянных башенок и шпилей, имитирующих готический собор, а тронному залу придана форма византийской церкви. На центр зала взирают с высоты изображенные на картинах канонизированные короли всех стран Европы; это место, предназначенное для королевского трона, пустует, поскольку Людвиг так и не дожил до того дня, когда трон должны были там установить. На другой картине в тронном зале показан святой Георгий, сражающийся с драконом в тени замка, который очень похож на Нойшванштайн. Но роскошь в замке поверхностна: многочисленные гобелены — не настоящие, так как иначе они стоили бы очень дорого. На самом деле это картины, написанные прямо на холстах. И, в довершение всего, многие помещения в Нойшванштайне, да и в других замках, ко времени смерти Людвига не были обставлены, и после кончины короля их оставили как есть, без мебели или украшенными лишь частично.

В трагических, странных и противоречивых обстоятельствах, окружающих смерть Людвига, неким образом отразилась грандиозная нелепость всей его жизни. В 1866 году Людвига подвергли обследованию психиатров и на основе

медицинского заключения объявили невменяемым и неспособным править государством. Его отправили в замок Шлоссберг на берегу озера Штарнберг, к югу от Мюнхена, а несколько дней спустя он утонул в озере. Как позднее открылось, сообщения и документальные свидетельства о его смерти были подделаны или изменены, что стало основанием для разнообразных теорий о возможном убийстве короля. Никаких доказательств этому до наших дней не обнаружено. Но каждый год 13 июня на берегу озера Штарнберг проводится скромная церемония возложения венка в память о смерти Людвига. В 2000 году в специально построенном театре на озере Форггензее, рядом с Нойшванштайном, состоялась премьера мелодраматического мюзикла «Людвиг II». Спектакль, идущий с подзаголовком «Стремление к раю», сочетает в себе вымысел и монументальное историческое зрелище, он прославляет жизнь и превозносит деяния одного из самых необычных персонажей европейской истории.

Бессмертные призраки и горные великаны

Пожалуй, необходимо указать вот на какую особенность Людвига — или, конкретнее, Ной-

шванштайна, — которая действительно отличает их эпоху от предшествующих: суть в том, что прежде Альпы считались местом странным, чуждым человеку и внушали страх. Средневековые рыцари, построившие первую крепость Хоэншвангау, никогда бы не подумали, что спустя столетия этот отдаленный замок с его окружением способен будет воспламенить воображение принца и станет идеальным местом для воплощения грез о королевской резиденции. То, что мечтательному Людвигу представлялось романтической декорацией, для человека Средневековья было обиталищем демонов и логовом волков; для рыцарей Хоэншвангау лес служил охотничьим угодьем и годился в качестве укрытия, но семь столетий спустя, когда Людвиг задумывал Нойшванштайн, благодаря целому ряду революционных переворотов в науке и искусстве горы воспевали за их идиллическую красоту, они уже не рождали страх как место обитания дьявольских созданий. Во многом благодаря этим колоссальным сдвигам в мировоззрении Людвиг сумел увидеть в альпийском ландшафте Баварии подходящие декорации, в которых будет хорошо смотреться оригинальный и живописный результат его прихоти.

История того, как на протяжении веков изменялись и заново складывались представления об Альпах, о них, начинается со Средневековья. К тому времени, как мы видели, поля в долинах возделывались уже тысячелетия, а торговлю через горные перевалы люди вели начиная, по меньшей мере, с эпохи Древнего Рима. Богатые полезными ископаемыми пласты, сокрытые глубоко в недрах гор, долгое время опустошались ради золота, серебра, медной и железной руд. Замки, наподобие высящегося в Хоэншвангау, строили на господствующих над долинами холмах или на берегах озер. Но очень немногие осмеливались отправляться к самим горным пикам, ибо выше альпийских горных лугов раскинулось царство чудовищ и бесов, которые порой обрушивали ужасные бури и камнепады- на тех, кто имел несчастье поселиться у них под носом. Эта зловещая территория не была нанесена на карты и не была исследована. До сих пор ни у кого и мысли не появлялось о восхождении на горы; да и зачем? Предпринять подобное несомненно означало бы восстановить против себя злобных тварей и неупокоившихся призраков, которые нашли себе пристанище среди суровых скалистых утесов и неприветливых ледяных полей.

В Альпах известно великое множество историй и легенд о ведьмах, бесах, великанах и диких тварях. В Средневековье в каждой долине, а в действительности — в каждой деревне охотно рассказывали и пересказывали свои сказки, и из поколения в поколение передавали свойственные только этим местам суеверия. Даже в XIX веке хребет Катиначчо в западных Доломитах, отдаленный уголок крутых скальных стен и глубоких долин, местный судья и литератор Теодор Кристоманнос называл «вратами в царство бессмертных призраков и горных великанов». В Баварии, рядом с Берхтесгаденом, есть гора Ватцман, с которой, как и со многими горами в Альпах, связаны страшные истории. Острые пики этой пугающей горы — два больших зубца, семь меньших, — как говорили, представляли собой короля-садиста, его королеву и их детей, превращенных в камень в наказание за творимые ими в округе ужасные жестокости и зверства. В другой части гор обитатели крошечной сельскохозяйственной коммуны в Шамони отлично знали, что гора, сверкающая снежной шапкой над ними, называется не Монблан, а Мон-Моди — Проклятой горой. Неподалеку, на расстоянии дневного перехода от Шамони вдоль

долины Трента, находилась деревня Ле-Дьяблере, которая словно бы перенеслась из родившихся здесь фантастических сказок. Сегодня этот маленький, ориентированный на семейный отдых горный курорт больше всего известен благодаря проведению тут Альпийского международного кинофестиваля; но название местечка (по-французски — «логово дьяволов») намекает на истории, которые столетия тому назад местные жители, должно быть, не раз рассказывали и пересказывали друг другу, собравшись у общинных очагов и дрожа от холода, под вой суровых альпийских ветров.

Самая жуткая история из тех, что рассказывают в Ле-Дьяблере, связана с холодным и грозным ледником Тсанфлерон, название которого, как ни странно, переводится с местного наречия как «Луг с цветами». Легенда гласит, что некогда это ледяное поле над деревней было залитым солнечным сиянием лугом, откуда и название. Потом в эти горы явились озорные бесы и стали забавляться, швыряя камни в Киль-дю-Дьябле (Дьявольскую кеглю), громадную стоячую глыбу высоко на склоне долины. Бесов никто никогда не видел, но брошенные ими камни (здесь действительно встречаются валуны, выдавленные

из ледника ростом ледяных кристаллов), бывало, попадали в тех немногих пастухов, у кого хватало смелости сюда подниматься. В конце концов пастухам надоели скатывающиеся валуны и они ушли с местных пастбищ. Постепенно с помощью дьяволят Тсанфлерон превратился из цветущего луга в сегодняшнюю ледяную пустошь.

В других рассказах, связанных с этим крохотным валезанским поселением, фигурируют печальные стоны потерянных душ, которые предвещают катастрофические оползни, какие произошли в 1714 и 1740 годах, и обитающие на безлюдных склонах эльфы и кобольды, — не говоря уже о серваках, проказливых духах, которые в одну ночь оборачиваются лисами, а затем, устраиваясь в темные часы суток на сеновале, прядут и вяжут шерсть из собственного хвоста.

В рожденных в горах народных легендах почти всегда присутствуют великаны. Они во множестве изображены на панно средневекового моста Капельбрюкке в Люцерне, а возле аббатства Вильтен в Инсбруке красуются статуи великанов Аймона и Тирса — последний был убит в споре с первым (аббатство же впоследствии основал сам победитель, приняв на себя такую епитимью). А если местных жителей не пугали великаны,

тогда дело не обходилось без разнообразных диких и страшных зверей. В швейцарском кантоне Ури, который занимает пустынный район озер и высокогорий к югу от Люцерна, специально откармливали быка, который должен был отпугнуть жившее в тех местах чудовище, известное как Грисс, — и в точности такой же бык до наших дней гордо красуется на кантональном флаге Ури.

Религия, магия и средневековое воображение

Вероятно, наиболее убедительными местными легендами Альп представляются те, что связаны с крутой, возносящейся под облака горой Пилатус — ее зловещего вида пик возвышается над спокойными водами Фирвальдштетского (Люцернского) озера. Как считается, гора названа в честь Понтия Пилата, который, если верить легенде, каждую Великую пятницу выходит из озера, что лежит почти у самой вершины. Если кому-то выпадет несчастье узреть его, облаченного в кроваво-красные одежды страшного судилища, то такой человек обязательно умрет в течение года. Вот как Марк Твен излагал эту историю:

Люцерн и гора Пилатус.
Фото О. Королевой

По словам легенды, после распятия Христа Пилата стала мучить совесть. Он ушел из Иерусалима и бродил по свету, не находя покоя. Долгое время скитался он, скрываясь от людей, затем жил на горе, названной впоследствии его именем, среди облаков и голых утесов и наконец, не выдержав мучений, бросился в озеро.

Существует несколько различных вариантов легенды: по одной, Пилат будто бы покончил с собой в Риме, а тело его затем сбросили в Тибр, по другой — труп был брошен в Рону у Вьенны, но и в

том и в другом случае из воды поднялись злые духи; так что в конечном счете в качестве места, где могла бы упокоиться душа Пилата, было выбрано это горное озеро, вода в нем взбурлила и беспокойно волновалась, но рядом не было никого, чтобы испугаться. (В действительности название горы происходит от латинского *cjiOKzpileatus*, что означает «увенчанный шапкой» — облачной, разумеется, в чем может удостовериться всякий, кто выйдет на берега Фирвальдштетского озера, решив посмотреть, где на самом деле находится этот вечно затянутый туманами пик.)

На протяжении столетий попытки совершить восхождение на Пилатус были строго воспрещены особым указом. В 1387 году, когда шесть клириков попытались взойти на гору, их посадили в темницу. Почти два века спустя, в 1518 году, Иоахим фон Ватт, бургомистр Санкт-Галлена, добился разрешения властей взобраться на пик и сообщил, что на вершине нет ничего плохого. В августе 1555 года естествоиспытатель Конрад Геснер взошел на Пилатус и отметил поколение вершины, триумфально протрубив в альпийский рожок. Затем в 1585 году пастор Иоганн Мюллер из Люцерна отправился на гору и стал вызывать злых духов, бросая камни в серые волны озера на

вершине. Но ничего не произошло. Позднее Геснер писал, что вера в злых духов, обитающих на вершине горы, не имеет «никаких raison d'etre в законах природы [и] не вызывает у меня никакого доверия... Со своей стороны я склонен полагать, что Пилат здесь вообще никогда не появлялся, а довелись ему даже тут побывать, у него не было ниспосланной свыше силы помогать роду людскому либо причинять ему вред».

Легенда о Понтии Пилате и горе Пилатус — еще один пример того, как в средневековом сознании переплелись христианство и языческие верования. В Альпах найдутся десятки других примеров местных историй о том, как католические монахи и священники боролись с чудовищами и демонами. В 1690 году коммуна Шамони заплатила епископу Анси за изгнание нечистой силы с расположенных над деревней ледников, которые угрожали стереть с лица земли их дома и фермы (экзорцизм помог; ледники отступили на восьмую часть мили, и епископ выставил селянам громадный счет за свои услуги). В XII веке, когда основание новых монастырей в Альпах переживало расцвет, группа монахов-августинцев была послана в Берхтесгаден для учреждения монастыря. Они заявили, что драконы вызывают

чудовищные грозы и бури, которые срывают крыши с хижин, и бежали оттуда прочь, — но архиепископ вскоре отправил их обратно, и в конце концов в 1122 году августинский монастырь был построен. (Поведение этих монахов коренным образом отличается от того, как поступали другие иноки. Имеются архивные записи о братьях, принадлежавших к другим альпийским монастырям, которые взбирались на высокие пики и спали на вершинах, укрывшись только рясой, чтобы так быть ближе к Богу; должно быть, они входили в число тех немногих, кто действительно отваживался подниматься выше верхней границы лесов и восходить на скалистые пики, бросая вызов злобным тварям, которые, как считалось, там обитают.) Позже, в начале XVII столетия, во время охватившей всю Европу «охоты на ведьм», в горах, как считалось, от людей скрывались колдуньи, насылающие порой бури и бураны на деревни, ниже их убежищ в скалах.

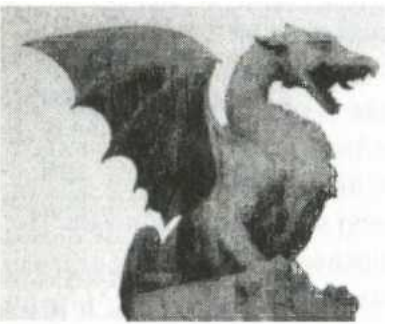
Последние легенды, связанные с религией и магией, родом из Французских Альп. Согласно одной из них, уроженец савойской деревни Бессанс якобы продал душу дьяволу, взамен приобретя сверхъестественные способности. Но, постарев, он раскаялся и отправился к папе римскому с

просьбой о прощении. Папа простил его с тем условием, чтобы он в один и тот же день прослушал мессу в Бессансе, Милане и Риме. Чтобы исполнить эту кажущуюся невозможной задачу, человек воспользовался своими сверхъестественными способностями — и таким образом посмеялся последним, и папу перехитрив, и добившись прощения. Благодаря известности легенды, резные изображения чертей по-прежнему пользуются в Бессансе популярностью, поддерживая старинные традиции резьбы по дереву, которыми деревня славилась со Средневековья. Известны и «семь чудес Дофине» — те места или памятники, которые пропитаны мифами и легендами в этом департаменте альпийской Франции. В их число входят гора Мон-Эйгиль, господствующая над Веркором, на которую, как когда-то верили, спускались ангелы; в гротах Сассенаж возле Гренобля будто бы обитали феи; а у fontaine ardente (Огненного источника) возле Коль-де-Л'Ар-зелье якобы являлся сам дьявол.

Здесъ водятся драконы

Однако все эти сказки о ведьмах, феях, страшных чудовищах, великанах и бесах в горах отступают перед другими — теми, в которых

действуют страшные, внушающие священный ужас существа альпийских легенд: опасные и поразительные драконы.

По-видимому, к Средним векам драконы обитали в Альпах повсеместно. Народная фантазия бережно хранила их, как ни одно другое чудовище, — и рассказы о них были распространены повсюду. Еще в 1723 году швейцарский ученый Иоганн-Якоб Шойхцер, профессор физики и математики Цюрихского университета, член Лондонского Королевского общества, состоявший в переписке, помимо прочих ученых, с Исааком Ньютоном и Готфридом Лейбницем, составил подробный, кантон за кантоном, компендиум о драконах всех видов, о существовании которых в Швейцарских Альпах было известно. Он опи-

сывал драконов с кошачьими мордами, змееподобных, огнедышащих и не извергающих пламя; одни имели раздвоенный хвост, другие — раздвоенный язык, некоторые дурно пахли, третьи вели себя очень шумно, какие-то умели летать, а иные могли только ползать. (С точки зрения биологии наиболее причудливым экземпляром должен был быть такой дракон — с рыжей кошачьей головой, змеиным языком, покрытыми чешуей лапами, ярко горящими глазами и волосатым хвостом с двумя отростками на конце.) Некоторые драконы щеголяли гребнями, и Шойхцер терялся в догадках, были ли эти особи мужского пола; он также зафиксировал отдельные и своеобразные истории, связанные со многими из этих чудовищ. Например, дракон в Валь-Ферэ был куда дружелюбнее большинства прочих и горделиво носил инкрустированный алмазами хвост, а *ouibra* из Вале приносил пользу, охраняя жидкое золото, спрятанное в недрах горы. Согласно Шойхцеру, один крестьянин, который случайно свалился в логово этого необычного дракона, сумел прожить там семь лет (хотя золота с собой не унес).

Легенда еще об одном представителе драконьего племени сохранилась во Французских Альпах. Деревня Сен-Веран, знаменитая тем, что

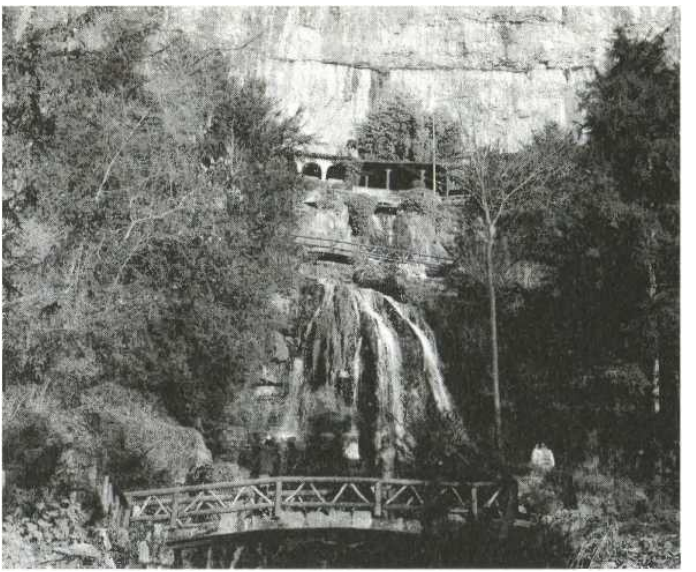
расположена выше всех прочих в горах Европы (на высоте 2040 метров), свое название получила в честь архиепископа VI века, сразившегося с наводившим ужас на окрестности драконом, и ранившего чудовище. Когда раненый священником дракон бежал в Прованс, то из ран на его теле упало на землю двенадцать капель крови; по возникшей позднее традиции, в тех местах, где кровь впиталась в почву, стали останавливаться на отдых пастухи, регулярно перегонявшие стада из долин Люберона на высокогорные летние пастбища в Кейра.

Примерно в то же время в другой части Альп монах по имени Беат (который, подобно многим миссионерам, несшим в ту эпоху слово Божье в Альпы, был, вероятно, родом из Британии или Ирландии) странствовал по горам, имея поручение папы римского обратить языческую Швейцарию в христианскую веру. Местные жители рассказали монаху, что возле Интерлакена водится страшный дракон, который обитает в пещере над озером Тун. Беат отправился туда, воззвал к Святой Троице и встал у зева пещеры, высоко воздев распятие, после чего тварь скатилась по горному склону и низверглась в озеро. Затем монах устроил себе жилище в сырой пещере и прожил

там до девяноста лет, тем самым войдя в легенды как альпийский отшельник-чудотворец. Сегодня его пещера известна под названием Санкт-Беатус-Хелен — пещера святого Беата. Популярен экскурсионный тур из Интерлакена; и туристы могут добраться сюда, переправившись через озеро Тун на «Драхеншиффе» — драконьей лодке, носу которой придана форма головы огнедышащего чудовища, а с кормы над водой извивается раздвоенный хвост.

Драконы играли заметную роль в средневековых мифах, связанных с Люцерном, откуда они и перекочевали в туристические путеводители и книги. На одной из картин, которыми на весь мир знаменит Капельбрюкке, — городской деревянный мост через реку Рейс, датируемый XIV веком, изображен местный герой Арнольд фон Винкельрид, поражающий дракона. Такой человек действительно существовал, он был уроженцем Станса возле Люцерна, и его почитают за подвиг, совершенный им в битве с австрийцами при Земпахе в 1386 году, — предпринятый воином отвлекающий маневр стоил ему жизни, но привел швейцарских конфедератов к победе. В 1614 году, когда художник Генрих Вегманн создавал картины для украшения моста, он решил изобра-

зить Винкельрида в образе почти легендарного героя, который сражается с самым страшным из мифических альпийских чудовищ. Несколькими годами позже, в 1649 году, глава стражи Люцерна кое-что сделал в подтверждение существования рожденного фантазией Вегманна чудовища — он взошел

Водопад и скала, в которой находится пещера святого Беата.

Фото О. Королевой

на Пилатус и якобы увидел там дракона. «В полете, — рассказывал этот достойный бюргер, — он рассыпал вокруг себя искры, подобно раскаленной докрасна подкове на наковальне, по которой кузнец бьет молотом». Если вернуться в Люцерн, то совсем рядом с Капельбрюкке, в городском историческом музее, в числе наиболее ценных экспонатов хранится гладкий и отполированный круглый камень, размерами немного уступающий теннисному мячу, который как будто бы подтверждает увиденное начальником стражи. Ибо этот кремово-коричневый шар и есть тот знаменитый «драконий камень», который, по-видимому, обронил дракон, пролетая между горами Риги и Пилатус, громадными вершинами на берегах Фирвальдштетского озера. Если верить легенде, камень был подобран местным крестьянином в 1421 году. Находка сразу же превратилась в местную диковину и, как считалось, исцеляла всевозможные болезни. В наше время древние суеверия о драконах прекрасно высмеяла одна из фирм, выпускающая туристические карты Пилатуса: карта буквально испещрена веселенькими красными летающими ящерицами — одна спускается на лыжах с вершины, другая

машет из окна поезда, который движется по рискованному серпантину по склону горы, третья нацепила солнцезащитные очки и, лежа на спине, принимает солнечные ванны на террасе отеля «Пилатус Кульм» — там кончается железнодорожная ветка. Судя по всему, в Люцерне XXI века драконы с горы Пилатус наконец-то покорены или по меньшей мере приручены.

Люцерн — не единственный в Альпах город, где явно одержимы драконами. Похоже, в Инсбруке они встречаются повсюду. На одной из площадей этого города, Боцнерплац, драконы окружают фонтан, сооруженный в 1863 году в память о пятивековом владычестве Габсбургов над Тиролем; они гордо держат щиты с изображением австрийского имперского орла; другие их крылатые собратья извергают из раскрытых пастей струи воды, вероятно, в насмешку над теми днями, когда люди искренне верили, что окружающие горы населены огнедышащими чудовищами. В городе на каждом шагу попадаются скульптурные изображения святого Георгия и поверженного им дракона, причем как на монументе Аннасэле, воздвигнутом в память о победе над баварцами в 1703 году, так и на погребальном памятнике эрцгерцогу Максимилиану III в Домкирхе. В другой

церкви, Хофкирхе, скульптура короля Артура, одного из десяти мифических и существовавших в реальности монархов Европы, которые окружают пустой кенотаф императора Максимилиана, буквально кишит драконами; изображенные в виде ящериц длиной в человеческую руку, они сидят на кирасе и на плечах Артура, словно только что прилетели и опустились туда.

Драконы для Альп не уникальны — как и для Европы в целом. Древние китайцы почитали этих созданий как владык неба и хранителей небесной мудрости; в христианской же традиции их образ интерпретируется в точности наоборот: драконы считаются крылатыми прислужниками дьявола и олицетворением сатанинского зла. То, что христианство ассоциировало злых чудовищ с высокими горами, связано с искушением Христа, когда дьявол взял Христа на высокую гору и стал показывать ему все царства мира (Мф 4:8). В действительности это обстоятельство могло бы послужить ключом к тому, почему до эпохи романтизма горы по самой своей сути считались плохими местами, причем не только в народной мифологии, но также и в «высокой» культуре. Едва ли не все писатели, художники и мыслители до XVIII столетия разделяли всеобщее отвращение

к горам и смотрели на них со страхом и подозрением, и в европейском общественном сознании многие века господствовало убеждение, что не стоит ждать появления чего-то хорошего в краю скалистых пиков и глубоких долин.

Низкая культура, высокое искусство

В образных представлениях Средневековья и эпохи Возрождения почетное место занимали гармония и идиллия сельской местности, ухоженные сады и ровно вспаханные поля, обнесенные оградами. По контрасту с ними горы вызывали страх, считалось, что человеку тут не место, что они принадлежат волкам и неупокоенным духам. Подобное отношение к горам было общепринятым на протяжении столетий и продержалось куда дольше темных столетий Средневековья. «Мало найдется тех, кто не отдает предпочтения деятельному улучшению самых крупных, суровых и диких порождений природы», — писал философ Уильям Гилпин в 1791 году, — а ведь уже близилась к концу эпоха Просвещения. Бесплодные с точки зрения сельского хозяйства и эстетически отталкивающие — не говоря уже о царящем там холоде и таящихся в них опасностях, — горы считались досадным

несовершенством, недостатком на лике Земли. Неудивительно, что Томас Мор придумал в «Утопии» горцев-заполетов и писал, что народ этот «отличается суровостью, грубостью и свирепостью». Два столетия спустя Сэмюэл Джонсон полагал, что горы, «существенная выпуклость», — всего лишь препятствие на пути цивилизации.

Да, отважные путники пересекали Альпы через перевалы, но свою безопасность они вверяли братьям-монахам, которые содержали на вершинах перевалов монастырские гостиницы. Кое-кто из путников даже платил, чтобы его провели по перевалу с завязанными глазами: такой страшной и пугающей считалась местность вокруг. Монах из Кентербери Иоанн де Брембл, пересекавший Альпы в 1188 году, пришел в такой ужас от увиденного на перевале Большой Сен-Бернар, что взмолился в отчаянии: «Боже, возврати меня к братии, дабы я мог рассказать им, чтобы никто не приходил в эту юдоль страданий и мук» (вдобавок, собравшись записать что-то в путевой дневник, он обнаружил, что чернила у него замерзли, а борода задубела от стужи).

Мало что изменилось к XVII веку, когда отправившийся через Альпы в Италию Джон Ивлин отметил в своем дневнике, что его встревожил

«необычный, наводящий страх и отталкивающий» вид гор. В следующем веке, в 1714 году, епископ Беркли заявил: «Все, что тут наличествует, выглядит слишком жалко». Имеются десятки подобного рода свидетельств. И схожее отношение нашло свое выражение в искусстве. В 1550-х годах Питер Брейгель Старший пересек Сен-Готард по пути в Италию, и страшные обрывы и бездонные пропасти произвели на него столь сильное впечатление, что он изобразил их на своих картинах «Самоубийство Саула» и «Обращение Савла». В 1618 году произошла крупнейшая природная катастрофа в истории Альп: в Савойских Альпах, в Плере возле Шавенна, под лавиной погибли 2430 человек. Поэтому не приходится удивляться, что в те времена даже намека не возникало на то, что когда-нибудь горы станут почитать за их красоту и что эта тенденция будет господствовать в европейской культуре.

Естественно, никто и никогда по собственному желанию не думал взбираться на горы — или, по крайней мере, почти никто. Время от времени на пики поднимались охотники на серн, в горы ходили контрабандисты или те, кто собирал горные кристаллы. Одним из первых случаев, когда на гору взобрались просто так, стало вос-

хождение на Мон-Инаксесибль, Недоступную гору (2086 м), — отдельно стоящую столовую гору в двадцати пяти милях южнее Гренобля, которая нависает над деревней Ла-Триве. В 1492 году Карл VIII, совершавший поездку на богомолье в Нотр-Дам-д'Энбрун, услышал рассказы о чудесах и сверхъестественных явлениях на вершине горы. Он приказал своему гофмейстеру Антуану де Биллю во главе отряда из десяти человек взойти на вершину и воочию оценить ситуацию. (Вероятно, экспедиция де Билля также стала воплощением «вертикального колониализма». Это была великая эпоха завоеваний Испании и Португалии, и французы наверняка чувствовали себя обойденными. Само название горы бросало вызов абсолютному монарху, каким был Карл: для его верховной монаршей власти не могло быть ничего «недоступного».) При восхождении участники экспедиции использовали лестницы, веревки и молотки. Добравшись до вершины, они обнаружили горный луг, на котором паслись чуткие и настороженные серны, — но танцующих ангелов, как предсказывала местная легенда, покорители горы не увидели. За шесть дней, проведенных на вершине, они построили примитивную часовню и установили три громадных

креста (как на Голгофе), а сам пик переименовали в Мон-Эйгиль (Игольную гору). Хотя де Билль и члены его отряда утверждали, что жили на вершине, как в «земном раю», поднявшаяся в 1834 году по их следам экспедиция обнаружила только голые скалы, никак не напоминавшие тот зеленый пейзаж, который описывал де Билль.

За исключением отдельных случаев наподобие экспедиции де Билля 1492 года горы оставались для людей в высшей степени пугающими и дикими и представлялись невозможными для восхождения. Но мало-помалу положение менялось. Оглядываясь на прошлое, можно сказать, что началом конца эры суеверий, окружающих горы, стало восхождение на Пилатус в 1555 году Конрада Геснера, которого заманили туда слухи о драконе, якобы спящем в озере на вершине. После восхождения Геснер писал о чудесном зрелище горных пиков и намекал даже, что те могут быть красивыми: «Поистине кажется, что вершины самых неприступных пиков находятся вне пределов тех законов, что управляют миром внизу, — восклицал он, — будто бы принадлежат иным сферам». Геснер описывал чистоту воды горных источников, запах диких цветов, яркую зелень горных пастбищ, говорил о питательно-

сти и жирности молока, которое дает пасущийся на альпийских лугах скот; сидя в окружении пиков, он даже играл на альпийском рожке, звуки которого плыли над безлюдными склонами. «Неким неуловимым образом на [человеческое] сознание накладывают свой отпечаток колоссальные вершины, и приоткрываются намерения Великого Зодчего», — писал он, называя Альпы «театром Господа, [где] можно наблюдать... в один-единственный день... четыре времени года, весну, лето, осень и зиму... и весь небесный свод открыт взору».

Голос Геснера, разумеется, оставался одиноким; но к нему все больше прислушивались. Хотя Книга Бытие, рассказывая о творении, о горах не упоминала, ряд мыслителей эпохи Возрождения уже считал горы свидетельством того, на что способен Бог. Разве можно, вопрошали знатоки Библии, рассматривать горы как результат неудачи, досадную оплошность, допущенную при творении? В своем сочинении «De Venustate Mundi et de Pulchritudine Dei» («О волшебстве мира и Божественной красоте») голландский монах-картезианец Дионисий ван Рийкель особо выделил горы, включив те в число природных образований, обладающих естественной красотой,

и назвал их «знаками Божественной щедрости» (против подобной идеи выступал в 1680-х годах англиканский священник Томас Бернет, который, как упоминалось в части первой, полагал горы, наряду со Всемирным потопом, частью кары Божьей, ниспосланной на человечество.) К концу XVI века люди все больше следовали радикальным призывам Геснера и ван Рийкеля, избавляясь от страхов перед горами, и впервые начали оценивать красоту видов вблизи. В 1578 году первые подробные карты Высоких Альп изготовил бернский врач и географ Иоганнес Штумпф, а Йосиас Зимлер, профессор теологии Цюрихского университета, советовал, какими снегоступами и веревками следует воспользоваться путешественникам, решившим отправиться в экспедицию в горы.

Изменения в общественном сознании происходили постепенно, но неуклонно и необратимо. Лесли Стивен, пионер альпинизма, писатель и биограф викторианской эпохи, позднее называл XVIII век «поворотным моментом... [до которого] цивилизованное существо еще могло, если ему было угодно, взирать на Альпы с неослабным ужасом». Разумеется, писал он, имея благоприятную возможность ретроспективного взгляда,

но по существу был прав: именно в это столетие точка зрения на горы как на средоточие зла и ужаса окончательно сделалась старомодной. Отчасти изменения в предпочтениях общества были обязаны, безусловно, росту популярности «естественной теологии» — доктрины, основная предпосылка которой состоит в том, что божественное величие возможно оценить по ландшафту и что преклонение перед природой есть форма поклонения Богу. Как утверждали поборники новой философии, горы одновременно являются и духовно и физически возвышенными. Впервые в горах увидели результат деятельности и заботы Провидения.

Однако не нужно забывать, что перемены в отношении к горам протекали скорее эволюционно, нежели революционно. Не все в XVIII веке следовали в русле новых пристрастий, и одним из консерваторов был Хорас Уолпол (1717-1797), граф Оксфордский и сын знаменитого премьер-министра из партии вигов, сэра Роберта Уолпола. В 1739 году младший Уолпол пересек Альпы вместе со своим старым товарищем по Итону Томасом Греем, впоследствии известным поэтом. В то время Уолпол был студентом Королевского колледжа Кембриджского университета; он ре-

шил отправиться в путешествие после долгой, но сырой зимы восточной Англии. Особой радости путешествие в горы у него не вызвало. Монахов монастыря Гран-Шартрез возле Гренобля он называл «одинокими повелителями величественных безрадостных видов», а позже так отозвался о горах: «Дикие скалы и непривлекательные обитатели... Надеюсь, никогда больше их не увижу!» Уолпол описал и трагический случай с его собакой по кличке Тори: это «прелестнейшее, самое дорогое существо», спаниель короля Карла, схватил и унес прочь волк, стрелой выскочивший из леса, стоило только хозяину отпустить от себя четвероного друга.

Примечательно, что горы, которые произвели на Уолпола столь тягостное впечатление, оказали на Грея совершенно противоположное воздействие. В то время Грей готовился к адвокатской стезе, но позже стал одним из самых образованных и эрудированных поэтов XVIII века. В ландшафтах Альп он увидел величие и духовное бурление и предположил, что горы являют собой плоды божественного труда в наиболее эффектной и живописной форме: «Не обрыв, не поток, не утес, но исполненные веры и благочестия», — писал он. (В своем лучшем сочинении Грей с

неповторимым лиризмом описал английский Озерный край и приобрел широкую известность как возвышенный летописец горных красот родной страны.)

Восемнадцатый век шел свои чередом, и все больше мнение таких писателей, как Грей — а позже поэтов-романтиков, — формировало восприятие гор в кругах интеллектуалов, а взгляды, каких придерживался Уолпол, постепенно становились достоянием более ранней и менее просвещенной эпохи. Что же касается обретающихся в горах страшных чудовищ, то Генри Готч в 1877 году уведомил Альпийский клуб в Лондоне: «Кобольды и бесы давным-давно пропали из Альп, и за очень много лет не получено ни единого надежно удостоверенного сообщения о встрече с драконами, поэтому вполне возможно допустить, что и драконы оттуда куда-то переселились». Как мы вскоре увидим, к тому времени Альпы уже открывали для себя туристы — и когда они въезжали на пики по только что проложенной по горам железной дороге, то повторяли строки романтиков, таких как Байрон и Шелли. Казалось, суеверия прошлого наконец-то похоронены.

Кое-кому из побывавших в Альпах немало

повезло: им посчастливилось увидеть удивительное природное явление — свечение Альп, когда на утренней заре или в вечерних сумерках самое небо словно бы вспыхивает понизу яркими розовыми или красными огнями, а горы приобретают розовато-лиловый оттенок. Некогда считали, что подобное эффектное свечение небес и пиков порождается солнечным светом, отражающимся от кладов с зарытыми сокровищами, на страже которых стоят драконы. Теперь же известно, что причины необычного и поразительного феномена имеют разумное объяснение: лучи восходящего или заходящего солнца отражаются от ослепительно-белых снежных полей. Насколько неправы были древние обитатели гор, со своими фантастическими сказками и первобытными страхами! И насколько больше знаем мы теперь, с нашим восприятием гор и пониманием их красоты, обладая научным пониманием процессов горообразования! Но дело, конечно же, отнюдь не в горах — это не они менялись со временем, менялись мы сами.

Новые взгляды на горы: Жан-Жак Руссо и Альбрехт фон Галлер

Если бы произошедшие в XVIII веке громадные перемены в отношении к горам потребовалось отнести на счет одного человека, то эту заслугу следовало бы приписать Жан-Жаку Руссо (1712-1778). И действительно, позднее Лесли Стивен так определил его главнейшую роль в изменении наших представлений о горах: «Если бы Руссо судили за преступление, состоявшее в том, что горы стали объектом человеческого поклонения, то приговор ему должен выносить беспристрастный суд». Руссо был, разумеется, ведущей интеллектуальной фигурой своего времени — философ, писатель, теоретик в области политики и общественного устройства, он вдобавок сочинял оперы (и, как это ни печально, был одержим садомазохизмом, что открылось в его опубликованной посмертно автобиографии «Исповедь»). Ученые называют его в числе первых, кто стал развивать в литературе, искусстве и музыке направление, которое стало известно как «романтизм» и которое через пятьдесят лет после смерти Руссо привело в Альпы таких знаменитостей, как Байрон и Шелли.

Руссо родился в Женеве, но в возрасте шестнадцати лет восстал против отупляющего кальвинистского воспитания и бежал в Савойские Альпы, в Анси. Там он познакомился с экзотичной мадам де Варане, которая взяла юношу на службу в качестве управителя, обратив к тому же в католичество — задача из простых, ибо, как позже писал Руссо: «...я тотчас же обратился в ее веру, убежденный, что религия, проповедуемая подобными миссионерами, может вести только в рай»[7]. Загородный дом мадам де Варане находился в деревне Шарметта, неподалеку от Шамбери, и Руссо пробыл там с 1736 по 1742 год — «счастливое и невинное время», согласно «Исповеди». Дом сохранился до наших дней, по-прежнему отделанный в стиле XVIII века, — и нетрудно понять, почему Руссо был очарован этим местом, проводя время в музыкальной гостиной и на террасах, откуда открывается прекрасный вид на горы. Именно тут Руссо влюбился в картины дикой природы; здесь же, вероятно, были брошены в почву первые семена романтизма, представители которого воспевали альпийские пейзажи.

---

[7] Примечания: 7
Перевод Т.Горбова

Спустя почти два десятилетия, в 1759 году, проведя несколько лет в декадентских салонах светского Парижа, Руссо нашел приют в другом сельском убежище. На сей раз им стал дом мадам д'Эпине в Монморанси, к северу от французской столицы. Тут Руссо и написал свой единственный роман — «LaNouvelle Heloise» («Новая Элоиза»). Действие этого романа в письмах, покорившего в конце XVIII века громадную читательскую аудиторию в Европе, Великобритании и Америке, происходит главным образом в деревнях Веве и Кларан на Женевском озере; на самом деле полное название сочинения Руссо таково: «Юлия, или Новая Элоиза. Письма двух любовников, жи-

вущих в маленьком городке у подножия Альп». Любовники, о которых идет речь, — это Юлия д'Этанж, дочь аристократа, и представитель среднего класса Сен-Пре, причем образ последнего явно имеет черты самого Руссо.

Основной «вклад» этого сочинения в историю того, как на протяжении веков менялось отношение к Альпам и их представление в культуре, состоит в том, что в «Новой Элоизе», вероятно, вообще впервые горы изображены притягательными и преисполненными загадочной привлекательности. В одном случае, терзаясь душевными муками из-за завязавшегося романа с Юлией, которая не только принадлежит к более высокому социальному слою, чем он сам, но к тому же является его ученицей, Сен-Пре пытается обрести спокойствие и утешение в долгих прогулках по горам. В письме к Юлии он описывает захвативший его воображение пейзаж:

> То обвалившиеся исполинские скалы нависали над головой. То шумные водопады, низвергаясь с высоты, обдавали тучею брызг. То путь мой пролегал вдоль неугомонного потока, и я не решался измерить взглядом его бездонную глубину.

> Случалось, я пробирался сквозь дремучие чащи. Случалось, из темного ущелья я вдруг выходил на прелестный луг, радовавший взоры.[8]

Вершину горы он называет «светлой», и в «чистом горном воздухе» к Сен-Пре вновь возвращается его «давно утраченное спокойствие». «Как будто, — продолжает он, — поднимаясь над человеческим жильем, оставляешь все низменные побуждения; душа, приближаясь к эфирным высотам, заимствует у них долю незапятнанной чистоты. Делаешься серьезным, но не печальным; спокойным, но не равнодушным; радуешься, что существуешь и мыслишь...» После столь лиричного описания не приходится удивляться, почему этой книге приписывают создание своего рода мирского культа поклонения горам, который сосуществовал с имеющей религиозные корни концепцией естественной теологии, оказавшей заметное воздействие на умы в начале столетия. Руссо признавался в «Исповеди»: «Есть какая-то сверхъестественная красота в перспективах гор, которая завораживает

[8] Примечания: 8
Здесь и далее перевод Н. Немчиновой и А. Худадовой.

вает и чувства, и разум, заставляя забывать и о себе, и обо всем в мире...» — и утверждал, что, если отправиться в горы, «душа впитывает в себя нечто из вечной чистоты... все тяготы и невзгоды исчезают там, где царит свобода и сами скалы застланы цветочным ковром».

Взгляды Руссо на горы противоречили мнению предшественников. Вместо средоточия страданий, вместо поджидающего меж высоких пиков зла Руссо видел безмятежность и красоту — подходящий фон для предложенной им напряженной и страстной любовной истории. Но существует непосредственная связь между Руссо и Конрадом Геснером, писателем XVI века, который интересовался, существует или нет на самом деле люцернский дракон, и который одним из первых осмелился высказать предположение, что горы могут быть красивыми. Связующим звеном между ними является швейцарский поэт Альбрехт фон Галлер, который, как и Руссо, отличался обширными интересами: энциклопедически образованный ученый, он занимался математикой, ботаникой и геологией, еще был поэтом и предпринимателем, занимал пост директора солеварен в Бексе. В 1732 году, когда Руссо было двадцать лет, Галлер опубликовал свою

поэму «Альпы». Потребовалось время, чтобы его сочинение признали, особенно в родной стране Галлера, Швейцарии, но оно обрело верных почитателей за границей и со временем, когда вошло в моду, выдержало немало изданий и было опубликовано в различных переводах. Эта поэма с сентиментальными описаниями горных туманов и «картин другого мира» состоит из множества подобных стихотворных строк:

Когда Титана первые лучи окрасят золотом снеговые пики,

И его преображенный взор туман разгонит,

Великолепие Природы предстанет в обновленном виде

С высоты, с вершины горной...

Недалеко ото льда изобильная гора протянула

свою широкую спину, с лугами, усыпанными цветами,

ее пологий склон сверкает зрелым зерном,

ее холмы обильны сотней трав.

Поэме Галлера также приписывали создание

вымышленного идеального образа альпийского крестьянина — который далек от присущих равнинам алчности и капризов моды, дышит чистым альпийским воздухом, пьет чистую воду альпийских родников и, как сказано в приведенных выше стихах, живет среди холмов, где в изобилии травы на пастбищах и зреет на полях урожай. Идеализированный селянин одевается в шкуры горных животных и живет счастливо в простом деревенском домике: «Благословен тот, чьи волы пашут землю собственного поля; кто одевается в чистую шерсть, себя украсив венком из листьев... кто беззаботно спит на мягкой траве, черпая силы в Зефире и прохладном водопаде... кто жребием своим доволен и лучшего не ищет никогда!» Поэма также воспевает приверженность горцев местной демократии (подтверждением чему, разумеется, легенда о Вильгельме Телле) и превозносит их за отказ от централизованного бюрократического правления.

Несомненно, Геснер оказал влияние на Галлера, а Руссо не мог не быть знаком с поэмой последнего, откуда в «Новой Элоизе» и образы горцев, упорных и полных достоинства, живущих добродетельной жизнью. Но Руссо пошел дальше Галлера: в своих политических сочинениях саму

Швейцарию он изображал светочем демократии и свободы — подобное отношение было отнюдь не редкостью среди литераторов; например, Уильям Кокс в «Очерках о естественной, гражданской и политической истории Швейцарии» (1776) утверждал: «Природа замыслила Швейцарию как средоточие свободы». (Горькая ирония в том, что из целого ряда швейцарских кантонов Руссо был изгнан после полемики вокруг его главной работы по политической философии — «Об общественном договоре»; шумиха вынудила философа искать убежища в Англии, и позже он вернулся во Францию инкогнито.)

Сочинения Галлера и в особенности Руссо подготовили нужную почву. Ибо в первый раз общественное сознание оценило горы — и Альпы в особенности — как места, дикость и безлюдность которых могли высвобождать чувства, а не препятствовать прогрессу рациональной мысли. Именно отказ Руссо от декорума и благопристойных ограничений прежней эпохи создал ему репутацию духовного отца романтизма. Но для этой громадной перемены в европейской мысли был необходим более массивный интеллектуальный фундамент, чем сочинения лишь одного человека. И основой стала теория «возвы-

шенного», которой суждено было сформировать господствовавшее в середине XVIII века течение европейской мысли и которая, как могла, стремилась возвысить дикость окружающей природы и иррегулярность ландшафта.

Возвышенное и романтизм

Эпоха Просвещения в Европе (достигшая своего расцвета в начале XVIII столетия) превозносила порядок, регулярность и размеренность, а в мире природы высоко ценила пропорциональность. Чтобы соответствовать этим идеалам, к середине века в Англии большие дома окружали тщательно распланированными садами, довершая картину фонтанами и аккуратными лужайками (и даже устанавливая обелиски), — и все это, казалось бы, с вызовом отвергало видимую хаотичность реального сельского пейзажа. Но к последним десятилетиям века в рафинированном мире английских загородных усадеб случилось нечто странное: поместья, до того словно бы вышедшие из-под инструментов маникюрщика, трансформировались в символически-девственную дикую природу, фонтаны обернулись гротами и скалистыми водопадами. Как-то внезапно запущенность стала модным

веянием. Вот один пример — некий Ричард Хилл в 1783 году унаследовал усадьбу Хокстон в Шропшире. На территории своей усадьбы он создал целый комплекс пещер, где поселил отшельника (и платил ему за это), а также соорудил холм стометровой высоты под названием Гротто-Хилл, откуда открывались захватывающие виды. Взойдя на этот холм, доктор Джонсон отмечал: «Мысли, которые приходили в голову на вершине, — возвышенные, ужасные и бесконечные».

Доктор Джонсон употребил слово «возвышенное» совершенно сознательно. Новая доктрина возвышенного находила радость в хаосе, иррегулярности, катаклизме и страхе. Его приверженцы воспевали дикие природные ландшафты за... ну, скажем так, — за их абсолютную дикость. Безлюдные пустыни, непроходимые леса, студеные ледяные просторы и в особенности неодолимые горы будили новые чувства, представая перед увлеченным, преисполненным благоговейного страха взором. Летописцем этого мировоззрения выступил Эдмунд Берк (1729-1797), уроженец Дублина, писатель и член парламента, чей вышедший в 1757 году труд «Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного

и прекрасного» рассматривал аффекты, сильные чувства, вызываемые в человеческой душе ужасными сценами. Берк предполагал, что все предметы и явления, внушающие нам страх, также доставляют и восторг; это обусловлено их размерами, сложностью, волнующей нас неуправляемостью и в особенности — порождаемым ими чувством опасности. Согласно Берку, горы вселяют в наблюдателя чувство благоговения, удовольствия и ужаса — а последний, «если он не слишком близко надвигается на нас, — это аффект, всегда вызывающий восторг». Берк писал о «темных, смутных, неопределенных образах», которые оказывают на воображение большее воздействие и «способствуют возникновению более высоких аффектов, чем более ясные и определенные»[9].

Потому-то все те аккуратные сады при английских загородных домах вдруг показались такими старомодными. Упорядоченности и регулярности пришел конец; на смену им явилась необузданность и дикость природы. В «Новой Элоизе» Руссо дал один из лучших образцов возвышенного, описав сад у дома на берегу Женевского озера

---

[9] Примечания: 9
Перевод Е. Лагутина

возле Кларана, который героиня романа Юлия называет своим «Элизиумом»: «Место самое дикое, уединенный уголок природы... я первая смертная, проникшая в это безлюдье... разбросанные в беспорядке, без всякой симметрии, густые кусты...» — полная противоположность лужайкам и изгородям. А еще воображение Руссо нарисовало картину, каким предстанет в глазах «богатого человека из Парижа или из Лондона» «Элизиум» Юлии: «С каким презрением вошел бы он в этот простой и приветный уголок!» И такой посетитель захотел бы приручить сад Юлии, прорезать в нем ровные дорожки сквозь зелень и листву, переделать все: «Замечательные, украшенные статуями беседки! Замечательные, превосходно проложенные буковые аллеи, то прямые, как стрела, то красиво изогнутые! Замечательные лужайки, покрытые мягким английским газоном, лужайки круглые, полукруглые, квадратные, овальные!» И в результате, по словам Руссо, «унылое получится место» — с обилием фигурно подстриженных тисов, уставленное бронзовыми вазами, очень далекое от похожего на уголок не знавшей человека природы, от того «Элизиума», который с таким усердием создавала Юлия.

К концу XVIII века теория возвышенного за-

владела умами, затмив пристрастие к ясности и четкости, характерное для Просвещения. Великолепие того *siecle des lumieres* — буквально «века просвещения» — самым решительным и бесповоротным образом поблекло на улицах революционного Парижа. После 1789 года здравомыслие и порядок были мертвы; романтики приняли возвышенное как знамя, презрительно отвергнув рационализм и самоуверенность Просвещения, сочтя их самодовольными и духовно отжившими свое. Прежде всего в романтическом воображении особый упор делался на чувствах и настроениях, именно этими подлинными путями призваны следовать писатели, художники и музыканты в поисках духовной истины. В своем «Словаре» 1755 года доктор Джонсон указывал для слова «романтический» значение «пейзаж с дикой природой»; это оказалось предвидением, потому что, хотя приведенное им слово действительно происходило от средневекового «Romances» (то есть «эпические повествования»), многие поэты, писатели и художники эпохи романтизма (примерно 1780-1840 гг.) прославились благодаря тому, что воспевали красоту горных пейзажей.

Среди художников, чей взор пленили своей

красотой Альпы, оказался Джон Роберт Казенс (1752-1799): на его картине «Между Мартиньи и Шамони» (1778) изображен скалистый перевал с крохотными человеческими фигурками, незначительность которых только подчеркнута высокими уступами и снежными кручами. Пейзаж одновременно и величественен, и ужасен, во многом соответствуя традициям «возвышенного». И то, что у Казенса находило отражение на холсте, писатели во все большей степени выражали словами. «Мне нравятся бурные потоки, скалы, сосны, темные леса, горы, крутые дороги, по которым нужно то подниматься, то спускаться, страшные пропасти по сторонам. Я вкусил это удовольствие и наслаждался им во всем его очаровании... я мог смотреть в бездну и испытывать головокружение сколько мне угодно, — в моем пристрастии к кручам забавно то, что у меня от них кружится голова, и мне очень нравится это головокружение, лишь бы я был в безопасности», — писал в «Исповеди» Руссо, вспоминая свою любовь к прогулкам по отдаленным уголкам Альп. И Юлия, главная героиня «Новой Элоизы», объясняя любовь к созданному ею уголку дикой неприрученной природы, говорит, что «лишь на вершинах гор, в глубине лесов, на пустынных

островах она (природа. — *Ред.*) пленяет самыми своими трогательными красотами». Совершенно очевидно, что у доктрины возвышенного не было более верного поборника, чем Руссо, и, как видим, течению романтизма не пришлось искать более подходящего духовного родителя.

В романтической традиции имеется еще один элемент, который отчетливо сформулирован в «Новой Элоизе» и других сочинениях. В романе не только рассказывается о напряженных эмоциональных переживаниях и непосредственных чувствах; сама сельская местность, в которой происходит его действие, также придала ему новое и в корне иное звучание. Эпоха Просвещения, с присущей ей приверженностью логике, разуму и рационализму, воспевала городскую культуру великих античных городов — Афин и Рима. Но романтизм обращался к сельскому пейзажу как к тому месту, где человек сможет постичь себя и проявить свои дарования: как обнаружил герой «Новой Элоизы» Сен-Пре во время прогулок по горам, первозданный пейзаж обладает способностью исцелять эмоциональные раны и открывать правду о чувствах.

Почти через сорок лет после публикации «Новой Элоизы» в другом произведении роман-

тической литературы также прославлялась порожденная горами свобода. Разумеется, речь о пьесе Шиллера «Вильгельм Телль», герой которой, охотник, ведет простую жизнь идеального крестьянина из поэмы Галлера — в гармонии со своим луком, женой, сыном и своей страной. В одной из сцен в начале пьесы сын Телля, Вальтер, играет маленьким самострелом, жена Тел-ля занимается домашней работой, а его отец плотничает. «Метки горца стрелы, верен лук тугой, вот идет он смело по тропе крутой, — счастливо напевает юный Вальтер, сидя на солнышке. — В синие просторы дерзко он пришел, где орлы да горы, где он сам — орел!» И в остальной пьесе немало строк, в которых преклонение перед великолепием и величием гор выражено похожим образом: «Пора нам в долины... Увидимся снова, когда все очнется от сна ледяного и голос кукушки в лесу зазвучит, цветы запестреют, родник зажурчит», — поет пастух на горе, а далее появляется охотник на оленей, который на высокой круче и на скользкой тропе не робеет и «дерзко шагает средь снега, средь льдов, где весен не знают, не знают цветов». Подобно воспетым Галлером крестьянам населяющие пьесу Шиллера охотники, всадники и несговорчивые крестьяне, как кажется, живут

в полной гармонии с окружающими горами, которые наделяют их самобытностью и придают их характерам силу и целеустремленность. Подобное сочинение просто не могло появиться до того, как занялась заря романтизма.

Подхваченные волной новой литературной моды, будь то произведения Руссо или Шиллера, европейские туристы захотели увидеть горы, а не античные города Средиземноморья, не развалины классической эпохи. И одним из таких туристов был Байрон, называвший Швейцарию «самым романтичным уголком мира» и заявивший в «Паломничестве Чайльд-Гарольда»: «Я часть Природы, я — ее созданье, / Мне ненавистны улиц шум и гам, / Но моря гул, но льдистых гор блистанье!»[10] Сочинения Байрона наряду с творчеством Вордсворта, Шелли и других поэтов-романтиков определили наше нынешнее отношение к горам и оформили решительный переход от «ужасного» к «прекрасному».

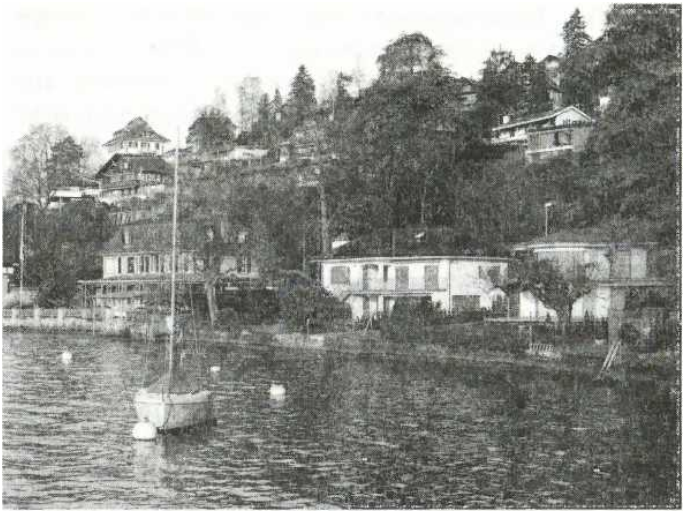
[10] Примечания: 10
Перевод Е.Лагутина

Английские романтики в Альпах: Вордсворт, Байрон и Шелли

Поскольку романтизм придавал особое значение размышлениям в уединении, неудивительно, что поэты и писатели были влюблены в возвышенности; в конце концов, где лучше всего предаваться в одиночестве раздумьям о возвышенном, как не на горной вершине? Духовное просветление и прекрасный вид стали общепринятой частью романтического стандарта. Чарльз Дарвин написал в 1836 году: «Должно быть, всем знакомо чувство торжества и гордости, которые сообщает разуму великолепный вид, открывающийся с возвышенности». Аналогичным образом Ральф Уолдо Эмерсон в 1860 году отметил в сборнике эссе «Путь жизни»: «Зрелище прекрасного пейзажа, сами горы успокаивают, умеряют наше раздражение и укрепляют дружбу». С еще большим жаром отзывался об упоении высотой французский ученый и горовосходитель Орас Бенедикт де Соссюр, один из первых покорителей Монблана. По-видимому, его переживания в горах были почти трансцендентальным опытом. «Какой язык способен воспроизвести ощущения... которыми эти величественные сцены [гор] на-

полняют душу философа, стоящего на вершине пика?!» — восклицал он, далее прибавляя, что возможно «властвовать над земным шаром... [и] признавать действие главных сил, которые определяют его вращение».

Многие поэты Альп начали воспевать красоту гор на своем родном языке. Особенно примечателен словенский поэт Франце Прешерн (1800-1849), который сыграл видную роль в создании национальной идентичности своей страны и стал известен стихами о Бохиньском озере и об окрестностях идиллического озера Блед, откуда был родом. Его портрет красуется на 1000-толаровых банкнотах (вышли из обращения с 1 января 2007 года), а его стихотворение стало государственным гимном Словении. Чем-то похож на Прешерна еще один лирический поэт — Альфонс Ламартин, чья знаменитая поэма «Озеро» воспевает озеро Бурже, известное своими изрезанными скалистыми берегами и тем, что его водная гладь меняет цвет в зависимости от времени года.

Тунское озеро в Швейцарии.
Фото О. Королевой

Красоту Альп также описывали и поэты, приезжавшие сюда из Англии, в том числе Вордсворт, Байрон и Шелли. Первым из троих в Альпах побывал Вордсворт; его творчество следует принципам возвышенного, а также обладает характерными чертами романтической поэзии. В опубликованной после смерти стихотворной автобиографии «Прелюдия» он, в сущности, воздает должное Эдмунду Берку, летописцу воз-

вышенного. В части этой поэмы описано пешее путешествие по Альпам, которое Вордсворт предпринял в 1790 году, будучи студентом Кембриджа. Это путешествие по Европе было весьма и весьма амбициозным: он проделал путь в три тысячи миль, две тысячи из которых прошел пешком, и это в те дни, когда на своих двоих в дорогу отправлялись исключительно бедняки. Спутник Вордсворта Роберт Джонс вспоминал, что оба «вставали рано... и обычно до завтрака [мы] проходили пешком двенадцать или пятнадцать миль, а, перекусив утром на лоне природы, затем обедали тем, что нам могли предложить в доме, где мы останавливались». Пройдя долиной Роны и побывав в «дивной долине Шамони», двое путешественников пересекли Симплонский перевал, где, как написал в «Прелюдии» Вордсворт, он «преисполнился благоговейным страхом перед альпийским троном... Природы». Поэт описал, как, спускаясь с Симплонского перевала, вошел в «узкую расселину», где

Веют неблагоприятные ветры, смущенные и заброшенные,
Потоки низвергаются с чистого голубого неба,
Скалы, что шепчут прямо в наши уши,
Черные скользкие уступы, что говорят с обо-

чины,
Как будто у них есть голоса...

Он назвал увиденные им пейзажи «подобными творениями единого разума», чертами

Того же лица, соцветия с одного дерева;
Признаки Великого Апокалипсиса,
Меты и символы Вечности,
Начальной, и последней, и между, и бесконечной.

Вордсворт так описал свои чувства при расставании с Альпами: «Мысль о прощании с ними удручала меня; нахлынула та же печаль, какую я всегда испытывал, покидая возлюбленного друга... Я чувствовал волнение и радость, думая о том, что, наверное, едва ли в моей жизни будет день, когда бы я не вспомнил этих образов, преисполнивших меня счастьем». Конечно же, своей славой Вордсворт более всего обязан воспетым им одиноким странствиям — точно гонимое ветром облако — среди холмов и долин другого горного района, Озерного края его родной Англии. По этой причине его стихи об Альпах оказались в тени творчества еще двух английских поэтов, которые отправились вслед за Вордсвортом в горы и имена которых нередко кажутся неотде-

лимыми и друг от друга, и от описываемых ими пейзажей: это Перси Биши Шелли (1792-1822) и Джордж Гордон, лорд Байрон (1788-1824).

Впервые Байрон и Шелли встретились в 1816 году на пристани у отеля «Англетер» в Сешероне возле Женевы. Байрон учился в Харроу и в Кембридже, где заслужил репутацию человека храброго и пылкого. В 1812 году он опубликовал первую часть «Паломничества Чайльд-Гарольда», после чего записал: «Однажды утром я проснулся знаменитым». Через четыре года, по-прежнему купаясь в лучах славы, Байрон отправился в путешествие в Швейцарию в огромной копии наполеоновского экипажа, в сопровождении камердинера, лакея, проводника-швейцарца и личного врача-итальянца. Из Лондона его вынудил бежать разрыв с Анабеллой Милбэнк, с которой он прожил год в браке; ходили слухи о его возможной связи с единокровной сестрой, в дом на Пиккадилли-террас явились судебные приставы, чтобы истребовать неуплаченные долги, — из-за всего этого оставшиеся годы жизни Байрон проведет в Европе.

Шелли, как и его новый друг, был аристократом, хотя и не из высших кругов, а полученное им образование вполне соответствовало тому, какое

пристало иметь английскому джентльмену тех лет. Но после Итона его изгнали из Оксфорда за сочиненный им памфлет, озаглавленный «Необходимость атеизма»; к моменту встречи с Байроном Шелли было двадцать четыре года, и он уже был отцом двоих детей и имел за спиной распавшийся брак с Хэрриет Уэстбрук. Она утопилась в том же году, когда Шелли приехал в Альпы со своей любовницей, Мэри Уоллстонкрафт Годвин. И Шелли, и Байрон на путешествие в горы вдохновило чтение ранних сочинений романтической литературы, таких как «Новая Элоиза», но, что более существенно, сама возможность подобной поездки появилась после окончания наполеоновских войн в Европе, благодаря чему, как мы далее увидим, на континент в начале XIX века устремился беспрецедентный поток путешественников.

Ко времени знакомства с Шелли Байрон был объектом множества сплетен и досужего любопытства; если в начале XIX века и существовало нечто похожее на сегодняшний культ «звезд» и охоту на знаменитостей, лорд наверняка был главной мишенью. В частности, Байрону досаждали зеваки, заинтригованные его романом с Клэр Клермонт, за ним даже наблюдали в те-

лескоп. Устав от подобного внимания, Байрон попросил Шелли отобедать с ним наедине, и тот принял приглашение. Встреча сыграла в судьбах поэтов значительную роль, и тем вечером родилось удивительное литературное товарищество. Вскоре они стали жить на соседних виллах у Колоньи вместе со своими заботливыми спутницами: Байрон — на вилле Диодати, а Шелли — в особняке Шапюи. Какое-то время плохая погода удерживала обоих в невольном затворничестве на виллах, а затем они на неделю отправились плавать по озеру, взяв с собой одного лишь лодочника Шелли, швейцарца по имени Морис, а Шелли, не перестававший восхищаться «Новой Элоизой», прихватил с собой экземпляр романа.

С книгой Руссо в качестве путеводителя поэты посетили Мейери, где Юлия и Сен-Пре прогуливались рука об руку и вырезали свои имена на камнях. Затем они посетили «Элизиум» в Кларане, но, к их разочарованию, дикий сад Юлии превратился в монастырский виноградник. В ходе путешествия по озеру разразилась буря, которая напомнила поэтам, что любовники из романа Руссо едва избежали гибели в волнах во время похожей грозы. Маршрут поездки включал в себя также множество традиционных для

туристов достопримечательностей Женевского озера. Если оценивать Байрона с Шелли не как литераторов, а как обыкновенных туристов, то зачастую они вели себя как бесцеремонные и надменные денди: например, высадившись в Эвиане, на савойском берегу озера, они обнаружили, что забыли свои паспорта. Вместо того чтобы отправиться за ними, Шелли немедленно заявил: его спутник — не кто иной, как «Джордж Гордон, шестой лорд Байрон, англичанин, — как и я сам»; Байрон, который как-то однажды в лондонской опере встречался с королем Сардинии (тогдашним правителем Савойи), угрожал, если путешественников не пропустят, пожаловаться лично монарху.

Посещение Шильонского замка, должно быть, удовлетворило их куда больше и определенно заняло заметное место в истории литературы. В таинственный замок на берегу озера Шелли и Байрон отправились, заинтересованные историей Франсуа Бонивара, который, как упоминалось ранее, в XVI веке был здесь узником. Поскольку образы и представления романтизма превозносили тему свободы, неудивительно, что два поэта побывали в замке. Они просто следовали по стопам недавней литературной традиции.

Берк отстаивал права рабов, ирландцев и американских колонистов, а Руссо много писал о социальной несправедливости; Байрону же, кроме того, суждено было встретить смерть в возрасте тридцати пяти лет, когда он помогал грекам в их борьбе против турецкого владычества. Оба поэта в своих сочинениях провозглашали любовь к свободе, писали о ненависти к тирании и угнетению; наверняка они не могли пройти мимо узилища Бонивара и не побывать там. (Во время путешествия вокруг озера Байрон и Шелли также посетили Веве, где в церкви Святого Мартина установлены памятники епископу Ладлоу и генералу Броутону, которые поставили свои подписи под указом о приведении в исполнение смертного приговора, вынесенного Карлу I; во время Реставрации оба бежали в Веве.) Согласно Руссо, Бонивар был «савояром, который стремился к свободе и терпимости», и два поэта из Англии страстно желали увидеть место, где он томился в неволе, прикованный цепями. Как известно, оказавшись в темнице Бонивара, Байрон вырезал свое имя на одной из колонн; она — третья от входа, и надпись в настоящее время благоговейно оберегает стеклянная перегородка, изогнутая по форме колонны. (Слово «Вугоп» составлено из

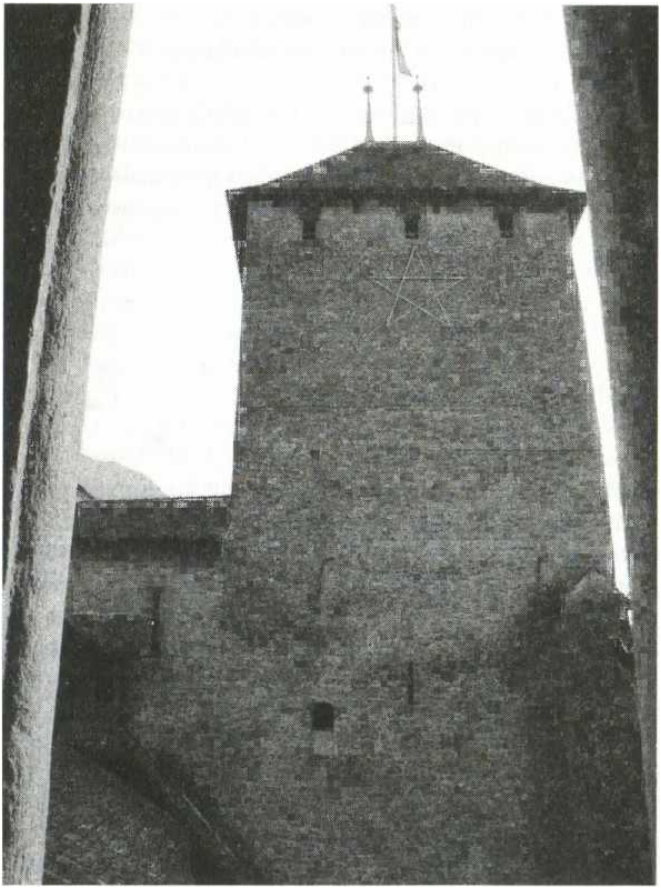
жирных прописных печатных букв, с наклоном к последней букве «N».)

Это граффити знаменито едва ли не более, чем поэма, которую Байрон сочинил о Бониваре — «Шильонский узник». В поэме Бонивара бросили в темницу вместе с двумя братьями (их якобы приковали к первой и второй колонне узилища), которые умерли, оставив Бонивара в одиночку размышлять о своей неволе. После смерти братьев он выглядывает в «зарешеченное окно» тюрьмы и смотрит «на красоту знакомых гор, на их утесы» и тоскует по свободе и миру за стенами тюрьмы:

Я их увидел — и оне
Все были те ж: на вышине
Веков создание — снега,
Под ними Альпы и луга,
И бездна озера у ног,
И Роны блещущий поток
Между зеленых берегов;
И слышен был мне шум ручьев,
Бегущих, бьющих по скалам;
И по лазоревым водам
Сверкали ясны облака;

И быстрый парус челнока
Между небес и вод летел;
И хижины веселых сел,
И кровы светлых городов
Сквозь пар мелькали вдоль брегов...[11]

[11] Примечания: 11
Перевод здесь и далее В.Жуковского

Донжон Шильонского замка.

Фото О. Королевой

Но когда узника в конце концов освобождают из тюрьмы, в его словах звучит легкая нотка сожаления. Бонивар начал наслаждаться обществом пауков и мышей, с которыми он делил свою камеру. Он провел в узилище немало времени:

Я к цепи руку приучил;
И... столь себе неверны мы! —
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнул —
Я о тюрьме своей вздохнул.

Поэму Байрон написал в «Отеле де Л'Анкр», теперь это гостиница «Англетер» в Уши, возле Монтре. Он так погрузился в работу, что Шелли нередко приходилось обедать в одиночестве — а он тоже продолжал трудиться над собственным сочинением, «Гимном интеллектуальной красоте», которым отдавал дань уважения Руссо и его «Новой Элоизе». Вскоре после совместного путешествия вокруг озера и остановки в Уши поэты отправились каждый своим путем, оба в расцвете творческих физических сил. Шелли, вместе со своей женой Мэри и любовницей Байрона Клэр (которая была сводной сестрой Мэри), поехал в

Савойю, а Байрон остался в Швейцарии и какое-то время жил в Монбоване, крошечной деревушке, расположенной между Монтре и Грюйером у западных отрогов гор Бернского Обервальда. Там он написал в «Альпийском дневнике» о «музыке коровьих колокольцев на пастбищах... и пастухах, что перекликаются от утеса к утесу и играют на своих дудочках... Я осознал все, что мною когда-либо было услышано о пастушеской жизни или о том, какой я представлял ее себе... Недавно я вновь поселил в своем разуме Природу». Глядя на сельский пейзаж, он описывал домики и коров: те «похожи на мечту; нечто слишком яркое для реальности и чуждое ей», и отмечал, что посредством произведений, родившихся в Альпах, пытался «избавиться от собственных искаженных особенностей личности, со всех сторон окружающих меня величественностью, властью и славой».

Шелли же тем временем находился в Шамони. Когда здесь побывал Сэмюэл Тейлор Кольридж (1772-1834), то написал в своем «Гимне перед восходом в долине Шамони»: «Кто бы мог, кто бы сумел остаться атеистом в этой долине чудес?» Шелли дал ответ на вопрос Кольриджа — в регистрационной книге гостиницы в Шамони он

подписался так: «Демократ, атеист, очень люблю человечество». Причем эту остроумную запись он оставил на греческом языке. Пейзаж вокруг города внушал Шелли благоговение и страх. В одном из своих писем он писал: «Я никогда не представлял себе, какими раньше были горы... безмерность этих нереальных вершин возбуждала, когда они вдруг возникали перед глазами, рождая чувство восторженного удивления, в чем-то родственного безумию». Пережитые чувства он выразил в одной из самых знаменитых своих поэм — в «Оде Монблану»:

Так точно ты, обрывистый овраг,
Лощина Арвы, с ликом властелина,
Стозвучная, стоцветная долина,
В себе таишь и жизнь, и смерти мрак.
Неотразимо страшная картина,
Могучая своею красотой:
Расставшись торопливо с высотой
Угрюмых гор, полна кипучей страсти,
Как молния, порвавши гнет оков,
Стремится Арва, символ вечной Власти,
Взлелеянный молчаньем ледников.

Гиганты-хвои лепятся по скалам,
Созданья незапамятных времен,
И в воздухе, чуть дышащем, усталом,
Покоится душисто-нежный сон;
С благоговеньем ветры прилетают
Вдыхать в себя смолистый аромат
И слушают, как звуки гула тают,
Как сосны вновь шумят и все шумят:
Так сотни лет не молкнет их громада,
Они поют торжественный хорал[12].

Позднее Шелли говорил о своем стихотворении, что оно оказалось «непокорным разливом души... сочинено под непосредственным впечатлением недавних и ярких чувств, пробужденных тем, что оно пытается описать». Но, в противоположность Вордсворту, атеист Шелли не видел в красоте гор проявления Провидения; в отличие от Вордсворта (и Галлера), он не идеализировал здоровую и чистую жизнь альпийских крестьян. В действительности в своих произведениях романтики подходили к горам по-разному: если для Вордсворта горы рождают некий духовный

---

[12] Примечания: 12
Перевод К.Бальмонта

подъем, то Байрон и Шелли считали их источниками вдохновения и просветления, а Руссо видел в горах и красивых, пробуждающих вдохновение сельских пейзажах моральные добродетели. Рука об руку с подобными поэтическими и духовными устремлениями шли достижения науки, способствовавшие новому пониманию геологии и гляциологии и ботаники Альп. Подобное сочетание эстетического и научного стало причиной громадных перемен в восприятии гор на протяжении первых десятилетий XVIII века и отношении к ним.

Романтизм стал кульминацией той тенденции, которая через Галлера и Руссо в конце концов истребила драконов и демонов, с незапамятных времен населявших Альпы. И, как ни удивительно, именно романтической традиции — или, вернее, ее литературному ответвлению, готическому роману, — суждено было породить еще одно, последнее существо, обитавшее среди ледников и прятавшееся меж скалистых пиков. Это существо — ужасное «детище» вымышленного ученого, Виктора Франкенштейна, и создательницей этой мрачной фантазии стала не кто иная, как жена Перси Шелли, Мэри.

Мэри Шелли и «Франкенштейн»

Мэри, дочь философа Уильяма Годвина и писательницы-феминистки радикальных воззрений Мэри Уоллстонкрафт, родилась в 1797 году. Шелли восхищался работами Годвина и часто бывал в его доме; с Мэри он познакомился, когда той было семнадцать лет. Два года спустя, вскоре после смерти первой жены Шелли, они поженились ив 1816 году отправились в совместное путешествие в Швейцарию.

Самое известное творение Мэри Шелли было задумано на берегах Женевского озера. Вскоре после поездки Байрона и Шелли по озеру установившаяся плохая погода заперла поэтов и их спутниц на виллах. По словам Мэри Шелли, грозы, грохотавшие над головой, были «сильнее и намного страшнее, чем когда-либо доводилось видеть». Одним особенно ненастным вечером появился Байрон с идеей под стать погоде: он предложил каждому придумать историю с привидениями и рассказать ее остальным. В предисловии к «Франкенштейну» Мэри писала, что хотела сочинить повесть, «которая обращалась бы к нашим тайным страхам и вызывала нервную дрожь; такую, чтобы читатель боялся оглянуться назад,

чтобы у него стыла кровь в жилах и громко стучало сердце». Ее история, опубликованная в 1818 году, рассказывала об уроженце Женевы, ученом по имени Виктор Франкенштейн, создавшем существо, которое зажило своей жизнью. Мэри Шелли описывала чудовище так: «Отвратительное существо сперва лежало недвижно, а потом, повинуясь некоей силе, подало признаки жизни и неуклюже задвигалось»[13].

Действие романа происходит во многих частях Европы, в том числе в Ингольштадте в Баварии, где Франкенштейн создает свое существо, в Лондоне, в Санкт-Петербурге и в Архангельске, студеном городе в Арктической России, где Виктор преследует свое создание и, настигнув, наконец-то его убивает. Но начинается роман в Бельриве, на восточном берегу Женевского озера. Здесь пятнадцатилетний Виктор наблюдает одну из тех страшных гроз, которыми славятся окрестные места; обрушившись на озеро, гроза заставляет бешено работать разум ученого. «Стоя в дверях, я внезапно увидел, как из мощного старого дуба, росшего в каких-нибудь двадцати ярдах от дома, вырвалось пламя, а когда исчез

[13] Примечания: 13
Здесь и далее перевод З.Александровой

этот слепящий свет, исчез и дуб, и на месте его остался один лишь обугленный пень... [Дерево] не просто раскололось от удара, но все расщепилось на узкие полоски». То, как молния полностью разрушила благородное дерево, продемонстрировало Виктору могучий потенциал электричества, — пройдет время, и именно этим способом он вдохнет жизнь в свое чудовище.

Готический роман как литературный жанр вырос из романтического очарования причудливым, сверхъестественным и экзотическим. Но в богатом описаниями сочинении Мэри Шелли есть также элементы, которые прямиком восходят к предромантической традиции возвышенного, где страх, смешанный с благоговейным очарованием, охватывает любого, кто сталкивается лицом к лицу с природой в ее чистом, «беспримесном» виде, в наиболее драматической форме. Еще одна гроза над Женевским озером описана так: озеро озаряли яркие вспышки, «превращая его в огромную пелену огня...» Позже ученый преследует свое создание вдоль долины Арва возле Шамони, и у него возникают чувства, которые очень близки к тем, какие испытывал некогда Эдмунд Берк.

> Передо мной высились крутые склоны гигантских гор; над головой нависала ледяная стена глетчера... Это великолепное зрелище давало мне величайшее утешение, какое я способен был воспринять. Оно подымало меня над мелкими чувствами... и непорочные снежные вершины, и сверкающие льдом пики, и сосны, и скалистый каньон — все они окружили меня и сулили покой.

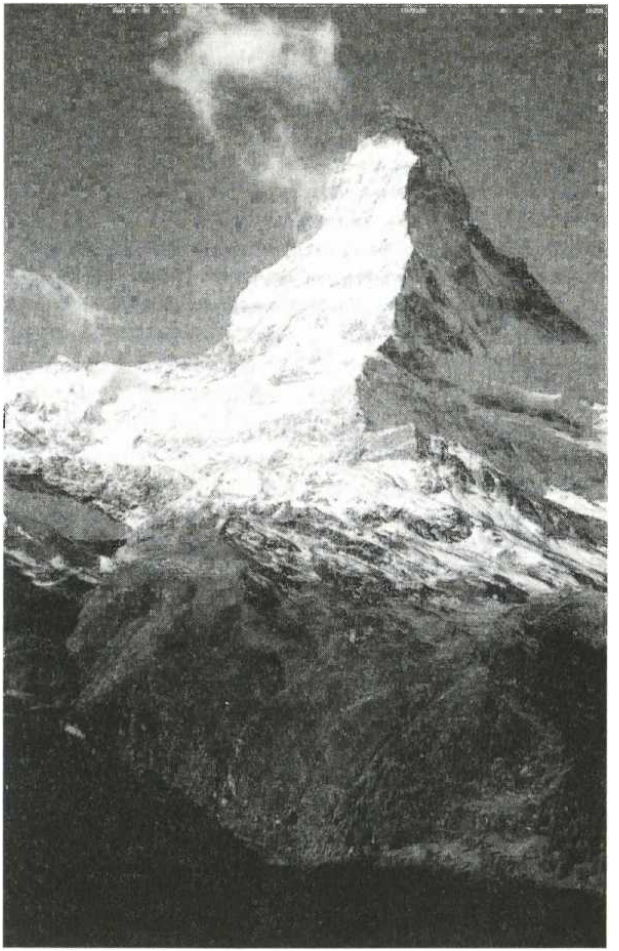
Мер-де-Глас, который посещала Мэри со своим супругом, описан следующим образом: «Я помнил, какое впечатление произвела на меня первая встреча с исполинским, вечно движущимся ледником. Она наполнила меня окрыляющим восторгом, вознесла мою душу из тьмы к свету и радости. Созерцание всего могучего и великого в природе всегда настраивало меня торжественно, заставляя забывать преходящие жизненные заботы. Я решил совершить восхождение без проводника, ибо хорошо знал дорогу, а присутствие постороннего только нарушило бы мрачное величие этих пустынных мест». В романе Франкенштейн гонится за своим созданием через льды до отдаленной горной избушки, где чудовище впервые начинает рассказывать создавшему

его человеку необычайную историю собственной жизни — и неторопливо разворачивается мрачная и жуткая фантастическая история, придуманная Мэри Шелли.

Джон Рескин: Альпы в искусстве

Спустя почти двадцать лет после того, как на берегах Женевского озера встреча Байрона и Шелли породила удивительное литературное товарищество, перед взором тринадцатилетнего мальчика из Англии по имени Джон Рескин (1819-1900) впервые предстали Альпы: их вид открылся ему в городе Шаффхаузен в северной Швейцарии. Туда мальчик приехал с родителями, которые взяли его с собой в путешествие по Европе перед тем, как отправить учиться на священника. «Альпы, — позднее вспоминал Рескин, — были чисты, как хрусталь, четко вырисовываясь на далеком фоне чистого неба, уже чуть окрашенные розовым светом заходящего солнца. [Сцена была] беспредельно выше всего, о чем мы когда-либо думали или мечтали... невозможно вообразить более благословенное вступление во взрослую жизнь». И далее следуют слова, которые лишь подтверждают, сколь многое романтики изменили в отношении людей к горам. «Воистину,

— писал Рескин, — характер соответствует эпохе: всего несколько лет назад на свете не было ни одного ребенка, которому могли бы нравиться горы или, если на то пошло, могли нравиться люди, которые живут в горах».

Рескин не осуществил мечту своих родителей, так и не избрав церковную стезю. Вместо этого он стал ведущей интеллектуальной фигурой XIX века, известным художником, выдающимся писателем, историком архитектуры и теоретиком социальных наук, а в 1869 году занял должность профессора изящных искусств в Оксфорде. Он много путешествовал, и в 1856 году вышла его книга «О красоте гор» — четвертый том содержащего множество плодотворных идей пятитомного труда «Современные художники» (публиковался в 1843-1860 гг.). Именно в этой книге был сформулирован взгляд на горы, господствовавший непосредственно в послеромантический период. Рескин заявил: «Главное во всяком пейзаже — это горы», — и еще больше сказал о том, что наше отношение к горному пейзажу изменилось навсегда: «Эти безлюдные и таящие опасности мрачные горные хребты, на которые почти во все эпохи мира люди смотрели с отвращением и ужасом и перед которыми отступали, словно бы там обитают вечные воплощения смерти, в действительности являются источником жизни и благополучия, причем куда более полным и благотворным, чем вся живописная плодородность равнин».

Как известно, Рескин влюбился в Маттерхорн: «Воздействие этого необычного пика на воображение настолько велико, что даже величайшие мыслители не в силах ему противостоять». Но — что, наверное, удивительно, — он пришел к выводу, что горы, если присмотреться к ним повнимательнее, — вовсе не зубчатые или остроконечные, они криволинейны, а горные хребты упорядочены в виде волн; более того, они не неподвижны, а пребывают в постоянном изменении и движении. Первому взгляду на горы из Шаффхаузена суждено было определить мировоззрение Рескина: в отличие от романтиков, которые повсюду, куда бы ни устремляли взор, видели зубчатые горы, Рескин взирал на горы издалека и видел в вершинах изящество и округлость. Его очаровала «бесконечная ясность пространства, не утомленная достоверностью вечного света», чем и отличаются Альпы. Его чувство к горам было -почти религиозным: по его убеждению, Монблан был на самом деле «Горой возлюбленной» (можно вспомнить, что жители Шамони называли Монблан «Проклятой горой»). Всю свою жизнь Рескин предпочитал любоваться горами издали и редко взбирался на них. «Самый лучший вид на холмы открывается у подножья»,

— писал он. Будучи в Стрезе на озере Лаго Маджоре, Рескин взошел на гору Монте-Моттароне, которая возвышается над городом, и отозвался о ней как о «самой неинтересной из гор», а вершина перевала Сен-Готард удостоилась схожей характеристики — «очень скучная и дурацкая».

Если верить автору некролога Рескина Дугласу Фрешфилду, альпинисту и члену Альпийского общества, Рескин «видел и понимал горы и научил наше поколение понимать их так, как никто прежде не понимал... ни один писатель не добавлял так много к нашему верному пониманию альпийского пейзажа». Но Рескин не просто выражал обуревавшие его чувства, внушенные впечатляющими красотами ландшафта; он сделал намного больше — сыграл важную роль в художественной концептуализации Альп. Как художественный критик он выступал в защиту творчества английского пейзажиста Дж. М. У. Тернера, обратив внимание публики на многие работы живописца, например, такие как «Ганнибал, пересекающий Альпы» и «Переход через Сен-Готард», не говоря уже о различных видах хорошо известных мест — горы Риги и Шильонского замка. Блестящее владение колористикой и выразительный динамизм произведений Тернера

были новой и радикальной манерой, которая смущала и огорчала многих его современников. Но благодаря «Современным живописцам» Рескин познакомил с работами Тернера широкие художественные круги, а впоследствии и сам написал множество превосходных пейзажей с альпийскими видами. Постепенно, отчасти благодаря одобрительному отношению Рескина, такие художники, как Тернер, стали запечатлевать в красках драматичность горных пейзажей, столь великолепно выраженную в строках поэтов-романтиков в предшествующие десятилетия.

Но Рескин работал в совершенно иную эпоху, отличную от той, когда творили Шелли и Байрон. К середине XIX века ученые, художники, литераторы, туристы и горовосходители, похоже, чуть ли не локтями отпихивали друг друга едва ли не подле каждой вершины, чтобы заполучить местечко получше. Все глубже становилось понимание альпийского ландшафта, накапливались знания об окружающей среде Альп, и, как мы видели в части первой, сделалось ясно, что горы не остаются неизменными и неподвижными раз и навсегда, но подвержены колоссальным и непрерывным изменениям. В 1805 году английский ученый Хамфри Дэви пи-

сал: «Для пытливого геолога каждая горная цепь представляется поразительным памятником тем грандиозным периодическим изменениям, какие претерпевает земной шар. Пробуждаются самые возвышенные умопостроения, настоящему не придается значения, воображение захватывают минувшие эпохи...» Лесли Стивен также это признавал, записав в 1871 году: «Наше воображение может охватывать благоговейный трепет, когда мы смотрим на горы как на монументы неторопливой работе громадных сил природы, действующих на протяжении бесчисленных тысячелетий».

Вероятно, чувство благоговения перед наукой кое-что сделало для подведения фундамента под эфирную любовь Рескина к горам: он видел в хребтах и пиках гребни громадных волн, которые вздымаются под напором некоей едва ли постижимой геологической бури. И, подобно Вордсворту, он также считал, что горы несут в себе благословение, осенены духовным и религиозным смыслом. В книге «О красоте гор» он писал:

> ...В холмах замысел Творца в действительности обретает завершенность...

> Самый лучший образ рая, какой способен пробудить в нас мир, — здесь, среди лугов, огородов и нив, на склонах великих Альп, с лиловыми скалами и вечными снегами в выси... Горы — величественные храмы земли, с вратами в виде скалистых утесов, с вымощенным облаками полом, с хорами из горных потоков и камня, с алтарями из снега... Они будто возведены специально для человеческой расы.

Однако Рескин сожалел о том интересе, который вызывали горы и который, по крайней мере отчасти, был рожден его собственными работами; на туристов и прочих любопытствующих из-под его пера изливалось суровое презрение, и он осуждал «судорожные приступы икоты самодовольства», свойственные добравшимся до вершины альпинистам. Он писал, что эта новая порода временных обитателей гор и понятия не имеет о благоговейном уважении к Альпам, которое испытывали поэты прежних поколений. Наоборот, Рескин обвинял горовосходителей в том, что они превратили Альпы в «скаковой круг», что относятся к горам как к «намыленным шестам на ярмарочной площади, на которые вы залезаете, а потом с довольными воплями

соскальзываете вниз». Но это были уже арьергардные бои. В год кончины Рескина, в первый год XX столетия, Альпы твердо вошли в «обиход», и наплыва скалолазов и туристов к тому времени ничто уже не могло остановить. Подобно Кнуту Великому, Рескин окончил свою жизнь, глядя, как плоды его трудов затапливает вторгшееся море приключенческих рассказов из реальной жизни и произведений популярной художественной литературы, действие которых происходит среди горных вершин.

Хайди и Кекеч

Альпы начали фигурировать во все большем и большем числе литературных произведений, которые прославляли красоту альпийских пейзажей, превозносили населяющий Альпы народ, честный, работящий, достойный всяческого уважения, и очень скоро горы позаимствовали детские авторы, сочтя их идеальным местом действия повестей и сказок, рожденных воображением. Одним из таких авторов была Йоханна Спири (1827-1901), которая выросла в деревне Хитцель над Женевским озером, в детстве ухаживала за козами и (как можно представить) целыми днями вприпрыжку бегала по диким

лугам, собирала полевые цветы и наблюдала за сиянием солнца на мерцающей воде внизу — идеальное воспитание для автора самой знаменитой альпийской истории о детях, «Хайди»[14], которая была опубликована в 1880 году. В холмах над маленьким городком Майенфельдом, чуть севернее Кура, разворачивается действие истории осиротевшей девочки, которую отослали жить в горы к старому ворчливому деду (известному как Горный Дядя). Ребенок трагически теряет родителей, а потом его уводят далеко в горы, где он будет жить с не вызывающим симпатий престарелым родственником, — большинству детей это сулило бы совершенно жалкое существование, но не этому рецепту следовала Спири. В сюжете ее книги слабых мест больше, чем дырок в швейцарском сыре, вошедшем в пословицы, и Хайди не стала жалеть себя и переживать — она славно проводит время в новом доме, считая эти дни лучшими в своей жизни. Она заводит дружбу с юным козопасом Петером и его козами (которые носят имена Медведка, Щеголек и Снежинка). Она с удовольствием наблюдает, как в горах сменяются времена года, любуется зим-

[14] Примечания: 14
В русском переводе также — «Волшебная долина».

ним снегом и летними цветами, слушает ветер в ветвях деревьев и проводит уйму времени с Петером, пока тот перегоняет коз с пастбища на пастбище. Но потом Хайди вдруг срочно отвозят во Франкфурт, чтобы она стала компаньонкой прикованной к инвалидной коляске Клары. Когда Хайди возвращается в Майенфельд, вместе с ней приезжает и Клара; Петер ревнует Хайди — его прежняя подруга столько времени уделяет Кларе — и потому сталкивает кресло-каталку девушки-инвалида с горы: «Со злобным ликованием он наблюдал за ней, далеко внизу, как она кувыркается, подскакивая, по уступам, пока не разбивается вдребезги… он сказал себе, что теперь эта противная девчонка отправится восвояси, и все будет, как прежде»[15]. Разумеется, Петера изобличают, но вместо того чтобы получить заслуженное наказание от Горного Дяди, чего он очень боится, мальчик удостаивается похвал: исчезновение инвалидной коляски заставило Клару научиться ходить заново. После чего все опять становится хорошо.

На протяжении многих лет лицемерная притча Йоханны Спири о добродетели и вере привлекала

---

[15] Примечания: 15
Перевод Е. Вильмонт.

кинематографистов. В 1937 году заглавную роль сыграла Ширли Темпл, вездесущий «ребенок-звезда» довоенного Голливуда; ее характерно яркие глаза и обворожительная улыбка в какой-то мере помогли замаскировать, что горный пейзаж у нее за спиной на самом деле нарисован на задниках калифорнийской киностудии. В 1977 году немецкое телевидение сподобилось «раскрутить» эту повесть в сериал из двадцати семи получасовых эпизодов. В последней по времени киноэкранизации, фильме, выпущенном в Великобритании в 2005 году, роль Горного Дяди исполняет шведский актер-ветеран Макс фон Зюдов, а сами съемки проходили в Словении и Уэльсе.

На самом деле мало какие из экранизаций книги снимались в Альпах; в реальности ее действие могло происходить в любых горах — однако это не остановило городской совет Майенфельда, решивший всенепременно нажиться на имени Хайди, раз уж название города упомянуто в книге. Этот маленький городок расположен на берегах Рейна, в том месте, где река течет на север от Кура в сторону Лихтенштейна и Констанцского озера. Центр городка, с высокими домами, прикрытыми ставнями окнами, с покатой мощеной

булыжником площадью, несомненно прелестен, но стоит пройти двадцать минут в сторону, и вы попадаете в ужасный Хайдиланд, центр которого находится в селении Оберрофельс (ныне переименованном в Хайдидорф). Здесь стоит очаровательное старинное шале, возведенное в традиционной манере, с использованием камня и дерева, оно превращено в музей, где демонстрируется, в каком доме, должно быть, жила Хайди — он обставлен тяжелой старинной мебелью, здесь аутентично прокопченная кухня, под навесом сложены в поленницу чурбаки, а в одной из сумрачных комнаток с маленькими оконцами виден манекен Хайди, которая сидит за столом и учит читать манекен Козьего Петера. Этот аттракцион называется «настоящим домом Хайди», но нет никаких подтверждений, что Спири, когда писала свою книгу, думала об этом (да и вообще о каком бы то ни было) шале.

Потратив добрый час на дорогу от Хайдидорфа и поднявшись пешком по холму через густой лес, вы выходите на красивый летний луг, откуда открывается широкий вид вдоль всей долины Рейна, до самого Кура. И здесь вы видите еще один островок фантастического Хайдиланда — Хайди-Альп, горную хижину, где якобы жил

Горный Дядя. Разумеется, это не имеет ничего общего с реальностью, но когда я побывал там, седоголовый мужчина, владелец этого домика, с удовольствием позировал для щелкающих фотоаппаратами туристов, которые, вероятно, думали, будто наткнулись на настоящего Горного Дядю, живущего в горной хижине на залитом солнцем лугу.

Еще один выдуманный герой детских книг родом из другой части Альп, более чем в двухстах милях от Майенфельда. Между Хайди и пастушком Кекечем, «умным малым» из словенских Юлийских Альп, не только географическая разница. Для начала, и это самое очевидное, Кекеч — мальчик и вырос в горах, а не в большом городе, его вовсе не отсылали сюда жить. Кроме того, Хайди, похоже, сумела понравиться всему западному миру, в то время как Кекеч мало известен за пределами родной Словении. Создатель Кекеча Йосип Вандот (1883-1940) родился в отдаленном альпийском селении Краньска Гора, расположенной там, где Словения сходится с Италией и Австрией. Повести Вандота о всегда веселом, хитроумном и храбром пастушке, способном выкрутиться из самых жутких неприятностей и выйти победителем из самого тяжелого поло-

жения, основаны на народном фольклоре этой части Альп. При жизни автора была опубликована только одна книга — «Кекеч с наших гор» (1936); другие, вышедшие посмертно, озаглавлены «Кекеч над Одинокой пропастью» (1952) и «Кекеч идет по следу волка» (1957).

Как и в случае с Хайди, очаровательные образы детей в сочетании с великолепным пейзажем оказались весьма привлекательны для кинематографистов; на основе повестей о Кекече снято три фильма — в 1951,1963 и 1969 годах, и роль умного пастушка всякий раз играли разные мальчики-актеры. Картина 1951 года завоевала на Венецианском кинофестивале приз как лучший детский фильм, и в ней юный герой освобождает собирателя трав, привязанного к дереву злым браконьером Беданчем. Кекеч заставляет Беданча, болтающегося над отвесной пропастью, пообещать, что тот покинет край; браконьер сдерживает обещание, и Кекеч, единственный в округе, кто сумел справиться с ним, становится героем дня. В вышедшем на экраны в 1963 году фильме «Везунчик Кекеч» грандиозный пейзаж долины Трента южнее Краньской Горы подан в полном великолепия цвете, с бледными скалистыми уступами и зеленеющими лугами

и коврами диких цветов; таков же и Кекеч — в щегольской желтой шляпе, оранжевой курточке и коричневых кожаных штанах. На сей раз наш юный герой (по фильму ему около двенадцати лет) помогает слепой девочке Мойке чудесным образом обрести зрение, проведя ее через бурный поток на дне узкого ущелья.

Если верить фильму, долина Трента представляет собой сказочный горный край, где пасутся стада коров и послушные пастухам отары овец, ее населяют немногочисленные (и к тому же добродушные) медведи и веселые крестьяне; над изящными старинными домами из печных труб вьется дым; здесь гуляет неугомонный Кекеч — то шагает со своей крючковатой пастушьей палкой, то играет на свирели, а иногда даже принимается напевать песенку или исполняет похожий на визг йодль, звуки которого эхом разносятся по холмам. Почти нет намека на то, что главными чертами этого края в то время, к которому относится действие книги, были ужасающая нищета, суровые зимы, удаленность от цивилизации и изолированность; но, как и в истории Хайди, книги о Кекече ориентировались на более ранних писателей, таких как Галлер, Руссо и Шиллер, которые закрывали глаза на нищету в Альпах

и видели среди великолепного пейзажа только упорных и работящих крестьян, живущих честным трудом и по крупицам умножающих свое благосостояние.

Хотя Кекеча очень любят в Краньской Горе — летом местная компания даже демонстрирует фильмы о нем в кинотеатре на открытом воздухе, — книги Вандота на английский язык не переводились, а кинокартины за пределами Словении практически не попадали на экраны. Между тем Краньска Гора из заурядной крестьянской деревни превратилась в крупнейший центр зимних видов спорта в стране: современные гостиницы, магазины спорттоваров и подъемники для горнолыжников теснят амбары и традиционные деревянные дома, среди которых Йосип Вандот наверняка бы увидел знакомые. Летом деревня становится отправной точкой пешего маршрута в долине Трента, и извивающаяся штопором дорога ведет через перевал Вршич (1611м) под тенью высоких, почти вертикальных известняковых утесов, что возвышаются, точно зубы, над этим поразительным уголком Альп.

Альпы в нацистской идеологии

В 1920-х и 1930-х годах Альпы превратились в стереотип, а в красиво упакованный набор входили шоколад, Хайди, коровьи колокольца, часы с кукушкой, сверкающие озера и намозолившая всем глаза, самая знакомая из всех гор, с почти идеальной пирамидальной формой — Маттерхорн. «Безумный» король Людвиг возвел в Нойшванштайне псевдо-средневековый замок — романтический образ как в художественном, так и в общепринятом смысле слова. В XIX веке произошел всплеск горного туризма, и Альпы зимой оккупировали лыжники, а летом — любители пеших прогулок, которые принадлежали всецело урбанизированной западной культуре, преклонявшейся перед горами, почитавшей их как край доступный, но от природы дикий и безлюдный (к тому времени Альпы на самом деле уже не были настолько дикими и безлюдными).

Как мы видели, горный пейзаж всегда интерпретировали в рамках требований определенной культуры, и представления о горах разнились, как разнились сами культуры; то, какие чувства должен вызывать горный ландшафт, определялось в соответствии с коллективной памятью и

опытом. Горы, подобно любой среде обитания, остаются, в общем-то, теми же, но то, какими они предстают в образном мышлении, радикально меняется. И в третьем десятилетии XX века наступил финальный поворот в истории интерпретации Альп сквозь призму отдельно взятой культуры.

Преклонение перед горами, которое столь усиленно поддерживалось и насаждалось в нацистской идеологии, имело истоки в популярной серии *Bergfilme* («горных фильмов»), снятых немецким кинорежиссером Арнольдом Фанком (1889-1974) в то самое время, когда Гитлер шел к власти. Впервые Фанк встретился с горами в возрасте одиннадцати лет, когда провел несколько недель в Давосе, на высокогорном курорте в Швейцарских Альпах, — в детстве он страдал хронической астмой и излечился от нее на хрустально-чистом воздухе. Первый свой фильм Фанк снял в 1919 году, им стала документальная картина «Чудеса лыжного спорта», где был показан подъем и спуск с Юнгфрау; через пять лет наступил черед «Горы судьбы»[16] — первого игрового фильма, снятого на натуре в Альпах.

---

[16] Примечания: 16
Другое название — «Скала смерти».

Этот фильм увидела в кинотеатре молодая актриса и танцовщица Лени Рифеншталь; позже она писала: «На экране горы были живыми и очаровательными, намного красивее, чем я когда-либо могла видеть в своих мечтах... Я мечтала о горных утесах, не знавших людей, я видела себя бегущей по каменистым склонам, и всегда — главной актрисой в фильме: это был символ всех родившихся в моей душе чувств». Разыскав Фанка, она уговорила режиссера снять ее в следующем фильме; Фанк согласился и исполнил свое обещание — в 1926 году специально для Рифеншталь был написан сценарий «Священной горы». Этот необычный фильм, длительностью час сорок пять минут, где не произносили диалогов (еще только занималась заря эпохи «звукового кино»), представляет собой сюрреалистическую смесь сцен танца и снов, перебиваемых эпизодами стремительного спуска на лыжах и бесстрашных восхождений на отвесные горы; «героическая песня из заоблачного мира гор» — так на афишах рекламировался фильм, — «драматическая поэма с картинами природы».

Фильм был целиком снят на натуре — в Интерлакене, Церматте (видное место в изобразительном ряду занимал Маттерхорн) и на австрийском

горнолыжном курорте Санкт-Антон — и прославлял горы как поприще для демонстрации смелости, выносливости и физической силы. Рифеншталь, которая играла в картине танцовщицу по имени Диотима, кружилась и выписывала пируэты на склонах, восторженно всматриваясь в смельчаков-альпинистов (в одного из них она влюбляется) и встречаясь с отважными и стойкими горцами (в том числе с юным мальчиком, который в одной из начальных сцен сидит на скале и играет на губной гармошке, не забывая в то же время и о своей овце — реинкарнация Козьего Петера). Позже Рифеншталь утверждала, что Фанк был в нее влюблен — в это утверждение легко поверить, если принять во внимание, как часто камера подолгу словно бы задерживается на лице актрисы, классически красивом, но зачастую холодно-невыразительном, — однако она не захотела ответить ему взаимностью. Тем не менее «Священная гора» стала первым из шести «горных фильмов», созданных этой парой между 1926 и 1933 годами. Фанк прославился перфекционистским подходом, стремлением к совершенству, он нередко снимал в ужасных условиях, а однажды подставил свою «звездную» актрису под лавину, которая чуть ее не погубила. Но по ходу съемок

«горных фильмов» Рифеншталь, незаурядная танцовщица, сделалась вдобавок способной альпинисткой и время от времени начала вставать по другую сторону камеры, режиссируя отдельные сцены фильма. В 1932 году она разошлась с Фанком и вскоре выступила автором сценария, режиссером, продюсером и исполнительницей главной роли фильма «Голубой свет», перенеся на экран неторопливую претенциозную историю о загадочной горной деве, охотнице за кристаллами, причем вся картина была снята на натуре в Южном Тироле. Все эти фильмы знакомили нацистскую Германию с народными альпийскими представлениями, пробуждали интерес к горным лыжам и альпинизму; до наших дней на кинофестивале в Санкт-Антоне, который проводится ежегодно в сентябре, демонстрируются совместные работы Фанка и Рифеншталь, наряду с современными картинами, посвященными Альпам и зимним видам спорта.

Адольф Гитлер родился отнюдь не в Альпах. Но место, где он появился на свет, маленький австрийский городок Браунау-ам-Инн, расположен у подножья гор. Он любил горные пейзажи, и со временем Альпы стали играть существенную роль в нацистской мифологии: в горах жили

общины светлокожих крестьян, с упорством и трудолюбием возделывавшие поля вместе со своими крепкими и полногрудыми женами и здоровыми детишками, как будто воплощая совершенство «арийского» идеала. Гитлер был большим почитателем «бергфильме», и в особенности Лени Рифеншталь (завершив работу над «горными фильмами», она запечатлела на кинопленке хронику прихода нацистов к власти, а в 1935 году создала известный фильм «Триумф воли», который многие считают величайшим образчиком пропагандистского фильма в истории кинематографа). Воспользовавшись популярностью фильмов Фанка и тем, что в кино превозносится таинственная сила гор, Гитлер всячески стал поощрять чрезмерное восхищение, которым были окружены альпинисты — люди смелые, сильные и очевидно соответствующие фашистским идеалам мужественности, телесной силы и физического совершенства.

Сами горы представляли для нацистов такой же вызов, что и противостоявшие им идеологические системы, например коммунизм. Непокоренные горные вершины казались публичным оскорблением для стремившихся к господству нацистов; взойти на горы означало

сразиться с ними, подняться на вершину значило ее победить. В 1930-х годах рейх финансировал команды молодых немецких альпинистов, известных как «Нацистские тигры», в их задачу входило восхождение на различные пики Альп; тем самым они прославляли Германию и утверждали превосходство «арийской расы» над всеми прочими. В 1931 году братья Шмидты проехали на велосипедах от Мюнхена до Церматта, а затем совершили восхождение по овеянной мрачной славой сложной северной стене Маттерхорна. Несмотря на то что им пришлось под потоками воды преодолевать ливневые спуски, ночевать на узких скальных уступах, выдержать у самой вершины свирепую бурю, восходители все же покорили гору, и германская пресса с бурным восторгом расхваливала их достижение (одному из братьев, Тони, суждено было через несколько лет насмерть разбиться на горе Вайсбаххорн). Вскоре сформировалась преисполненная энтузиазма команда молодых людей — «Бергкамераден» (дословно «горные товарищи»); каждое лето они совершали велопробеги по Альпам, а затем предпринимали еще более дерзновенные и опасные восхождения. Те, кому сопутствовал успех, возвращались в ореоле славы, их приветствовали

как героев «арийской расы» и удостаивали личной встречи и рукопожатия Гитлера. (Муссолини тоже не остался в стороне от событий, вручая удачливым итальянским альпинистам медаль «Pro Valore» — «За храбрость».)

После Маттерхорна внимание альпинистов переключилось на манящую своей сложностью северную стену Айгера, также находившуюся в Швейцарских Альпах; Гитлер считал, что только немецкие альпинисты способны взять Айгерванд («стену Айгера»), и пообещал наградить медалями первовосходителей. Когда в конце концов северная стена в июле 1938 года была покорена, на нее взошла группа из двух немцев и двух австрийцев; примечательно, что стена была взята всего через несколько месяцев после того, как в результате аншлюса две страны были объединены политически. Четверку одолевших гору альпинистов позже представили Гитлеру на митинге в Польше. Один из четырех, Генрих Харрер, умерший в 2006 году (его книга об Айгере, «Белый паук», стала классической для альпинистов), сказал Гитлеру, что свое восхождение посвящает фюреру (однако после войны Харрер энергично отрицал, что пытался установить на вершине флаг со свастикой).

Прямое отношение нацисты имели также и к событиям на узкой длинной полоске Альп, которая территориально принадлежит Германии. Хотя Баварским Альпам, возможно, и недостает протяженности, но высотой и крутизной они вполне компенсируют указанный недостаток: пики, протянувшиеся вдоль юго-восточной границы Германии, очень круты и высятся в окружении самых живописных и трудных для восхождения скал во всех Альпах. Гряду на высоте 2964 метра венчает пик Цугшпитце. Под его сенью расположился прелестный городок Гармиш-Партенкирхен, который в 1930-х годах выдвинулся в ряд самых престижных в Германии зимних курортов (это положение он сохраняет и по сей день). Наверное, всем известна история летних Олимпийских игр 1936 года, проведенных Гитлером в Берлине с целью прославления предполагаемого атлетического совершенства нацистской Германии; но события зимних игр того же года в Гармиш-Партенкирхене, по-видимому, известны меньше. В преддверии игр в городе был построен громадный стадион вместимостью шестьдесят тысяч человек; во время самих игр поезда отбывали из Мюнхена каждые две минуты, забитые зрителями и участниками

соревнований, направлявшимися на альпийский курорт. (В ходе подготовки к играм немцы предполагали, что альпинизм включат в программу как вид спорта, но подобное предложение было отклонено олимпийскими делегациями Великобритании и Швейцарии.) На церемонии открытия возникли разногласия о том, каким образом следует приветствовать Гитлера: рукой, поднятой перед собой в нацистском стиле, или вытянутой в сторону, по-олимпийски? Английскую команду возглавлял Питер Ланн, сын альпиниста и владельца туристического бюро Арнольда Ланна, о котором мы еще скажем ниже; своей команде он велел приветствовать главу Германии по-олимпийски, в то время как швейцарская и американская команды решили вообще не салютовать. Пожалуй, стоило бы посмотреть на фюрера, когда по стадиону проходили делегации этих стран: вероятно, выражение лица у него было таким же, как и несколько месяцев спустя на летней олимпиаде в Берлине, когда Гитлер увидел, как чернокожий американец Джесси Оуэнс опережает немецкого легкоатлета.

Любви Гитлера к Альпам суждено было изменить ландшафт. Примерно в ста сорока километрах восточнее Гармиш-Партенкирхена

граница между Австрией и Германией совершает отчетливый поворот в южном направлении, и маленький, но значимый участок территории Германии клином вдается в Австрию. Именно здесь, возле курорта Берхтесгаден, любовь Гитлера к горным пейзажам нашла воплощение в кирпиче и цементе. Он превратил Берхтесгаден в южную штаб-квартиру нацистской партии, понастроив в окрестностях городка с названием Оберзальцберг партийных зданий и вилл, а на высоком горном кряже над Оберзальцбергом было возведено «Орлиное гнездо», печально знаменитое альпийское убежище фюрера.

Гитлер в Берхтесгадене

Сегодня Берхтесгаден — множество гостиниц в альпийском стиле и вилл, обступивших пенную горную реку, чьи воды питают красивое, с кристально-прозрачной водой озеро Кенигзее. Курорт расположен в верхней части изогнутой, поросшей лесом долины, по которой проходит шоссе и железная дорога от Мюнхена. (Вокзал в городе, конечный пункт железной дороги, был построен известным нацистским архитектором Альбертом Шпеером в 1937 году.) Впервые Гитлер приехал в Берхтесгаден в 1920-х годах вместе

со своим другом Дитрихом Экхардтом, видным активистом Немецкой рабочей партии. Ему понравились городок, чистый горный воздух и приятные места для прогулок, и впоследствии он сюда приезжал неоднократно; больше всего Гитлер любил останавливаться в пансионе «Мориц», владельцы которого, Бюхнеры, одними из первых поддержали нацистское движение. (В этом пансионе Гитлер писал второй том «Майн кампф», а однажды получил в подарок от фрау Бюхнер тяжелый арапник из шкуры гиппопотама.)

Позже Гитлер купил виллу, расположенную на залитом солнцем альпийском лугу, возле самого Берхтесгадена. Она получила название «Хаус Вахенфельд»; ее прежний владелец был предпринимателем и деятельным членом партии. В 1933 году Гитлер расширил виллу и укрепил, и она получила название «Бергхоф». На протяжении десяти последующих лет вилла была для Гитлера неким подобием дома — он проводил тут до шести месяцев в году — и в то же время важнейшим правительственным центром нацистов за пределами Берлина. Фюрер лично проверял, чтобы все в Бергхофе должным образом соответствовало его масштабным замыслам: из огромного окна монументального Большого зала открывался

замечательный вид на великолепную панораму Альп, а окно представляло собой самый большой в мире цельный стеклянный лист и поднималось и опускалось при помощи гидравлического подъемного механизма. Прочие нацистские бонзы тоже обзаводились виллами и домами в этом районе, дома строили в пышном альпийском стиле, с изысканно декорированными деревянными балконами, а под двускатными крышами красовались широкие фронтоны. Создание этого обширного правительственного комплекса под названием «Оберзальцберг» стало возможным после конфискации тридцати двух квадратных километров земли и сноса стоявших на нем многочисленных старинных ферм и сельских домов. Комплекс окружала двухметровой высоты ограда, к которой примыкали караульные помещения, а под землей все правительственные здания и виллы были соединены протянувшейся на многие мили системой бункеров, на случай нападения извне или осады.

Гитлер любил показывать свою альпийскую крепость высокопоставленным особам, приезжавшим к нему с визитами. В значительной степени политическая карта Европы 1930-х годов была перекроена на виллах Оберзальцберга. Одна

из первых таких встреч на высшем уровне состоялась в 1934 году, когда австрийский премьер Курт Шушниг, ослабленный и преследуемый политическими противниками, по предложению германского посла в Австрии Франца фон Папена приехал к Гитлеру в Бергхоф. Когда Шушниг заметил, что из венецианского окна открывается красивый вид,

Гитлер раздраженно ответил: «Да, тут вызревают мои идеи. Но мы собрались вовсе не для того, чтобы говорить о красивых видах или о погоде». (В ходе крайне напряженной встречи в

Бергхофе Гитлер вынудил Шушнига назначить членами австрийского кабинета еще нескольких нацистов: независимая Австрия к тому времени корчилась в предсмертных судорогах, и преемник Шушнига, Зейсс-Инкварт, приветствовал ввод в страну немецкой армии, подготавливая почву для аншлюса.)

Через два года, в сентябре 1936 года, в Бергхоф прибыл Дэвид Ллойд-Джордж, который обменялся с Гитлером воспоминаниями о Великой войне и отбыл обратно в убеждении, что немецкий лидер — «великий человек». Затем, в 1938 году, Гитлер принимал в Бергхофе Чемберлена во время позорных переговоров, открывших нацистам дорогу к захвату Чехословакии. (Во время переговоров Чемберлен и его окружение жили в гостинице в Берхтесгадене и ездили в Мюнхен и обратно на личном поезде Гитлера.) Из англичан с Гитлером здесь встречались еще герцог и герцогиня Виндзорские (бывший английский король Эдуард VII и бывшая миссис Уоллис Симпсон), которые, как считалось, симпатизировали нацистам. Непосредственно перед вторжением в Польшу и перед нападением на Россию Гитлер проводил в Бергхофе совещания с верховным военным командованием; судя по всему, на этих

встречах с генералитетом Гитлер по большей части выступал с пространными речами, кричал на своих пораженных ужасом подчиненных и не терпящим возражений тоном приказывал претворять в жизнь нередко необдуманные, сверхчестолюбивые планы.

Порой Гитлер откладывал в сторону дела, оставлял без вмешательства мировые события и предпочитал просто отдохнуть в Бергхофе. («Поддельный» мюзикл «Весна для Гитлера» — постановка которого образует сюжетную линию фильма Мела Брукса «Продюсеры» — в действительности имел подзаголовок «Веселая комедия с Адольфом и Евой в Берхтесгадене».) Во время пребывания здесь фюрер придерживался твердо установленного распорядка дня. Он вставал поздно, так как накануне вечером обычно допоздна смотрел кинофильмы в личном кинозале, и день проводил, подолгу засиживаясь за обеденным столом с привилегированными нацистскими лизоблюдами. В такие дни он часто сравнивал себя с Бисмарком, Наполеоном и прочими выдающимися фигурами европейской истории или же попросту часы напролет разглагольствовал на различные темы, начиная с проблем военной стратегии и кончая тем, почему нет теноров,

способных правильно исполнять арии в операх Вагнера. «Может, он и фюрер, сколько ему угодно, но он вечно повторяется и надоедает гостям», — как-то заметила Магда Геббельс об этих обедах. В погожие дни — такую погоду местные жители называли «Гитлерветтер» — он отправлялся на долгие прогулки, нередко в сопровождении своей собаки, восточноевропейской овчарки Блонди. В этих случаях тысячи преданных почитателей и любопытствующих зевак могли увидеть фюрера с окрестных горных склонов, если им удавалось разглядеть его в бинокль. (При особом везении, если он проходил мимо, они выковыривали камни из тропинки, по которой ступала его нога, и хранили те как ценные сувениры.)

Когда война для нацистов начала складываться неблагоприятно, роль Оберзальцберга изменилась. Дважды в 1944 году, в марте и июле, в Бергхофе были совершены попытки покушения на Гитлера. Вторую попытку предпринял подполковник Клаус фон Штауфенберг, он принес в портфеле бомбу, но решил не взрывать ее, так как на том совещании не присутствовали Гиммлер и Геринг. (Девять дней спустя фон Штауфенберг осуществил самое известное покушение на Гитлера, взорвав бомбу в полевой ставке фюрера

в Восточной Пруссии.) К тому моменту Гитлер очень заботился о своей личной безопасности и все меньше времени проводил в Бергхофе. В числе последних у Гитлера здесь побывала Лени Рифеншталь, в марте 1944 года, вскоре после своего бракосочетания с видным нацистским офицером; к тому времени она в значительной мере сошла с политической сцены и жила в уединенном фермерском доме под Китцбюэлем в Тироле, увлеченная съемками и монтажом своего любимого проекта под заглавием «Tiefland» («Долина»), и почти не замечала бомбардировщики союзников, которые едва ли не каждодневно пролетали над головой. (В «Долине», в основу которой легла опера Дальберта и которая появилась на экранах только в 1954 году, много искусно снятых на черно-белую пленку тирольских пейзажей; впоследствии Рифеншталь яростно осуждали за то, что в массовке фильма она снимала цыган из австрийского концлагеря.) О своей встрече с Гитлером она вспоминала в известном трехчасовом документальном фильме «Прекрасная и ужасная жизнь Лени Рифеншталь»; по ее словам, когда она на последнем этапе войны побывала в Бергхофе, фюрер был «безумен... он больше не был похож на человека, имеющего связь с реаль-

ностью... выглядел скорее как призрак».

В следующем году, когда союзники уже наступали на Берлин, Гитлер навсегда покинул Бергхоф и командовал остатками своих армий из любимой столицы. 25 апреля 1945 года, под самый занавес войны в Европе, бомбардировка Королевских ВВС превратила в груды камней весь комплекс Оберзальцберга: всего-навсего за девяносто минут самолеты обрушили на территорию Оберзальцберга двенадцать сотен бомб; Гитлер в то время прятался в бункере в Берлине, глядя на рушащийся вокруг него город, а союзники продолжали наступление.

В настоящее время Оберзальцберг отдан на откуп туристическому бизнесу, хотя и хранит память о той роли, какую он играл в эпоху господства нацизма. На месте бывшего гитлеровского домика для гостей построен неплохой новый музей — «Документацион Оберзальцберг». Экспозиция и аудиовизуальные выставки напоминают о том времени, когда этот альпийский район был местом отдыха нацистской элиты; в музее также открыт вход в холодные серые туннели, образовывавшие в прошлом подземную сеть складов и бункеров Оберзальцберга; до сих пор сохранились грубая арматура и фитинги, а также

элементарная система очистки воздуха. Хотя о музее отзывались весьма положительно, в марте 2005 года в Оберзальцберге разгорелись ожесточенные споры, когда «международная гостиничная группа открыла новый отель, вложив в него 120 миллионов долларов, всего в нескольких сотнях метров от музея, на том месте, где некогда находились загородные виллы Бормана и Геринга». Открытие гостиницы вызвало возражения с разных сторон.

Михель Фридман, бывший заместитель главы Центрального еврейского совета Германии, прокомментировал событие так: «Использование этого места под гостиницу скрывает историческую реальность. Такие места следует сохранять и использовать с совершенно другими целями». Лорд Дженнер, председатель Образовательного фонда «Холокост» в Великобритании, сказал: «Они превращают центр убийства в аттракцион для туристов... Я нахожу это оскорбительным, предосудительным и абсолютно неприемлемым». Фирма — владелец гостиницы утверждала, что в каждом номере имеется книга под названием «Die Todliche Utopie» («Смертельная утопия»), рассказывающая об истории этого района, и что персонал тщательно проверен и никак не может

быть хоть как-то связан с нацистами. В день открытия отеля в районе Берхтесгадена температура упала до минус 43 градусов по Цельсию, это был один из самых холодных дней, когда-либо отмеченных в Германии.

Большая часть Оберзальцберга между музеем и новой гостиницей представляет собой неприглядное скопление автомобильных и автобусных стоянок. Летом отсюда каждый день десятки автобусов отвозят посетителей вверх по горному склону в убежище Гитлера, Кельштайнхаус, или «Орлиное гнездо» (для личных автомобилей въезд закрыт, чем и объясняются автостоянки у подножия холма). В отличие от Оберзальцберга, Кельштайнхаус благополучно избежал налетов союзнической авиации, и поднявшихся до самого верха туристов сегодня въяве встречают наиболее примечательные здания нацистской эры, многие из которых по-прежнему сохраняют тот же облик, в каком их видел Гитлер.

От Оберзальцберга вверх к «Орлиному гнезду», автобусы едут по дороге, которая была построена по распоряжению Мартина Бормана, — он приказал проложить шоссе и построить резиденцию Кельштайнхаус в качестве подарка к пятидесятилетию фюрера. Борман, о котором шла такая

дурная слава, что даже нацист Геринг называл его «грязной свиньей», однажды заметил, что во время пребывания в Бергхофе Гитлер взял за привычку после обеда совершать прогулки к маленькому чайному павильону на Мосланеркопф. Это и подсказало ему идею построить для фюрера личный чайный домик. Борман также хотел, чтобы у него было место, где он бы мог беспрепятственно встречаться с Гитлером, чтобы использовать свое влияние на фюрера без помех со стороны прочих интриганов. В 1936 году он подобрал для домика место: крутой обрывистый уступ, господствующий над Оберзальцбергом на высоте 1834 метров, с видом на Берхтесгаден и прилегающий к нему район Альп, до самого города Зальцбурга, башни и шпили которого виднеются вдалеке. Напротив выбранного Борманом утеса находится гора под названием Унтерсберг, под которой, как гласит легенда, спит вечным сном Карл Великий со своим пятитысячным воинством, дожидаясь, когда будут восстановлены слава и величие Германской империи. Борману все показалось просто идеальным. Весной следующего года он поднялся сюда вместе с доктором Фрицем Тодтом, инженером-дорожником, и архитектором из Мюнхена Родериком Фиком, на-

значенным проектировщиком чайного домика. 23 августа 1937 года Борман лично вбил в землю нивелирные колышки, отмечавшие начало дороги на Кельштайнхаус; и три тысячи рабочих приступили к ее строительству.

Потребовалось тринадцать месяцев и тридцать миллионов Reichsmark, чтобы чайный домик и шоссе к нему были готовы. Особенно Борман гордился дорогой. Великолепно спроектированная и проложенная, она поднимается на 750 метров при протяженности в шесть с половиной километров и имеет всего лишь один крутой U-образный поворот. В наивысшей точке дорога ныряет в 124-метровый туннель, пробитый в скале и оканчивающийся у основания лифтового ствола, по которому обитая медью кабина поднимается в собственно «Орлиное гнездо». (Чтобы добраться до чайного домика, сегодняшние туристы пользуются теми же самыми лифтом и туннелем, что некогда и Гитлер; действующие механизмы лифта сохранились с того времени, а на стене по-прежнему висит неуклюжего вида аварийный телефон 1940-х годов.)

Своим названием «Орлиное гнездо» обязано докладу об этом домике, составленному Франсуа Понсе, французским послом, для тогдашнего

министра иностранных дел Франции. «Домик Гитлера, — отмечал он в докладе, — произвел на меня впечатление здания, парящего в воздухе». Впрочем, по иронии судьбы, Гитлеру не очень-то нравилось парить в воздухе, так как он, как предполагают, страдал от головокружений и редко пользовался дорогостоящим подарком Бормана. (Для тех, кого мучают головокружения, Кельштайнхаус — очень плохое место: домик оседлал узкий скальный палец, с трех сторон из четырех вниз почти отвесно уходят обрывистые склоны, и этим эффектным, но таящее опасности окружением он походит на те серокаменные средневековые замки, что цепляются за скалистые утесы во многих уголках Швейцарских и Итальянских Альп.) Гитлер также жаловался на слишком разреженный воздух, который плохо сказывался на его кровяном давлении, и еще тревожился, не произойдет ли автокатастрофа на шоссе и не случится ли аварии с лифтом. Тем не менее какое-то время многие полагали, что фюрера это место приводит в восторг и что он намерен превратить его в свой мавзолей.

На самый верх привозили только тех, на кого Гитлеру требовалось произвести впечатление. Встречи с Гитлером происходили в просторном

зале для совещаний, составлявшем главное украшение дома: из пяти венецианских окон открывалась величественная панорама; камин, сложенный из красного мрамора и облицованный бронзового цвета изразцами, был подарен Муссолини, а пол устилал великолепный восточный ковер, подарок императора Японии Хирохито. И если Гитлер испытывал тревогу при посещении чайного домика, то Ева Браун очень полюбила бывать здесь, прогуливалась со своими собаками Суси и Негусом (в июне 1944 года сестра Евы, Гретель, выходя замуж за генерала войск СС, устроила в Кельптайнхаусе свадебное торжество). По слухам, Еве Браун настолько полюбился чайный домик, что ей захотелось, чтобы под полотном дороги устроили нагревательную систему: тогда бы снег зимой таял и в домике можно было бы бывать весь год, а не только летом.

Систему подогрева дорожного полотна так и не сделали. Но Кельштайнхаус пережил войну, став символом бездумного и показного хвастовства нацистской эпохи. После войны мэр Берхтесгадена уговорил американцев, в чью зону оккупации входила Бавария, не взрывать и не сносить домик, и в 1950-х годах его открыли для посещений. Зимой снег на шоссе не чистят, и

попасть в чайный домик возможно только с мая по октябрь; в этот период сюда приезжают сотни туристов, их привлекают восхитительные виды и обед во вполне приличном ресторане, который ныне и занимает здание (получаемая рестораном прибыль жертвуется на благотворительность). Туристы прогуливаются по террасам, где некогда ходил Гитлер, и во все глаза разглядывают виды, которые когда-то восхищали фюрера. И хотя Кельштайнхаус расположен куда ниже Юнгфрауйох (или даже находящегося на территории Германии Цугшпитце), отсюда открывается потрясающий вид во все стороны: на западе сверкает похожее на драгоценный камень Кенигзее, чьи берега поднимаются от самой кромки воды почти вертикально, далее, непосредственно под Кельштайнхаусом, виднеются зеленая чаша Берхтесгадена и район Оберзальцберга, и вдали, на севере, Зальцбург окружает более ровная местность (сам австрийский город находится от Бехтесгадена в часе езды поездом); на юге, позади утеса, на котором стоит домик, вырисовывается грозная серая стена горы Кельштайн.

Бавария была родиной нацизма. Мюнхен стал первым центром нацистского движения, но горы составляли его духовную сущность. И по-прежне-

му в сегодняшней Европе с высот гор доносится эхо приверженности крайне правой идеологии. Нигде на континенте крайне правые настроения не укоренились столь цепко и не держатся столь упорно, как в горных районах Австрии. Лидер печально известной австрийской Партии свободы Йорг Хайдер считает альпийский регион Каринтия опорой своей партии; в 1990 году его избрали губернатором этой области, а в 1995 году на него обрушилась критические стрелы со всего мира, когда он выступил с обращением к ежегодному собранию бывших членов австрийских СС на склонах пика Ульрихберг возле главного города Каринтии Клагенфурта (собравшихся ветеранов он назвал «людьми с сильным характером»). И по ту сторону границы, в Швейцарии, активность крайне правых сильнее и острее заметна в городе Люцерне. По-видимому, в отдельных районах Альп, жителям которых присущ ограниченный лишь местными заботами кругозор, недоверие к чужакам и быстрым переменам, на протяжении десятилетий сохраняются кое-какие старые традиции и обычаи, разжигающие экстремистские политические взгляды.

Тень наци до сих пор нависает над альпийскими областями Австрии и Баварии. Но в 1960-х

годах, когда еще свежа была память об аншлюсе, всему западному миру вновь напомнили об эпохе нацистов в Альпах — благодаря популярному голливудскому кинофильму. По иронии судьбы, хотя фильм снят о мрачных днях конца 1930-х годов, он покрыт таким глянцем сентиментальной слащавости, что кажется даже душещипательнее «Хайди».

«Звуки музыки»

Кинокартину 1965 года, запечатлевшую на пленке рассказ о подвигах семьи фон Трапп во время Второй мировой войны и бегство из нацистской Австрии, должно быть, многие узнают чуть ли не по первым кадрам. И очень жаль, что красивые горы образуют фон для эффектного голливудского зрелища с ходульными персонажами, с излишне упрощенными эмоциональными столкновениями героев и с похожим на карикатуру представлением об одном из наиболее чудовищных режимов в истории человечества. Но все основано на подлинной истории: бродвейский мюзикл и снятый по нему фильм имеют в основе опубликованные в 1949 году воспоминания Марии фон Трапп — «История “Поющей семьи Трапп”».

В 1938 году Георг фон Трапп, бывший офицер австрийского имперского военно-морского флота, принял Марию на работу в качестве домашней учительницы одного из семерых своих детей; сам фон Трапп недавно овдовел. В то время семья фон Траппов уже имела международную известность, ее приглашали петь на вечере в честь дня рождения Гитлера (приглашение было отвергнуто). Мария влюбилась в своего хозяина и вышла за него замуж, а когда капитан фон Трапп получил повестку о призыве на военную службу, он счел, что семье грозит опасность, и решил перевезти всех в относительно безопасную Италию. Позже, перебравшись в Швецию, вся семья отплыла в Соединенные Штаты Америки и со временем обосновалась в Стоу, штат Вермонт. Капитан фон Трапп скончался в 1947 году, но остальные члены «Поющей семьи» продолжали выступать, основали музыкальный лагерь и гостиницу-приют в Стоу под девизом «Немножко Австрии, много Вермонта». Марии фон Трапп не стало в 1987 году, но ее дети (и их дети) продолжили традицию, они поют и угощают *Apfelsriidel*[17] тысячи туристов, которые каждый год по-прежнему наезжают в

[17] Примечания: 17
Яблочным штруделем (нем.).

семейное заведение Траппов в Стоу.

Мюзикл, однако, с историей обошелся крайне вольно. Имена всех членов семьи (в реальности — Руперт, Мария, Агата, Йоханна, Мартина, Вернер и Хедвиг) изменили, чтобы тексты песен лучше ложились на музыку (ну скажите, как зарифмовать имя Хедвиг?) и чтобы не возникало путаницы с двумя Мариями. В действительности Марию взяли домашней учительницей для одного ребенка, она вовсе не была гувернанткой для всех детей. (Тем не менее у нее была гитара, и капитан фон Трапп созывал своих детей свистком.) Как и в фильме, капитан фон Трапп ради Марии сбежал от своей невесты Эльзы Шрадер; события в фильме сжаты в одно лето, хотя на самом деле все происходило на протяжении нескольких лет. Семья Траппов сначала эмигрировала в Швейцарию, а отнюдь не в Италию, и ей не приходилось прятаться в женском монастыре. Все же нельзя отрицать, что либретто, написанное Оскаром Хаммерстейном, весьма неплохое и остроумное и великолепно подходит к волнующим и запоминающимся мелодиям мюзикла, сочиненным Ричардом Роджерсом. Они начали работать над пьесой весной 1959 года, и к сентябрю мюзикл впервые обрел сценическое воплощение — в

Нью-Хэйвене, штат Коннектикут. Затем появился фильм, а остальное, как говорится, — история.

Очарование картины, кажется, не проходит: на Рождество 2004 года на Би-би-си устроили часовое чествование фильма, которое вел комедийный актер Грэм Нортон, а группы знаменитостей в апостольниках пели: «Как можно решить такую проблему, как Мария?» Кристофер Пламмер, сыгравший капитана фон Траппа, как-то оговорился, назвав пьесу «Саунд оф мьюкэс» — «Звуки слизи». Может, и так, но за четыре десятилетия у фильма появилась армия преданных поклонников, которые, по-видимому, в той же мере обостренно воспринимают сделанные с добрыми чувствами пародии на фильм, в какой они поглощены его приторно-слащавой сентиментальщиной.

Благодаря фильму, около Зальцбурга, в окружающих его горах, возник настоящий центр паломничества. Каждый день из города отправляются автобусные экскурсии в близлежащий Озерный край, тут множество напевающих песни туристов, желающих увидеть места, где снимали фильм. Известие, которое кое-кого может разочаровать: целый ряд интерьеров фильма на самом деле был выстроен в киносъемочных павильонах Голливуда, а другие места, где проходили съемки,

например величественные дома, являются частной собственностью, и зевакам (или, так сказать, пилигримам) вход туда закрыт. Но знаменитый бельведер «шестнадцать по номеру, а так — семнадцать» никуда не делся, он по-прежнему находится в общественном парке Зальцбурга, а свадебная церковь, что стоит в живописном городке на берегу озера Мондзее, с ведущими к алтарю характерными ступенями из красного мрамора, точно такая же, как и в кино.

Кто бы что ни думал о фильме, в целом «Звуки музыки» оставляют, по меньшей мере, впечатление свежести, выступая своеобразной прививкой от той «высокой культуры», какой просто-таки сочится Зальцбург, со своими музыкальными фестивалями и самодовольным культом Моцарта.

В конце концов, «Звуки музыки» — восхитительный образчик австрийского китча, неглубокий, но привлекательный, как часы с кукушкой, что продаются в сувенирных магазинах и универмагах возле австрийских озер. И последний фактик: впервые по австрийскому телевидению фильм был показан только в январе 2001 года, и несмотря на то что действие происходит в Австрии, а главные действующие лица — австрийцы, в стране не было ни одной сценической

постановки вплоть до марта 2005 года, когда спектакль стал «гвоздем» сезона в венской Опере. И, наверное, неудивительно, что австрийцы в нем участия не принимали: большинство жителей страны об этих эпизодах из истории своей страны предпочитают не задумываться. А так как крайне правые политики, похоже, пользуются народными симпатиями в таких местах, как Тироль и Каринтия, то картонные нацисты — последнее, что более либерально настроенная городская интеллигенция захотела бы пустить на телевизионные экраны или на театральные подмостки страны.

Еще об альпийских фильмах

Альпы служат превосходными и живописными декорациями для многих фильмов, начиная с *Bergfilme* Арнольда Фанка. Помимо «Звуков музыки», кинокартин о Кекече и (некоторых) экранизаций «Хайди», на натуре в горах снято немало фильмов в жанре «экшн», с участием многих кинозвезд, в том числе и два — по меньшей мере — из саги о Джеймсе Бонде. Ресторан «Пиц-Глория», который вращается на вершине горы Шильтхорн (2970 м), откуда открываются фантастические виды от Айгера до Монблана,

известен тем, что его показали в картине «На секретной службе ее величества» (1969); по сюжету там находится затерянное в горах логово злобного доктора Блофельда, этой Немезиды Бонда. Хотя картина считается самой неудачной из серий «бондианы» (главную роль в нем играет Джордж Лэзенби, и его герой пытается не позволить Блофельду уничтожить мир при помощи нового научно-технического изобретения), эпизоды погони на лыжах и бобслейных санях и штурма с вертолетов «Пиц-Глории» — сами по себе фантастические, и в ресторане по сей день действует аудиовизуальная выставка, посвященная фильму. В действительности строительство ресторана частично было оплачено продюсерами фильма; поворотный механизм и взлетно-посадочную площадку для вертолетов сооружала связанная с кинопроизводством компания, а ресторан, открывшийся сразу после окончания съемок, был назван «Пиц-Глория», потому что именно так в фильме называлось горное логово Блофельда (канатная дорога связывает ресторан с Мюрреном в долине Лаутербруннен, и поездка в вагончике фуникулера запомнится как одно из самых ярких впечатлений от Швейцарии.)

В начале другого фильма о Джеймсе Бонде, «Зо-

лотой глаз» (1995), показан эффектный прыжок на тросе-банджи с громадной высоты плотины Верзаша возле Локарно. В 1975 году Клинт Иствуд выступил режиссером еще одной «альпийской» приключенческой саги, «Санкция “Айгер”», сыграв в ней также главную роль: его герой — хладнокровный наемный убийца, получивший задание убить свою жертву при восхождении на пользующуюся дурной славой северную стену Айгера. Фильм снимался на натуре в горах, камеры и звуковое оборудование висели на тросах и кранах, и Иствуд сам выполнил все положенные по роли трюки. Картина снята зрелищно и ярко, но стоит помнить, что во второй день съемок свалившимся с горы валуном был убит Дэвид Ноулз, опытный альпинист, уроженец Британии, помогавший киносъемочной бригаде, а в последующие недели актерам и всей киногруппе пришлось противостоять снежным бурям и низким температурам, очень знакомым альпинистам, которые предпринимали восхождения по северной стене этой вероломной горы.

Помимо запоминающихся боевиков и приключенческих лент, можно насчитать десятки менее зрелищных и более слабых картин, тоже небезуспешно использовавших альпийские красоты.

Вот четыре примера. В 1949 году на волне успеха своей мелодрамы «Оливер Твист», действие которой происходило в диккенсовском Лондоне, признанный мэтр английской режиссуры Дэвид Лин вывез кинобригаду на широкие открытые пространства Французских Альп; в Анси и Шамони он собирался снимать эпизоды «Страстной дружбы»: сюжет картины основан на романе Герберта Уэллса, в центре драмы — любовный треугольник между замужней женщиной (Энн Тодд), ее мужем (Клод Рейнс) и бывшим любовником (Тревор Хоуард), с которым она встречается во время отпуска в Альпах.

«Сердце ребенка» — странная, скорее сентиментальная английская картина 1958 года, в основе которой роман автора с неправдоподобно звучащим именем Филлис Боттом. Фильм рассказывает историю о мальчике, который живет в живописной, как на картинке, деревеньке высоко в Австрийском Тироле, и его все время сопровождает четвероногий спутник, пес-сенбернар по кличке Руди. Однажды жестокий отец маленького Карла решает продать Руди, но отважный герой предпринимает полное опасностей путешествие через горы, чтобы воссоединиться со своим любимым другом. Здесь

заметны отсылки к образу Кекеча, но в данном случае направленные на благие цели усилия сводятся на нет тем, что пейзажи вокруг Инсбрука сняты на скучную черно-белую пленку, отчего утрачена вся зрелищность, и безошибочно узнаваемый тирольский ландшафт не производит такого хорошего впечатления, как безошибочно узнаваемое английское кинопроизводство.

Более удачным был фильм 1991 года «Друзья из Америки», сценарий которого написал Майкл Пэлин, сыгравший и главную роль. Это любовная история, и она начинается с того, что молодая американка, приехавшая на каникулы в Швейцарские Альпы и отправившаяся на пешую прогулку, наблюдает в подзорную трубу за идущим по горам мужчиной средних лет в твидовом костюме и брюках-гольф, который оказывается преподавателем из Оксфорда. Парочка совершенно друг другу не подходит, но, совершенно предсказуемо, среди горных лугов любовь все же расцветает; действие картины протекает в XIX веке и основано на дневниковых записях прадеда самого Пэлина. Канадский «Заботливый» — совершенно иной фильм, поставленный режиссером-авангардистом Гаем Мэдденом и почти целиком снятый в студии, а не

на натуре. Действие происходит в вымышленной альпийской деревне Тольцбад, жители которой вынуждены говорить исключительно шепотом — из страха громким голосом вызвать лавину. Фильм отличается поразительной операторским мастерством: легкий оттенок сепии, а между сценами — титры, как в старых немых лентах, что намеренно отсылает зрителя к совместным «горным фильмам» Фанка и Рифеншталь.

Как ни удивительно, но в последние годы в Швейцарские Альпы зачастили индийские кинематографисты, избрав их в качестве натуры для съемок своих фильмов с обилием песен и танцев. Отчасти это связано с тем, что район Кашмира в индийских Гималаях превратился в запретную зону, и индийские кинодеятели стали жертвами политических проблем региона. Поэтому съемочным группам и актерам оказалось проще и дешевле слетать в Швейцарию, чем продираться через сложную процедуру для получения разрешения снимать в индийских Гималаях. Главным местом для натурных съемок служат окрестности Энгельберта, всего в двух часах пешей ходьбы от цюрихского аэропорта; оттуда превосходно видны, причем круглый год, заснеженные вершины (особенно хорош Мон-Титлис, который

возносится над курортным местечком на высоту 3239 метров). На протяжении целого ряда лет гостиница «Терраса» в Энгельберте гостеприимно принимала многих режиссеров и звезд Болливуда и сама послужила декорациями для самого первого из снятых в Швейцарии индийских фильмов — «Сайгам» («Союз»): в интерьерах этого отеля индийская парочка проводит свой медовый месяц в Европе.

Самый известный индийский режиссер, чье имя связано со Швейцарией, — Йаш Чопра, в ленте которого «Путь к победе» (1988) есть эпизод с песнями и танцами, снятый в вагончике канатной дороги. Выходящие на языке хинди фильмы в подавляющем большинстве эскапистские и развлекательные, а поскольку огромная часть их зрительской аудитории живет в городах, то в картинах о любви на подходящих задних планах нередко появляются горы и озера. Более того, Швейцария также превратилась в потребительскую мечту быстро растущего в Индии среднего класса: сочетание богатства, потребления и красивых пейзажей позволяет без труда создавать эскапистские фантазии для завсегдатаев кинотеатров Дели или Бангалора. Отчасти благодаря этим болливудским эпопеям в последние годы за-

метно увеличивается и без того многочисленный поток азиатских туристов, которые приезжают в отпуск в Швейцарию, причем особенно из Южной и Восточной Азии. Свидетельством признания новых тенденций в туризме можно считать открытие индийского ресторана «Болливуд» на верхней станции железной дороги на Юнгфрау, поэтому запах карри — чуточку неожиданный, хотя и нежелательным его не назвать — пронизывает весь комплекс зданий на вершине. Тем не менее этот наплыв туристов и несомненное практическое поощрение их интереса к Альпам не являются новым феноменом: просто это самая последняя по времени глава в долгой истории альпийского туризма, начало которому было положено более двухсот лет тому назад.

Часть четвертая. Туристы

«Игровая площадка Европы»

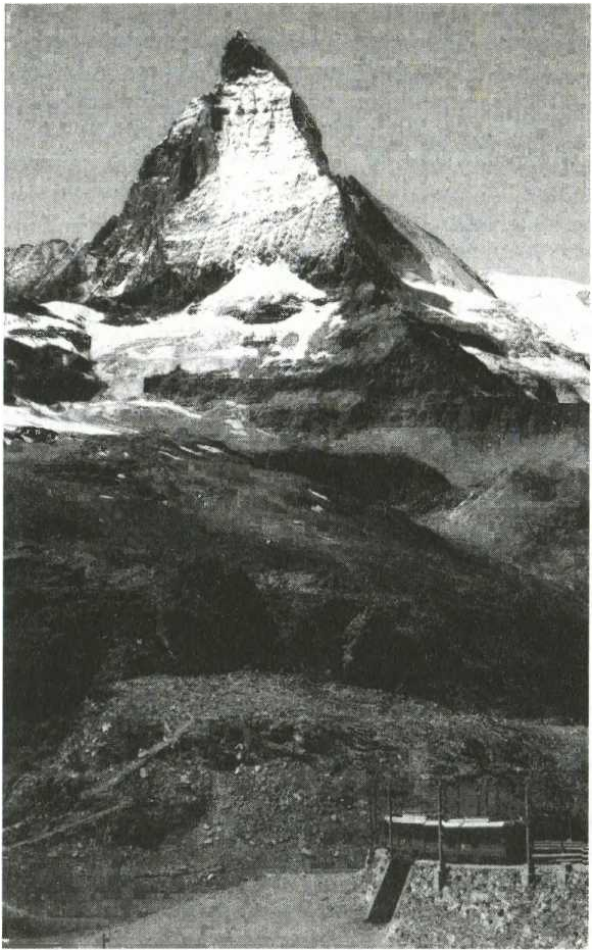
Четырежды в день ярко-красный электропоезд отъезжает по узкоколейке от железнодорожного вокзала в Церматте под сенью Маттерхорна, а на его борту красуется табличка со словами «Ледниковый экспресс». Через восемь часов, миновав 291 мост и пройдя сквозь девяносто один туннель, поезд наконец останавливается в другом всемирно известном горнолыжном курорте — в Санкт-Морице. Проехать на «Ледниковом экспрессе» означает совершить одно из самых великолепных в мире путешествий по железной дороге, извивающейся среди поразительных ландшафтов юго-восточной Швейцарии, с их крутыми спусками и подъемами. Самый высокий участок маршрута — там, где дорога взбирается от Андерматта и идет через перевал Оберальп-пасс (2033 м). Здесь поезд проходит над верхней границей лесов среди скал, поросших жесткой, неровной травой, между разбросанными там и сям глыбами валунов. Эта часть Альп пустынна и заброшена, не считая древних каменных амба-

ров, виднеющихся на унылом склоне холма. Здесь нет ни коров, ни горных пастбищ; это подлинные горы в своей изначальной, беспримесной форме. Затем, под скрежет колес на крутых поворотах, под лязг и скрип механизма реечной передачи, поезд устремляется вниз, в приятно зеленеющую долину Рейна, и река здесь немногим шире обычного горного потока, но становится все больше и полноводнее по мере того, как течет в направлении Кура. За этим городом поезд отворачивает от реки, оставляя ее позади, и снова направляется в горы, к Санкт-Морицу, и виадуки и туннели следуют один за другим, складываясь в головокружительные последовательности, от которых захватывает дух.

Поразительно, но весь этот пейзаж можно увидеть из панорамных окон вагона-ресторана: популярностью пользуется такой заказ из меню — бефстроганов, рис и морковь «а-ля Виши», а запивать обед лучше, вероятно, белым вином из Эгля, или можно выбрать красное из Сьона или Майенфель-да. Должно быть, из окна вагона-ресторана «Ледникового экспресса» открываются самые чудесные виды, какими только можно любоваться из окон любого ресторана мира. А состав тем временем продолжает подниматься, спус-

каться, завиваться спиралью, минуя туннели и выгнувшиеся дугой виадуки, на преисполненной достоинства скорости в тридцать километров в час: пожалуй, это самый медленный «экспресс» из всех скоростных поездов в мире.

Сооружение железной дороги для «Ледникового экспресса» было не столь трудным, как прокладка рельсов на Юнгфрауйох, для чего за шестнадцать изнурительных лет пришлось пробить туннели через десять километров скальной породы. На церемонии открытия этой дороги в 1912 году английский посол в Швейцарии сэр Фредерик Сент-Джон сокрушался об «опошлении» «игровой площадки Европы», которое явилось следствием, по его разумению, строительства железных дорог через горы, в том числе и на Юнгфрау. Но он, можно сказать, уже «отстреливался в арьергарде» — завоевание Альп туристами к тому времени шло полным ходом.

Еще в 1816 году Мэри Шелли, побывав на Мерде-Глас, отмечала, что «встретила здесь, к своему сожалению, нескольких англичан… грустное проявление туризма, который… испортил человеческие манеры и превратил это место еще в один Кесвик». Ее чувства разделял в своей книге «Пешком по Европе» Марк Твен. «Какая перемена произошла в Швейцарии и во всей Европе за последнее столетие… — вторил он в 1880 году. — Теперь путешествуют все. Как Швейцария, так и многие другие страны были неизвестны большинству сто лет назад, а в наше время это жужжащие ульи, переполненные каждое лето туристами». Когда Твен писал эти слова, Альпы уже проделали немалую часть пути к превращению в рай для туристов, каким они остаются и поныне.

Пришествие массового туризма

Трансформация Альп из медвежьего угла, тихой сельской заводи в место отдыха и развлечения туристов отчасти стала результатом революционных изменений в технике и в политической сфере, происходивших на протяжении всего XIX столетия. Сначала разберемся с политикой: в 1815 году Венский конгресс возвестил об окончании наполеоновских войн и провоз-

гласил эпоху мира и покоя в Европе. Посещение континента вдруг сделалось безопасным; вдобавок поездки на ту сторону Канала вошли в моду, вслед за поэтическими излияниями знаменитостей-путешественников, таких как Шелли и Байрон. Английские путешественники толпами повалили в Альпы, а стихотворные томики, вдохновляющие их на поездку, заняли свое место в грудах багажа.

Туристы очень скоро обнаружили, что условия путешествий зачастую весьма далеки от комфорта: в 1830 году из Женевы в Шамони трижды в неделю ходил дилижанс, и дорога между городами занимала восемнадцать тряских часов, кроме того, были участки, где приходилось пересаживаться на лошадь, мула или в кресло, которое несли носильщики; однако через шестьдесят лет, на исходе века, время в пути сократилось до одиннадцати часов, и прибытие дилижанса к зданию почты в Шамони становилось центральным событием дня на французском курорте. В 1901 году дилижансу был нанесен смертельный удар, и в истории транспорта его ждал мусорный ящик: в том году Шамони испытал на себе последствия технической — или, точнее, транспортной — революции, сыгравшей также громадную роль

в увеличении потока туристов в Альпы. Именно в том году в Шамони пришла железная дорога, связавшая французский курорт с растущей сетью рельсовых путей, что с 1850-х годов повсеместно опутывала Европу. Фактически к тому времени Альпы уже три десятилетия не были препятствием для поездов, которые, перевозя туристов, проходили как под горами, так и почти вровень, высочайшими горными пиками, а отдельные участки железной дороги представляли собой чудеса инженерного и строительного искусства (и нередко по праву привлекали особое внимание туристов). Так занималась заря нового века, и величайшей технической революции XIX столетия суждено было в скором времени навсегда изменить Альпы.

Транспортное сообщение стало проще, и в Альпы начали приезжать все больше — в особенности люди *неподходящего сорта*. И это уже не Мэри Шелли сокрушалась о новой породе туристов, вульгарной и развязной. В 1833 году художник Уильям Брокдон услышал в швейцарском ресторане говор кокни и в своей книге «Дневники поездки в Альпы» отметил, что он «не мог поверить, что подобная вульгарность сумела добраться до Большого Сен-Бернара... Я

не представлял себе, что претенциозные замашки Уоппинга когда-нибудь встретятся мне так далеко от Темзы». Напечатанная в «Блэквудз мэгэзин» в 1848 году статья горько и язвительно описывала феномен современного ей массового туризма, который «испортил всякое разумное путешествие; он противен логике и любопытству; ученого, философа и отважного исследователя он отвращает от всего, что втоптано в грязь копытами странствующего племени двуногих, которым стоило бы порадоваться, если бы им удалось обменяться мозгами с животными, на которых они едут верхом».

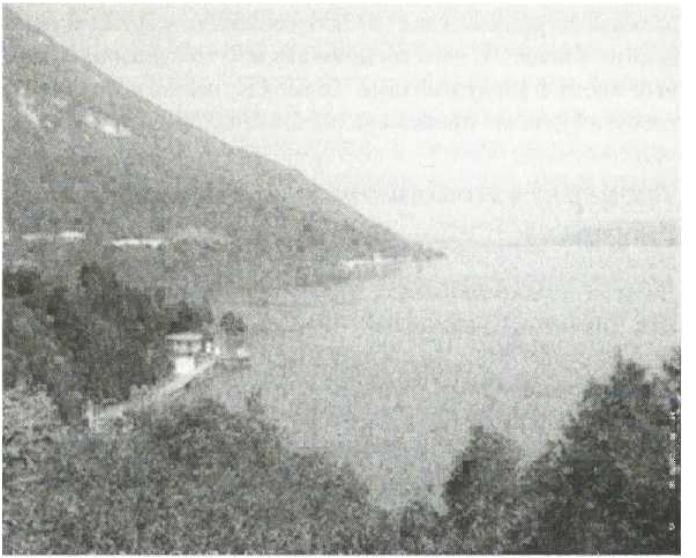
Но каждый год орды туристов во все возрастающем числе наезжали в Альпы, вытаптывая места, которые прежняя порода путешественников, более возвышенных духом, полагала по праву предназначенными для собственного уединенного удовольствия. Новые железные дороги и регулярное пароходное сообщение через Атлантику лишь ухудшили ситуацию: в майском выпуске «Патнэмз мэгэзин» 1868 года отмечалось: «Если когда-нибудь будет написана социальная история мира, то эпоху, в которую мы живем, назовут кочевым периодом. С открытием океанского парового судоходства и развитием

железнодорожной системы возникла страсть к путешествиям, которая постепенно разгоралась, пока половина населения земного шара, или, по меньшей мере, ее приобщенная к благам цивилизации часть, не оказалась в пути». Альпы в особенности полюбились американцам среднего класса, которые в огромном числе приезжали сюда, желая окунуться в древнюю культуру, породившую их новую и наращивающую свою мощь страну. На американского прозаика Генри Джеймса, до конца своей жизни прожившего в Европе, например, соотечественники произвели не самое приятное впечатление. В «Американцах за границей» он с презрением отзывался об «очень значительной доле американцев, которые ежегодно рассеиваются по всей Европе и никоим образом не льстят национальному тщеславию... они плохо сложены, дурно воспитаны, дурно одеты».

Определяющую, ключевую роль в открытии красот Альп этим «странствующим двуногим » сыграл Томас Кук, выдающийся предприниматель, чье имя по-прежнему неразрывно связано с организованным туризмом. В десять лет он бросил школу и стал учеником садовника неподалеку от своего дома в Лестере. Его воспитывали

в баптистской вере, и, когда он вырос, миссионерский пыл подал ему идею организовывать поездки и каникулы для тех, кто отклонился от пути добродетели, чтобы они вновь вернулись на стезю воздержанности, умеренности и моральных ограничений. Путешествие «снабжает ум пищей для размышлений, — писал Кук; — помогает вырвать людей из трясины и скверны старых гнусных обычаев... ускоряет движение к миру, добродетели и любви». В 1845 году первая группа тех, кого Кук называл «экскурсантами», покинула Лестер и отправилась на отдых в английский Озерный край; на следующий год еще одна группа съездила в Шотландию. В 1855 году впервые группа экскурсантов предприняла поездку через Английский канал, а летом 1863 года последовали первые экскурсии в Альпы; в маршрут этой новой породы организованных туристов входили районы Монблана и Юнгфрауйох. На протяжении следующего десятилетия благодаря разрастанию железнодорожной сети список мест, доступных туристам Кука, рос как на дрожжах, и в него вошли Оберкаммергау (представление страстей Господних 1871 года) и Санкт-Мориц. Разумеется, не обошлось без ворчания «старой гвардии»: в 1872 году египтолог Амелия Эдвардс

отправилась в путешествие в одиночку, выбрав маршрут в стороне от проторенных путей в Доломитовых Альпах, она умышленно терпела тяготы и лишения, поскольку не желала сносить «набивших оскомину видов, переполненных отелей... и наплыва куковских туристов». Альпинист и критик Лесли Стивен также с презрением отзывался об организованных туристах. В «Игровой площадке Европы» он писал, что куковского туриста отличают «абсолютная неспособность прожить без “Таймс”... [и] глубоко укоренившееся убеждение, будто иностранцы, как правило, состоят в тайном обществе, имеющем целью вымогать деньги обманным путем. Причина, по которой он отправился в путешествие, окутана тайной...» Но Томас Кук, несомненно, сделал значительный шаг вперед по пути преобразования всего европейского, а позже и мирового туризма. В 1897 году, когда куковские туристы уже совершали далекие поездки в Египет и Святую Землю, журнал «Excursionist» писал: «С того времени как в путь отправился первый поезд с экскурсантами Томаса Кука, по поверхности глобуса будто бы провели волшебной палочкой».

Озеро Санто-Кроче в Доломитовых Альпах.
Фото О. Королевой

Люцерн: «появляются застенчивые сыновья»

Люцерн — один из самых привлекательных городов в Альпах. Кривые средневековые улицы, вдоль которых выстроились украшенные фресками здания и каменные аркады, отходят от главной, мощеной булыжником площади и выгибаются в сторону знаменитых городских

деревянных мостов, через которые на протяжении веков путники преодолевали бурную реку Рейс. Своей восточной окраиной городской центр выходит на берег Фирвальдштетского озера, которое поколениям англоговорящих туристов известно как Люцернское, на его густо заросших и зачастую затянутых туманами берегах творилась ранняя история Швейцарии. Над Люцерном возвышаются два характерных пика: на юге дремлет гигант Пилатус (2120 м), в прошлом, как считалось, обиталище драконов и призрака Понтия Пилата, а на востоке стоит гора Риги (1798 м), и на ее более низкой, плоской и имеющей менее грозный вид верхушке установлена грубоватоаскетичная башня связи.

Не удивительно, что город пользовался успехом у туристов на протяжении почти двухсот лет, с самых первых дней массового альпийского туризма. На самом деле в XIX веке Люцерн был столь знаменит среди путешественников, что сюда приезжала сама королева Виктория, которая провела здесь довольно много времени, живя в гостинице под чужим именем. Кульминационным моментом ее визита в августе 1868 года стало посещение Пилатуса верхом на муле; в ходе этой поездки адъютант королевы шотландец

Джон Браун посрамил местных носильщиков, опередив их своим широким шагом горца с Северного нагорья Шотландии. Королева записала в дневнике: «Что я могу сказать о великолепных красотах природы Швейцарии?.. Я не верю своим глазам... [зрелище Пилатуса и Риги] подобно картине или театральной декорации... это сон!»

Но сюда приезжали не только англичане: в XIX веке в городе хватало и американских туристов. Марк Твен оставил нам блестящее описание поездки простого американского туриста по Европе — в конце 1870-х годов он собирал материал для юмористической книги путешествий «Пешком по Европе» и побывал в Швейцарии. Книга была создана в наиболее плодотворный период творчества Твена-писателя и появилась сразу вслед за «Приключениями Тома Сойера» (1876), а после нее был «Принц и нищий» (1882). Как и эта непредсказуемая повесть, действие которой происходит в тюдоровской Англии, сборник «Пешком по Европе» удовлетворял бурно растущий среди американцев среднего класса интерес к Старому Свету, который покинули их предки, основавшие новую страну. Свою книгу Твен называл «автобиографической фантазией» и обильно уснастил ее всевозможными историями, анекдо-

тами и просто фантастическими небылицами, стараясь одновременно и превознести, и зло высмеять привычки американских туристов. Он безжалостно издевался над невежеством своих соотечественников, которое в его глазах отягощено праздностью, рожденной непомерными ожиданиями, зачастую разбитыми надеждами; также он высмеивал популярную литературу тех лет о путешествиях, взяв на себя роль, полностью противоположную той, какая свойственна бесстрашному американскому герою-авантюристу. Ибо Твен отдавал предпочтение комфорту и лености, а не волнениям и опасностям: изощренная метафора книги — ее автор отправляется пешком по Европе, но на самом-то деле пешком никогда и никуда не ходит, — задает тон юмору и очаровательно-отстраненной иронии. Направляясь к горе Риги, Твен замечал: «Горы казались больше и массивнее, чем когда-либо, и стояли, погруженные в свои торжественные думы, с головами, опутанными реющими облаками», — и решил полюбоваться восходом с вершины, так начав свое чудесно витиеватое описание:

> Громадный диск солнца стоял высоко на безоблачном горизонте над безгра-

ничным пространством снеговых шапок, над волнистым хаосом горных куполов и пиков, окутанных девственными снегами и плавающих в опаловом сиянии с меняющимися оттенками. А через щель в громадном облаке над солнцем сыпалась алмазная пыль и протягивались серебристые прозрачные лучи в виде стрел, направленных в зенит. Клочки долины далеко внизу были окутаны тончайшей дымкой, которая завешивала также, как тонкой красноватой вуалью, серые скалы и растрепанные леса, превращая будничную картину в великолепный рай, объятый мягким сиянием.

Несмотря на всю эту гиперболистику, Твен остался в дураках — заодно со своими читателями; ибо писатель и его спутник Гаррис проспали целый день, и только понемногу до них дошло, что солнце вовсе не встает, — оно садится. Так что они развернулись и отправились в отель на вершине горы, решив поспать и полюбоваться восходом солнца на следующее утро; но и его они пропустили, потому что устремили взгляды на ту часть неба, где солнце опускалось предыдущим

вечером, и напрасно потратили время на спор, пока солнце, невидимое для них, торжественно восходило у них за спинами.

На протяжении всей книги путевых очерков «Пешком по Европе» Твен выражает испепеляющее презрение к туристам и к тем, кто угодливо удовлетворяет их запросы. «Торговля Люцерна сосредоточивается на безделушках, так называемых сувенирах. Лавки переполнены альпийскими кристаллами, видами окрестностей и самыми разными изделиями из дерева и кости, — пишет он, прежде чем излить свое презрение на наиболее традиционный образчик швейцарского туристического китча — всем известные часы с кукушкой. — Моей давнишней мечтой было желание приобрести часы с кукушкой. Здесь я нашел их такое изобилие, что крик ку-ку, не переставая, звучал в моих ушах. ...Ничего более бессодержательного, глупого и раздражающего, чем кукование часовой кукушки, я не могу себе представить». Твен подумывал, не купить ли такие часы лишь для того, чтобы подарить их одному литературному критику на родине, который в своей рецензии подверг отвратительной критике одну из его книг.

На самой горе, в гостинице «Риги-Кульм» на

вершине, дела обстояли едва ли многим лучше. «Туристы с азартом раскупали всевозможные сувениры в виде ножей для бумаги, маленьких рогов серн, которых было особенно много, кубков и т. п. вещей с вырезанными на них надписями, — отмечал Твен. — Я собрался уже купить ножик, но вовремя сообразил, что и без сувенира никогда не забуду холодного отеля Риги-Кульма». Однако в своем произведении Твен местами отступает от свойственного ему нередко самокритичного юмора и в более мягком тоне показывает ту перспективу глубоких перемен, которые благодаря наплыву туристов произошли в Швейцарии. «Семьдесят или восемьдесят лет назад Наполеон был единственным человеком, которого действительно можно было назвать путешественником», — отмечает Твен и далее пишет:

> Теперь путешествуют все. Я встречал очень многих людей, увлекающихся и не увлекающихся, развитых и не развитых, ежегодно приезжающих издалека, чтобы бродить по Альпам, и они не могли объяснить, что их влекло туда... Они говорили, что нигде они не находят столь полного отдыха от всяких волнений. Все

беспокойства, терзания и раздражения утихают в благодетельном присутствии ясно-тихих Альп. Великий дух гор вселяет мир в измученные души и страдающие сердца.

Что же могло заставить Марка Твена или королеву Викторию отправиться тогда в Люцерн, на Пилатус и на Риги? Во многих отношениях Люцерн пал жертвой собственного успеха. Всего

через восемьдесят лет после посещения города королевой Викторией любовь англичан к Люцерну породила полную пресыщенности ответную реакцию: Джон Расселл сокрушался, что старомодный вид утонченного, рассчитанного на избранных туризма исчез. «В Люцерне вообще-то все хорошо, если не считать людей, приезжающих туда, — писал он в книге «Швейцария» (1950). — Общие недостатки жизни в Люцерне необходимо, боюсь, отнести на счет столетия покровительственного отношения со стороны англичан». Он с тоской отзывался о прежних днях, например, писал о сыром воскресном полдне в августе, когда «появляются застенчивые сыновья; безмолвно и по шестеро в ряд, покусывая свои неразожженные трубки и заправляя выбившиеся пряди волос под капюшоны макинтошей, на пешие прогулки выходят всем семейством». В настоящее время в Люцерне годовой урожай туристов достигает пяти миллионов человек; на улицах старинного городка теснят друг друга гостиницы и рестораны и заманивают к себе дорогие модные магазины и ювелирные бутики. Люцерн принадлежит к тому малому числу городов в Альпах (среди прочих еще Шамони и Интерлакен), которые живут, судя по всему, исключительно за счет туристов, и вся-

кие уцелевшие следы местной культуры тонут в волнах кричаще-яркого многоязычного океана бесцельно слоняющихся толп и бросающейся в глаза тяги к приобретательству, рожденной лишь скукой (причем покупается того же сорта барахло, какое видел на прилавках Твен почти полтора столетия назад).

«Трудно добиться ночлега, еды или хотя бы внимания»

Издатели Великобритании и Америки быстро уразумели, что новым туристам, путешествующим по Европе, необходима направляющая рука, чтобы помочь решить, куда направить свои стопы и где остановиться. Девятнадцатый век стал свидетелем того, сколь резко выросло число всевозможных путеводителей по альпийскому региону, этих подобий гидов от Бедекера и Мюррея, чьи описания и советы ныне являются ценными документами об эпохе, когда формировался массовый европейский туризм.

Авторы этих изданий не обязательно попадали в точку, описывая места, которые рекомендовалось посетить: в книге «Пешком по Европе» Марк Твен то и дело жаловался на свой путеводитель от Бедекера и ворчал, что обязательно отпишет

редакторам, чтобы вывести их из многих заблуждений; например, хотя Твен счел условия проживания в отеле «Риги-Кульм» по большей части приемлемыми (пусть в комнатах и было холодновато), у автора мюрреевского «Справочника по Швейцарии» впечатление сложилось совершенно обратное. Судя по непривлекательному описанию в путеводителе Мюррея, отель на вершине горы Риги

> каждый вечер забит до отказа; многих отправляют восвояси уже с порога, и трудно добиться ночлега, еды или хотя бы внимания. В гостинице нет никакого порядка, горничные спешат в одну сторону, курьеры и проводники — в другую, а джентльмены с палками и заплечными мешками толпятся в коридорах. [Можно услышать] большую часть европейских языков, причем обычно это тихие ругательства или недовольные сетования, и непременным ингредиентом всего этого шума и столпотворения, мешанины звуков и запахов будут всепроникающие облака табачного дыма, который усугубляет дискомфорт усталого путе-

шественника. Вечером... должно пройти какое-то время, прежде чем стихнет гвалт голосов и топот ног... несколько крепко загулявших немецких студентов [вполне могут] пьянствовать и шуметь далеко за полночь.

Как кажется, Твену в отеле ничто не мешало уснуть — на деле именно из-за продолжительного сна в дневные часы они с Гаррисом перепутали восход солнца с закатом, — хотя из-за крайней усталости после восхождения на вершину он вполне мог проспать мертвым сном при любом шуме, какой могли бы поднять подвыпившие немецкие студенты, остановись те в отеле одновременно с ним. Что касается восхода, который Твен, к своему огорчению, пропустил, то Бедекер подробно, один солнечный луч за другим, описывает это событие: полюбоваться восходящим солнцем собираются толпы рано вставших постояльцев отеля, которые «падают ниц перед величественным источником света и жизни... в безмолвном поклонении [обращая свои взоры] в сторону этого могучего владыки, создавшего “великий свет, который правит днем”».

Путеводители существуют для того, чтобы предостерегать путешественников от потенци-

альных опасностей, а также чтобы давать советы относительно достопримечательностей. Мюррей хвалил чистоту в швейцарских гостиницах, но предупреждал, что условия проживания становятся хуже, как только туристы пересекают границу и оказываются во Франции или Италии. Одна гостиница возле Бриссона, рядом с Аостой, по его описанию, «грязная... и внушающая отвращение, куда ни взгляни... и [близлежащий] “Шеваль-Блан” с его грязной хозяйкой не забудешь при всем желании». Но проблема плохого жилья — ничто по сравнению с вечно действующими на нервы «темными личностями», мошенниками и жуликами, которые, как кажется, и вызывали наибольшую тревогу у авторов, писавших для Бедекера и Мюррея. Бедекер советовал своим читателям всегда держать наготове под рукой мелкие монеты, чтобы умиротворить неизбежных музыкантов с альпийскими рожками или чересчур голосистых швейцарских горничных («безжалостных певуний»), которые, судя по всему, таились за каждым углом. (Примечательно, что альпинист XIX века Эдвард Уимпер отвергал даже мысль побывать в Лаутербруннене по той причине, что не выносил «звуков альпийских рожков, игрой на которых самовыражаются

разные идиоты».) Автор путеводителя Бедекера печально замечает, что восхищенное внимание туриста «не должно быть поглощено водопадиками, будь те даже неописуемо красивы, или видом ледника, будь он даже невероятно величественен и внушителен; определенную долю внимания нужно уделить и уличному мальчишке, который упрямо стоит на голове или крутит сальто на потеху туристам». На пользующейся популярностью дороге между Женевой и Шамони туристов «осаждают всевозможные проходимцы, которые открыто выступают в роли нищих, или же украдкой предлагают купить какие-нибудь кристаллы или минералы, или обещают провести туда, где помощь проводника вовсе не нужна». И на сей раз опыт, приобретенный Марком Твеном в путешествии по Швейцарии, похоже, вполне совпадает с мнением составителей путеводителей.

> Вдоль всей дороги [между Люцерном и Интерлакеном], на сравнительно небольшом расстоянии, как грибы, сидели эти миловидные чистенькие ребятишки со своими товарами, красиво и соблазнительно разложенными в траве под тенью деревьев. Как только они видели

приближающийся экипаж, они хватали свои корзины, бутылки и цветы и сломя голову бежали на дорогу с непокрытыми головами и голыми ногами. Они навязчиво просили что-нибудь купить и бежали вслед за экипажем, пока хватало сил.

Однако в другой раз настойчивые домогательства уличных мальчишек можно использовать с пользой: на горных прогулках, если верить Бедекеру, «путник может за пустяковое вознаграждение нанять первого же встреченного мальчишку, чтобы тот нес его мешок или рюкзак».

Эдвард Уимпер, который по пути в Церматт в 1864 году пересекал Коль-де-Форклас, видел похожие картины; он писал, что дорога через перевал «не делает чести Швейцарии... дети кишат там, подобно червям в гниющем сыре. Они таскают корзины с фруктами, надоедая усталому туристу призывами что-нибудь купить. Они кружат вокруг, точно мухи... “Дайте мне что-нибудь” — вот альфа и омега их просьб. Говорят, эту фразу они усваивают раньше, чем научаются азбуке». Все это совершенно не похоже на то, с чем туристы в Швейцарии сталкиваются сегодня, когда едут на общественном транспорте, одном из самых

спокойных в мире; с большей вероятностью они повстречаются с марсианином, чем со стайкой детишек-попрошаек или навязчивыми проводниками.

«Всегда можно получить удовольствие от безупречно заваренного чая»

Хотя альпийские гостиницы принимали многочисленных гостей из Америки и континентальной Европы, в XIX веке в горы в основном приезжали англичане. Поэты-романтики проторили тропу альпийского туризма; по их стопам двинулись писатели, инженеры-путейцы и королева Виктория, а кроме того — множество туристов из классов пониже. На приозерных курортах по всем Альпам росли как грибы англоговорящие клубы, а некоторые отели особенно полюбились путешественникам-англичанам. Одним из них был «Отель де Лондре-е-Англетер» в Шамони, который, если верить Мюррею, «никогда не утрачивал своей репутации одной из лучше всего оборудованных гостиниц, которые можно найти в Альпах... Виктор Тайрез и его прекрасная жена обладают столь обширным опытом общения с путешественниками и знаниями о том, что необходимо для обеспечении их

потребностей, в особенности англичан, что там больше комфорта, чем в любой гостинице в самой Англии». В середине XIX века врач королевы Виктории Джон Форбс, опубликовавший хорошо известный рассказ о поездке в Альпы, отмечал, что отель «был великолепным заведением... [где он] пообедал в обществе тридцати других человек — и все англичане».

Туристам незачем было специально приезжать именно в Шамони, чтобы найти среди пиков частичку Англии. Путеводитель Мюррея 1838 года указывал, что путешественники-англичане могут быть уверены в теплом приеме, который им окажут в гостиницах по всей Швейцарии. «Можно взять за правило, что нужды, вкусы и привычки англичан тщательно и с успехом изучены в швейцарских гостиницах... Таким образом, в большинстве крупных отелей вас будет ждать поздний табльдот, для обеда в 4 или 5 часов, специально для англичан, и всегда можно получить удовольствие от безупречно заваренного чая». (В той же самой книге, однако, сказано, что с англичан-постояльцев в отеле возьмут плату выше, чем с немцев, на том основании, что у англичан «многочисленные запросы и удовлетворять их труднее».)

Наряду с послеполуденным чаем и ночлегом английским путешественникам, как считалось, не обойтись без необходимой духовной поддержки, и к 1914 году по всей Швейцарии действовало пятьдесят две английские церкви, а более чем в сотне отелей страны проводились службы на англиканский лад. Один из вышедших в XIX веке путеводителей Мюррея утверждал, что владельцы и управляющие швейцарских отелей на самом деле построили в своих гостиницах часовни в качестве приманки, чтобы путешественники останавливались именно у них: «С той же целью во многих горных гостиницах английским священникам предложат бесплатное жилье, а гостей на время проведения англиканской службы попросят покинуть общую гостиную». (Лесли Стивен вторит этому комментарию, пренебрежительно отзываясь о «куковском» туристе: «...лишь тогда он лучится таким явным самодовольством, когда, вооружившись сборниками церковных гимнов и Библией, изгоняет все низшие расы из обеденного зала отеля».)

Первым альпийским курортом, где начали проводиться регулярные англиканские церковные службы, стал Майринген — маленький городок в узкой живописной долине чуть восточнее

Интерлакена, где в 1851 году преподобный Ч. Т. Мэй, бывший глава коллегиальной церковной школы Ноттингема, совершал богослужения в «Отеле дю Соваж». Его службы посещали многие, и Мэй убедил власти разрешить проводить службы не в обеденном зале отеля, а в секуляризированной средневековой церкви. В 1868 году на территории отеля возвели совершенно новую церковь, ее архитектором был некий мистер Биллинг с Тули-стрит в Лондоне. В 1891 году, после пожара, церковь перестроили, она дожила до сегодняшних дней и выходит фасадом на вполне заурядную площадь, куда можно попасть с главной улицы Майрингена. В простом, без всяких украшений здании бывшей церкви, с крутой черепичной крышей, с узкими, вытянутыми стрельчатыми окнами, пробитыми в боковых стенах, ныне располагается художественная галерея; но другие английские церкви в Швейцарии, например в Церматте и Давосе, удостоились более завидной доли. Первая стоит на гребне хребта над центральной частью популярного курорта, ее окружает крошечное кладбище, где погребены многие альпинисты, встретившие свою смерть на Маттерхорне; табличка на стене внутри здания указывает, что деньги на церковную крышу

были пожертвованы членами Альпийского клуба в 1925 году, а на вывешенном снаружи объявлении указаны имена нынешнего англиканского приходского священника и его жены и подробно расписаны церковные службы.

Церковь в другой части гор, в Давосе, представляется, если угодно, даже еще более символически английской: таблички на стенах добросовестно отмечают, что первый камень в ее фундамент был заложен достопочтенным Ивлином Эшли, членом парламента, в январе 1882 года, а каменные ступени, ведущие к дверям главного входа, подарены Мэри Бродбент, вдовой Персиваля Бродбента из Колуолла, что возле Малверна в Вустершире. Орган изготовлен лондонской фирмой «Генри Уиллис и сыновья». Ныне плотный ужин с чаем в большинстве альпийских отелей остался в прошлом, а привычками туристов из Восточной Азии, как кажется, интересуются гораздо больше, куда меньше угождая европейцам или американцам, и именно церкви в Церматте и в Давосе и им подобные служат наиболее осязаемым напоминанием о том, что нередко называют английской «колонизацией» Альп в XIX столетии.

«Необычные перемещения стрелки компаса»

Потрясающего всплеска туризма могло и не быть, если бы высоко в горах не были построены железные дороги, а позже — сооружены великолепные шоссейные и канатные дороги, благодаря которым туристы пришли на прежде недоступные им хребты и пики. К 1900 году отпала необходимость прибегать к помощи мулов или ледорубов, чтобы добраться до самых живописных мест. Главным средством передвижения туристов в горах были лошади и экипажи, не считая собственных ног, но в 1850-х годах ситуация начала меняться: Роберт Стефенсон, сын Джорджа Стефенсона и в то время ведущий английский инженер-железнодорожник, по приглашению правительства федерации посетил Швейцарию. Заручившись одобрением властей, он составил проект единой железнодорожной системы, состоявшей из двух главных линий: первой — с запада на восток (от Женевского до Констанцского озера) и второй — с севера на юг (от Базеля до Люцерна), соединявшихся различными ветками, проложенными по долинам. (В то время еще не существовало планов по прокладке железнодорожных туннелей в сердце Альп.)

В конце концов правительство федерации отказалось от этого замысла и разрешило отдельным кантонам строить железные дороги по их усмотрению. Хотя планы Стефенсона были отвергнуты, на сооружении первых в Швейцарии железных дорог работали многие английские инженеры, и в 1860-х годах один из них, Джон Барраклаф Фелл, взялся за разрешение задачи по прокладке рельсов по местности с большим наклоном. Он пришел к идее механизма реечной передачи: зубчатое колесо под локомотивом цепляется за зубья рельса, уложенного между двумя ходовыми. Первая ветка, действующая по этой системе, пересекла перевал Фрежюс на склонах горы Мон-Сени во Французских Альпах; она имела максимальный уклон один к двенадцати; вскоре ей на смену пришел первый из крупных альпийских железнодорожных туннелей — Мон-Сени, инженером которого был другой англичанин — Томас Брасси. Туннель строили четырнадцать лет и открыли в 1871 году, и в нем впервые была использована новая вентиляционная технология: воздух распределяли вентиляторы, работавшие на гидроэнергии, а «использованный» воздух уходил через вытяжные каналы в потолке туннеля, выведенные наружу сквозь толщу скалы.

Вскоре появились и другие туннели, что открыло Альпы для транспортного сообщения и туризма, но нередко строительство туннелей сопровождалось трагическими событиями и катастрофами. При прокладке 15-километрового железнодорожного туннеля Сен-Готард в 1870-х годах погибли 307 человек, память о них увековечена монументом у южного входа в туннель в Аироло. Туннель был открыт для движения в 1882 году, подъездные трассы по крутым речным долинам построены с уклоном один к сорока. Чтобы получить выигрыш в высоте, по мере подъема или спуска по этим долинам пути все время шли по спирали, то и дело возвращаясь на те же рельсы через пробитые в склонах долин туннели. При строительстве этой железной дороги потребовалось решать головоломные геодезические задачи, но от поездки по ней буквально захватывает дух. «Путешественник может коротать досуг, наблюдая за необычными перемещениями стрелки компаса», — говорилось в справочнике Мюррея об этом путешествии к Сен-Готарду. Этот извивающийся спиралью маршрут остается не менее захватывающим и сегодня.

После Готарда пришел черед туннеля Арльберг, который соединил западный Тироль с

остальной Австрией и был сооружен между 1880 и 1884 годами силами трех тысяч рабочих; его восточный портал выходит на прославленный австрийский лыжный курорт Санкт-Антон. В 1905 году открылся Симплонский туннель, построенный еще одним английским инженером, Фрэнсисом Фоксом. Туннель означал появление нового маршрута из Лозанны в Милан, открыв семафор (и дав название) «Восточному экспрессу “Венеция — Симплон”», который связал Париж с Константинополем. Пробитый севернее Симплона туннель Летшберг соединил Интерлакен и северную Швейцарию с Бригом и трассой на Симплон, но его строительство тоже не обошлось без трагических инцидентов. Когда однажды лавина пробила стены туннеля, погибли двадцать пять рабочих-строителей, позже произошел второй несчастный случай — лавина погубила еще тридцать человек.

Когда эта книга готовилась к печати, в строй вступало новое поколение альпийских туннелей: перерыв в строительстве длился больше столетия, но в последние годы инженеры вновь бурят в горных склонах скважины и шурфы, мостят подъездные пути и возводят мосты. Новые Готардский и Летшбергский «нижние

туннели» дадут возможность пересекать Альпы скоростными маршрутами на высотах ниже своих предшественников, так что не понадобятся медленные спиральные подъезды, свойственные прежним туннелям; новые трассы ныряют в холмы в том месте, где поднимаются склоны, а вовсе не змеятся и не вьются спиралями по склонам долин. Когда эти туннели наконец-то откроются, они радикально сократят время, потребное на путешествие из центральной Швейцарии в Италию, точно так же, как случилось благодаря их прародителям в более раннюю эпоху инженерного завоевания Альп.

Путешествие на поезде через Альпы остается привлекательным и экзотическим — как одна из лучших возможностей полюбоваться горами. Зрелище замечательных видов предлагает не только «Ледниковый экспресс»: для тех, кто хочет просто сесть в железнодорожный вагон и жадно впитывать изменяющийся пейзаж за окном, по всей Швейцарии найдутся на выбор десятки маршрутов. Существующие основные линии пролегают вдоль берегов Женевского и Констанцского озер, а также по берегу озера Лугано, причем в такой близи к воде, что озеро словно бы вот-вот заплещется у самых рельсов;

железнодорожные ветки идут по широким, сужающимся долинам Роны и Рейна, соединяясь с петляющими узкоколейками, чьи низкосидящие поезда, скрежеща и взвизгивая на крутых поворотах, одолевают подъемы к Санкт-Морицу, Давосу, Клостерсу, Гштааду и Церматту.

В 1975 году на «Восточном экспрессе» проехал писатель Поль Теру — это был первый этап путешествия от Лондона j\q Токио, которое он описал в книге «Большой железнодорожный базар». Швейцарские пейзажи Теру нашел неувлекательными; из окна он наблюдал «плодоовощные хозяйства и чистенькие деревни, швейцарок в косынках, оседлавших велосипеды... сентиментальные картинки, в самый раз на календарь, ими восхищаешься, пока не почувствуешь желания перелистнуть страницу на следующий месяц». Затем ему пришлось миновать Симплонский туннель — в полной темноте, поскольку погас свет: «Текли минуты, а мы все еще были в туннеле, — писал он. — Мы могли бы рухнуть в шахту, в гигантскую карстовую воронку в Альпах, через которую угодили бы во внутренность часового механизма Швейцарии, в окружение ледяных винтиков, шестеренок и храповиков и обмороженных кукушек». (Его попутчик ирони-

чески прокомментировал: «Говорят, если бы эти горы создавали швейцарцы, то они, наверное, были бы плоскими».) Другого писателя-путешественника Билла Брайсона также разочаровали Альпы: он двигался по тому же маршруту, что и Теру, по долине Роны, и в своей книге «Ни здесь, ни там» вспоминал, что проезжал мимо «череды лишенных всякого очарования промышленных городов... они, казалось, почти целиком состояли из маленьких фабрик и производственных цехов, где не протолкнуться от нефтяных цистерн, штабелей деревянных поддонов и всякого полузабытого мусора. Я и забыл, что добрая часть Швейцарии и в самом деле имеет весьма неприглядный вид». (Слова Теру и Брайсона поразительно напоминают отзывы другого туриста, много ранее побывавшего в Альпах, лорда Броэма; после своего путешествия по Швейцарии в 1815 году он написал: «В этой стране достаточно пробыть два или два с половиной часа, если погода хорошая, но не дольше. На третий час вас начинает одолевать тоска, и еще до ночи приходят мысли о самоубийстве».) Однако постоянный поток туристов, круглый год стремящихся в Швейцарию, да и поезда, неизменно пользующиеся популярностью, заставляют пред-

положить, что далеко не все разделяют мнения этих писателей.

Вероятно, Теру и Брайсону следовало бы свернуть с проторенной и вылизанной главной колеи, что пролегает по дну долин, и направиться в предгорья по одной из знаменитых швейцарских горных железных дорог. Большая часть из них относится к рубежу XX века, когда был понятный спрос на дороги, рельсы которых ведут не куда-нибудь, а вверх, чтобы туристы могли подняться повыше, оглядеть окрестности и вновь спуститься, в полной безопасности и не затрачивая физических усилий. Самая старая туристская железная дорога в Альпах — оснащенная зубчатой передачей ветка, что поднималась к вершине горы Риги от станции возле церкви в Витцнау, куда можно было добраться из Люцерна довольно быстро, переплыв озеро на лодке. Эта железная дорога была торжественно открыта в 1871 году, раньше, чем соперничающая с ней ветка, которая шла к вершине с другого направления и нижний конечный пункт которой находился в Арт-Гольдау — это станция на основной линии до Готтарда. (Пока туда не проложили рельсы, гора Риги была очень популярным экскурсионным объектом; отель на ее вершине был построен

раньше обеих железных дорог, и когда Твен взбирался на гору, то шел пешком, едва ли зная об их существовании.) Механизм зубчатой реечной передачи, примененный на обеих дорогах, был в точности таким, какой придумал Джон Бленкинсоп, заведовавший угольными шахтами в Лидсе, а для использования на Риги его адаптировал местный инженер Николаус Риггенбах. Работавшие на горе Риги локомотивы были сделаны в Винтертуре в северо-восточной Швейцарии, на крупном новом машиностроительном заводе, который был основан еще одним английским инженером, Чарльзом Брауном. Паровозы можно увидеть в превосходном музее транспорта в Люцерне, они примечательны своими характерными, но странно выглядящими вертикальными паровыми котлами — это сделано для того, чтобы всегда, даже на уклоне, вода охлаждала паровые трубы.

После успешной работы на двух линиях на Риги горные железные дороги поползли по склонам вверх повсюду в Альпах. Вскоре у туристов в Люцерне появился выбор — они могли отдать предпочтение поездке на Пилатус, более живописный, чем Риги, и выше последней, а с 1908 года из Шамони стала манить к себе другая знамени-

тая гора, Монтанвер — благодаря захватывающим видам со смотровой площадки, выходящей на Мер-де-Глас. Вскоре были разработаны проекты (так и не реализованные) прокладки железных дорог на вершины Монблана и Маттерхорна. Неудивительно, что альпинисты взирали на эту суету с презрением: Чарльз Пилкингтон, президент Альпийского клуба, отмечал, что склоны Альп «обезображены ненужными рельсами, их уступы унижены железными подъемниками», и говорил, что на англичанах лежит ответственность по защите гор от будущих проектов. Но его слова остались неуслышанными. В 1912 году «царь горных железных дорог» связал Кляйне-Шайдегг над Гриндельвальдом с заснеженным хребтом Юнгфрауйох, ветка заработала после долгого строительства, сопровождавшегося несчастными случаями, авариями и финансовыми проблемами; альпинист Клод Шустер писал о железной дороге Юнгфрау: «Въезд во внутренности Айгера, с облепившими скалу галереями и ресторанами, походит на сцены из романов Жюля Верна». Как и прежде, десятки поездов в день со скрежетом проползают по туннелям, пробитым по большей части в северной стене Айгера; знаменитая горная станция Айгерванд с

ее панорамными окнами, вмонтированными в пугающе отвесный склон горы, фигурировала во многих попытках восхождения (и спасательных операций) на предательской северной стене.

Трехрельсовая железная дорога в Лаутербруннене.

Фото О. Королевой

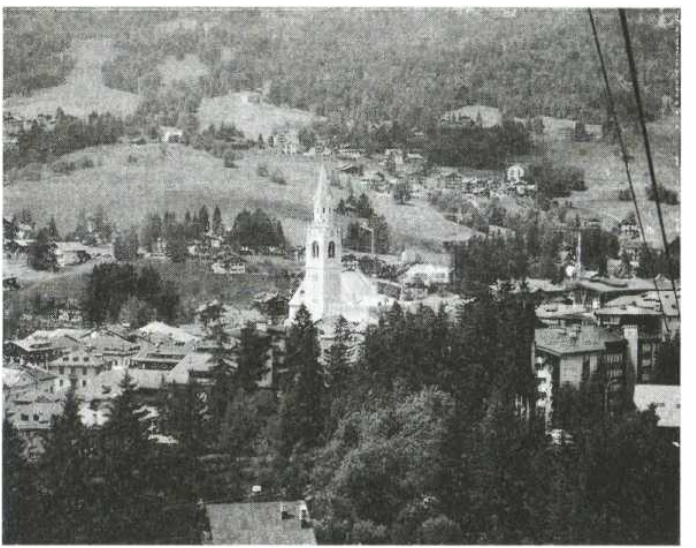
Там, где неровности рельефа делали невоз-

можной прокладку железнодорожных рельсов, во всех направлениях в изобилии протянулись тросы фуникулеров. Первый открывшийся альпийский подъемник действовал между подножием Верхнего Гриндельвальдского ледника и Веттерхорном и заработал в 1908 году; вскоре после этого натянулись канаты и встали опоры фуникулеров Китцбюэля, Давоса и Санкт-Антона — по мере укрепления их репутации как центров лыжного спорта. Самая известная линия канатной дороги в Альпах, от Шамони вверх к Эйгиль-дю-Миди на склонах Монблана, открылась в 1955 году; верхняя станция, на отметке 3842 метра, является наивысшей точкой Альп, куда возможно добраться каким бы то ни было видом горного транспорта (хотя и находится она на добрую тысячу метров ниже, чем вершина Монблана); сюда ведет также и другая канатная дорога — из Курмайора на итальянской стороне того же самого хребта.

Автотрассы едва ли могут занять даже второе место после железных и подвесных канатных дорог с точки зрения увлекательности и удовольствия от поездки в горах. Но строительство шоссе в горах тем не менее имеет славную историю. В 1937 году президент Франции открыл одну из

первых горных автодорог, «Рут-де-Гран-Альпе»: «Дорога Больших Альп» шла от Эвиана до Ниццы, через перевалы, расчищенные горнострелковыми войсками. А еще в 1910 году был выпущен (Ч. Л. Фристоном) путеводитель по Альпам для тех, кто отправляется в путешествие на автомобиле, озаглавленный «Шоссе в Альпах: путеводитель по сотне альпийских перевалов для автомобилистов». Главной проблемой, с какой сталкивались многие шоссейные дороги, оставался снег, лежавший на перевалах большую часть года. Но когда с 1950-х годов началось строительство главных автомобильных туннелей, наступил звездный час путешествий по трансальпийским дорогам. Некоторые из туннелей, например Готард и Арльберг, построены рядом с существующими железнодорожными, но другие, из которых наиболее известен туннель под Монбланом, открыли совершенно новые транспортные маршруты через горы. В 1787 году скалолаз Орас-Бенедикт де Соссюр написал: «Придет день, когда мы построим безопасную дорогу через Монблан и соединим долины Аосты и Шамони»; почти два столетия спустя его мечта наконец сбылась — дорога, связавшая Курмайор и Шамони, в конце концов открылась, спустя семь лет после нача-

ла прокладки туннеля. В минувшие века путь между этими двумя альпийскими населенными пунктами занимал три дня, причем нужно было преодолеть высокий и вечно занесенный снегом перевал Коль-дю-Жент (3365 м), подъем на который почти столь же труден, как и на Монблан; ныне двадцатикилометровый туннель, который на милю уходит под Эйгиль-дю-Миди в его самой высокой точке, позволяет совершить это путешествие всего-навсего за сорок пять минут.

Вид на Кортина-д'Ампеццо с канатной дороги. *Фото О. Королевой*

В 1999 году в туннеле произошел страшный пожар, тогда погиб 41 человек, а сам туннель был закрыт на два года — вот напоминание о потенциальной опасности, которой путешественники по-прежнему подвергаются в горах. Тем не менее альпийские туннели демонстрируют, насколько путешествие через горы сегодня отлично от того, что было обычным столетия тому назад: одна часть Коль-дю-Лотаре возле Бриансона некогда славилась как Рамп-де-Комер, что можно перевести как «Подъем сплетников». Подобное название местность получила потому, что этот участок был слишком крут и запряженные лошадьми экипажи в полном грузе его преодолеть не могли, поэтому пассажирам приходилось вылезать и идти пешком, и, как считалось, это наилучшим образом располагало к досужей болтовне и сплетням. С тех пор положение существенно изменилось.

На свежий воздух

Хотя к концу XIX века туристы могли запросто добраться на поезде до главных пиков и обзорных

точек, пешие прогулки в Альпах (как противоположность скалолазания) оставались в высшей степени популярным времяпрепровождением. (Уже в 1843 году геолог Джеймс Форбс язвительно писал о «проторенных тропах, по которым туристы идут один за другим, подобно стаду овец, бесконечной чередой».) И все равно первые издания путеводителей Мюррея и Бедекера содержали мало сведений о пеших прогулках, поэтому, чтобы заполнить дефицит на рынке, дублинец по имени Джон Болл написал книгу «Альпийский путеводитель» (1863), заявляя в предисловии, что его намерением было «не провести читателей определенными протоптанными путями, а предоставить им возможность самостоятельного выбора тех маршрутов, какие больше всего будут отвечать их собственным вкусам и силам... показать, какие возможности открыты для человека благоразумного и предприимчивого». Вскоре на нижних, куда менее опасных склонах Альп появились приверженцы пешей ходьбы, запасшиеся бутербродами и словно бы напоказ вооружившиеся альпенштоками.

Разумеется, существовал и определенный дресс-код, которого следовало придерживаться: мужчины носили темные твидовые костюмы, а женщины одевались в свободные черные платья, прикрепляли тонкие вуали из муслина к полям шляпок — так дамы оберегали себя от альпийского солнца, чтобы не испортить цвет лица. И у всех в руках альпенштоки длиной в четыре-пять футов. Марк Твен отмечал, что некоторые туристы даже на завтрак являлись с альпенштo-

ками: «Закончив путешествие по Швейцарии, он [турист] берет этот священный посох с собой домой, как бы далеко он ни жил... Альпеншток — святыня туриста, он выжигает на нем свое имя и, кроме того, название всякого местечка, где ему удалось совершить какой-нибудь геройский поступок, как, например, перепрыгнуть через канаву, вскарабкаться на камень, пройти через кирпичный завод и т. п. Альпеншток служит туристу как полковое знамя и является показателем его подвигов».

Когда дорога становилась слишком трудной, некоторые туристы не стеснялись усесться в носилки. Хорошее описание того, как слабых или усталых переносят в горах, дал, что не удивительно, Твен, который никогда не чурался возможности рассказать о самых экстравагантных привычках туристов, особенно утомленных путешествием:

> Среди других способов передвижения по Альпийским горам употребляются также носилки. Они состоят из ящика, обитого подушками и укрепленного между двумя шестами, или стула со спинкой и подножкой. Носят их здоровые и силь-

ные носильщики. Мы встречали очень много носилок с женщинами и очень мало с мужчинами. Большинство дам были бледны и, по-видимому, их тошнило. По их виду вообще можно было подумать, что они с трудом переносят величайшие страдания. Все они смотрели в колени и не обращали ни малейшего внимания на живописные окрестности.

Тем не менее все это не идет ни в какое сравнение со страданиями, пережитыми теми, с кем во время прогулки происходили несчастные случаи. Альпинист Эдвард Уимпер, руководивший первой успешной попыткой покорения Маттерхорна, позднее написал путеводитель по окрестностям Монблана, куда включил целую главу, посвященную несчастным случаям с туристами. В числе жертв — французский архитектор, который, прислонившись к балюстраде, упал и разбился насмерть в Горж-дю-Триан, и еще один любитель прогулок, поскользнувшийся и пролетевший семнадцать сотен футов: его тело, «превратившееся в кусок красной кровоточащей плоти, представляло собой жуткое зрелище».

Хотя бесплатного свежего воздуха в Альпах хватало для всех, отдельные городки начали

рекламировать себя, подчеркивая свое полезное с медицинской точки зрения местоположение высоко в горах. На протяжении всего XIX века одновременно с ростом популярности альпийских курортов с минеральными источниками нарастало увлечение горным туризмом; некоторые люди по нескольку месяцев проводили в горах, исцеляя болезни органов дыхания свежим и чистым воздухом. И действительно, в романе «Новая Элоиза» Сен-Пре говорит в письме Юлии: «...Я поражаюсь, отчего подобные омовения горным воздухом, столь целительные и благотворные, не прописываются как всесильное лекарство против телесных и душевных недугов, и удивлен, что ванны целебного и благотворного горного воздуха не являются одним из величайших лекарств медицины и морали... Право, любое сильное волнение, любая хандра улетучится, если поживешь в здешних местах...» Его замечание оказалось пророческим: хотя всего считанные местечки, например деревни Санкт-Мориц и Лойкербад, издавна были известными курортами с минеральными источниками, только в середине XIX века произошел настоящий всплеск популярности лечения свежим воздухом. Помимо Швейцарии, курорты возникали в альпийских

(а заодно и в долинных) районах Австрии, Франции и Германии. Поскольку число медицинских свидетельств в пользу действенности курортного лечения постоянно росло, для многих людей стало привычным проводить несколько чудных месяцев на любимых курортах; кое-кто, постоянно жаловавшийся на здоровье, возвращался из года в год, а некоторые даже решали совсем поселиться в облюбованном ими курортном местечке, из последних и формировались первые группы экспатриантов в Альпийских горах.

Из альпийских курортов одним из наиболее известных является Давос, он расположен в Альпах на высоте 1560 метров в восточной части Швейцарии, его санатории и гостиницы протянулись вдоль привлекательной и часто залитой солнцем долины. Своим развитием как здравницы Давос обязан швейцарскому врачу Александру Шпенглеру; он появился тут в 1853 году и обнаружил в этом «лишенном дорог скоплении неотделанных деревянных шале» крайне поразившее его явление: никто из жителей деревни не страдал от туберкулеза. Шпенглер был заинтригован своим открытием, так как в те дни туберкулез был серьезным заболеванием, в Великобритании, например, от него умирал каждый шестой.

Шпенглер решил, что отсутствие туберкулеза в Давосе можно отнести на счет местного климата: теплая сухая погода в пьянящей смеси со свежим воздухом и ярким солнцем; сообщение о своем открытии он опубликовал в 1862 году в немецком медицинском журнале.

Не приходится удивляться, принимая во внимание распространенность туберкулеза в Европе, что состоятельные больные (те, кто мог себе позволить потратиться на путешествие) в скором времени целыми группами стали отправляться в Давос. К середине 1860-х годов здесь жило немало голландцев, немцев, англичан, а уж пациентов-англичан — во множестве, и для них работали купальни и санатории. (Лечение в санаториях редко бывало успешным. В число лечебных мероприятий входила процедура, известная как искусственный пневмоторакс: в плевральную полость впрыскивался воск, газ или масло, что вызывало спадание легкого и его сминание; прибегали также к грудобрюшному сдавливанию, что парализовывало диафрагму из-за повреждения определенных нервов в шее.)

В числе первых туристов, проложивших сюда путь в желании подвергнуться подобному методу лечения, был оксфордский преподаватель по име-

ни Джон Эддингтон Саймондс, который приехал в 1877 году после неудавшихся попыток излечить туберкулез на Корсике и на Французской Ривьере. Курс лечения в Давосе окончился успешно, и позже Саймондс записал: «На одно можно положиться — на воздух... вдыхать максимальное количество пронзительного горного воздуха, пропитанного солнечным сиянием, — это sine qua non[18]. Все прочее — прием молока, принятие душа, ванны, обтирания, ревульсивные компрессы и так далее — второстепенно». Он обосновался в Давосе, и его дом, известный как Ам-Хоф, стал центром быстро растущей английской колонии в городке: Роберт Луис Стивенсон, который в 1882 году сам лечился здесь от чахотки и тогда же написал часть «Острова сокровищ», даже даровал Давосу звание «округи Дж. Э. Саймондса». Еще больше больных начали приезжать сюда после 1890 года, когда от Кура до Давоса протянулись железнодорожные пути, и уже через десять лет здесь за год побывали (оставшись на ночлег) 700 000 туристов. (Многие обнаружили, что зимой в городке очень скучно, отчего и в холодные месяцы стали кататься на санях, а потом и на

[18] Примечания: 18
Непременное условие (лат.).

лыжах — что послужило началом славы Давоса как центра зимних видов спорта.)

Космополитичные постоянные курортные обитатели Давоса не остались незамеченными, в частности, писателем Томасом Манном, который приезжал сюда в 1912 и в 1921 годах. Здесь происходит действие его длинного романа «Волшебная гора» (1924), а время действия — годы непосредственно перед Первой мировой войной. В книге рассказывается о группе выздоравливающих пациентов (среди них — итальянец-либерал, иезуит — бывший иудей, обратившийся в католичество, и обольстительная искусительница из России), чьи жизни и заботы аллегорически представляют проблемы, терзавшие в ту пору Германию. В романе поездка на поезде на гору из Ландкварта (чуть севернее Кура) в Давос описывается так: «Развертывались величественные высокогорные пейзажи с их священной фантасмагорией громоздящихся друг на друга вершин... они то открывались почтительному взору, то снова исчезали за поворотом»[19]. Некогда санаторий в Давосе представлял из себя «длинное здание, обращенное фасадом на юго-запад, с увенчанной

[19] Примечания: 19
Перевод В. Станевич и В. Курелла.

куполом башенкой и множеством балкончиков, благодаря чему оно издали напоминало пористую губку со множеством ячеек». Для тех, кто отправляется в Давос сегодня, поездка из Ландквarta не менее волнующа, и в самом городке найдется множество элегантных зданий старинных курортов, в точности таких, какие описывал Манн; в наши дни их вовсю теснят на склонах узкой долины куда более безликие магазины, ориентированные на любителей горных лыж, и станции кресельных подъемников. Давос, всемирно известный как фешенебельный курорт и центр горных лыж и сноубординга, в последнее время раскрылся в новой ипостаси — как место проведения Всемирного экономического форума: его заседания 2000 и 2001 годов спровоцировали нашествие орд воинствующих противников капитализма, и этот обычно безмятежно-спокойный и сравнительно отдаленный горный курорт стал свидетелем многих сцен насилия.

Подводная расплата

«Принимать воды», разумеется, во многом столь же неотъемлемая часть лечения на курорте с минеральными источниками, как и прием воздушных ванн: на высокогорных курортах,

таких как Давос, есть и целебные источники, а по долинам и отрогам Альп, от Экс-ле-Бена и Эвиана на западе до Бад-Ишля и Бадгаштайна на востоке, разбросаны десятки других курортных городков, расположенных пониже и ориентированных исключительно на лечение водами. На всех вам предложат поправить здоровье — либо ваннами из природных и, по общему мнению, целебных родниковых вод, либо питьем воды. Лечебные процедуры, которым пациенты добровольно подвергаются в Эвиане или Бад-Ишле, мало в чем изменились за сто лет; в 1873 году Бедекер описывал: обитатели санатория «облачены в длинные фланелевые костюмы и [сидят] по шею в воде в общем бассейне, где и проводят вместе несколько часов. Перед каждым купальщиком — маленький плавучий столик, на котором лежит книга, газета или стоит чашечка кофе». Естественно, «сохранялись крайний порядок и благопристойность». В те дни большинство городков, славившихся подобными водолечебницами, являлись тихими уголками высокой культуры и утонченности, где в обычае были неспешные прогулки по берегу озера днем, а по вечерам — изысканные культурные представления.

Типичный альпийский спа-курорт — Бад-

гаштайн, занявший видное положение еще в Средневековье; своей репутацией он обязан богатым радоном горячим источникам, которые, как считается, помогают от ревматизма и артрита. В XIX веке частыми гостями города были германский кайзер Вильгельм I и Бисмарк. Поблизости, в Хайлыптоллене, есть череда подземных галерей, куда можно добраться поездом; в штольнях из стен естественным образом выделяется радон, и их посещали как больные, так и любопытствующие. Их открыли в 1940-х годах, когда горняки, ищущие золото и серебро, заметили, что атмосфера в туннелях, где они работали, обладает благотворным воздействием, успокаивая боли различного характера. Другой австрийский курорт с минеральными водами, Бад-Ишль, особенно любил император Франц-Иосиф I, он приезжал сюда лечиться водами каждый год, с раннего детства до преклонных лет; именно здесь он был обручен с пятнадцатилетней девочкой, которую звали Елизавета Виттельсбахская, и здесь под его личным наблюдением велись работы по благоустройству Кайзерпарка, сада в английском стиле, который впоследствии соединил виллы — на одной из них жила Елизавета, а другая была отведена любовнице императора,

венской актрисе Катарине Шратт.

Лечить водами в Бад-Ишле начали в 1820-х годах, когда местный врач Иосиф Готц обнаружил, что соленые ванны, которые принимают страдающие ревматизмом рабочие местных соляных шахт, облегчают их страдания. Мать императора Франца-Иосифа была настолько убеждена в целебных свойствах воды, что своего сына прозвала Salzprinze, Соляным Принцем. По ту сторону границы, в Германии, с еще большим размахом предлагали лечение соленой водой в Бад-Райхенхалле: там пациенты прогуливались на открытом воздухе между колонн и вдыхали соленую водяную пыль. Бад-Тельц расположен там, где Альпы начинают подниматься к югу от Мюнхена. Здесь в Средние века товары, перевезенные через горы на мулах, перегружали на плоты и отправляли по серо-зеленым водам реки Изар в баварскую столицу. Потом местный крестьянин обнаружил богатый йодом источник грязей, и городок открыл себя как курорт. Теперь сюда ежегодно приезжают тысячи людей, желающих принимать грязевые ванны, а потом, возможно, посетить концерт-«Тельцер Кнабенхор» или Тельцского хора мальчиков, ставшего самым известным брендом в культур-

ном экспорте городка. Хор разъезжает по всему миру, но каждый месяц выступает на курорте, и мальчики — солисты хора отправляются во все оперные театры Мюнхена и Зальцбурга. Афиши с фотографиями хора можно увидеть в Бад-Тельце повсюду: рядами стоят крепко сбитые мальчики в элегантных курточках и кожаных штанах, характерный баварский наряд довершают хлопчатобумажные рубашки и разноцветные чулки. (Бад-Тельц всегда был очень баварским: в 1930-х годах нацисты основали здесь специальное элитное военное училище для курсантов СС.)

Если углубиться дальше на запад, в Швейцарию, то на высоте 1411 метров — намного выше любого австрийского или немецкого курорта с минеральными водами — находится Лойкербад; его богатые оксидом кальция и серой воды, как считается, облегчают ревматические боли, подагру и паралич. Как ни удивительно, но «Туристический справочник по Швейцарии» Мюррея 1838 года говорит об этом месте мало хорошего: «Из-за безотрадности расположения, суровости холодного климата и нехватки номеров в гостиницах мало у кого из англичан возникнет желание подольше здесь задержаться». Путеводитель также отмечает, что купальни

были снесены лавинами, причем сходили те по меньшей мере трижды. О лечении, которое тут предлагали, сказано: «После четырех часов “подводной расплаты” следует, по воле доктора, один час в постели; и, пересекая пространство между купальнями и отелями, можно столкнуться со многими прекрасными нимфами в крайнем неглиже, без чулок и с неприкрытыми волосами. По виду можно предположить, что наружу их выгнал сигнал о пожаре или какая-то другая подобная катастрофа, угрожающая жизни».

Марк Твен отозвался об этом месте с большей доброжелательностью:

> Больные сидят в громадных резервуарах целыми часами. Дамы и мужчины занимают одни и те же резервуары по нескольку человек и занимаются разными играми и шалостями. В воду поставлены столы, за которыми читают, завтракают или играют в шашки и карты... В городе несколько таких купальных заведений, и вы всегда можете узнать о близости их по шуму и взрывам хохота, раздающимся оттуда.

Во Франции особенно славятся два курорта с

минеральными водами, и оба располагаются на берегах озер: Экс-ле-Бен — возле озера Бурже, а Эвиан — на озере Ле-Ман (иначе — Женевском). На первом, лежащем у подножия горы Ревар (1537 м), лечат ревматизм и болезни органов дыхания. Городок был известен как курорт на протяжении двух тысячелетий — древние римляне знали его как Aquae Gratianus, «Воды императора Грациана»; и в городе есть красивая арка Арк-де-Кампаню, возведенная в честь семьи Помпеи возле Терм-Насьено, где в цокольном этаже сохранились остатки древнеримского кальдария[20]. Во второй половине XIX столетия уже тогда модный и фешенебельный Экс-ле-Бен привлекал к себе коронованных европейских особ; в их числе здесь трижды побывала королева. Тут также принимали воды император Бразилии и императрица Елизавета Австрийская, но в настоящее время пышные отели, где останавливались венценосные гости, например «Сплендид» или «Ройал», с великолепными видами на озеро и отдельными огороженными садиками, превращены в кварталы роскошных многоквартирных домов, и Экс-ле-Бен ныне, по-видимому, больше

[20] Примечания: 20

Кальдарий — в римских термах самое жаркое помещение с горячими ваннами.

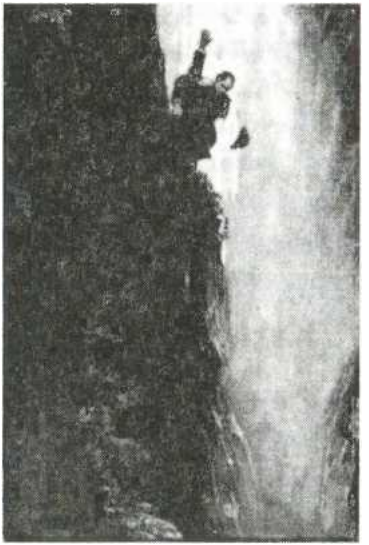
ценит себя как центр яхтенного спорта, нежели бальнеологический курорт. Свидетельством упадка стоит в эти дни на ничем не примечательной глухой улице заброшенная англиканская церковь Святого Суизина, построенная в 1870 году для самой крупной колонии эмигрантов.

Судя по всему, у Эвиана, с другой стороны, дела и без того идут вполне неплохо: его вода — прохладная, профильтрованная через песок ледникового происхождения — используется для лечения заболеваний почек и пищеварительной системы, не говоря уже о том, что она продается по всему миру в пластиковых бутылках. Так как название городка превратилось в известную всему миру торговую марку, это не может не сказаться положительно на его судьбе в эпоху, когда лечение водами на курорте уже не столь модно, как раньше. И сегодня отели заполнены, а в изящном *Jardin anglais* (Английском саду) возле озера много гуляющих. Тем не менее Эвиан не всем приходится по вкусу: в книге «Швейцария» (1950) Джон Расселл замечал: «Сама вода имеет запах столь безвкусный, словно бы приобрела пропорции философской проблемы», — и описывал угодничество обслуживающего персонала в гостиницах, где «облаченные в белое помощники

бесшумно ступают следом, готовые предугадать чей-то каприз... они обращаются [к постояльцу] словно бы по наитию, в самых изысканных выражениях его родного языка; гости из Англии могут рассчитывать на почти по-уайльдовски изящную манеру выражаться».

Горы в литературе

Не удивительно, что курорты с их расслабляющей атмосферой, возвышенные пейзажи и тихие спокойные городки по берегам озер превратили Альпы в излюбленное место писателей еще в эпоху поэтов-романтиков, почти два столетия назад. Среди тех, кто во второй половине XIX века отправлялся сюда творить, были Чарльз Диккенс, Иоганн Вольфганг фон Гёте, Генри Джеймс, Уильям Теккерей, Томас Манн и сэр Артур Конан Дойл; многие из них включали в свои произведения описания запомнившихся гор.

Разумеется, Чарльз Диккенс более всего известен благодаря своим романам, действие которых происходит в мрачной и угнетающей атмосфере викторианской Англии. Но автор много путешествовал по Франции, Швейцарии и Италии (бывал он и в Соединенных Штатах) и публиковал многочисленные очерки о тех странах, где побывал. Он всегда очень любил Альпы. В 1844 году Диккенс покинул Англию и перевез жену и пятерых детей на жительство в Геную,

на Итальянскую Ривьеру. Неделю за неделей он отсылал изобилующие описаниями короткие литературные заметки Джону Форстеру, своему будущему биографу, а тот позже опубликовал их в сборнике, озаглавленном «Картины Италии». Вот отрывок из этой книги, где Диккенс вспоминает, как глубокой ночью шел через Симплонский перевал в Швейцарию: «Стоял конец ноября... воздух был пронизывающе-холодным. Но эта ясная морозная ночь и величественная дорога с ее непроницаемыми тенями и непроглядным мраком, и внезапные повороты, выводившие нас туда, где все было залито лунным сиянием, и неумолчный рокот падающей воды — все вместе делало поездку незабываемой[21]».

Дальше дорога к перевалу шла через ущелье Гондо — «неописуемо дикое и величественное, где гладкие, отвесно вздымающиеся по обе стороны стены почти смыкаются вверху друг с другом. Так мы ехали всю ночь, медленно взбираясь по трудной дороге, поднимаясь все выше и выше, и ни одной минуты я не испытывал скуки, погруженный в созерцание черных скал, грозных высот и глубин, гладких снежных полей, лежа-

[21] Примечания: 21
Здесь и далее перевод А. Бобовича

щих в расщелинах и ложбинах, и неистовых горных потоков, с грохотом падающих в глубокие бездны». На рассвете семья Диккенсов добралась до вершины перевала, откуда они смотрели, как «лучи восходящего солнца сразу вырвались на свободу, растеклись над снежной пустыней и окрасили ее в красный цвет», а потом

> начали быстро спускаться, проезжая под нависшими ледниками по сводчатым галереям, обвешанным гроздьями сосулек, под и над кипевшими пеною водопадами... Вниз, по мостам, перекинутым через вселяющие ужас теснины — крошечным движущимся пятнышком среди пустынных пространств, где не было ничего, кроме льда, снега и чудовищных глыб гранита... Вниз и вниз по зигзагам дорог, проложенных между отвесными утесами с одной стороны и пропастями с другой; вниз, где погода теплее, а пейзажи мягче, пока перед нами не появились тронутые оттепелью и сверкавшие на солнце золотом и серебром, металлические или красные, зеленые, желтые купола и шпили церквей швей-

царского города.

В июне следующего года Диккенсу потребовалось вернуться в Англию, и на сей раз путь его пролегал через другой перевал, Сен-Готард, который оказался «не так прекрасен, как Симплонский... Ему не сравниться по безлюдности и дикости с Симплоном». Писатель отправился в дорогу в сопровождении Чарли Диккенса, своего восьмилетнего сына, и тот позднее вспоминал «чрезвычайно каменистую и очень обледенелую тропу... Я как наяву вижу нас двоих, отец шагает в отдалении впереди, а я изо всех сил тщетно стараюсь не отстать от него, очень усталый, но в высшей степени гордый, что иду вместе с ним».

Хотя Диккенс нередко упоминал Альпы в своих путевых заметках, в его сочинениях горы появляются только однажды — в начале второй части «Крошки Доррит», где автор проводит параллели между суровым и строгим монастырем на вершине перевала Большой Сен-Бернар и тюрьмой Маршалси в Лондоне, куда недавно был заключен отец Крошки Доррит. Так в романе монастырь предстает ночью: «...Каменная твердыня словно превратилась в новый ковчег и поплыла по волнам мрака», хотя на следующий день: «Яркое

утреннее солнце слепило глаза, вьюга утихла, туман рассеялся, и в горном воздухе, теперь легком и чистом, дышалось так свободно, словно наступила совсем другая, новая жизнь»[22].

Хотя в описаниях Диккенса перевал и монастырь Сен-Бернар в «Крошке Доррит» и других произведениях предстают сумрачным и зловещем убежищем в горах, сам Диккенс был очарован большинством альпийских пейзажей, и под конец жизни в саду своего дома в Гэдсхилл-плейс под Рочестером в Кенте построил модель швейцарского сельского домика-шале. Этот рождественский подарок ему прислал французский актер Шарль Фехтер, который сотрудничал с Диккенсом на целом ряде драматических постановок в Лондоне, — набор-конструктор из девяноста четырех отдельных деталей был упакован в пятьдесят восемь ящиков. От подарка Диккенс пришел в такое возбуждение, что заставил помогать ему собирать домик своих гостей, которые приехали на рождественские праздники 1864 года. Из окон построенного домика открывался совсем нешвейцарский вид: кукурузные поля до самой Темзы с яхтами и пароходами; но Диккенс

---

[22] Примечания: 22
Перевод Е.Калашниковой

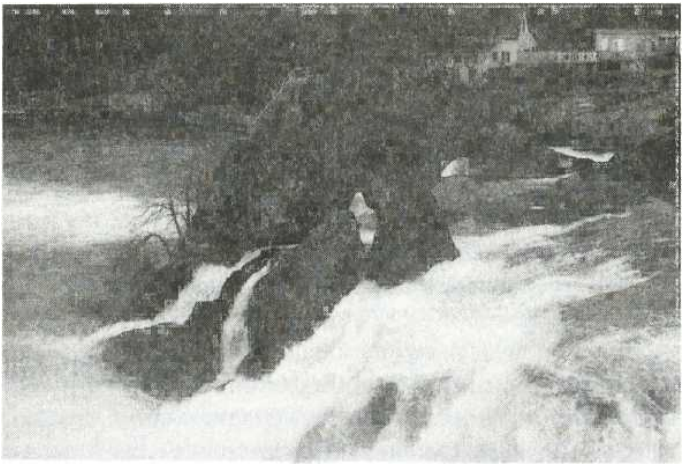
проводил в шале много времени, развесив везде зеркала, чтобы создавать ощущение света и пространства. Он писал тут, когда погода была достаточно теплой, и в июне 1879 года, за день до смерти, трудился в шале над своим последним (оставшимся незавершенным) романом «Загадка Эдвина Друда».

Диккенса вряд ли можно обвинить в том, что он воспользовался викторианской манией ко всему альпийскому, чего не скажешь в отношении другого романиста викторианской эпохи, который использовал драматические виды Альп для пущего эффекта в своем широко известном произведении. В 1891 году сэр Артур Конан Дойл решил избавиться от своего героя Шерлока Холмса, сбросив того в Рейхенбахский водопад, что недалеко от маленького городка Майнринген в центральной Швейцарии. Придуманный Дойлом знаменитый сыщик погиб в борьбе со своим заклятым врагом, злодеем профессором Мориарти, которого Холмс с Ватсоном преследовали по всей Европе. В «Последнем деле Холмса» рассказывается, как, будучи в Майрингене, Холмс и Ватсон решили передохнуть, отложить на время расследования и осмотреть местные достопримечательности. Достигнув водопада, парочка

обнаружила

> поистине страшное место. Вздувшийся от тающих снегов горный поток низвергается в бездонную пропасть, и брызги взлетают из нее, словно дым из горящего здания. Ущелье, куда устремляется поток, окружено блестящими скалами, черными, как уголь. Внизу, на неизмеримой глубине, оно суживается, превращаясь в пенящийся, кипящий колодец, который все время переполняется и со страшной силой выбрасывает воду обратно, на зубчатые скалы вокруг. Непрерывное движение зеленых струй, с беспрестанным грохотом падающих вниз, плотная, волнующаяся завеса водяной пыли, в безостановочном вихре взлетающей вверх, — все это доводит человека до головокружения и оглушает его своим несмолкаемым ревом[23].

[23] Примечания: 23
Перевод Д.Лившиц

Рейнский водопад близ Шаффхаузена.
Фото О. Королевой.
Доверчивым туристам его нередко выдают за Рейхенбахский водопад

Пока два друга любовались водопадом, доктору Ватсону принесли наспех написанную записку, где его просили вернуться в Майринген и оказать помощь англичанке, которая внезапно заболела; но письмо оказалось фальшивкой, посланной Мориарти, и когда Ватсон понял, что его обманули, и возвратился к водопаду, то не нашел там Холмса — как предположил Ватсон, тот упал с

обрыва, и его тело осталось лежать «в глубине этого страшного котла кипящей воды и бурлящей пены». В первом, журнальном издании текст сопровождала знаменитая иллюстрация Фрэнсиса Мосли — Холмс в своей охотничей шляпе схватился с Мориарти высоко над стремительной рекой, которая беспощадно пенится и бурно кружит на дне ущелья.

В действительности Рейхенбахский водопад в точности соответствует описанию Конан Дойла: посреди очаровательного горного уголка из расселин в поросшем лесом склоне низвергается и бурлит в водоворотах вода, невдалеке виднеется миленький городок Майринген (который, между прочим, дал свое имя известному на весь мир десерту — меренгам). Тряский фуникулер привозит к подножию водопадов, откуда вверх ведут тропинки и ступени, петляя вокруг каскадами рушащихся вниз потоков воды. Одна узкая тропка кончается на маленьком уступе, стиснутом сверху и снизу отвесными скальными стенами, и нетрудно понять, что схватка тут вполне могла окончиться трагедией; табличка на скале указывает, что действительно на этом месте, как считается, нашел свой конец Холмс. (В 1903 году Конан Дойл уступил давлению читателей и

воскресил своего героя для новых приключений, придумав неправдоподобное объяснение, будто детектив вовсе не поскользнулся и не упал, разбившись насмерть, а сумел уцепиться за пучки травы и спастись от гибели.)

Рейнский водопад вблизи.
Фото О. Королевой

Расположенный ниже в долине Майринген был очень популярен среди англичан викторианской эпохи (по рассказу, Холмс и Ватсон

остановились в гостинице «Англия»), а через городок проходит петлями взбирающаяся в горы и очень живописная железнодорожная линия, которая соединяет два любимых англичанами курорта, Люцерн и Интерлакен. В настоящее время в городке открыт музей Шерлока Холмса, он находится в подвале бывшей англиканской церкви (которая, как упоминалось, была первой из основанных в Альпах). Здесь имеется с любовью и во всех деталях воссозданный макет дома 221-6 по Бейкер-стрит, со множеством книг и личных вещей Холмса, например, сложенный экземпляр «Таймс» или скрипка сыщика. Среди прочих разнообразных экспонатов музея — сувениры из школы Стонихерст-колледж, пансиона в холодных ланкаширских болотах, куда Конан Дойл поступил в десять лет (интересно увидеть его имя в списке учеников, в котором также есть мальчики с именами Шерлок и Мориарти). Музей открылся в 1991 году, на открытии присутствовала дочь писателя Джин Конан Дойл. На площади, носящей имя Конан Дойла, стоит церковь, и не приходится говорить, что в городке множество гостиниц и кафе, названия которых напоминают о Холмсе и Лондоне. Каждое 4 мая со всего мира в Майринген съезжаются поклонники Холмса,

чтобы отметить день гибели сыщика, нередко они облачаются в охотничьи шляпы или кепи; этот съезд почитателей героя Конан Дойла есть своеобразная дань памяти как самому писателю, так и многолетней любви англичан к Альпам.

Помимо авторов-англичан, в XIX и в XX веках Альпы гостеприимно принимали и многих других писателей Европы и Америки. Немецкий поэт Райнер Мария Рильке (1875— 1926) последние шесть лет своей жизни провел в Сьерре в долине Роны, там он написал «Сонеты к Орфею», а скончался, уколов палец шипом розы. У философа Фридриха Ницше (1844-1900) восемь лет был летний дом в Сильсе возле Санкт-Морица, здесь он написал «Так говорил Заратустра». У Монтаньолы, неподалеку от Лугано, находится деревня Коллина д'Оро, на сорок три года ставшая домом немецкому писателю Герману Гессе (1877-1962), который перебрался сюда в 1919 году после тяжелого разрыва с семьей. В деревне он жил на двух виллах, Каза Камуцци и Каза Бодмер, и там написал ставшие классикой романы «Степной волк», «Игра в бисер» и «Сиддхартха». В 1946 году писатель был удостоен Нобелевской премии по литературе и скончался в Монтаньоле в 1962 году; Каза Камуцци в настоящее время — музей,

посвященный жизни и творчеству Гессе.

Гренобль, самый крупный город Альпийской Франции, — родина Анри-Мари Бейля (1783-1842), писавшего под псевдонимом Стендаль; из экстравагантной биографии «Жизнь Анри Брюлара» можно почерпнуть многое о ранних годах его жизни, но в ней практически ничего не говорится о горах. И другие писатели, пусть даже они и не жили в Альпах, бывали в этом районе и отмечали его красоту: одна из сцен романа Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие» происходит в отеле «Дезиль-Борроме» в Стрезе, на озере Лаго Маджоре; Генри Джеймс тоже путешествовал по этому региону, заметив: «Никто не в состоянии описать красоту итальянских озер... И никому не стоит даже пытаться». (В давние времена виды озера вдохновляли Плиния Младшего, у которого была вилла в Белладжо на озере Комо, и Гёте, который угодил в тюрьму по подозрению в шпионаже, нарисовав эскиз замка на берегу озера Гарда.) Благодаря этим писателям популярность Альп среди представителей среднего класса Европы выросла еще больше, и поток туристов в XIX веке по-прежнему не ослабевал.

Музыканты и художники: «безмятежная и восхитительная Швейцария»

С середины XIX столетия в Альпы приезжали десятки художников и композиторов. Одним из них был Густав Малер (1860-1911), который жил в нескольких отдаленных и уединенных уголках горной Австрии. Сначала был Штайнбах на озере Аттерзее, где Малер много раз останавливался в гостинице, что ныне называется «Гастхоф Феттингер»; там он сочинил свои Вторую и Третью симфонии. Композитор был широко известен своей чувствительностью к посторонним шумам: шарманщикам специально давали деньги, чтобы они держались подальше от дома, и коровам приглушали колокольцы, а детям категорически запрещали подходить близко к гостинице. Позже Малер нашел уединение на другом озере, Вертерзее, неподалеку от Клагенфурта, на самом востоке гор. Он приобрел большой дом на берегу озера, а на маленькой поляне в лесу на склоне построил простой деревянный летний домик, в котором создал целый ряд симфоний; это очаровательное место, хотя ничего особенного тут нет — четыре стены, пол и потолок, и добраться до него можно только пешком, поднявшись че-

рез лес, от оживленных, полных отдыхающими берегов Вертерзее. В настоящее время домик оберегается фактически как святыня, посвященная памяти Малера. Но в Клагенфурте в 1907 году, накануне своего пятнадцатилетия, умерла от скарлатины старшая дочь композитора Мария, и Малер никогда больше не возвращался сюда, последние летние месяцы своей жизни проведя в отдаленном курортном местечке в Тирольских Альпах у Доббьяко.

Рихард Вагнер (1813-1883), еще один композитор, любивший работать в тихих местечках на берегах озер, с 1866 по 1872 год жил на вилле в Трибшене, в кантоне Люцерн. Вагнер не был чужаком в Люцерне, где обзавелся собственностью; во время продолжительного пребывания в гостинице «Швайцерхоф» в 1859 году он сочинил оперу «Тристан», а «Идиллия Зигфрида» родилась в другой люцернской резиденции, «Отель дю Лак», в 1852 году. Путешествуя по Швейцарии со своей любовницей Козимой, дочерью Ференца Листа, Вагнер взял себе на заметку это красивое уединенное имение в Трибшене. «Никому не удастся снова вытащить меня отсюда, — позже сказал он о своем новом доме. — Творения, задуманные мной в этой безмятежной и восхити-

тельной Швейцарии, когда взор мой устремлен на чудесные горы в золотистых венцах, будут шедеврами, и нигде больше не возник бы у меня их замысел».

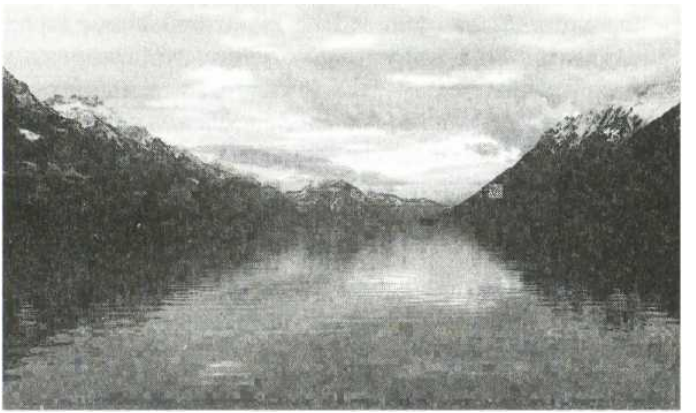
Тихая вилла Вагнера, возвышающаяся над деревьями, стоит на утесе, который с трех сторон окружен водой, и оттуда открываются замечательные виды на озеро. В 1870 году композитор женился на Козиме, и годы, проведенные им в Люцерне, стали одним из наиболее плодотворных периодов его творчества. В 1938 году Артуро Тосканини дирижировал концертом в этом доме — так торжественно было отмечено открытие первого Люцернского фестиваля, со временем вошедшего в число наиболее престижных музыкальных фестивалей мира; не удивительно, что в самом доме в настоящее время расположился музей, посвященный жизни и творчеству Вагнера.

Многие художники также считали, что в окружении гор, вдали от мирской суеты, на них нисходит вдохновение, и благодаря уединению совершенствуется их творчество. В начале XX века Густав Климт (1862-1918) часто останавливался в доме на Аттерзее, его привлекал тот же красивый пейзаж со множеством утесов, которым вдохновлялся и Малер за несколько лет до

того. Любовница Климта, Эмилия Флеге, владела домом в Унтерахе на том же озере, и этот дом часто появлялся на его картинах. Мурнау, древний средневековый городок в Баварских Альпах, считается колыбелью немецкого модерна: художник Габриэль Мюнтер (1877— 1962) в 1909 году купил сельский дом на берегу Штаффельзее и провел здесь не одно лето, и город вскоре стал центром притяжения художественной группы, известной как «Der Blaue Reiter» («Синий всадник»): в нее входили, в частности, Василий Кандинский и Франц Марк.

Аскона, еще один озерный курорт, на Лаго Маджоре, более сотни лет привлекала к себе различные группы философов, художников и деятелей культуры, начиная с русского анархиста Михаила Бакунина, который приехал сюда в 1870-х годах. На рубеже столетий Анри Оденковен и Уда Хофман основали на склоне, смотревшем на курорт, колонию художников-вегетарианцев, а между двумя мировыми войнами Аскона превратилась в излюбленное место отдыха не только Айседоры Дункан, но и многих других. Ленин, Юнг, Гессе, Кандинский и Пауль Клее — все они в то или иное время побывали в этом городке, придав ему определенную пикантную богемность;

ею город и отличался от довольно степенного по характеру Локарно, частью которого является Аскона.

Бриенцское озеро в Швейцарии.
Фото О. Королевой

Санный спорт и катание на коньках: «Они обогащают жизнь человека новым волнующим опытом»

Вплоть до последних десятилетий XIX века туризм в Альпах оставался исключительно летним занятием. Никому не хотелось приезжать в горы сумрачной, холодной зимой, когда перевалы

завалены снегом, а дни короткие и темные и зачастую нестерпимо студеные. Когда поздней осенью снегопады начинали засыпать долины и курорты, последние туристы паковали багаж и отправлялись по домам; на следующие шесть месяцев Альпы вновь оставались в распоряжении одних крестьян и охотников, а те иностранцы, которые все же оставались тут, были пациентами высокогорных санаториев, где дрожали от холода.

Однако в 1860-х годах мало-помалу торила себе дорогу мысль, что люди, возможно, что-то упускают, совершенно игнорируя Альпы зимой. Джон Рескин совершал поездки по Альпам во все времена года и писал, что «самое лучшее, что можно увидеть летом, не идет ни в какое сравнение с зимними альпийскими пейзажами». Такой же энтузиаст Альп Лесли Стивен утверждал, что зимой «весь горный край превращается в часть сказочной страны... Самый дневной свет приобретает нереальное сияние... Пики словно бы застыли, готовые вот-вот ожить... они скованы чарами, грезят о туманных безднах прошлых времен или о лете, которое для них куда как реальнее самой жизни». Но требовалось нечто большее, чем мудрые слова видных литератур-

ных авторитетов, чтобы зимний туризм получил импульс для развития: был необходим предприниматель, бизнесмен, готовый пойти на риск, и такой новатор появился — им стал Иоганн Бадрутт, владелец гостиницы в Санкт-Морице.

Счастливый шанс выпал Бадрутту в 1864 году, когда четверо англичан, последние часы своего летнего отдыха перед отъездом из Санкт-Морица проводившие за прощальной выпивкой, пригласили его присоединиться к ним. Дело было в отеле «Энгадинер Кульм», которым владел Бадрутт. Пытаясь убедить своих гостей приехать в гостиницу в середине зимы, Бадрутт поспорил с ними, что если они вернутся сюда в декабре, то погода будет такая же солнечная, как и летом. Англичане встретили эти слова с крайним недоверием, так что Бадрутт заявил, что оплатит им все расходы, если погода не будет такой хорошей, как он пообещал. Заинтригованные, постояльцы вернулись в Санкт-Мориц незадолго до Рождества и обнаружили превосходную зимнюю погоду, которой славится городок, — поистине бесконечную череду сухих, прохладных и ослепительно-ярких солнечных зимних дней. Англичане пробыли до марта, с удовольствием катаясь на бывших тогда в новинку коньках, наперегонки гоняясь друг за

другом по замерзшему озеру, разъезжая на санях по заснеженным склонам и расслабленно греясь на солнце на террасе отеля. Иоганн Бадрутт выиграл спор, и родилось понятие альпийских зимних видов спорта. (В 1954 году в ходе работ по реконструкции отеля были найдены спрятанные документы, подтвердившие, что пари действительно имело место — условия его были зафиксированы на бумаге в виде соглашения; также обнаружили запись в регистрационной книге об одном из англичан — участников пари, лорде Шрусбери; погоду во время их зимнего отдыха он описывал так: «Никак не могу счесть ее холодной, тепло от солнца порой такое, что приходится прятаться в тень. Нас глубоко поразили яркое солнце, пронзительная голубизна неба и прозрачность атмосферы».)

В том же десятилетии, когда Иоганн Бадрутт выиграл заключенное им пари в Санкт-Морице, на снежные склоны Швейцарии вышли первые лыжники, любители активного отдыха. Лыжи играли в Альпах заметную роль на протяжении сотен лет, но вовсе не как развлечение, не вид спорта, которым занимаются на природе. В Средневековье охотники, торговцы и крестьяне регулярно надевали лыжи для того, чтобы проби-

раться по заваленным снегом долинам во время суровых альпийских зим. А еще раньше викинги не чурались лыж, так что лыжи как спорт свое происхождение ведут соответственно из Скандинавии, рождение же вида спорта имеет точную датировку: в 1868 году норвежец Сондре Норхейм совершил на лыжах путешествие из Телемарка в Христианию (ныне — Осло). Вскоре после этого его земляк-норвежец Одд Кьельсберг привез первые лыжи в Глару в восточной Швейцарии, а другой норвежец, некий Бьернстад, открыл в Берне лыжный магазин (норвежцы также познакомили с лыжами Австралию, Калифорнию и Новую Зеландию).

Чтобы этот спорт стал модным, потребовалось время: Кристоф Изелин, один из зачинателей лыжного спорта в Швейцарии, вынужден был тренироваться в Гларусе с наступлением темноты, так как думал, что днем его поднимут на смех. Зимой, в 1880-х годах, англичанин полковник Нэпир, который снял в Давосе старое шале Роберта Луиса Стивенсона, неожиданно для себя обнаружил, что его слуга-норвежец привез с собой пару лыж; Нэпира заинтересовали деревянные планки, и вскоре он уже затянул ремни креплений на своих ногах. Благодаря полковнику

катание на лыжах быстро приобрело популярность на курорте, главным образом как занятие, позволяющее убить время снежными зимними днями.

Другим пионером лыжного спорта в Давосе был Конан Дойл. Приехав поддержать жену, страдавшую от туберкулеза, и остановившись в гостинице «Бельведер», Конан Дойл обнаружил, что его «жизнь оказалась ограничена снегом и елями», поэтому он обратился «с некоторой энергичностью к зимним видам спорта, которыми славилось это место». В марте 1894 года, с двумя проводниками-швейцарцами, он пересек Майенфельдер Фурка, пройдя от Давоса в Арозу — и, таким образом, стал, вероятно, первым англичанином, когда-либо предпринявшим горную прогулку на лыжах. Позднее, словно бы наделенный даром предвидения, он писал в журнале «Стрэнд»: «Придет время, когда сотни англичан будут приезжать в Швейцарию в лыжный сезон, с марта по апрель».

Лыжи были не единственным видом активного зимнего отдыха в Альпах: примерно в то же время произошло знакомство туристов со спуском на санях, и какое-то время санный спорт был намного популярнее лыж. Роберт Луис Стивенсон был

горячим приверженцем саней; подобно Конан Дойлу, он увлекся этим видом спорта, благодаря которому ему было чем заняться холодными зимними днями в Давосе: «Вся сверкающая долина и все огни огромных отелей лежали какой-то миг у моих ног, — так он описывал стремительный спуск по склонам, вперед ногами. — Катание на санях приучает пульс к необычному состоянию и обогащает жизнь человека новым волнующим опытом».

В 1883 году другой англичанин, живший в Давосе, Джон Эддингтон Саймондс, учредил Санный клуб; альпинист Арнольд Ланн позже утверждал: «Развитие санного спорта в Давосе, от простого вида транспорта у швейцарцев до организованного спорта у британцев, является типичным эпизодом англо-швейцарских взаимоотношений». Едва успев основать свой клуб, Саймондс сразу стал призывать постояльцев гостиниц Давоса побороться за призы в соревнованиях по спуску на тобогане — санная трасса была проложена вдоль дороги из Давоса в Клостере, и уже проводились санные гонки между туристами и местными жителями, причем последние использовали свои традиционные *schlitti* (деревянные санки), широко распространенные в

Альпах и веками применявшиеся для транспортировки грузов по горам. Английская колония в Санкт-Морице прослышала о соревнованиях и, чтобы превзойти своих ближайших соседей, предложила для состязания еще более захватывающий маршрут, спроектированный английским майором У. Г. Балпеттом и пролегавший мимо крошечной деревушки под названием Креста. Первые соревнования на трассе «Креста» были проведены в феврале 1884 года, и чересчур самоуверенная местная команда Санкт-Морица была побита гостями из Давоса. (В настоящее время смертельно опасная 1200-метровая трасса является самой быстрой и самой известной бобслейной трассой в мире.)

Катание на коньках тоже было популярным развлечением за многие годы до того, как укоренились лыжи: в Давосе в 1892 году был основан Международный союз конькобежцев, а с тех пор, как в 1875 году открылся отель «Бельведер», там каждую зиму можно было видеть английских конькобежцев: они скользили по льду в сюртуках и полосатых брюках, в цилиндрах и в белых галстуках.

В то время как Давос и Санкт-Мориц переживали наплыв конькобежцев и саночников, лыжникам было куда труднее завоевывать

симпатии среди туристов-англичан. Одним из первых английских лыжников был Джеральд Фокс: кататься на лыжах он научился в Норвегии в 1889 году, а через два года привез свои лыжи в Гриндельвальд. Обычно, прежде чем отправиться на склон, он надевал лыжи в своем номере в гостинице «Медведь» и в таком виде, с пристегнутыми к ногам лыжами, не без труда пробирался на улицу по лестницам и коридорам. За подобное поведение его считали скорее эксцентричным чудаком, а не спортсменом; пятно эксцентричности укором лежало на многих первых лыжниках (в Санкт-Морице горнолыжников в то время называли «прыгунами на досках»). Но в 1903 году был основан Давосский Английский лыжный клуб, и скоростной спуск на лыжах начал свой путь, утверждаясь как главный зимний вид спорта в Альпах.

Генри Ланн и развитие горнолыжного спорта

Англичанина, который многое сделал для популяризации горнолыжного спорта в Альпах, звали Генри Ланн, он был уроженцем Линкольншира и совершенно преобразовал облик зимнего туризма в регионе, совершив такую же революцию, как и Томас Кук поколением раньше в летнем

туризме. Ланн был посвященным в духовный сан священником методистской церкви и в молодые годы являлся видной фигурой экуменического движения. В 1892 году он решил, что необходимо провести встречу протестантских церквей, чтобы различные религиозные течения получили возможность обсудить разногласия. Местом совещания был выбран Гриндельвальд, горный курорт у подножия Айгера, куда легко было добраться на поезде из Интерлакена; выбор на него пал отчасти потому, что это было давнее убежище святого Бернара Клервосского, а отчасти из-за его популярности среди англичан. Начав заниматься организацией поездок делегатов, Ланн вдруг обнаружил у себя склонность к подобной работе. А еще в нем проснулась любовь к зимним видам спорта.

В 1898 году, через шесть лет после того, как он успешно устроил Гриндельвальдскую конференцию, Ланн в сопровождении десятилетнего сына Арнольда вернулся в Альпы, на сей раз в Шамони. Кое-кого из швейцарских проводников привлекли к обучению отца и сына катанию на лыжах. Арнольд, который, повзрослев, сыграет в развитии горнолыжного спорта в Альпах не меньшую роль, чем его отец, и будет возведен

в рыцарское достоинство за свои труды по развитию англо-швейцарских отношений, позже вспоминал, что в то время четверо или пятеро из живших там англичан увлекались горными лыжами, но никто из местных жителей не находил удовольствия в том, что они, должно быть, полагали чудным англо-саксонским обыкновением. Но спорт быстро приживался: Ланны оказались в Шамони всего за три года до того, как местный врач Мишель Пейо взялся обучать катанию на специальных лыжах (результатом стал первый лыжный переход через Коль-дю-Жент). В Шамони Генри Ланн понял, что горные лыжи вот-вот станут невероятно популярны, и ухватился за подвернувшуюся возможность для бизнеса: так родился Альпийский спортивный клуб частных школ.

В 1903 году клуб организовал первую туристическую групповую поездку, связанную с зимними видами спорта в Альпах; выбор Генри Ланна пал на курорты Санкт-Мориц, Давос и Ароза. По существу, клуб являлся туристическим агентством, но название для него было выбрано совершенно обдуманно, как привлекательное для снобов. Позднее Арнольд Ланн писал, что клуб обращался к тем, «кто предпочитал оставаться в привычном

социальном окружении [и] обедать с англичанами своего класса». Так как членами клуба могли стать только бывшие ученики частных средних школ и те, кто учился в одном из старейших университетов или находился на государственной или военной службе, то не удивительно, что они должны были соответствовать определенному кодексу поведения и манере одеваться: «В первое десятилетие века для англичанина было немыслимо не одеться к обеду в любом из ведущих спортивных центров, — писал Арнольд Ланн. — Помню одного жалкого изгоя, чей багаж где-то задержался на целую неделю... Наконец багаж доставили. Никогда не забуду выражения его лица, когда он впервые появился в вечернем туалете. Он был похож на человека, которого только что оправдал военный трибунал, сняв бесчестное обвинение».

Вскоре Адельбоден, Мюррен, Венген и Монтана стали своими для приверженцев зимнего отдыха из Великобритании; туристический гид того времени, «Швейцария зимой», за авторством Уилла и Карин Кэдби, отмечал: «Зимнее туристское население Мюррена составляют катающиеся на лыжах герцогини, лорды на коньках и играющие в керлинг епископы». В январе 1903 года в Адель-

бодене был организованы первые соревнования на переходящий кубок Альпийского спортивного клуба частных школ, и впервые в горы приехали соперничающие команды лыжников. Меньше чем через двадцать лет, в 1921 году, были проведены первые чемпионаты по скоростному спуску — в Венгене (на следующий год городок принимал соревнования между университетами Оксфорда и Кембриджа, а Арнольд Ланн организовал в долине у Мюррена первые состязания по слалому). В 1924 году группа англичан, встретившись в «Палас-отеле» в Мюррене, учредила клуб по скоростному спуску, которому они дали название в честь Робертса Кандагарского, и организовали соревнования — старейшие в мировом горнолыжном спорте; таким образом, название далекого городка в северо-западной пограничной провинции Индии (ныне — Афганистан) стало ассоциироваться с наиболее престижными соревнованиями по горным лыжам в Альпах. (К 1930 году Санкт-Антон тоже обзавелся трассой «Кандагар», и в 1930 году свыше ста лыжников приняли участие в горнолыжных соревнованиях «Арльберг-Кандагар».)

Тем временем Генри Ланн зарабатывал неплохие деньги, ловко пользуясь своим организа-

торским талантом и умением заполнять бреши растущего рынка; позднее он писал, что любит Альпы зимой, под «вечным солнцем... [где] искрящаяся атмосфера бодрит намного больше, чем самое лучшее шампанское». И хотя от экуменической стези в церкви он отказался, всецело посвятив себя туристическому бизнесу, Ланн все же ухитрился выкроить время, чтобы основать в Альпах, на территории «Палас-отеля» в Монтане, англиканскую церковь Святого Луки, продолжив, таким образом, традицию, начало которой было положено тридцатью годами ранее — церквями в Майрингене, Давосе и Церматте.

В первые десятилетия XX века, получив благодаря деятельности Ланна новый импульс для развития, горные курорты Давос, Санкт-Мориц и Шамони постепенно превращались в горнолыжные центры. (В Санкт-Морице впервые были внедрены лебедки: местный инженер Герхард Мюллер протянул веревку вдоль цепочки самодельных опор и подключил на одном ее конце старый мотор от мотоцикла.) Примеру последовали и другие курорты: в 1930-х годах Муссолини перестроил первый в Италии горнолыжный курорт Брейль-Червина — это была часть его плана по формированию здоровой нации; подъемники

для лыжников здесь достигали доселе неслыханной высоты в 3500 метров, а в отелях готовы были радушно принимать богатых и влиятельных постояльцев. Другой хорошо известный итальянский курорт, Сестриере, был нацелен на прием гостей совсем другого сорта: его развивал (с благословения II Duce) промышленный магнат, владелец «Фиата» Джованни Аньелли с целью борьбы с бедностью в горах, и этот курорт притягивал к себе главным образом заводских рабочих из индустриальных городов севера Италии (при монтаже сантехники в местных отелях Аньелли потребовал устанавливать раковины повыше, чтобы постояльцы не испытывали искушения в них мочиться).

Гостей классом выше принимал Китцбюэль в Австрии; в Средневековье он был городком горняков, затем — курортом с минеральными источниками, и его торфяные ванны, по общему мнению, на время приносили облегчение. А в 1890-х годах Франц Райш привез из Норвегии лыжи, и в течение нескольких лет городок превратился в ведущий курорт Восточных Альп. Франция поначалу слегка отстала в развитии подобных курортов; один из первых был организован в Мерибеле после аншлюса, чтобы

чем-то заменить оказавшие недосягаемыми австрийские горнолыжные курорты, его создал английский аристократ лорд Линдсей. Среди несколько припозднившихся оказался и Валь-д'Изер; в 1923 году Финдлей Мюирхед писал в своем путеводителе по Французским Альпам: «Зимой селяне практически впадают в спячку, так как культ зимних видов спорта еще не успел добраться до их медвежьего угла»; но за годы после Второй мировой войны деревня разрослась, превратившись в один из самых известных в мире горнолыжных центров.

Скоро лыжи стали чрезвычайно популярным спортом, с многочисленной армией приверженцев во всем мире, и в знак признания Международный олимпийский комитет решил проводить зимние игры в тот же год, что и летние, но перед вторыми. Для проведения первых подобных соревнований в 1924 году был выбран Шамони. Отныне маленький городок под Монбланом, некогда малозначимый альпинистский центр, вошел в большую международную лигу, будучи отмеченным во всех календарях спортивных мероприятий. За ним в 1928 году настал черед Санкт-Морица, а в 1935 году соседние курортные городки Гармиш и Партенкирхен в Баварии офи-

циально были объединены, и олимпиаду 1936 года провели в Гармиш-Партенкирхене. После Второй мировой войны еще больше альпийских городов и курортов организовывали Олимпийские игры, в том числе — Инсбрук в 1964 и 1976 годах, а Шамони (1968) и Санкт-Мориц (1948) принимали олимпиаду по второму разу. На склонах долин возле этих курортов выросли трамплины, похожие на бетонные завитушки: в 1930-х годах были построены трамплины «Планица» под Краньской Горой в Словении, и они по-прежнему остаются самыми длинными в мире. К тому времени рекреационный лыжный спорт в Альпах прошел длинный путь, родившись в городках вроде Давоса, где всего лишь за тридцать лет до того он был всего-навсего эксцентричным хобби.

Горным лыжам нашлось и военное применение. На самом рубеже веков молодой армейский офицер из гарнизона в Бриансоне был настолько убежден, что лыжи пригодны для передвижения по заснеженным Альпам, что лично финансировал снаряжение семерых солдат, которыми командовал. В 1901 году эти *chasseurs alpines* (альпийские стрелки) спустились на лыжах по склонам Монженевре перед комиссией из военных экспертов. Высокое армейское начальство

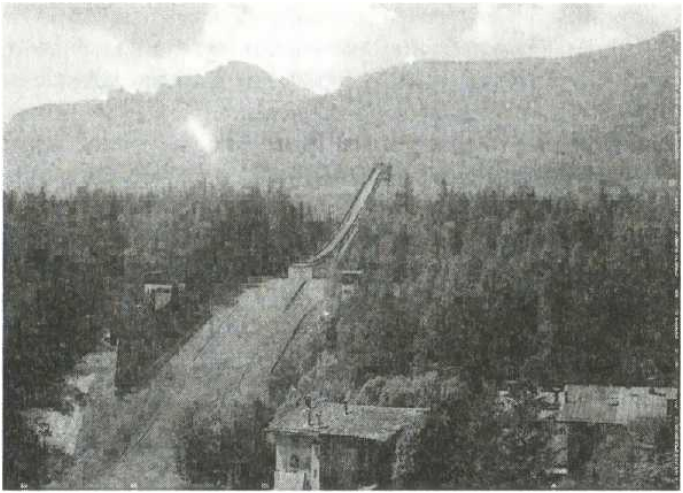
отнеслось к этой идее благосклонно: в 1903 году в городке (нынче ставшем крупным горнолыжным курортом) была учреждена военная школа, где альпийские стрелки проходили соответствующую подготовку.

Тогда же в Австрии полковник Бильгери начал экипировать солдат лыжами и обучать кататься на них, а позже написал 150-страничное учебное пособие по ведению войны в Альпах (оно попало в руки итальянцев, которые нашли ему применение). Затем, во время Первой мировой войны, итальянская армия открыла в Доломитах школу скалолазания, оснащенную системой тросов, лестницами и канатами; существование этой школы, известной как *via ferrata*, держалось в секрете вплоть до 1950-х годов, а в 1980-х годах возле Бриансона для скалолазов был открыт первый маршрут *via ferrata*, сооруженный в развлекательных целях. В настоящее время *via ferrata* — весьма популярное развлечение в Альпах: на отвесных скалах часто можно видеть множество скалолазов, в шлемах и обвязках, карабкающихся по закрепленным на утесах лестницам.

Поскольку лыжным спортом занимаются зимой, когда темнеет рано, а первые курорты были по существу маленькими деревнями, почти

лишенными заметной культурной жизни, которую можно предложить туристам, то сферу *apres-ski*[24] приходилось начинать с нуля, причем тем, кто сам был в этом заинтересован. В «Шотландских чайных» в Санкт-Морице зимними вечерами к чаю подавали пышки, ячменные лепешки и кексы, а в Давосе образовалось литературное общество, и на его собрания приглашали лекторов: М. Дж. Майкл выступал с докладом «Некоторые факты относительно внутреннего и внешнего строения насекомых», а Джон Эддингтон Саймондс читал лекцию на тему «Лирические стихи из елизаветинского песенника». В фешенебельных гостиницах наподобие «Паласа» в Санкт-Морице, который мог похвастаться тем, что на стене в комнате для бриджа висит оригинал Рафаэля, холодными вечерами веселые компании устраивали маскарады.

[24] Примечания: 24
Букв, «после лыж» (фр.), отдых после занятий лыжным спортом.

Современный Кортина-д'Ампеццо: трамплин, построенный к Олимпийским играм 1956 г.
Фото О. Королевой

По сегодняшним меркам подобное времяпровождение было очень неинтересным и пресным, но существовали и предвестники тех клубов и баров, в которых каждый вечер не протолкнуться от толп *apres-ski* на протяжении всего сезона в Вербье или Санкт-Антоне. Но именно подобная атмосфера, больше чем что-либо другое, притягивала к альпийским курортам богатых и знаменитых: в 1930-х годах Санкт-Антон стал

магнитом для европейских кинозвезд, а потом, в 1940-х годах, и излюбленным «водопоем» для асов «люфтваффе»; Альфред Хичкок как-то заметил, что на протяжении тридцати пяти лет он время от времени бывал в Санкт-Морице, но ни разу не позволил себе встать на коньки или лыжи. В наши дни в число тех мест, что облюбовали «сливки общества», входят Гштаад, куда регулярно приезжают бельгийский король Бодуэн, принц Монако Ренье и бывший военный диктатор Заира Мобуто, и Санкт-Мориц, долгое время славившийся как главный зимний курорт международной элиты и членов королевских семей всей Европы (хотя принц Чарльз долгое время отдавал предпочтение ближайшему соседу Санкт-Морица, Клостерсу).

Монарх Монблана

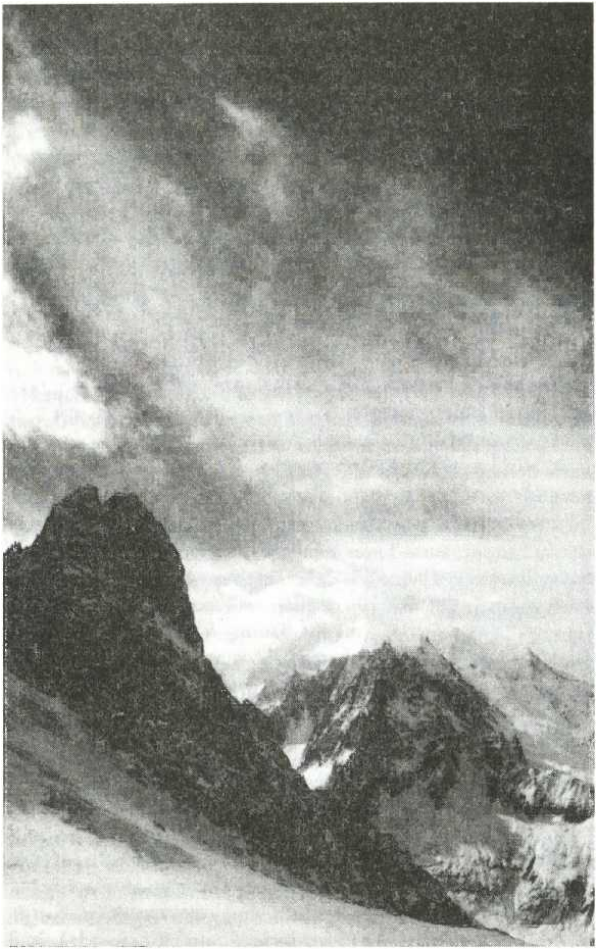
О покорениях гор написаны сотни книг и статей, поэтому представляется целесообразным изложить историю альпинизма в Альпах, сосредоточив внимание всего на трех успешных попытках восхождений: на Монблан, потому что это — самая высокая гора в Альпах; на Маттерхорн, потому что его завоевание в 1865 году привело к первой крупной альпинистской тра-

гедии; и на северную стену Айгера, потому что подъем на нее — одна из труднейших задач, которую можно найти для альпиниста. Тех, кто желает глубже погрузиться в эту важнейшую главу истории гор, отсылаем к классическим текстам, таким как «Восхождения в Альпах» (1865) Эдварда Уимпера или «Белый паук» — вышедший в 1959 году рассказ Генриха Харрера о первом удачном прохождении северной стены Айгера.

Из Шамони Монблан не кажется таким грозным и опасным, каким считается; скорее скругленная и сглаженная, а не крутая и иззубренная, гора имеет форму вытянутого горба чистейшей белизны, отчего непосвященному предполагаемое восхождение на нее представляется обнадеживающе легким. Но трагическая история попыток завоевания этой горы всякий раз доказывает, что оптимист глубоко заблуждается. Рассказ о покорении Монблана начинается с середины XVIII века, с ученого и любителя гор Ораса-Бенедикта де Соссюра. Он был профессором естествознания в Женевской академии и вырос в этом городе, впервые побывав в Шамони в возрасте двадцати двух лет. «С детства у меня было несомненное и страстное увлечение горами, — писал он впоследствии. — Я до сих пор помню ощущение, которое

испытал, когда мои руки впервые коснулись скалы Салев, а мой взор радовали открывшиеся с нее виды».

В 1760 году Соссюр, очарованный Монбланом, объявил награду тому, кто первый достигнет его вершины (он также обещал оплатить расходы тем, кто попытается совершить восхождение, но потерпит неудачу). Первым на вызов профессора ответил Марк-Теодор Бурри — человек эгоцентричный, распутный, воображавший себя писателем и художником, и в начале 1780-х годов он действительно предпринял две неудачные попытки покорить гору. За ним решил взойти на Монблан еще один местный житель, Ломбар Менье, который придерживался мнения, что при восхождении вовсе не нужны съестные припасы, пригодятся разве что флакон духов и зонт (не удивительно, что его также постигла неудача). Стало очевидно, что подъем на гору — предприятие не столь простое, как представлялось.

В 1786 году врач из Шамони по имени Мишель-Габриэль Паккар, объединившись с местным крестьянином и искателем кристаллов Жаком Бальма, попытался завоевать предложенный де Соссюром необычный приз. Бальма был известен как тщеславный хвастун и бродяга; Паккар, с другой стороны, был более осмотрителен и благоразумен. Отправившись из лагеря, разбитого высоко на склоне горы, в 4 часа утра 7 августа 1786 года, они сумели уклониться от рушащихся снежных перемычек, храбро встретить страшный холод, совладать с высотной болезнью и пережить ветер, настолько сильный, что их грозило сдуть с горного склона, и в 6:23 вечера того же дня отважные восходители достигли вершины. «Монарх лежал у гордых ног завоевателя, — скромно написал Бальма о своем достижении. — Все вокруг принадлежало мне! Я был царем Монблана! Я был статуей на этом уникальном пьедестале!» Что до вида, от Невшательского озера в низинной части Швейцарии до средиземноморского побережья и самого порта Генуя, то Бальма видел «горы, утопающие в пушистом снегу, возвышающиеся среди лугов самого насыщенного зеленого цвета». Большинство жителей Шамони наблюдали за горой через подзорные

трубы и отчетливо разглядели знак, которым Бальма и Паккар отметили, что добрались до вершины, — они энергично размахивали привязанным к палке шейным платком. (Бальма записал, что с вершины он, в свою очередь, видел толпы людей, которые смотрели на него с городской рыночной площади.) Паккар и Бальма провели на вершине немногим более получаса, отправившись в обратный путь в 6:57 вечера, и достигли лагеря незадолго до полуночи. К тому времени оба страдали от сильных обморожений и снежной слепоты. Позднее Бальма вспоминал, что увидел в зеркале: «Глаза были покрасневшими, лицо почернело, а губы посинели... всякий раз, как я смеялся или зевал, кровь выступала на губах и щеках, и вдобавок я наполовину ослеп».

За этой первой успешной попыткой покорения Монблана последовала печально известная ссора, нашедшая свое литературное воплощение. Бальма поспешил заявить о своих претензиях на вознаграждение Соссюра, и награда была увеличена за счет премии, выделенной королем Сардинии, тогдашним правителем Савойи. Марк Бурри, уже успевший написать книгу о своей неудачной попытке завоевания Монблана,

опубликовал книгу о восхождении Бальма и Паккара, в которой заявил, что Бальма — герой, а Паккар — просто-напросто обуза. Враждебность Бурри к Паккару, по-видимому, объяснялась тем, что раньше они вместе предприняли попытку взойти на пик, но вынуждены были повернуть назад, потому что, к стыду Бурри, он испугался огромной высоты окружающих гор. «Письмо о первом походе на вершину Монблана» Бурри стало популярным во всей Европе, и изложенная им версия событий практически не вызывала возражений; само Шамони вскоре разделилось на тех, кто верил утверждениям Бурри, и на тех, кто поддерживал Паккара (однажды он действительно подрался с Бурри возле гостиницы в городке). Де Соссюр выступал на стороне Паккара и позже писал: «Этот скромный и симпатичный человек совершенно незаслуженно оказался во втором ряду, где-то за спиной театральной фигуры Бальма». Споры не утихали вплоть до смерти обоих, и Бурри, и Паккара. Впоследствии Паккара избрали мэром деревни, он женился на сестре Бальма Мари, а Бальма продолжал водить людей в горы и встретил свою смерть в 1834 году в возрасте 72 лет, когда искал золото среди высоких пиков.

Следующим на гору взошел сам де Соссюр. Его

сопровождали восемнадцать проводников, а с собой он взял томик Гомера, несомненно, надеясь вдохновляться сказаниями о подвигах древнегреческих героев. Подобно многим восходителям, он испытал учащение сердцебиения, страдал от приступов тошноты и бессонницы — но преодолел все, взойдя на вершину в 10 часов утра 3 августа 1787 года и описав свое свершение в книге «Путешествия по Альпам». На следующий год де Соссюр вновь покорил гору, на сей раз в научных целях; разбив лагерь на Коль-дю-Жент, на тысячу метров ниже вершины, он попал в самую страшную грозу, какую можно было себе вообразить: ветер хлестал «порывами, с неистовством, не поддающимися описанию... Мы чувствовали даже, как содрогается гора у нас под матрацами; ветер проникал сквозь щели в стенах хижины. Однажды он сорвал с меня простыни и одеяла, и я сразу замерз, с головы до пят».

В XIX веке было совершено намного больше восхождений; в действительности подъем на гору стал столь популярен, что на различных участках маршрута восхождения были построены хижины, где восходители могли укрыться от непогоды, и в 1821 году в Шамони было организовано «*Com-pagnie de Guides*» («Товарищество

проводников»), благодаря чему власти получили возможность лучше контролировать попытки подъема на гору. (Вначале казалось, что, поскольку практически любой мужчина из Шамони мог предложить себя в проводники, помощь не всегда была на должном уровне; но постепенно ситуация улучшилась, и к 1955 году в этой многоуважаемой организации состояли свыше ста гидов, которые водят на гору примерно десять тысяч клиентов в год.)

В 1808 году Мари Паради стала первой женщиной, которая совершила восхождение на Монблан, и в 1838 году ее подвиг повторила графиня Анриетта д'Анжевилль, французская аристократка, чей отец был казнен в годы революции. На гору она поднялась, облаченная в штаны из плотной шотландской шерсти, и наряд графини шокировал утонченные вкусы тех лет; но ей хотелось доказать, что она ничем не уступает восходителям-мужчинам, и на льду на вершине она вырезала слова: «*Vouloir, c'est pouvoir*» — «Желать значит мочь». (На пути вверх графиня взяла с проводников обещание: если она погибнет, те донесут ее тело до вершины.)

Помимо триумфов и успешных восхождений XIX век также принес на склоны Монблана траге-

дию. Один из самых горестных и пронзительных рассказов о случившемся несчастье таков: в 1870 году группа проводников вышла из Шамони, чтобы постараться выяснить, что же произошло с пропавшей партией американских альпинистов. Как проводники и предполагали, некоторые тела они нашли в снегу, причем один из погибших «сидел, положив голову на руку, локтем упираясь в рюкзак, где по-прежнему лежало немного мяса, хлеба и сыра». Несчастный оставил в своей записной книжке прощальное письмо жене: «Мы просидели на Монблане два дня из-за ужасной снежной бури, — сообщало послание. — Мы заблудились и сидим в яме, выкопанной в снегу, на высоте пятнадцати тысяч футов. У меня нет надежды спуститься. Возможно, эту записную книжку найдут и перешлют тебе. У нас нет еды; ноги у меня уже замерзли, я совершенно истощен; у меня остались силы, только чтобы написать несколько слов. Я умираю с верой в Иисуса Христа, с нежными мыслями о своей семье; шлю всем сердечный привет».

Горная мания в Лондоне

К середине XIX века Монблан был, вероятно, самой известной горой в мире. Он захватил во-

ображение широких слоев общества не столько потому, что о нем писали такие люди, как Бурри и де Соссюр, а скорее благодаря похождениям английского театрального импресарио Альберта Смита. Заметная и яркая фигура, он был сыном врача из Чертей и влюбился в горы в девять лет, прочитав детскую книжку под названием «Крестьяне Шамони». Несомненно, уже в детстве обладая даром к устройству развлечений, юный Альберт увлекся изготовлением миниатюрных движущихся панорам Монблана и обычно пугал маленькую сестру, рассказывая ей страшные истории о несчастьях, которые случались с альпинистами на предательских склонах. Позднее Смит изучал медицину в Париже и в 1838 году побывал в Шамони, въехав в городок на телеге с сеном.

Этот поездка изменила всю жизнь Смита: он забросил занятия медициной, начал писать юмористические статьи в журнал «Панч», а затем стал театральным продюсером, занимался постановкой в Лондоне различных пантомим и представлений. В 1848 году он написал и ежемесячно публиковал сериал, по шиллингу за книжку, под заголовком «Кристофер Головастик». Его герой-неудачник пытается взобраться

на Монблан (в одном эпизоде злополучный альпинист падает в ледяную дыру и выныривает уже в Женевском озере). На следующий год Смит совершил путешествие в Египет и создал сценическую постановку о египетских приключениях под названием «Сухопутный маршрут», которую с большим интересом встретила лондонская публика. Успех этого представления обеспечил Смита необходимыми средствами и придал уверенности в своих силах — он решил вернуться в Шамони и действительно взойти на Монблан. Свое восхождение он осуществил в 1852 году, и его сопровождали носильщики, тащившие припасы — шестьдесят бутылок *vin ordinaire*, четыре бутылки коньяка, шесть бутылок бордо, четыре пачки чернослива, малиновый сироп, десяток маленьких головок сыра, четыре свечи, шесть пакетов сахара и сорок шесть живых куриц. Смит ликовал, достигнув наконец вершины: «Страстное многолетнее желание удовлетворено, но я был настолько измотан, что, даже не оглянувшись вокруг, рухнул на снег и в то же мгновение уснул».

После возвращения в Лондон Смит занялся постановкой нового представления о своем путешествии в горы: спектакль «Восхождение

на Монблан» шел в Египетском зале на Пиккадилли с аншлагами семь лет подряд! В каждом представлении участвовали пара серн, живой сенбернар, хорошенькие девушки в альпийских нарядах, из декораций имелись диорама Альп на заднике и деревянное швейцарское шале, а главным героем был сам Смит, без зазрения совести преувеличивший и приукрасивший свои подвиги. Наделенный умением устроить зрелище, он знал, чем и как привлечь внимание публики: на закрытии каждого сезона он лично преподносил букет цветов каждой зрительнице. А возможности перед Смитом и его шоу были открыты колоссальные: представление породило не только настольные игры, но и популярные песни, вроде «Польки Шамони», на Бейкер-стрит открылся каток с искусственным льдом, где стены украшали картины с изображениями заснеженных Альп. По королевскому указу Смит давал свои спектакли в Виндзорском замке и в Осборн-хаусе, резиденции королевы Виктории на острове Уайт. Когда одна из блиставших в его шоу собак ощенилась, то одного щенка-сенбернара Смит преподнес в подарок королеве Виктории, а другого — Чарльзу Диккенсу, который посетил представление и оставил такой отзыв: «Самые

робкие леди могут подниматься на Монблан дважды на дню... ничуть не рискуя устать».

Не удивительно, что у этакого буйного расцвета альпийской безвкусицы нашлись и критики. «Там, на Монблане, звучал говорок кокни... который вы, без сомнения, очень скоро услышите», — высказался в одном из своих писем Джон Рескин. В «Таймс» в 1855 году отмечалось, что Британией овладела «монблановмания», но «Монблан определенно стал надоедать... вообще-то говоря, мир очень мало этим интересуется». Однако Монблан был очень интересен для Смита: он хорошо понимал, что люди эпохи королевы Виктории очарованы горами, а потому вовсю пользовался выпавшей ему возможностью «доить» публику; в конце аншлагового показа своего представления он стал богаче на тридцать тысяч фунтов стерлингов, а интерес к Альпам взлетел до небывалых высот.

«Лучшее познание гор через литературу, науку и искусство»

В том же десятилетии, когда Альберт Смит устраивал в Лондоне свои зрелищные представления, снискавшие шумный успех у публики и приносившие хороший доход, некоторые

поклонники Альп, обладавшие более ученым складом ума, отметили свое увлечение горами совсем по-иному. 22 декабря 1857 года в отеле «Эшлис» на лондонской площади Ковент-Гарден был основан Альпийский клуб, провогласивший своей целью «установление товарищеских отношений между альпинистами... и лучшее познание гор через литературу, науку и искусство». Члены клуба, и это было совершенно очевидно, принадлежали к определенным социальным и интеллектуальным кругам: большинство из них учились в привилегированных закрытых частных школах, в Оксфорде или Кембридже, а с точки зрения профессиональной принадлежности среди них чаще всего встречались юристы, университетские преподаватели и священники. В число основателей клуба входили поэт Мэтью Арнольд, художественный критик Джон Рескин и издатели Джон Мюррей и Уильям Лонгман; первым президентом клуба был заместитель министра по делам колоний и увлеченный альпинист Джон Болл. Самым практическим и полезным аспектом деятельности клуба стало издание рассказов скалолазов о том, что с ними происходило и что они пережили в Альпах. Первые подобные сообщения появились в 1859 году

в книге, озаглавленной «Горные пики, перевалы и ледники», а с 1864 года эти рассказы начали печататься в «Альпийском журнале», страницы которого запестрели разнообразными отчетами альпинистов о восхождениях; там также публиковались письма, в которых задавались вопросы об альпинистском снаряжении, о том, как нужно готовиться к путешествию в горы и т. д. Журнал ценен тем, что позволяет правильно оценить лучшую пору эпохи восхождений в Альпах и ту важную роль, которую сыграли английские альпинисты.

Видным членом Альпийского клуба (и некоторое время его президентом) был Лесли Стивен, один из выдающихся литераторов викторианской Англии. Он был редактором журнала «Корнхилл мэгэзин», подал идею «Национального биографического словаря», а также являлся членом совета Тринити-Холл — колледжа Кембриджского университета. Но он вовсе не был изнеженным академическим ученым: в молодости добился известности как гребец и спринтер, покорил пики Битшорн и Монте-делла-Дисграциа; однажды, чтобы присутствовать на обеде в Альпийском клубе, он пешком прошел весь путь от Кембриджа до Лондона — за двенадцать

часов. Его дочь, писательница Вирджиния Вульф, позднее вспоминала, что отец ходил по лондонским улицам в той же самой твидовой куртке, какую носил в горах, и на талии была явственно заметна желтая полоса, оставленная веревками, которые он обматывал вокруг пояса. Но Стивен, как и большинство членов Альпийского клуба, во многих отношениях был склонен к снобизму: он писал, как в Санкт-Морице ему случайно повстречался «настоящий английский кокни, в самом своем страшном виде», а увидев, как по леднику Гриндельвальда разгуливают туристы-американцы и куковские экскурсанты, он сравнил ледник с тушей «несчастного кита, выброшенного на берег... которую кромсают безжалостные рыбаки».

Впрочем, за снобизм на скамью подсудимых Лесли Стивен отправился бы не в одиночку. Многих членов Альпийского клуба на первом этапе его существования преследовали обвинения в снобизме. Намекали, что в 1870-х годах альпинист Альберт Маммери, владелец кожевенного завода в Дувре, который поднялся на Маттерхорн по новому и опасному маршруту по гребню Цмутт, был забаллотирован по той причине, что занимался торговлей. Как и стоило ожидать, члены Альпийского клуба с ужасом взирали на толпы

туристов и скалолазов, которые отныне каждое лето отправлялись в Альпы: за свою излишнюю популярность Шамони и Монблан были списаны со счетов, вместо них предпочтение было отдано другому альпийскому курорту — Церматту. Клуб также был исключительно мужским: считалось, что женщины не обладают физическими и духовными силами и выносливостью, требующимися для покорения гор. В 1871 году Мета Бривурт, американка сорока с небольшим лет, вынуждена была опубликовать отчет о восхождении на Битшорн под именем своего племянника, Уильяма Кулиджа, потому что устав клуба запрещал женщинам выступать на страницах «Альпийского журнала». (Женский Альпийский клуб был основан в 1908 году.) Клуб также свысока смотрел на такие пустяковые и банальные забавы, как зимние виды спорта, поэтому, когда горные лыжи и санный спорт приобрели популярность, был основан отдельный Альпийский лыжный клуб. Его основателем стал студент последнего курса Оксфордского университета Оуэн О'Малли, который первое заседание клуба провел в своей комнате в колледже Магдалины. Впоследствии именно эта организации выпустила самые первые путеводители по Альпам для тех, кто увлекается горными

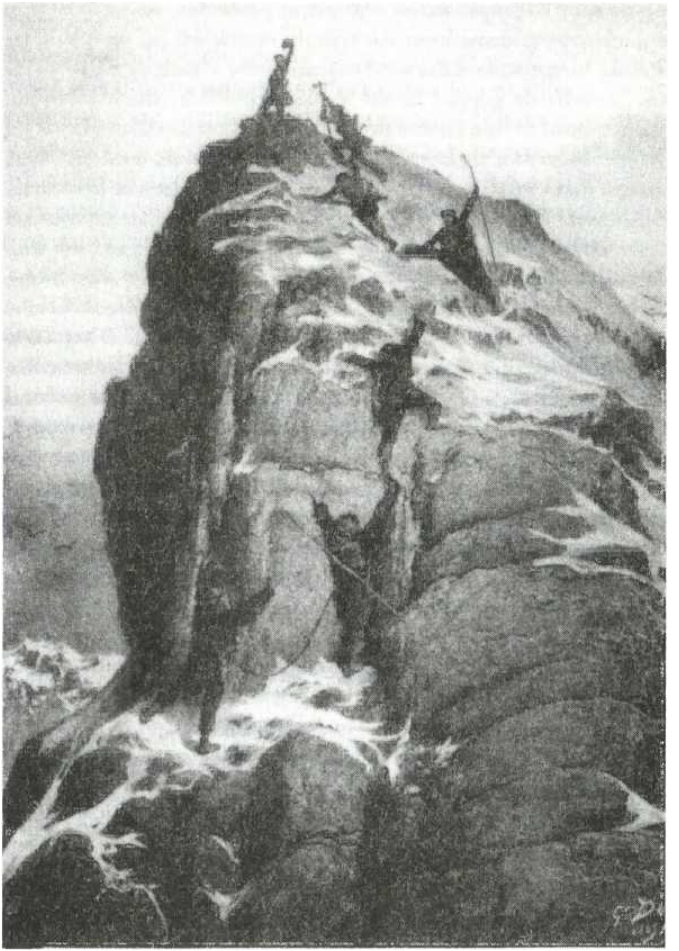
лыжами.

Маттерхорн и Айгер

Вершина Маттерхорна (4478 м) почти на четыреста метров ниже Монблана, но эта гора производит бесконечно более сильное впечатление и намного опаснее: тем, кто взбирается на нее, нужно быть готовым к преодолению крутых склонов, к изменчивым фирновым полям, тонкой ледяной корке, постоянным камнепадам и катящимся по склону валунам. Горячий поклонник Альп Воэн Хоукинс писал в XIX веке: «Горы обладают некоей престижностью из-за своей неприступности... отчего можно предполагать, что на них мы столкнемся с новой, дотоле неслыханной опасностью».

По профессии Эдвард Уимпер был гравером, и восхождениями на горы он заинтересовался, когда издатель Уильям Лонгман попросил его выполнить несколько гравюр для книги, посвященной Альпам. Уимпера сразу же заворожил Маттерхорн, бросивший своеобразный вызов: «Казалось, вокруг него выставлен кордон, до которого дойти можно, но далее пути нет», — писал Уимпер. 13 июля 1865 года Уимпер предпринял попытку прорваться за этот кордон во главе

экспедиции, выступившей на покорение вершины из Церматта. В группу Уимпера входили Мишель Кро, опытный проводник из Шамони, еще два местных гида, отец и сын Таугвальдеры; вдобавок — студент из Кембриджа Дуглас Хэдоу, приходской священник преподобный Чарльз Хадсон и английский аристократ лорд Фрэнсис Дуглас. Им было известно, что с итальянской стороны к вершине уже отправилась другая партия, поэтому они хотели опередить соперников. Однако вторая партия в конце концов отказалась от восхождения и вернулась обратно, а группа Уимпера, оставшаяся без конкурентов, достигла вершины в 1:40 пополудни, на следующий день после того, как альпинисты покинули Церматт. Позднее Уимпер писал, что с горы открывался ошеломительный вид до самого Монблана: «Ни один из главнейших пиков Альп не был сокрыт. Теперь я отчетливо видел их все... заснеженные горы, темные и мрачные или сверкающие и белоснежные, со стенами, башнями, шпилями, пирамидами, куполами, конусами и шпицами! Здесь были всевозможные сочетания, какие только способен придумать мир, и всякие контрасты, каких могла пожелать душа».

Но во время спуска после триумфального покорения вершины произошла трагедия. В результате несчастного случая, ставшего одним из самых известных во всей истории альпинизма, погибли Хадсон, Хэдоу, лорд Фрэнсис Дуглас и Кро. Достаточно оказалось того, что поскользнулся и сорвался Хэдоу, а затем оборвалась веревка, которую держали Уимпер и его проводник, старший Таугвальдер. Позже Уим-пер описывал свой ужас, когда «несколько секунд мы видели, как наши спутники скользят вниз на спинах, раскинув руки, из всех сил стараясь спастись. Они... исчезали, один за другим, и падали в одну пропасть на глетчере внизу, потом в другую... с того мига, как лопнула веревка, помочь им было уже невозможно». Три тела позже обнаружили — без одежды и изувеченные падениями; у Кро была снесена половина черепа, и крест от четок с такой силой вдавился в челюсть, что его пришлось вырезать перочинным ножом, чтобы легче было опознать тело. От лорда Дугласа ничего не осталось, нашли только ботинок, рукав от куртки и пару перчаток; эти свидетельства страшных событий можно увидеть в Альпийском музее в Церматте, рядом с ледорубом Уимпера, оборванной веревкой и первым отчетом о катастрофе, написанным соб-

ственноручно Уимпером.

Ужасный случай на Маттерхорне подвел черту под золотым веком альпинизма. «Где здравый смысл? Разве это приемлемо? Разве это правильно?» — обличала «Таймс», осуждая культ горовосхождения как глупую и безрассудную «причуду»; соглашаясь с этим, Чарльз Диккенс писал, что восхождение на Маттерхорн «внесло такой же вклад в прогресс науки, что и клуб молодых джентльменов, поставивших себе целью посидеть верхом на всех флюгерах шпилей всех соборов Соединенного Королевства». «Эдинборо ревью» высказывался так: «Есть ли у человека право подвергать опасности свою жизнь и жизни других людей ради цели, не имеющей ни малейшей ценности, важной лишь для него самого и его сотоварищей? Если в рискованном приключении потеряна жизнь, то недалека ли моральная вина погибшего от греха самоубийства или убийства?» Лесли Стивен с печалью писал, что на горовосходителей теперь смотрят едва ли не как на «школьников-переростков, которые, как и всякие другие школьники, любят играть в грязи, им нравятся опасности и проказы». С другой стороны, история вызвала у широкой публики заметное любопытство: на

какое-то время Уимпер стал самым знаменитым человеком в Европе, о котором только и говорили; с рассказом о трагической катастрофе на Маттерхорне он выступал в Лондоне в битком набитых слушателями залах. Однако на эту гору Уимпер больше не возвращался: в дальнейшем он совершал восхождения в Андах, на нартах с собачьей упряжкой прошел через Гренландию, ходил на хребет Монблана, о котором написал известный путеводитель для скалолазов. Другая книга Уимпера, «Восхождения в Альпах» (1871), стала одним из классических альпинистских текстов; Арнольд Ланн так отзывался о ней: «Ни одна другая книга не отправила в Альпы больше альпинистов... заключительные эпизоды великой драмы на Маттерхорне развиваются к своей известной заранее кульминации с достоинством, которое свойственно самым величественным стихам Ветхого Завета».

Восхождение на Айгер впервые совершил в 1858 году англичанин Чарльз Баррингтон вместе с двумя местными проводниками. Однако подъем они осуществили отнюдь не по печально известной Северной стене — вертикальному ледово-скальному фасу, что высится позади живописно расположенных отелей Кляйне-Шайдегга

(откуда отправляются поезда на Юнгфрауйох). В 1937 году полковник Эдвард Стратт, бывший тогда редактором «Альпийского журнала», заявил, что восхождение по Нордванду (или Айгерванду) — «навязчивая идея умственно ненормальных... тот, кто первым успешно его совершит, может быть уверен — он до конца пройдет по самому идиотскому маршруту, который только существовал с тех пор, как зародился альпинизм». Из восьми человек, кто к тому времени предпринял попытку взобраться по Северной стене, шестеро погибли, и никто не достиг вершины; участки стены носят названия Бивак смерти (узкая скальная полка, только на ней альпинисты могли разбить лагерь), Траверс богов и Паук — его «ножки» становились ловушками для скалолазов, когда вокруг начинали падать и скакать камни и ледяные глыбы.

В 1936 году случилось самое известное из ужасных событий, происходивших с альпинистами на Северной стене: от истощения и обморожений погиб австриец Тони Курц — он умер во время восхождения, прямо на веревке, с помощью которой взбирался на гору. Когда наконец появились спасатели (пробравшись к Северной стене через станцию «Айгерванд» на железнодорожной вет-

ке Юнгфрау), он сумел лишь слабо вымолвить: «*Ich kann nicht mehr*...» («Больше не могу»), а потом скончался. В своей книге «Век альпинизма» Арнольд Ланн написал о гибели Курца: «Его героическое сердце сопротивлялось ужасам грозы, одиночеству и страданиям, подобные которым альпинистам редко доводиться переносить... он не сдался. Он умер. В аннапах альпинизма нет примера стойкости более героической». После гибели Курца немецкая пресса переименовала Нордванд в Мордванд — Стену-убийцу.

Первое успешное восхождение по Северной стене было осуществлено в июле 1938 года экспедицией во главе с Андерлем Хекмайром. С ним

шел товарищ-австриец по имени Генрих Харрер (женатый на дочери «отца» теории тектонических плит, Альфреда Вегенера, и скончавшийся в январе 2006 года). Позднее Харрер написал классическую книгу о Северной стене, озаглавленную «Белый паук» (другая его известная книга — «Семь лет в Тибете», в ней он описал свои приключения в индийских и тибетских Гималаях). В книге Харрера есть незабываемое описание прохождения пользующегося дурной славой Паука, где «ледышки и снег... как по каналам, устремляются в трещины и канавки, их под давлением выбрасывает в чрево Паука, и там они сливаются в поток всесокрушающей ярости [перед тем, как наконец вырваться] наружу и вниз, уничтожая или унося с собой все, что не является частью естественной породы». Во второй части своей книги он подробно излагает историю других попыток взять Северную стену, например рассказывает о неудачном восхождении в августе 1953 года, которое закончилось тем, что «рабочий туннеля железной дороги Юнгфрау увидел, как в полдень мимо окон станции «Айгерванд» [которые пробиты в скальной породе] вниз, в облаке снега, промелькнули две тени. Но ему хватило этих считанных мгновений, чтобы опознать в проле-

тевших тенях очертания человеческих тел...»

«Эти таинственные порывы, заставляющие людей заглядывать в неведомое»

Тех двоих, свидетелем гибельного падения которых с Айгерванда стал станционный рабочий дороги Юнгфрау, звали Ули Висс и Карл-Хайнц Гонда, и были они исключительно опытными альпинистами. Что разбудило их страсть к горам? Откуда неослабное стремление взбираться на вершины, которое заставило их, как и многих других, рисковать жизнью в Альпах?

Кое-кто из первых восходителей отправлялся в горы с целью научных исследований. Ученый Конрад Геснер, который свое восхождение на Пилатус в 1555 году отметил тем, что сыграл на альпийском рожке, был известным натуралистом, и им двигало желание узнать, как растения противостоят суровым условиям окружающей среды на большой высоте. В 1765 году двое братьев из Женевы, Жан-Андре и Гийом-Антуан де Люк, взошли на Ле-Буэ, где проделали ряд физических экспериментов: на вершине они замеряли атмосферное давление и изучали влияние высоты на скорость закипания воды. Несколько лет спустя аббат Мюрит, священник из монастыря

Большой Сен-Бернар, поднялся на Велан и при помощи барометра и термометра производил на вершине различные измерения, а также изучал образцы обнаруженных там растений.

Но в дальнейшем альпинисты проявляли мало интереса к научным вопросам; они хотели просто *подняться*. Почему так? В каком-то смысле стремление превзойти, выделиться, стать выше и преуспеть присуще человеческой натуре. (В действительности английское слово *excel* — «превосходить» — происходит от латинского *excelsus*, что означает «высокий».) Те горовосходители, которым удавалось задуманное, в буквальном смысле оказывались на верху мира (те же, кто был религиозен, считали себя приблизившимися к небесам). Но было в этом и нечто большее: для многих альпинистов гора представлялась врагом, и ее нужно было завоевать; гора бросала вызов, и некоторые считали, что обязаны принять этот вызов, чтобы проявить и испытать себя. В «Белом пауке» Генрих Харрер писал, что Северная стена Айгера представляла собой «высшую школу и главный полигон, на котором проверялось, кто достоин по своим качествам звания человека». И, достигнув вершины, альпинисты становились повелителями всего, что представало их

взгляду; они обретали новые возможности, но в то же время открывающиеся грандиозные виды заставляли их чувствовать свое ничтожество, они испытывали страх перед вечностью и грозным забвением, ощущали свою малость в огромном мире и с трепетом и благоговением склонялись перед величием природы. Многие альпинисты находили подобную смесь чувства беспомощности и триумфа от победы необычайно опьяняющей.

Немалое число альпинистов говорили, что рискуют жизнью на горных склонах по сугубо личным причинам, — хотя не всегда эти причины поддаются осмыслению и могут быть выражены словами. В книге «Восхождения в Альпах» Уимпер написал об «этих таинственных порывах, заставляющих людей заглядывать в неведомое». «От бездн и пропастей мы возвращаемся, становясь мудрее, а кроме того, и сильнее», — писал его собрат, энтузиаст Альп Лесли Стивен, чем, вообще-то, нисколько не прояснил картину. Мишель Паккар, первым взошедший на Монблан, сказал, что свое восхождение он совершил во имя Франции, ради науки и ради собственного удовольствия — именно в таком порядке. В 1843 году после покорения Вайсхорна геолог Джеймс

Форбс заявил, что восхождение на альпийскую вершину сродни военной кампании: «Главным образом, именно это обстоятельство — не знать, что пора сдаваться, пусть даже сражение уже [окончено] — и питало надежды». В фильме Лени Рифеншталь и Арнольда Фанка «Священная гора» танцовщица спрашивает у альпиниста, что он пытается найти в своих восхождениях, и получает загадочный ответ: «Самого себя». Действие поставленного Клинтом Иствудом фильма «Санкция “Айгер”» происходит в Альпах, и один из героев в разговоре, случившемся в ресторане в Кляйн-Шайдегге, задает другому вопрос: «Скажите... они [те, кто взбирается на Северную стену Айгера] поднимаются на гору вследствие необходимости утвердить себя как настоящих мужчин или это скорее компенсация за чувство неполноценности?»

Не случайно величайшая эпоха альпинизма пришлась на правление королевы Виктории, как и то, что многие из тех, кто отправлялся на покорение горных пиков, были англичанами. В конце концов, это было время географических открытий и экспедиций, а высочайшие вершины Альп казались столь же недоступными и бросали такой же вызов, что и Антарктика и Сахара;

попытки завоевать Маттерхорн сродни поискам Северо-Западного прохода или экспедициям к истоку Нила. И вдобавок, в отличие от пустынь и далеких континентов, от Лондона до Альп можно было добраться меньше чем за день пути! Кроме того, восхождение на горы, подобно прочим географических исследованиям, подразумевало подтверждение идеалов викторианской эпохи: мужественности и смелости, находчивости и отваги. Где, как не на пиках Альп, бывшие ученики частных школ из Альпийского клуба могли продемонстрировать твердость характера, решительность, удаль и силу духа, вбитые в них за школьные годы? И в эпоху, когда столь многие места на карте мира были окрашены в розовый цвет, восхождение на горы стало как проявлением, так и подтверждением имперских амбиций. Гэвин де Бир нисколько не скрывал этого, написав в «Альпах и людях» (1932) о «почти прозелитическом рвении, с какой они [члены Альпийского клуба] заявляют о высоких достоинствах своего нового занятия, и корнями это занятие уходит в национальную гордость, испытываемую от того, что последние аванпосты Европы сдаются англичанам». О многом говорят слова одного из восходителей викторианского

времени, преподобного Дж. Ф. Харди, который спел на вершине Лискамма государственный гимн: «Величественный старинный гимн наполняет наши английские сердца счастливыми мыслями о доме и отечестве и о ясных глазах, которые засверкают... в случае нашего успеха».

Рассказ Марка Твена о его попытке подняться на Риф-фельберг, приведенный в книге «Пешком по Европе», представляет собой один из самых замечательных рассказов о горовосхождении в эпоху королевы Виктории; однако наделе это — полный обман, восхитительная сатира на бесконечный поток рассказов о покорениях гор, столь популярных в то время. В экспедиционную партию Твена, как он сообщал, вошли четыре хирурга, геолог, двенадцать официантов, ветеринар, цирюльник и четыре кондитера; список взятого с собой снаряжения и провизии включал в себя две тысячи сигар, шестнадцать окороков, сто пятьдесят четыре зонта и двадцать две лестницы; образовавшийся караван, покидая Церматт, растянулся на 3122 фута. «По мнению всех присутствующих, Церматт до сих пор не видел еще такой блестящей и внушительной экспедиции. [...] У меня и у Гарриса были приготовлены специальные горные костюмы, но мы

решили оставить их дома из уважения к многочисленной публике обоих полов, собравшейся к гостинице, чтобы проводить нас, а также и к туристам, которых мы могли встретить в дороге, мы выехали в вечерних туалетах».

Преследуемая неудачами и нелепыми происшествиями, экспедиция в действительности вылилась в комедию ошибок: уже в пути выяснилось, что проводники прежде никогда не взбирались на Риффельберг: «Инстинкт подсказывает им, что мы заблудились, но доказательства у них нет, кроме только того, что они не знают, где мы находимся». Позднее один из мулов взорвался после того, как случайно попробовал съесть одну из банок с нитроглицерином. «Взрыв был слышен в Церматте, и через полтора часа многие жители были сбиты с ног сильным толчком и серьезно ранены обледенелыми кусками мяса мула». Но все это забавная чушь: в реальности Риффельберг — вовсе не гора, а гостиница, расположенная выше Церматта, до которой легко дойти по дороге. Если идти пешком, то на путь до нее от Церматта потребуется три часа (пародийно-героическое путешествие Твена заняло семь дней); сбиться с дороги невозможно (экспедиция Твена немедленно заблудилась, стоило ей только выступить

в путь); и проводники совершенно не нужны (у Твена их было семнадцать).

Далее в той же книге объектом столь же сатирического восхождения становится Монблан — во-первых, рассказ идет о покорении вершины «по телескопу» из Шамони: при этом нужно «позаботиться о двух вещах: о выборе тихого ясного дня и о том, чтобы не платить вперед за телескоп. Бывали случаи, что при получении денег вперед телескописты заводили таких легкомысленных людей на вершину и оставляли их там на произвол судьбы». Затем в рассказе говорится о виде, открывающемся с вершины и объемлющем череду выдуманных пиков — Вобблегорн, Иодельгорн, Фудлегорн, Диппергорн, Ботлегорн, Садлегорн, Шовельгорн, Паудергорн, а также линию Гатских, Юббельпорских и Аллеганских гор, вдобавок ко всему: «На юге высился дымящийся шпиль Попокатепетль (в действительности — вулкан в Мексике) и недоступные возвышенности несравненного Скраблегорна. На западе-юго-западе словно дремали в пурпурном сиянии великие Гималаи». Эта мешанина из названий вершин, нашпигованная витиевато-скучными пассажами, великолепным образом высмеивает рассказы десятков настоящих горовосходителей, которые

писали о видах с покоренных ими вершин.

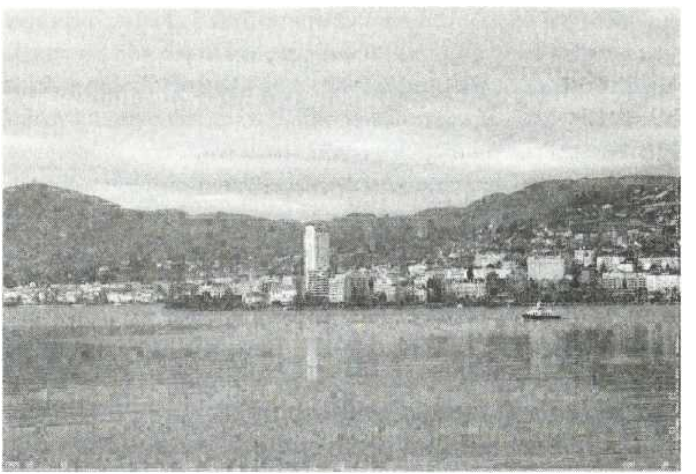
Возвращение к Женевскому озеру

В Альпах много озер. Но в Женевском озере — имеющем форму полумесяца, с лазурно-голубой водой, — есть нечто особенное, что ставит его особняком от всех прочих. Озеро, которое по-французски называется Леман, расположено между Францией и Швейцарией. На северной стороне оно обрамлено полосой шикарных утонченных швейцарских курортов, таких как Монтре и Веве, где виллы стоят на склонах выше аккуратных садиков, которые окаймляют собственно берег озера. Центром притяжения на противоположном берегу является не менее утонченный курортный город Эвиан с его минеральными водами, один из наиболее известных бальнеологических курортов Франции. Восточнее Лозанны и Эвиана озеро окружают подлинно альпийские ландшафты — увенчанные снежными шапками горы, блистающие над тихими водами в лучах солнца, а вверх от Монтре идет горная железная дорога, проложенная мимо террасированных виноградников в сторону горнолыжных курортов Бернского Оберланда.

Сама Женева имеет репутацию, скорее, сте-

рильно-скучного города (не говоря уже о том, что жизнь тут очень недешева): в письме своей сестре русский писатель Достоевский назвал Женеву «городом скучным, унылым, протестантским, тупым и с жутким климатом, но очень подходящим для работы». В Женеве располагаются руководящие органы Организации Объединенных Наций и десятков международных комитетов и организаций, и это — мир, а не горы, и потому ему в этой книге уделено мало внимания. Но само озеро божественно прекрасно. На протяжении двухсот лет писатели и художники приезжали сюда: у истоков этой моды, возникшей в начале XIX века, стояли Байрон и Шелли, и в результате с Женевским озером оказались связаны многие известные имена, в том числе и таких знаменитостей, как актеры Чарли Чаплин, Ричард Бартон и Одри Хэпберн, писатели Эдвард Гиббон, Т. С. Элиот, Генри Джеймс и Виктор Гюго, а из «звезд» не столь давних лет — певец Фредди Меркьюри. Многие приезжают сюда отдохнуть в покое или под старость, кое-кто здесь и оканчивает свои дни; их привлекает сюда яркое солнце летом, ласковые легкие ветерки зимой, чудесные окрестные виды, материальное изобилие и роскошь, а также художественные выставки, литературная тради-

ция и эксклюзивность фешенебельных курортов. В своей книге о Швейцарии, увидевшей свет в 1950-х годах, Джон Расселл писал: «Здесь и только здесь эти высокопоставленные плуты, пережившие всех и вся, эти павлиноглазки западной цивилизации могут продолжать наслаждаться вечным июлем своего праздного существования». Прошло больше полувека, но достаточно лишь одного взгляда на почтенных, изысканно одетых, говорящих вполголоса жителей городков на берегу озера, чтобы удостовериться, что слова Расселла до сих пор верны.

Вид на Монтре с Женевского озера.
Фото О. Королевой

И еще озеро окутывает необычайно меланхолическая атмосфера. Трудно определить ее точную природу: вероятно, дело в громадных унылых отелях, выстроившихся вдоль берега и все еще цепляющихся за тайную гордость былой эпохи утонченности и почтительности, которая ныне практически исчезла; или, может статься, виной тому ощущение мимолетности жизни: в конце концов, люди ведь приезжают сюда умирать или выздоравливать — на берегах озера, купающихся в прохладном воздухе и убаюканных мягким светом.

Где, как не в Веве, лучше всего проникнуться этой атмосферой свинцового безмолвия, ведь именно этот курорт тонкая наблюдательница Анита Брукнер сделала местом действия своей повести «Отель “У озера”». Хотя в книге Веве и Женевское озеро ни разу прямо не упомянуты, приведенные в повести описания пика Уш, громоздкой скалистой горы, смотрящей на курорт напротив озера, и «костлявого силуэта развалин замка тринадцатого века», который может быть лишь Шильоном, подсказывают, что ее действие происходит только там и нигде больше.

Героиня повести — Эдит Хоуп, одинокая женщина среднего возраста, высокомерная и осмотрительная, «автор любовных романов, выходящих под гораздо более звучным псевдонимом, чем ее собственное имя». Книга начинается с того, что Хоуп приезжает в гостиницу на берегу озера. Туристический сезон окончился, и озеро, казалось, растворилось в серой пелене, пик Уш затянут легким туманом — «темносерая громада», встающая из неподвижных вод. «Стоял конец сентября, и сезон подошел к концу» — так начинается описание курорта.

«Туристы разъехались, цены упали, и приезжих не соблазнял этот прибрежный городок, чьи жители, изначально не склонные к общительности, нередко и вовсе впадали в молчание из-за плотных туманов, которые опускались на несколько дней, а потом внезапно рассеивались, являя взору обновленный ландшафт, пестрый и непредсказуемый, — скользящие по озерной глади лодки, пассажиров на пристани, рынок под открытым небом... Ибо это была земля бережливо сбираемого в закрома изобилия, земля, подчинившая себе своеволие человека и не сумевшая совладать только со строптивой погодой... Городок [Веве] готовился залечь в долгую спячку.

Зимой сюда не приезжали: здесь было слишком уныло, слишком далеко до снегов, слишком мало красот, чтобы привлечь отдыхающих».

Все постояльцы отеля «У озера» были определенного возраста и обладали определенной утонченностью и стилем; все они приехали отдохнуть или восстановить пошатнувшееся здоровье. «Само собой разумелось, что они будут отвечать требованиям отеля в той же мере, в какой отель соответствует их ожиданиям... В то время как молодое разноплеменное поколение рвалось под солнце, на пляжи, кишело на дорогах и в аэропортах, отель “У озера” тихо, временами просто неслышно гордился тем, что не имеет с этими юными толпами ничего общего». Об отеле знали врачи, знали многие адвокаты, туристические агенты и коммивояжеры — нет. Отель «У озера» представлял собой «бесстрастное, исполненное чувства собственного достоинства здание, почтенный дом, верное традициям заведение, привыкшее оказывать гостеприимство лицам рассудительным, состоятельным, удалившимся от дел, предпочитающим держаться в тени, уважаемым — постоянным своим клиентам ранней туристической эпохи. Заведение почти не прилагало усилий к тому, чтобы приукра-

сить себя ради случайных постояльцев, которых неизменно презирало. Мебель в нем была хотя и строгая, но превосходного качества, постельное белье безукоризненно чистое, обслуживание — безупречное». Отель гордился своей высокой репутацией и традициями: «...редкие фигуры на веранде, глубокое безмолвие в вестибюле, отсутствие приглушенной музыки, телефонов-автоматов, объявлений о разного рода экскурсиях по живописным местам и доски с указаниями, где и что следует посмотреть в городке. Не было ни сауны, ни парикмахерской и, уж конечно, стеклянных витрин с ювелирными изделиями; бар был темный и маленький, суровой своей обстановкой не располагавший к тому, чтобы в нем задерживались сверх необходимого».

Именно в таком вот изысканном, тихом отеле Эдит Хоуп начинает забывать тот досадный поступок, который вынудил ее отправиться в добровольную ссылку (хотя и не без подсказки подруги в Англии); и именно в этом месте у Эдит начинается осторожный роман с утонченным и богатым мистером Невиллом.

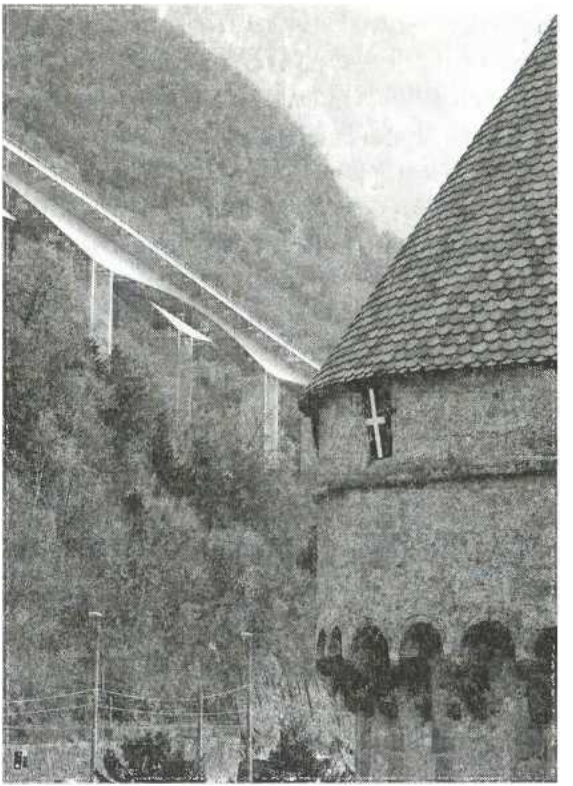
«Отель “У озера”» неизбежно напрашивается на сравнение с другим произведением, которое было написано на сто лет раньше и действие

которого также происходит в Веве. Героиня романа Генри Джеймса «Дэзи Миллер» — ее имя вынесено в заглавие — очаровательная, но непостоянная и своевольная молодая американка, приезжает на курорт во время продолжительного вояжа по Европе; как и Эдит Хоуп, она увлекается поклонником, которого в конце концов решает отвергнуть. Свой роман Джеймс писал в 1878 году, когда у Веве, по его мнению, появились «некоторые черты, роднящие город с американскими курортами. Глаз и ухо улавливают здесь картины и отзвуки таких мест, как Ньюпорт или Саратога». Действие романа происходит в то время, когда в гранд-отелях на берегу озера останавливались совершенно здоровые туристы-иностранцы, благопристойные и понимающие свое положение в обществе, — скорее всего, постояльцев такого рода и не хватает хозяевам отеля «У озера».

Генри Джеймс родился в Нью-Йорке, но учился в Париже и в Женеве, поэтому он был хорошо знаком с манерами и поведением американцев в Европе. В «Дэзи Миллер» его героиня с насмешкой относится к закоснелым социальным условностям Старого Света, но при этом производит впечатление дерзкой, пусть и наивной невинности. Дэзи интересна Европа, но, когда она

попыталась углубиться в европейскую культуру и историю, это оказалось девушке совсем не по силам: ей наскучил Шильонский замок, куда она отправилась со своим спутником, и тот с неудовольствием замечает: «История Средневековья мало интересует мисс Дэзи, мрачное прошлое Шильонского замка не действовало на ее воображение... История Бонивара [узника, чью историю изложил Байрон в своем сочинении] вошла ей в одно ухо и вышла в другое».

Хотя действие второй части романа «Дэзи Миллер» происходит в Риме, трудно удержаться от предположения, что в книге Брукнер содержатся аллюзии на те же вопросы, что волнуют и Дэзи, раз местом действия своей повести она выбрала тот же самый приозерный курорт. Вряд ли удивительно, принимая во внимание живописную привлекательность городка Веве, что оба романа были экранизированы: «Дэзи Миллер» поставил в 1974 году американский режиссер Питер Богданович, а «Отель “У озера”» сняли в 1987 году на Би-би-си, с Анной Мейси и Дэнхольмом Эллиотом в главных ролях.

История и современность: Шильонский замок и автострада по соседству.

Фото О. Королевой

С тех пор еще в одном фильме использовали меланхолическую красоту Женевского озера в качестве декораций, на фоне которых протекает любовный роман. «Аромат Ивонны» (1994) начинается с прохода парохода по озеру; сцена снята великолепно — на широком экране бьющий в глаза свет сверкает на воде, и швейцарский флаг яростно развевается на ветру за кормой корабля, пока тот скользит в сторону далекой, затянутой туманной дымкой береговой линии. Действие фильма происходит в 1950-е годы, и между главными героями — юношей, мечтающим стать писателем и скрывающимся в Швейцарии от призыва на военную службу, и честолюбивой актрисой, обладающей соответствующей ледяной красотой, — завязывается страстный роман. Они случайно встречаются на берегу озера, где беззаботно проводят лето, не обременяя себя крепкими социальными и эротическими связями. Как и в книгах «Отель “У озера”» и «Дэзи Миллер», события фильма отчасти происходят в мрачном мире невеселых, но дорогостоящих отелей на берегу озера, и суровость этого окружения резко контрастирует с силой и глубиной чувств молодых любовников. Картина создана известным французским кинорежиссером Патрисом

Леконтом; ее богатая визуальная атмосфера, с великолепно снятыми прибрежными садами и прекрасно переданными дневными туманами на сверкающей воде, великолепно формирует сцену для трогательного, но короткого любовного романа, который с такой глубиной и страстью больше никогда не повторится.

Фешенебельное общество Женевского озера

Истоки литературного, художественного и интеллектуального наследия Женевского озера можно отыскать в грандиозном шато в деревне Коппе, на северном берегу самой западной части озера. Этот элегантный уединенный дом, относящийся к XVIII веку, был построен Жаком Неккером, перед самой Великой французской революцией занимавшим пост министра финансов французского короля Людовика XVI. Неккер сам был непосредственным свидетелем коррупции властей в Париже (и даже оставил об этом подробные документы) и, ощущая приближение революции, приобрел шато в качестве убежища, где он мог бы укрыться от гнева противников монархии. Впоследствии его дочь Жермена вышла замуж за шведского барона де Сталь-Гольштейн, и с 1790-х годов мадам де Сталь превратила шато

в богемную гавань для интеллектуалов и писателей — они приезжали сюда побеседовать, послушать речи, обсудить в библиотеке пьесы и воздать должное щедрым угощениям на званых вечерах. «Первая общая трапеза начиналась в одиннадцать часов утра, и с того времени мадам де Сталь, не ведая жалости, заставляла гостей делиться с остальными своими талантами и впечатлениями вплоть до полуночи, когда, по словам одного из постоянных гостей, “нужно было либо отправляться спать, либо продолжать вести беседу”», — писал в «Швейцарии» Джон Расселл.

Побывав в гостях у мадам де Сталь, герцог Веллингтон заметил, что она — «самая приятная женщина... пока вы не затрагиваете вопросы политики». Байрон был заинтригован ее славой, но он тоже выражал недовольство ее пространными речами и предупреждал своего врача, чтобы тот при встрече с ней «говорил как можно меньше и только тогда, когда она к нему обратится. Она встречалась со всеми, и после Гёте, Шиллера и Наполеона мы все стоим куда ниже». Сама же мадам де Сталь была широко известной писательницей и выступала особенно непримиримым критиком Наполеона; она умерла в 1817 году в

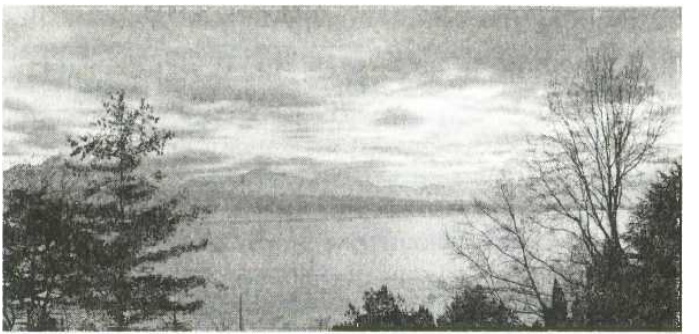
возрасте пятидесяти одного года. В настоящее время старый дом принадлежит ее потомку, графу Оссонвиллю, который бывает тут наездами, но разрешает любопытным туристам посещать свое родовое гнездо. Если вы совершите сюда вылазку, то пройдете через ворота из кованого железа, на которых по-прежнему красуются буквы NC — монограмма Жака Неккера и его жены Сюзанны Кюршо; миновав внутренний дворик, окажетесь в комнатах, обставленных превосходными образчиками мебели XVIII века и украшенных изящными китайскими обоями.

Северный берег озера между Коппе и Женевой застроен тихими и очаровательными деревнями. Одна из них, Колонии, приобрела себе литературное имя во времена расцвета «Парламента европейского мнения» мадам де Сталь, который почти всегда заседал чуть дальше по побережью. Тут в 1639 году побывал поэт Джон Мильтон, а почти двести лет спустя на виллах Колоньи нашли себе временное пристанище Байрон и Шелли, которые проводили время в лодочных прогулках по озеру, в беседах и творческих исканиях; именно здесь Байрон сочинил несколько частей «Паломничества Чайльд-Гарольда», а у Мэри Шелли родился замысел «Франкенштейна».

Сегодня это место известно как «Беверли-Хиллз Женевы», так как его облюбовали для своих резиденций многочисленные мировые кинозвезды и знаменитости. (В городской «Библиотеке Бодмериана», фонды которой насчитывают 160 000 томов, хранятся один из немногих дошедших до нас экземпляров «Библии Гутенберга» и самый старый из сохранившихся экземпляр Евангелия от Иоанна.)

Направляясь вдоль берега озера на восток от Колоньи (хотя из-за того, что озеро имеет форму полумесяца, двигаться, скорее, придется на север), путешественники проезжают по прибрежной железнодорожной ветке мимо Коппе в Селиньи, также тесно связанных с кинематографом. Здесь провел последние месяцы своей жизни актер Ричард Бартон — на вилле Пэй де Галле («Земля дубильных орешков»), названной так в честь его родного Уэльса; это весьма скромный дом, и Бартон похоронен в столь же скромной могиле в деревне Вье-Симитьер. Далее, в Толошеназе, где озеро становится шире, находится домик Одри Хэпберн: она жила здесь с 1963 года и до самой смерти в 1993 году. В доме был прелестный музей великой киноактрисы, в экспозиции которого представлены обе полученные ею статуэтки пре-

мии «Оскар», личное письмо Сэмюела Голдвина и то самое черное платье, которое она носила в фильме «Завтрак у Тиффани». (В 2002 году музей закрыли по инициативе ближайших родственников Хэпберн, заявивших, что он становится чересчур коммерциализированным.)

Женевское озеро у Лозанны.
Фото О. Королевой

В десяти километрах от Толошеназа склоны, поднимающиеся от берега озера, становятся круче, и в поле зрения во всем своем великолепии вырастают горы, окружающие восточную оконечность озера. На северном берегу, среди поистине альпийских ландшафтов, красуется Лозанна, один из самых живописно расположен-

ных городов Швейцарии. Это старинный город, с римскими развалинами у самого озера, но за столетия городской центр переместился вверх по склону, и в настоящее время кафедральный собор, железнодорожный вокзал и старый город стоят на череде террас, ступенями поднимающихся от садов и променадов, что протянулись вдоль кромки воды. (Ив результате это, должно быть, единственный город в мире, где поезда используют третий, зубчатый рельс.)

Викто Гюго дал удачное описание вида на город, открывающегося с террасы у собора, и он нисколько не изменился с того времени, как писатель тут побывал: «Над крышами я видел озеро, над озером — горы, над горами — облака, а над облаками — звезды. Это походило на лестницу, и душа моя овладевала новыми высотами, устремляясь, словно по ступеням, по уровням этого города». В настоящее время Лозанна сочетает в себе консерватизм курорта и культурного центра с отчетливым авангардным привкусом: остроты добавляют расположенный тут университет (самый большой в Швейцарии) и проведение таких экстравагантных мероприятий, как ежегодные международные соревнования по катанию на роликовых коньках, когда в город съезжаются

сто тысяч роллеров. У англичан Лозанна всегда пользовалась большой популярностью, и к 1900 году в городе жили сорок отставных английских полковников. Здесь также действовало четыре англиканских церкви, многочисленные английские школы, были площадка для крикета и английская библиотека, где подавали плотный ужин с чаем. Поэтому не удивительно, что в середине XIX века Чарльз Диккенс, совершавший вместе с семьей продолжительное путешествие по континентальной Европе, решил остановиться в этом городе на несколько недель.

Диккенс оставил описание Лозанны и округи в своих воспоминаниях «Путешественник не по торговым делам» (в главе «Путешествие за границу»). Он вспоминал: «В один ясный солнечный день [в 1846 году] я прибыл на лозаннский берег Женевского озера, где стоял, глядя на яркие синие воды, на ослепительную белизну вздымавшихся над ними гор и на колыхавшиеся у моих ног лодки со свернутыми средиземноморскими парусами, которые казались гусиными перьями, вроде того, что сейчас у меня в руке, только выросшими до невероятных размеров». У него была привычка проходить в день по десять миль, неспешно и подробно обдумывая книги, над которыми он

работал, и только потом излагать свои замыслы на бумаге. Диккенс обнаружил, что сельская местность вокруг Лозанны была «зеленой и тенистой от листвы деревьев... с множеством глубоко прорезанных узких долин и маленьких рощиц, и яркие полевые цветы росли в изобилии». В самом городе он с радостью увидел, как много торговцев книгами толпится «на крутых, будто волнами идущих вверх и вниз улицах». В Лозанне писатель начал работу над романом «Домби и сын», при возможности читая его части своим друзьям, в том числе и Теккерею, который потом вспоминал, как собрат-романист угощал его бисквитами и вином «Либфраумильх». Действие романа, происходящее в мрачных фабричных городках севера Англии, будто специально отнесено как можно дальше от солнечных окрестностей Лозанны.

Диккенс — не единственный писатель, чье имя связано с городом. В 1780-х годах в доме рядом с площадью Святого Франциска жил английский историк Эдвард Гиббон, там он писал свой знаменитый труд «История упадка и разрушения Римской империи». Судя по всему, от Лозанны у него осталось впечатление, совершенно отличное от того, какое город производил на по-

следующие поколения писателей. Гиббон писал: «Неестественность есть первородный грех [Лозанны]... неестественность богатства, знатности и интеллекта — первые два здесь очень часты, а последнее — крайне редко». Значительную часть «Шильонского узника» Байрон создал в 1816 году в Уши, что на прибрежной полосе Лозанны, и, будучи здесь, он разыскивал тот летний домик, где Гиббон писал свой монументальный труд, но обнаруженные развалины его разочаровали. Тем не менее, сорвав в разросшемся без ухода саду несколько розовых листочков и цветков акации, он отослал их в Лондон своему издателю Джону Мюррею. Примерно в то же время, что и Байрон, здесь побывал Роберт Саути, плодовитый эссеист и биограф, который стал в 1813 году поэтом-лауреатом; Саути заявил, что если бы он решил обосноваться на континенте, то больше всего ему хотелось бы жить в Лозанне. Сто лет спустя, в 1921 и 1922 годах, тут над частями своей «Бесплодной земли» работал Т. С. Элиот; тогда он поправлялся после нервного расстройства. «У вод леманских сидел я и плакал...», — одна из строчек, какими в поэме характеризуются отчужденность и отчаяние.

По соседству с Лозанной, в двадцати километ-

рах от нее, находятся городки Веве и Монтре, вероятно, самые знаменитые курорты на швейцарской стороне озера. Напротив них, на французском берегу, чередой растущих пиков, среди которых доминирует Ош (2222 м), круто поднимаются Савойские Альпы. А от Монтре по крутой железнодорожной ветке мимо богатых вилл с тщательно ухоженными садами позади домов и фантастических видов, углубляясь в виноградники, а затем в леса, взбираются маленькие поезда, направляющиеся к горным деревенькам — Грюйеру и Гштаад.

Веве и Монтре связаны с миром литераторов более двух столетий. Когда сюда в XIX веке приезжали такие знаменитости, как Байрон и Тернер, на террасе лепилась лишь узкая цепочка домов, в непосредственной близости от озера; как видно на картине Тернера, изображающей Шильонский замок в 1802 году, на склонах над дорогой и замком нет домов, они отведены для виноградной лозы или под горные пастбища. Сегодня пейзаж узнать трудно: на обращенных к югу склонах выше обоих курортов сплошь белеют виллы, блестя в солнечных лучах точно так же, как сверкает само озеро.

Со временем Веве приобрел репутацию места

солидного и степенного, оставшись в стороне от дерзкой порывистости Монтре и космополитичности «больших» городов, Лозанны и Женевы. (Он знаменит также тем, что здесь находится штаб-квартира фирмы «Нестле», крупнейшей в мире многонациональной корпорации, чей офис занимает на удивление скучное и неинтересное административное здание, рядом с главной дорогой и линией железной дороги в западной части города.) Город уже давно связан с именами писателей: в 1853 году Теккерей писал здесь часть «Ньюкомов», позже Достоевский создавал «Игрока», а Гоголь — «Мертвые души». Ныне здесь даже есть «Тропа поэтов» — пешеходная дорожка через Веве, где скамейки на берегу озера посвящены разным писателям, чьи имена связаны с городом. Если нажать кнопку, можно прослушать отрывки из сочинений каждого из писателей, одновременно любуясь теми же видами, что их вдохновляли. Из авторов современных, связанных с Веве, можно назвать Грэма Грина, который жил в близлежащей деревне Корсо вместе со своей подругой Ивонн Клоэтта; он скончался в апреле 1991 года и похоронен на местном кладбище. Вероятно, есть некоторая ирония в том, что Грин похоронен в Швейцарии, поскольку под его пером роди-

лась самая убийственная критика этой страны; знаменитые слова появились в киносценарии «Третьего человека», классического фильма 1949 года. В нем Грин вывел героя по имени Гарри Лайм — его роль сыграл Орсон Уэллс, — который замечает: «В Италии за тридцать лет при Борджа у них были война, террор, убийство, резня, но они дали Микеланджело, Леонардо да Винчи и Ренессанс. В Швейцарии — братская любовь и пятьсот лет демократии и мира. И что они дали? Часы с кукушкой». (Английский сатирик Алан Корен как-то остроумно сказал, что швейцарцы просто должны были изобрести часы с кукушкой, поскольку прочие их основные продукты, и снег, и шоколад, со временем тают; но, так или иначе, Гарри Лайм ошибался, так как часы с кукушкой — изобретение немецкое, родом из Баварии.)

Утонченный образ жизни Веве также привлекает кинозвезд, и на маленьком кладбище в тихой деревне Курсье покоится прах двух голливудских легенд, которые провели здесь последние годы жизни, — Джеймса Мейсона и Чарли Чаплина. Джеймс Мейсон проработал в кино пятьдесят лет, сыграл такие роли, как Брут в «Юлии Цезаре» (1953), капитан Немо в «Двадцати тысячах лье под водой» (1954) и Гумберт Гумберт в «Лолите»

(1963); примечательно, что в основе последнего фильма, где снимался Мейсон, — «Доктор Фишер из Женевы» (1984), лежит роман Грэма Грина. Соседом Мейсона по Веве был Чаплин, который перебрался сюда в 1952 году после того, как его подвергли в США травле в годы деятельности пресловутой комиссии Маккарти. И он прожил на вилле в холмах над озером вплоть до самой смерти в 1977 году. Он похоронен, как и его жена Уна, в могиле, на которой нет ни украшений, ни фотографии, только утопающий в желтых и фиолетовых цветах большой надгробный камень с их именами. В честь Чаплина в Веве теперь проводится международный фестиваль комедийных фильмов, а на берегу в 1989 году в честь столетия со дня рождения великого актера была установлена статуя — Чарли в характерной позе, в мешковатых брюках, с тросточкой в руке и с котелком на голове.

«Монтре, по контрасту [с Веве], — город бестолковый, временный... в нем нет ничего такого, что было бы интересно само по себе», — писал Джон Расселл. Хотя в Монтре бывали отдельные писатели, в том числе Шелли и Байрон, в нем всегда присутствовал какой-то налет дерзкой вульгарности. Нельзя сказать, что городок об-

делен визитами литературно-художественных знаменитостей, в этом отношении он мог бы посоперничать и с Веве. Здесь Андерсен сочинил сказку «Ледяная дева», в близлежащем Кларане Чайковский в 1877 году приступил к работе над «Евгением Онегиным», а между 1911 и 1914 годами Стравинский создавал «Весну священную». «Кларан, Кларан! Приют блаженства милый! — писал Байрон в «Чайльд-Гарольде». — Твой воздух весь любовью напоен». Разумеется, это тот самый Кларан, где происходит действие «Новой Элоизы» Руссо, — хотя путеводитель Мюррея XIX века отзывается об этом месте довольно-таки оскорбительно, утверждая, что Кларан «намного менее привлекателен, чем многие соседние городки, и своей славой он, вероятно, обязан звучному названию, которому самое место на страницах любовного романа. То место, где все хотят найти “рощицу Юлии”, ныне отдано под картофельное поле».

Памятник Владимиру Набокову перед отелем «Палас».

Фото О. Королевой

Владимир Набоков прожил последние шестнадцать лет своей жизни в апартаментах гостиницы «Монтре Палас-отель» и похоронен в Кларане, а Ноэль Кауард жил в ЛеАванте, в горах над курортом. Когда он покупал свою виллу, то деревья отчасти заслоняли вид на Монтре и озеро, так что Ян Флеминг шутливо заметил: «Только Ноэль Кауард мог купить в Швейцарии дом без вида»; на что Кауард ответил: «Наоборот, дом смотрит

на выгоды системы налогообложения». Деревья, закрывавшие вид, вскоре срубили, и дом позднее получил прозвище «шале Кауарда» (или даже «Дурацкое шале»). Подобно многим писателям и актерам, которые поселялись у Женевского озера, Кауард хотел, чтобы его дом окружали горы, тем самым отгородившись от современного ему мира; он страстно хотел в Ле-Аванте покоя и уединения, духовного и физического, — и обрел их. (В отличие от большинства знаменитостей, живших рядом с Женевским озером, упокоился Кауард не здесь; он умер и похоронен за тысячу миль отсюда, на карибском острове Ямайка.)

Еще в числе знаменитостей, чьи имена связаны с Монтре, можно отметить актера, писателя и остряка Питера Устинова, который жил на курорте до самой смерти в марте 2004 года. Устинов был удостоен «Оскаров» за актерскую игру в фильмах «Спартак» (1961) и «Топкапи» (1965), но на закате жизни он отошел от артистической карьеры, посвятив себя деятельности в качестве посла ЮНИСЕФ, фонда помощи детям при ООН, и опубликовал немало романов; действие одного из последних, сатирического «Месье Рене», происходит среди шикарных женевских международных отелей. Погребен Устинов на кладбище Бурсен в

Ньоне, немного западнее вдоль берега озера.

Некая легкомысленность современного Монтре связана со знаменитостями совершенного иного толка — многих «звезд» из мира рок-музыки и шоу-бизнеса привлекают проходящие здесь ежегодно фестивали джазовой и рок-музыки, известные на весь мир. Город давно включен в маршруты концертных турне различных рок-групп. В 1971 году во время концерта Фрэнка Заппы в казино Монтре кто-то в толпе запустил сигнальную ракету, от которой загорелся потолок; языки пламени, поднявшиеся над городком и озером, увидел Ян Гиллан, ведущий вокалист группы «Дип пепл», который жил в отеле неподалеку. Впоследствии, вдохновленный увиденной им картиной пожара, Гиллан написал знаменитую песню «Дым над водой». В менее отдаленные времена у Фредди Меркьюри, вокалиста рок-группы «Куин», был дом в окрестностях Монтре, в Террите; и он однажды сказал: «Если ваша душа желает обрести покой, езжайте в Монрте». Меркьюри прожил в Монтре последние месяцы жизни и умер в 1991 году от СПИДа. Через четыре года члены группы «Куин» выпустили последний свой альбом «Сделано на небесах», который главным образом включал в себя до

того не выпускавшиеся материалы, записанные еще при жизни Меркьюри. На легко узнаваемой обложке альбома певец запечатлен возле своего шале на озере, в закатных лучах его силуэт четко вырисовывается на фоне прозрачной воды и далеких гор.

Памятник Ф. Меркьюри в Монтре.

Фото О. Королевой

Поскольку его прежняя вилла находится в частном владении и туда никого не пускают, теперь фанаты Меркьюри собираются в Монтре на Рыночной площади (Пляс-дю-Марше) возле озера, где установлена бронзовая статуя певца, изображающая его в характерной позе; он держит радиомикрофон, вскинув в победном жесте правую руку, словно бы стоит перед толпой из десятков тысяч фанатов на стадионе во время знаменитых грандиозных концертов «Куин». На табличке возле статуи сказано просто: «Фредди Меркьюри, любил жизнь и пел».

Окружающий Монтре ландшафт — один из самых примечательных и характерных для Альп, другой такой вряд ли можно найти. Железнодорожный вокзал расположен на уступе над озером, и узкоколейные поезда со скрежетом отправляются вверх по склону, к Гштааду и Бернскому Обервальду, а озеро, по мере того как составы движутся мимо разбитых на склонах виноградников, все больше и больше походит на сверкающий драгоценный камень. К пристаням на берегу озера причаливают суда, приплывающие из Сен-Женгольфа и Эвиана во Франции. Позади этих портов на южном берегу начинаются предгорья

высящегося далее массива Монблана — могучей цепи ступенчато возвышающихся пиков, среди которых — пики Ош (2222 м) и Мон-Буэ (3094 м) и, наконец, сам Монблан.

В наши дни вершина Монблана буквально облеплена альпинистами. Порой в ясное летнее утро на его заснеженном пике не хватит места, чтобы сесть — можно только стоять. И сейчас люди сталкиваются с теми же самыми трудностями, какие стояли перед теми, кто впервые восходил на эту гору в далеком XVIII столетии, — холод (даже в июле), высотная болезнь и изнурение. Но ощущение триумфа, охватывающее человека при достижении вершины, в настоящее время подпорчено осознанием того, что подобные чувства испытывали другие, и очень, очень многие. Когда в 1786 году Бальма и Паккар впервые покорили гору и когда в 1816 году Перси Шелли любовался из Шамони заснеженной вершиной и сложил в ее честь свою известную поэму, Монблан все еще оставался «проклятым»; теперь же под Монбланом проложен автомобильный туннель, три четверти пути до вершины можно одолеть по канатной дороге, и на склонах горы сооружены альпинистские хижины и приюты, где могут передохнуть те, кто отправляется покорять белую

вершину, — а таковых ныне ежегодно насчитываются сотни. Безмятежный и милосердный (но по-прежнему уносящий каждый год по нескольку жизней), Монблан выступает очевидцем всего спектра событий в истории и геологии Альп: гора поднимается в результате взаимного сдавливания мощных тектонических плит; ее склоны стачивают ледники, берущие начало на грандиозных просторах снежных равнин; в разные эпохи ее считали местом обитания фантастических чудовищ и страшных бесовских созданий, она бросала вызов альпинистам и инженерам; на протяжении двух столетий Монблан превозносили писатели, ему льстили туристы, а снега на его склонах рассекали лыжами спортсмены.

Однако, вопреки всему, девственная природа его внушающей страх громады остается нетронутой. В своей «Оде Монблану» Шелли писал о том, как на горных склонах «гиганты хвои лепятся по скалам», как, клонясь под ветром, «они поют торжественный хорал»; далее поэт описывает, как «с восторгом и возвышенным, и странным» он глядит на радуги, протянувшиеся над неземными водопадами, и слушает шум бушующего потока Арва и крики кружащих орлов. Спустя двести лет почти все, что видел Шелли, может увидеть и се-

годняшний турист, стоит только ему как следует присмотреться; прочитайте еще раз поэму Шелли — она напомнит о том, сколь многое в Альпах по-прежнему остается «недвижным, недоступным и ясным», — там, где, несомненно, до сих пор возможны пустота, безгласная и безжизненная от века, и неудержимый полет воображения...

Библиография и книги для дальнейшего чтения

Путеводители

С практической точки зрения для сегодняшних путешественников превосходно подойдут многочисленные книги из серии «Rough Guides», которые дают прекрасный обзор Альп, а также содержат статьи о различных аспектах политики, культуры, истории и общества этого региона. Особенно ценны «Краткий путеводитель по Швейцарии» и «Краткий путеводитель по Австрии»; отдельные главы из «Краткого путеводителя по Словении» и «Краткого путеводителя по Италии» прекрасно освещают соответствующие альпийские районы этих стран. Мишленовские «Французские Альпы» из серии «Green Guide» и книга о Баварии из серии «Lonely Planet» подробно рассказывают об альпийских областях Франции и Германии.

Часть первая: Ландшафт

Книга Ричарда Форти «Земля: сокровенная история» — великолепный рассказ о геологии Альп и о том, как была раскрыта природа их фор-

мирования. Кому-то эта книга может местами показаться чересчур сложной, рассчитанной на специалистов, но Форти обладает хорошим стилем и умудряется превратить историю развития наук о Земле, в иных отношениях сухую и скучную, в занимательное повествование с неплохо закрученным сюжетом. Отчасти книга представляет собой травелог, и свой рассказ о Земле Форти ведет, одновременно описывая собственные путешествия в столь отдаленные друг от друга уголки земного шара, как Исландия, Гавайи и Новая Зеландия.

Часть вторая: История

В «Первой мировой войне» (1994) Мартина Гилберта дан всесторонний обзор различных сражений, происходивших в тот период в Альпах.

Часть третья: Образы

Книга Элмы Дэнджерфилд «Байрон и романтики в Швейцарии» (1978) представляет собой краткий, но яркий рассказ о пребывании Байрона и Шелли в Альпах в начале XIX века. В продаже имеются многочисленные издания «Франкенштейна» Мэри Шелли. Поэтические произведения Байрона, Вордсворта и Шелли не раз публиковались в многочисленных изданиях.

Существуют десятки англоязычных изданий

книги «Хайди»; однако книги о Кекече на английский язык не переводились.

Разнообразные сведения об «Орлином гнезде» и Берхтесгадене Иэн Кершоу включил в отличающуюся поразительной детальностью биографию Гитлера («Часть первая. Гордость» и «Часть вторая. Возмездие»). Биография Лени Рифеншталь, написанная Одри Салкенд, вышла в 2004 году.

В своей удивительной книге «Горы памяти» альпинист и историк Роберт Макфарлейн (2003) рассказывает о том, каково было отношение к горам в разных частях мира и в различные исторические эпохи, начиная со Средневековья и вплоть до нашего времени. Речь в ней идет главным образом об Альпах, но отдельные главы в книге посвящены также восхождениям в Андах и Гималаях. В обширном исследовании Саймона Шамы «Ландшафт и память» хорошо описано, как с зарождением и развитием романтизма в XVIII веке изменились взгляды на горные ландшафты.

Часть четвертая: Туристы

В работе Алана Силлитоу «Поводырь слепцов: столетие путешествий по справочникам. 1815-1914» (1995) приводятся и обсуждаются многие цитаты из туристических справочников и путеводителей, таких как «Мюррей» и «Бедекер»; в

своей книге автор исследует, как в первые дни эпохи массового туризма путеводители помогали в путешествиях по Европе и Ближнему Востоку и каким образом они воодушевляли первых туристов. Книги Р. Л. Дж. Ирвинга «Альпы» (1947) и Джона Рассела «Швейцария» (1950) представляют собой нечто среднее между травелогом и практическим туристическим справочником, что позволяет постичь сущность путешествий по Альпам в середине XX века, ухватить главное в явлении альпийского туризма. Обе книги, однако, давно не переиздавались.

В наше время выпущено множество изданий очерковых сборников Марка Твена «Пешком по Европе» и «Простаки за границей».

В книге «Дикие снега: история Монблана» Уолта Ансворта (1986) подробно излагается история попыток покорения Монблана, в том числе описывается первая успешная попытка восхождения на него в 1785 году и порожденные ею ожесточенные споры. Классическая книга Генриха Харрера «Белый паук», появившаяся в 1959 году и увлекательно рассказывающая о различных восхождениях на Северную стену Айгера, была переиздана в 1995 году. Свою подробную и занимательную книгу «Как англичане

покорили Альпы» (2000) Джим Ринг посвятил исследованию того, какое влияние на Альпы на протяжении XIX века оказывали английские пионеры туризма, зимних видов спорта, альпинизма и инженеры-дорожники. О восхождениях на вершины Альп в ту же эпоху рассказывается в книге Фергуса Флеминга «Убивая драконов» (2000); в ней автор подробно и интересно пишет о том, как были повержены «драконы», которые, как считалось, обитали среди пиков, — постепенно, один за другим, по мере того как человек завоевывал новые вершины. Классическая книга об альпинизме «Восхождения в Альпах» Эдварда Уимпера переиздана в 2002 году.